

ISSN 1818-4936

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АСТРАХАНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2010
№ 1 (33)

Журнал издается с 2000 г.

*Журнал включен в перечень изданий, утвержденных ВАК
для публикации основных результатов
диссертационных исследований
по филологическим специальностям*

Астрахань
Издательский дом «Астраханский университет»
2010

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2010
№ 1 (33)

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор *Г.Г. Исаев*

Редакционный совет:

- Н.Ф. Алефиренко*, д-р филол. наук, проф. Белгородского государственного университета;
Х. Баран, д-р филол. наук, проф. Университета Олбани, США;
В.Г. Вестстейн, д-р филол. наук, проф. Амстердамского университета, Нидерланды;
Р. Вроон, д-р филол. наук, проф. Калифорнийского университета, США;
Г.Г. Глинин, д-р филол. наук, проф. Астраханского государственного университета,
В.А. Гутман, канд. пед. наук, доц., министр образования Астраханской области;
А.А. Данилов, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории
Московского педагогического государственного университета;
А.А. Демченко, д-р филол. наук, проф. Педагогического института Саратовского университета,
В.И. Карасик, д-р филол. наук, проф. Волгоградского педагогического университета,
Е.А. Лукьяненко, зам. председателя Правительства Астраханской области;
А.П. Лунёв, д-р экон. наук, проф. Астраханского государственного университета;
А.Н. Чумаков, д-р филос. наук, проф.,
первый вице-президент Российского философского общества, г. Москва

Редакционная коллегия:

Ю.А. Повх, **отв. секретарь**;

- С.В. Виноградов*, д-р истор. наук, проф., зав. кафедрой истории и архивоведения
Астраханского государственного университета;
П.В. Казаков, канд. истор. наук, доц. кафедры истории России
Астраханского государственного университета;
Л.П. Гвоздарёва, канд. экон. наук, доц. кафедры экономической теории
Астраханского государственного университета;
Е.А. Мясоедова, канд. пед. наук, доц., ректор Астраханского института
повышения квалификации и переподготовки;
Л.Я. Подвойский, канд. филос. наук, доц. кафедры философии
Астраханского государственного университета;
Е.М. Стомпель, канд. филол. наук, доц. кафедры английской филологии и СТО
Астраханского государственного университета;
И.Н. Кайгородова, д-р филол. наук, проф. кафедры общего языкознания
Астраханского государственного университета;
А.П. Романова, д-р филос. наук, проф., директор Гуманитарного института
Астраханского государственного университета

Журнал выходит 4 раза в год

Статьи выражают точку зрения автора, с которой редколлегия может не соглашаться.
Все материалы, поступающие в редколлегию журнала,
проходят независимое рецензирование.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК. КОММУНИКАЦИИ

С.Н. Артаев Роль табу и эвфемизмов в коммуникативном поведении калмыков.....	6
Н.М. Барахоева Грамматические формы глагола в ингушском языке	9
Г.С. Белолипская Знаковые фигуры в истории астраханской журналистики первой трети XIX в.	14
М.М. Бичарова Книжное обозрение как разновидность рекламного текста	22
Г.Н. Горлова Жанр <i>светская беседа</i> как форма организации общения в контексте национальной культуры (диахронный аспект)	30
Т.В. Дубровская Речь русских и английских судей как средство организации судебной драмы.....	36
Н.И. Жолдасова Омосуффиксы <i>-ниц(а)</i> в русской морфемике	44
Н.А. Кичикова Гидронимия Республики Калмыкии.....	48
А.Ф. Корлякова Общечеловеческие ценности глазами студентов негуманитарных специальностей	52
Ю.Е. Коченкова Логическое ударение в публичной речи: место и способы создания.....	55
С.И. Маджаева Когнитивное направление и медицинская терминология	66
Л.А. Мельникова Семантическая категоризация грамматических значений в русском языке.....	72
А.А. Нозимов Модели анализа языкового планирования.....	79
Д.В. Осипов Отражение американских ценностей в популярных фильмах	84
М.В. Пителина Импликация модальных значений в рекламных высказываниях	89
А.В. Полонский, Е.С. Абрамова Признаковое поле концепта «Россия» в современном медиадискурсе.....	94
И.В. Приорова Явление несклоняемости в русском языке и специфика его обозначения	101
С.А. Рисинзон Развитие теории речевого этикета	107
М.И. Тибилова Прагматический аспект употребления аббревиатур-инноваций в языке художественной литературы	113
Л.Ф. Хабибуллина Имперский миф в английской литературе эпохи Возрождения	120
Ю.А. Храмова Паремиологическая реализация концептуальной диады «лицемерие – искренность» в русской и английской лингвокультурах	124

М.Ч. Чеерчиев	
Особенности консонантизма дагестанских языков в сопоставлении с русским языком	131
Ф.П. Эбзеева	
Способы номинации животных в карачаево-балкарском языке.....	138

ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

В.В. Аксёнова	
Романное начало в рассказе В. Аксенова «На полпути к луне»	141
Т.Н. Бреева	
Мифологема <i>Россия</i> в историсофском романе начала XX в.	145
М.А. Голованёва	
Язык абсурда в русской драме конца XX в.	151
Д.Н. Жаткин, Е.И. Ильязова	
Д.Е. Мин – переводчик фрагментов поэмы Джорджа Крабба «Приходские списки»	157
Г.Г. Исаев	
Репрезентация природы Ближнего Востока в художественно-документальном дискурсе И. Бунина (цикл «Тень птицы»)	163
Е.В. Кузнецова	
Поэтика рассказов Гайто Газданова 1940-х гг.	172
А.Н. Кунусова	
Формирование венецианского текста в русской литературе	177
И.П. Мардынский	
Творчество Редьярда Киплинга в оценке англоязычной и русской прессы конца XIX – первой трети XX в.	184
Л.В. Спесивцева	
Лирический сюжет поэмы А. Ахматовой «У самого моря».....	191
И.А. Таирова	
Иранская мифология в поэзии И.А. Бунина	196

ВОСПИТАНИЕ. ОБРАЗОВАНИЕ. ШКОЛА

Г.Г. Ибрагимов	
Этническая музыка в ритмической гимнастике	201

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА. ТЕОРИЯ ПРАВА

А.А. Дегтерёв	
Великие уроки Нюрнберга на современном этапе.....	205
А.В. Петров	
Достаточные данные как элемент основания для возбуждения уголовного дела	212

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

В.М. Гусев	
Глухие калмыки выселены в Сибирь!	217
М.М. Султыгова	
Историко-этнографические сведения о сельскохозяйственной культуре ингушей.....	228

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Н.А. Корчагина, И.Н. Ахунжанова

Кластеры: эволюция развития концепции, факторы успеха,
экономические преимущества 233

РЕЦЕНЗИИ

О.В. Якунина

«Под мраморными сводами метафизики...» 240

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 242

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 246

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ 248

РОЛЬ ТАБУ И ЭВФЕМИЗМОВ В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ КАЛМЫКОВ

С.Н. Артаев

В данной работе рассматривается и анализируется важная роль табу и эвфемизмов, которые являются лексическими средствами вежливости и функционируют в коммуникативном поведении калмыков. Эвфемизмы и табу относятся к категории почтительно-иносказательных слов и играют значительную роль в этикете калмыков, являясь одним из способов передачи от старших к младшим системы обычаев, традиций, этики взаимоотношений и в целом культуры общения.

In this article we discuss and analyze an important role of taboos and euphemisms, which are lexical means of courtesy and function in the communicative behaviour of the Kalmyks. Euphemisms and taboos are categorized as respectful allusive words and play a significant role in the etiquette of the Kalmyk, being one of the modes of transmission of system of customs, traditions, ethics, relationships and overall culture of communication from older to younger generations.

Ключевые слова: табу, эвфемизм, коммуникация, калмыцкий язык.

Key words: taboos, euphemisms, communication, The Kalmyk language.

В речевом поведении монгольских народов важную роль играют лексические средства вежливости. К таким средствам относятся слова и выражения, а также табу и эвфемизмы. Запретные слова, передающие связь языка с характерным для многих народов обычаем табуирования, эмоционально нейтральные слова и выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, являются чрезвычайно интересной частью лексики и, несомненно, должны быть подробно изучены.

Чтобы показать свою деликатность в общении с людьми почтенного возраста и высокого социального ранга, в обращении со старшими родственниками калмыки стараются использовать изысканно-почтительные слова высокого стиля. Например, вместо обычного экспрессивно-нейтрального *идх*, *уух* – «есть, пить» говорят *зооглх* – «кушать», вместо *унтх* – «спать» – *ноорсх* – «почивать», вместо *оох* – «давать» – *бярх* – «преподносить» и т.п. Если же эти слова употребляются по отношению к лицам, не заслуживающим уважения, то они приобретают иронически-презрительный смысл.

Эвфемизмы и табу, как уже отмечалось, можно отнести к категории почтительно-иносказательных слов. Так, в случае смерти человека, тем более известного, вместо *уув* – «умер» говорят почтительно, с использованием эвфемистических выражений *онгрв* – «миновал», *арлдж одв* – «удалился», *хальв* – «вышел из берегов (жизни)», *бурхн болв* – «стал Буддой» и т.д. О беременной женщине предпочитают говорить *шалтгта* – «с причиной», *давхр* – «двойная», *кюнд* – «тяжелая» и т.п. О состоянии здоровья больного у калмыков принято также говорить иносказательно, смягчая характер течения болезни. Обычно говорят: *гем уга* – «ничего» (букв. «нет болезни»), *сян болжана*, *ясржана* – «улучшается, поправляется». Запретны названия болезней, например, в калмыцком языке оспа называется *цецг* (букв. «цветок»), что, несомненно, указывает на эвфемистический характер этого слова. Однако оно со временем перестало восприниматься как эвфемизм и вновь подвергается табуированию: *цоохр* – «пестрый, рябой», *хар-яр* – «черная язва» и т.д.

Вообще иносказания – *тежг уг* – являются одним из жанров малой народной поэзии и активно используются в различных обрядах калмыков. Например, в традиционном свадебном обряде при предварительном сговоре чаще всего говорят иносказательно [3, с. 101]. Иносказания передают скрытый смысл переговоров сватовства, отражают специфику свадебной дипломатии. В зашифрованном виде передается ин-

формация о возможности заключения союза, об основных действующих лицах будущих действий, результатах переговоров. Смысл иносказаний раскрывается в контексте с совершаемым обрядовым действием, в тесной взаимосвязи с народными традициями и обычаями.

Как известно, в сложной цепи свадебного обряда каждому обрядовому действию отведено свое место и определены границы употребления тех или иных фольклорных жанров. Это наблюдение можно отнести и к предварительным сговорам, проводившимся с целью нахождения подходящей кандидатуры невесты и сбора необходимых сведений о ней и ее родителях. Суть данного обряда нашла свое отражение в его названии (монг. *бер гуйх* – «выпрашивать невесту», бурят. *гуралта* – «запрос», калм. *хадмуд хях* – «искать сватов»). Особенность обряда заключается в том, что смысл происходящего скрывается от окружающих, и переговоры, ведущиеся на них, строятся в иносказательной форме. Более того, переговоры ведутся тайно, и в роли посредника выступают не родители жениха, а постороннее лицо, иногда даже не состоящее с ними в родстве.

Так, образ невесты часто ассоциируется с тем, что может явиться дополнением к основному предмету, с пропажей, которую надо найти и доставить на место, например, с отбившимся скотом: *Зольв хяядж йовнав* – «Ищу отбившийся скот». Скрытый смысл сказанного не всегда бывает понятен вне контекста, в отрыве от конкретной ситуации. Для полного понимания подтекста иносказаний требуется большая осведомленность, знание образа жизни данного региона, народных традиций, обычаев. Успех предварительных сговоров во многом зависел от степени подготовленности визитера, от его умения вести дипломатические беседы. Отказ (еще неофициальному предложению) родителями жениха воспринимался как неудача устроителя брачных дел, подвергалась сомнению его компетентность в данном вопросе. В этой связи посредник прилагает максимум усилий, пытаясь убедить противоположную сторону в необходимости дать согласие на сватовство. Свои доводы он передает в иносказательной форме, используя в речи фразеологические обороты, метафорические выражения, пословицы, поговорки: *Ганцхн цуцл – гал болдог, ганцхн кюн – кюн болдог* – «Одна головешка не будет костром, один человек не будет семьей». При воспроизведении скрытых образов жениха и невесты рассказчик стремится наделить свои персонажи теми качествами, по которым можно определить сферу их деятельности, предназначение. Так, невеста часто предстает в роли мастерицы, разрезающей шелка, а жених – в качестве охотника, добытчика. Если же основные герои называются прямо, то о возможности их брака говорится иносказательно: *Тана му кююкиг эвряннь му кевюндян тушулхяр седляв* – «Я хотел бы к своему неопределившемуся сыну пристроить, притулить вашу неопределившуюся дочь».

Иносказания используются в случаях, когда требуется проявить особую осторожность, деликатность по отношению к сватам. К примеру, сторона жениха, желая показать, что время отъезда приблизилось, иносказательно отмечает: *Кёвюн газран санж, кёлгтн ижлян санж* – «Парень соскучился по родным местам, а конь – по пастбищам». Часто иносказания произносятся с целью испытать сообразительность, остроумие собеседников. Обмен удачными иносказательными выражениями может послужить началом интересной, острой полемики. Иносказания передают специфику переговоров предварительного сговора, отражают семейно-брачные отношения калмыков на определенном этапе их общественного развития, делают выразительным и образным художественный язык свадьбы. Иносказания, построенные в форме развернутых поэтических диалогов, отражают специфику традиционной калмыцкой свадьбы.

Следует подробнее сказать о таком почтительном иносказании, как обычай *хадмлган*, который обусловил появление у калмыков социального женского языка. Девушка, выйдя замуж, лишалась права называть по имени всех старших родных мужа. Она должна была заменять их более или менее подходящими по смыслу словами или фонетически видоизменять их.

Данный вид табу и эвфемизмов в калмыцком языке охватывает обширный круг лексики потому, что, во-первых, личные имена могут быть образованы от основ са-

мых разных слов, во-вторых, табуируются личные имена старших родственников мужа не только здравствующих, но и давно ушедших из жизни, т.е. имена всех предков и их родственников на протяжении девяти поколений, следовательно, подлежащие табуированию имена не произносятся ни в присутствии, ни в отсутствии носителя имени в любое время суток и года; в-третьих, табуируются все омонимичные и созвучные слова. Поэтому, если какого-нибудь далекого предка или современного родственника мужа звали *Ноха* («собака»), то это имя табуировалось независимо от того, кем доводится тезка родственника с именем *Ноха*. Невестка не могла произносить даже апеллятив *ноха* («собака») и вынуждена заменять его каким-либо иным словом со схожим смыслом, таким, например, как *тяягн* («охотничья собака»).

Эвфемизмами, наиболее часто используемыми для замены слов, произношение которых совпадает или созвучно с табуируемыми личными именами, являются синонимы. Но они не всегда бывают в языке, а если и имеются, то не всегда могут быть использованы в этих целях по тем или иным причинам, поэтому женщина-калмычка прибегала к другим способам подмены слов.

Таким образом, в результате табуирования личных имен старших родственников мужа, а также слов, совпадающих или созвучных с ними, возникает новый специфический женский язык, который для своего функционирования вовлекает словарный состав калмыцкого языка, расширяет семантическое поле слов, создает (хотя и редко) новые слова типа *чавчач* – «топор, секира», *хадрач* – «разрыхляющий, роющий», а также активизирует возможности фонетической модификации слов. Суть последней заключается в том, что при табуировании слов путем фонетической модификации меняется (реже исчезает) инициальный согласный. Наиболее широко употребляемой при этом формой является замена инициального согласного (чаще всего *б, к, с, ц*) на *й*. Например: *баатр* – «богатырь» – *йаатр*, *менк* – «вечный» – *йёнк*, имена *Бадм, Баазр* – *Ядм, Яазр* [2, с. 90].

Кроме этого, следует отметить, что в жизни женщины-калмычки, помимо запрета на произношение личных имен родственников мужа, существовал еще целый ряд запретов различного характера. Особенно тяжело приходилось женщине в первое время после замужества. Молодая жена после свадьбы должна совершить перед старшими родственниками мужа по мужской линии обряд поклонения – «берлг». После этого обряда перед всеми, кто будет ее *хадм* («старшие родственники мужа»), она должна быть в полном одеянии, обутой и в шапке. При входе *хадм бер* («сноха») должна встать, и вообще при *хадм* она не может сидеть, если *хадм* стоит. Непосредственно она с *хадм* не может обмениваться предметами, все делается через посредников. В одной юрте нельзя ночевать: при крайней нужде устраивается занавеска, чтобы не было видно невестку. В результате весь этот сложный этикет заставлял женщину первое время вообще молчать, ибо она боялась по ошибке произнести то, что ей не полагалось по обычаю [1, с. 28].

В настоящее время соблюдение обычая *хадмлган* характерно только для пожилых калмычек. Ослабленность связей с основной группой носителей традиционной монгольской культуры, длительное проживание в иной этнокультурной среде, усиленная «советизация» привели к изменениям во всех сферах жизни калмыков и проявляются в элементах материальной и духовной культуры, в ее трансформации. В настоящее время равноправие мужчин и женщин в быту, на службе, в воспитании детей нивелирует речевые различия, порождает единообразие речевых форм.

Традиции связывались не только с правилами и обязанностями женщины, но и с их внешним видом. Стричь волосы запрещалось, надо было обязательно их отращивать. Стричься разрешалось только девочке до восьми лет, если в этом была нужда. В девичьем возрасте, а тем более в возрасте невесты, волосы отращивали и заплетали в одну косу или в восемь, спускали их назад на спину. В замужестве прическа менялась, волосы заплетались в две косы, спускались вперед на грудь и на них надевались чехлы. Чем коса длиннее, тем лучше.

Кроме этого, существовали различные табу, которые должны были соблюдаться не только женщинами, а вообще всеми носителями языка. Например, нельзя было

стоять, перешагнув через порог, или здороваться через порог, нельзя было скрещивать руки на груди, бегать в сумерках – считалось, что это время нечистой силы, нельзя было бить домашних животных и т.д. Некоторые запреты выражались даже пословицами и поговорками: *Байр ук гиж орндан бичя дуул, зовлнг ук гиж орндан бичя ууль* – «Радуясь, в кровати не пой, страдая, в кровати не плач», *Кюлг му гиж голдмн биши, залу му гиж келдмн биши* – «Не говорят, что скакун плохой, не говорят, что мужчина плохой».

В калмыцком языке немало табуистических выражений, связанных с культом природы и животного мира, с наименованиями некоторых болезней. Так, например, для обозначения волка есть специальное слово *чон*, но в то же время многочисленны эвфемизмы, заменяющие его, например: *кеерин ноха* – «степная собака», *шар нюдтя* – «с желтыми глазами» и т.д.

В заключение необходимо отметить, что эвфемизмы и табу играли значительную роль в этикете калмыков. Они являлись одним из способов передачи от старших к младшим системы обычаев, традиций, этики взаимоотношений и в целом культуры общения.

Библиографический список

1. Дякиева, Р. Б. Некоторые средства традиционного воспитания детей у калмыков [Текст] / Р. Б. Дякиева. – Элиста : Республиканский центр развития образования, 1995. – 57 с.
2. Монраев, М. У. Калмыцкие личные имена. Семантика [Текст] / М. У. Монраев. – Элиста : Калм. книж. изд., 2007. – 224 с.
3. Хабунова, Е. Э. Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия [Текст] / Е. Э. Хабунова. – Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1998. – 224 с.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Н.М. Барахоева

В статье рассматриваются основы выделения оппозиции синтетических и аналитических форм в системе ингушского глагола. Констатируется факт базирования данной оппозиции на следующих семантических категориях языка: модальность, аспект, время, эвиденциальность и актантная деривация глагола.

The article deals with the basis of providing the opposition of synthetic and analytical forms in the system of Ingush verb. The fact of basing the given opposition on the following semantic categories of the language is noted: modality, aspect, time, evidentiality and actant derivation.

Ключевые слова: синтетические и аналитические формы глагола, модальность, аспект, категория времени, эвиденциальность, актантная деривация.

Key words: synthetic and analytical forms of the verb, modality, aspect, category of time, evidentiality, actant derivation.

Не вызывает сомнения квалификация оппозиции аналитические / синтетические формы глагола в ингушском языке в качестве одной из основных в семантических зонах темпоральности, аспектуальности, модальности и эвиденциальности (то есть практически все семантические категории ингушского языка охватываются оппозицией «синтетические / аналитические формы»). Эта оппозиция пронизывает в ингушском языке всю глагольную лексику.

Маркированной в данной оппозиции, на наш взгляд, является аналитическая форма, поэтому, в первую очередь, необходимо определить значение аналитических граммем в ингушском языке.

Аналитические формы ингушского глагола образуются от причастно-деепричастных форм настоящего и прошедшего времени (выражающих более тесно

связанные с семантикой основы, граммема аспекта) и из вспомогательных глаголов-связок *да* (*в, й, б*), *хила, дала, латта*, выражающих грамматические граммема времени и наклонения. Несмотря на то что в грамматическом плане, по нашему убеждению, система причастно-деепричастных форм в составе аналитических форм выражает различные противопоставления внутри категории аспекта, отметим также и то, что спектр значений аналитических форм в действительности является более обширным. Так, аналитические формы ингушского глагола могут выражать, наряду с аспектуальными, как эвиденциальные, так и модальные значения. Такого рода полисемия считается вполне естественной для глагольной системы, поскольку в языках мира вообще очень редко встречаются примеры «чистых» представителей той или иной семантической зоны, выделяемой в универсальной классификации, а близость аспектуальных и модальных значений общеизвестна [5, с. 308–327].

В ингушском языке нами были выделены две аспектуально значимые (в определенном выше широком смысле) причастно-деепричастные формы и, соответственно, два класса аналитических форм: имперфективные аналитические формы (от причастно-деепричастной формы НСВ), перфективные аналитические формы (от причастно-деепричастной формы СВ). Кроме того, в ингушском языке нами констатируются и граммема результата (сложное образование от причастно-деепричастной формы СВ и вспомогательного глагола *да* (*в, й, б*) в значении презенса) и граммема статива (сложные образования, от причастно-деепричастной формы СВ основного глагола и формы презенса от вспомогательного глагола *далла / находится*). Последние две граммема рассматриваются нами в качестве компонентов категории аспекта в ингушском языке. Причастно-деепричастная форма сочетается с формами презенса, претерита и перфекта глагола-связки таким образом, что указанные аспектуальные граммема имеют презентные, претеритальные и перфектные серии личных (аналитических) форм. Получается, что в ингушском языке мы можем выделить три серии аналитических глагольных форм: презентные, претеритальные и перфектные, причем каждой из этих серий противостоит серия синтетических форм – презентс, претеритальные формы (имперфект и аорист), перфект и плюсквамперфект.

Кратко остановимся на трактовке выбранных нами терминов для наименования рассматриваемых глагольных грамем, поскольку не все термины являются устоявшимися; терминология, используемая в нахской грамматической традиции, иная и, как правило, в меньшей степени ориентирована на типологическую практику и не отражает полной сути данных грамем.

Имперфективные аналитические формы (все показатели со значением несовершенного вида) в ингушском языке, на наш взгляд, выражают два основных аспектуальных значения: дуративное (или значение аспектуальной длительности – *водаш латт / идет (идуций становится), яздеиш воаллар / писал / пишуций находил*) и итеративное (или узуальное, – *яздеиш ва / пишет (пишущий есть)*) и раритивное – *водаш хул / хаживает, яздеиш хулар / (по)писывал*). Часто два значения (хабитуальное и узуальное) кумулятивно реализуются одной аналитической формой – *яздеиш ва / пишет (пишущий есть)*. Такого рода совмещение этих значений в рамках одной формы (одного показателя) является типичным для аспектуальных и темпоральных систем многих естественных языков мира; оно, в частности, свойственно всем славянским языкам, греческому, латинскому и многим другим.

Презенс имперфектива (т.е. аналитические формы настоящего времени со значением НСВ – *яздеиш ва / пишет, яздеиш латт / пишется, яздеиш хул / пишет, яздеиш воалл / пишет*) является наиболее частотной формой, выражающей настоящее время как таковое.

Претерит имперфектива (к которому мы относим синтетическую и аналитические формы прошедшего времени со значением НСВ) – *яздора / писал, яздеиш вар / писал, яздеиш воаллар / писал, яздеиш латтар / писалось, яздеиш хулар / писал (время от времени)* специализирован для передачи семантики, совмещающей аспектуальные значения актуального и узуального типа.

Формы же, именуемые нами перфектом и результативом в ингушском языке выражают настоящее и прошедшее время соответственно значениям перфекта и (субъектного) результатива [1, с. 45]. Значение категории результатива является более конкретным и сводится к утверждению о существовании в момент речи (или до момента речи, то есть в прошлом) естественного результата действия, ситуации. Эта форма (более раннего происхождения в ингушском языке, на наш взгляд, чем перфект) образуется в основном от глаголов, (семантически) обозначающих процессы, и является в современном ингушском языке, очевидно, слабо грамматикализованной.

Перфектная же форма, помимо собственно перфектного значения «акционального результатива» (ситуация, имевшая место в прошлом, но релевантная в момент речи), употребляется также в эвиденциальных контекстах широкого типа, описывающих ситуации, не засвидетельствованные говорящим лично.

В зависимости от контекста перфект в ингушском языке способен актуализировать и значение засвидетельствованности действия, соотносимого с настоящим моментом речи. Причиной того, что сегодня в ингушском языке процесс грамматикализации результативных форм не имеет своего продолжения, является, очевидно, тот факт, что формой, этимологически соответствующей результативу, является сегодняшней перфект с совмещенным эвиденциальным показателем – формой вспомогательного глагола *да* (*в, й, б*) / *быть (есть)*, которая сегодня включена в состав синтетического перфекта в качестве аффикса *ваха – ваха-в / идти (ушедший есть)*.

К аналитическим формам перфектной серии нами причисляется и аналитический плюсквамперфект, обладающий в принципе теми же значениями, что и аналитический перфект, и отличающийся от последнего тем, что показатель аналитического плюсквамперфекта актуализирует значение релевантности результата одной некоей ситуации в прошлом для другой ситуации, размещенной также в плане прошедшего времени.

Кроме того, полагаем возможным констатировать в ингушском языке и граммему дестинатива (*Цига ваха веца цунна / Туда он должен пойти*), значение которой сводится к выражению ситуации, наступление которой в данный момент представляется говорящему неизбежным в силу определенных внешних обстоятельств, и в этом смысле семантика дестинатива сближается с семантикой деонтической модальности. Презенс дестинатива (формы типа *деша деза / должен читать*) является функциональным эквивалентом будущего времени, однако с сильным модальным оттенком.

Ряд особенностей употребления сближают дестинатив с граммемой проспектива, являющейся одним из показателей категории фазовости в ингушском языке (формы типа *ваха воалл / собирается уходить*) (представленной, например, в английских конструкциях *be going to*): граммема проспектива также актуализирует ситуацию, еще не состоявшуюся в данный момент, но наступление которой высоковероятно. Таким образом, значение дестинатива, в сущности, не так далеко от фазовой семантической зоны, а именно от показателей подготовительной фазы ситуации (о фазовой структуре ситуации, лежащей в основе классификации универсальных аспектуальных значений см.: 5, с. 296–303).

Таким образом, три серии аналитических форм ингушского глагола, несмотря на несколько различную степень их грамматикализации (самую значительную у имперфектива и перфекта, меньшую – у дестинатива и результатива) в совокупности образуют стройную систему форм – ядро индикативной парадигмы ингушского глагола.

Помимо этих форм, в систему индикатива входят и синтетические формы:

- ✓ прошедшего времени НСВ, имеющие имперфективное значение (дуратив);
- ✓ прошедшего времени СВ (или аориста), то есть форма, обозначающая перфективные ситуации, относящиеся к зоне прошедшего времени и не имеющие (в отличие от перфекта) связи с настоящим.

Формы имперфекта и аориста в определенных контекстах могут актуализировать кумулятивно и эвиденциальный компонент (также в отличие от перфекта) личной засвидетельствованности говорящим описываемых им событий, что отобразилось и в наименовании данной формы, принятом в традиционной грамматике на-

хских языков – «прошедшее несовершенное **очевидное** время» и «прошедшее **очевидное** совершенное время». Кроме того, в системе синтетических форм мы выделяем формы презенса (настоящего времени), перфекта и плюсквамперфекта.

Представляется, что одним из основных формальных противопоставлений внутри глагольной парадигмы, сформировавшимся при распаде нахского языка-основы, является противопоставление аналитических и синтетических форм. Возникает естественный вопрос – не стоит ли за этим формальным противопоставлением, столь важным для системы ингушского глагола, необходимость семантического различия между синтетическими и аналитическими формами? Определенно прослеживается некая тенденция такого рода, но однозначно аргументировать, какое именно семантическое противопоставление (точнее, противопоставления) здесь выражается, не так просто. С уверенностью можно констатировать одно: данная оппозиция в ингушском языке, на наш взгляд, не строится на каком-либо одном семантическом признаке или категории.

Предположение о том, что синтетические формы в ингушском языке связаны с индикативом и ирреальной модальностью, а аналитические – со значениями эпистемической модальности, а также эвиденциальности, представляется нам близким к истине.

Первое, на что хочется обратить внимание, – это тот факт, что деление глагольных словоформ ингушского языка на два класса (синтетические и аналитические формы) связано прямо с противопоставлением индикатива и косвенных наклонений (этому подтверждением служит, с одной стороны, наличие синтетической формы презенса индикатива, не имеющей никакой модальной семантики и наличие модального компонента у аналитических форм имперфективного презенса, с другой стороны (типа: *вода – водаш хургва / идет – идет, наверное*)). Связано такое деление и с противопоставлением первичных и вторичных по происхождению аналитических форм (этому подтверждением служит, например, аналитический характер вторичного перфекта и плюсквамперфекта).

Кроме того, внутри системы синтетических форм времени ингушского глагола происходит их распределение на показатели индикатива – прямого наклонения и показателей ирреальной модальности – косвенных наклонений. В свою очередь, показатели ирреальной модальности – синтетические формы – противопоставляются аналитическим формам – показателям субъективной (эпистемической модальности). Далее происходит противопоставление синтетических форм, референцирующихся с семантикой эвиденциальности (претеритальные формы – имперфектив и аорист, перфект и плюсквамперфект), и аналитических показателей семантики эвиденциальности. Подтверждением этому служит наличие в ингушском языке аналитических форм – показателей незасвидетельствованности (заглазности) действия и синтетических форм со значением засвидетельствованности (очевидности) ситуации.

Кроме того, корреляция между противопоставляемыми синтетическими и аналитическими формами связана, по-видимому, и с выражением категории времени. Именно граммы категории времени выражаются аналитическим показателем – формами вспомогательного глагола, и именно в силу этого аналитические глагольные формы подразделяются нами по их временной отнесенности на показатели прошедшего, настоящего и будущего времени. Релевантно для ингушского языка и противопоставление синтетических и аналитических форм глагола на базе выражения субъектно-объектных отношений в полипропозитивном комплексе.

Соответственно, к аналитическим формам относятся те глагольные формы, которые допускают противопоставление с синтетическими глагольными словоформами по времени, модальности, эвиденциальности и актантной деривации.

С другой стороны, в системе синтетических форм имеются граммы, корреляция которых построена на основании аспектуальных признаков (дуратив и пунктив).

Кроме того, в системе синтетических форм также выделяются глагольные формы, в которых либо противопоставление по времени вообще не определено (таковы формы косвенных наклонений, граммы «времени» у которых, как известно, прямо не связаны с соотносительностью с моментом речи, например, формы сослагательного

наклонения *гIоргвар / пошел бы*), либо их временная референция фиксирована. К последним относим императив и аорист, во временном плане связанные с будущим или прошлым; граммемы желательного, условного и условно-желательного наклонений, которые, как известно, могут иметь референцию и связь со всеми тремя временными планами. У глагольных форм с фиксированной временной референцией отсутствует самостоятельный морфологический показатель времени: временная соотнесенность выражается в них кумулятивно с аспектуальной, модальной или эвиденциальной (таковы императив, конъюнктив, аорист и дуратив). У глагольных форм с нефиксированной временной референцией, то есть у форм косвенных наклонений, которые могут иметь три временные референции (формы) – прошлое, настоящее и будущее, временной показатель присутствует (*оалдалар / сказал бы сейчас, аьнна далар / сказал бы тогда, ардалар / сказал бы потом*). В качестве временного показателя выступает первый компонент – причастно-деепричастная форма (в презенсе – *оал*, прошлом – *аьнна*, в будущем – *арг*), некогда функционировавшая в качестве компонента аналитической формы глагола, имевшей значение желательного наклонения. Сегодня данная форма перешла в разряд синтетических в результате стяжения компонентов аналитической формы. Причем временная референция в данном показателе передается кумулятивно с аспектуальной. При этом презентная и претеритальная формы могут выступать в значении настоящего времени (при транспозиции форм).

Таким образом, мы констатируем, что в системе ингушских глагольных форм находят формальное выражение и оформление несколько семантических категорий: модальность, эвиденциальность, темпоральность, аспектуальность. Отражаются в данной оппозиции и модификации субъектно-объектных отношений в пропозиции.

Помимо этого, нами выделяется следующая особенность форм ингушского глагола, состоящая в том, что здесь представлена оппозиция глагольных словоформ, способных одновременно обозначать как ситуации, связанные с настоящим моментом речи, так и ситуации, связанные с предшествующим моментом речи (формы типа ингушского конъюнктива – *гIоргвар / пошел бы*) с одной стороны, и форм, не способных к смене временной отнесенности (сюда включаются формы, исключаящие какую-либо временную референцию, то есть формы со значением эпистемической модальности в ингушском языке типа *дешаи хургва, дешаи хургвар / учится, наверное*), с другой стороны. То есть мы видим противопоставление глагольных форм на основе выражения ими значений объективной и субъективной модальности.

Интересен также и тот факт, что ингушские аналитические формы, манифестирующие, на наш взгляд, категорию эвиденциальности и граммему эпистемической модальности, противопоставляются синтетическим формам, которые в принципе неспособны к передаче субъективной модальности или же опосредованной информации. Получается, что аналитические формы ингушского глагола противопоставляются синтетическим, по меньшей мере, по пяти семантическим признакам: эвиденциальность (тип информации), эпистемическая модальность, прямая и косвенная модальность, темпоральные значения актуальности и локализованности, аспектуальность, субъектно-объектные отношения.

Библиографический список

1. Барахоева, Н. М. Результативные конструкции в системе ингушского глагола [Текст] / Н. М. Барахоева // Актуальные проблемы ингушского языка. – Назрань, 1998. – С. 40–58.
2. Бульгина, Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке [Текст] / Т. В. Бульгина // Т. В. Бульгина, А. Д. Шмелев // Языковая концептуализация мира. – М. : ЯРК, 1982–1997. – С. 45–125.
3. Маслова, Е. С. К типологии проспектива: категория провиденциалиса в юкагирских языках [Текст] / Е.С. Маслова ; ред. Ландер [и др.]. – М., 2004. – С. 212–225.
4. Падучева, Е. В. Семантические исследования [Текст] / Е.В. Падучева. – М., 1996.
5. Плуноян, В. А. Общая морфология: введение в проблематику [Текст] / В. А. Плуноян. – М., 2003. – 384 с.
6. Smith, C. The parameter of aspect [Text] / C. Smith. – Dordrecht : Kluwer, 1991.

ЗНАКОВЫЕ ФИГУРЫ В ИСТОРИИ АСТРАХАНСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

Г.С. Белолипская

В статье рассматривается творчество Л. Вайскгофена и И. Добролюбского, редакторов периодической прессы Астраханской губернии первой трети XIX в. В статье исследуется их вклад как в региональную, так и в российскую прессу в целом.

The article considers the creative activity of I. Weiskgofen and I. Dobrolyubsky, who were the editors of periodical press in Astrakhan Province of the first third of XIX century. The article dwells on their contribution to the regional press as well as to the Russian press upon the whole.

Ключевые слова: газета, цензура, редактор, издатель, региональная пресса.
Key words: newspaper, censorship, editor, publisher, regional press.

Первые провинциальные газеты, как и газетная периодика начала XIX в. в целом, изучены очень слабо и представляют собой большое поле деятельности для исследователей истории отечественной журналистики. Актуальность такого рода исследований состоит в необходимости понимания принципов, положенных в основу концепций российской газетной журналистики в самом начале ее становления. Именно эти концепции были позже перенесены на большой типологический отряд официальных губернских и областных ведомостей.

Известно, что попытка создания первых частных провинциальных газет в России была предпринята в крупных университетских и торговых центрах, игравших в то время значительную политическую, экономическую и культурно-просветительскую роль в своих регионах. Первой из них в 1811 г. вышла газета «Казанские известия», вслед за ней в 1812 г. – «Харьковский еженедельник», а в 1813 г. – «Восточные известия» в Астрахани.

Необходимо отметить, что особого разрешения «центра» на выпуск такого рода изданий в то время не требовалось. В указе Александра I, а затем и в уставе о цензуре 1804 г. все вопросы, связанные с изданиями, относились к компетенции местных властей. «Отныне, – говорилось в указе, – рассматривание книг внутри империи, тиснению предаваемых в вольных типографиях, возложено было не на управы благочиния, но на самих гражданских губернаторов, которые имеют к сему употреблять директоров народных училищ и чтобы без одобрения их и без дозволения губернаторов ни одна книга не была издаваема под страхом наказания» [12, с. 335].

Под книгой подразумевалась вся печатная продукция, включая газеты и журналы. Четкого разделения между газетой и журналом еще не существовало. Поэтому то, что тогда издавалось под названием «ведомости» или «листки», мало походило на современную газету. Это относится и к первым региональным изданиям. Их подчинение Главному правлению училищ так или иначе приводило к общему типологическому знаменателю – просветительской миссии.

Для университетских городов с 26 января 1803 г. действовало особое положение. «Цензура всех печатаемых в губернии книг, – говорилось в нем, – имеет принадлежать единственно университетам...» [12, с. 336]. Это постановление было подтверждено в уставах университетов Виленского и Дерптского в 1803 г., Московского, Харьковского и Казанского в 1804 г., где было сказано, что к ведению университета относится «цензура всех сочинений частными людьми в округе его издаваемых» [12, с. 336]. Естественно, что цензурование первой частной провинциальной газеты «Казанские известия» осуществлял специально созданный для этого цензурный комитет Казанского университета. «Казанские известия» (1811–1820) начали издаваться по инициативе молодежи учебного ведомства под руководством преподавателя университета И. Запольского, однако редактором был назначен местный помещик и литератор Д. Зиновьев, взявший на себя все организационные и финансовые проблемы.

Либеральный университетский контроль за содержанием «Казанских известий» не устраивал столичное цензурное ведомство, газета получала много замечаний как по форме, так и по содержанию помещаемых материалов. В результате с 19-го номера «по силе высочайшего повеления» казанский еженедельник был передан в ведение университета со значительным усечением первоначальной программы издания (были исключены отделы правоведения, философии и медицины). Особое внимание в газете отводилось внутренним известиям, официальным материалам о ходе Отечественной войны. Основное содержание газеты составляли этнографические, исторические и статистические материалы университетских ученых. Иногда «Известия» открывались рубрикой «Новейшие открытия и замечания», под которой помещались отечественные и зарубежные новости о развитии промышленности, торговли и судоходства [6, с. 206].

Именно такая тематика была заявлена книготорговцем Лангнером, начавшим издавать в 1812 г. «Харьковский еженедельник». Программа газеты включала отделы «Экономии», «Технология», «Коммерческие известия», «Смешанные сочинения». После выхода первых номеров еженедельника в правление Харьковского университета поступило указание из столичного ведомства о необходимости приведения газеты в рамки традиционной программы: ученые статьи и частные объявления, ограниченные Слободско-Украинской губернией. Частное независимое издание не устраивало министерство, поэтому в запросе отмечалось, что «приличнее было бы таковое сочинение (то есть газету – Г. Б.), по примеру других округов издавать от университета». Последовало предписание заключить соответствующий договор с издателем, а в случае его отказа «принять на себя все издание». Однако правление университета отклонило предложение министерства ввиду убыточности издания (25 подписчиков) и отсутствия у читателей интереса к торгово-промышленной тематике. Но сама газета по финансовым обстоятельствам не смогла выжить и на 12-м номере прекратилась [6, с. 212].

В обоих случаях просматривается желание правительства устранить частную инициативу, придать газетам, по примеру «Московских ведомостей», официальный университетский статус, свести их программы до научно-просветительского минимума в рамках местного учебного округа.

В Астрахани первую газету «Восточные известия» начинают издавать также при учебном заведении – Астраханской мужской гимназии. Инициатором оказался учитель французских и немецких языков Иосиф Антонович Вейсгопфен. И.А. Вейсгопфен по своему происхождению – австрийский дворянин, родился между 1778–1780 гг. в Тироле. Высшее образование И.А. Вейсгопфен получил в Венском университете на юридическом факультете. В Россию он прибыл в 1806 г., жил сначала в Москве, а затем в Петербурге, где издал в 1810 г. философскую работу под заглавием “*Probabilia de origine mali*” («Правдивые мысли в поисках зла»). В Астрахани он выхлопотал разрешение завести типографию и вошел для ее устройства в компанию с иностранцами Греком и Литке, вложив в это дело со своей стороны капитал 2830 рублей. К тому времени в городе существовало две типографии: армянская типография и русская типография, находившаяся при губернском правлении и открытая в 1792 г., но ни одна из них не могла быть использована Вейсгопфеном по разным причинам. 24 августа 1811 г. из Совета Казанского университета пришло дозволение завести типографию и издавать газету под надзором директора гимназии Александра Храповицкого. Цензуру, как это было прописано в уставе, осуществляли директор гимназии Храповицкий и учителя Орлов и Шпаковский. Фактически издание также было подчинено учебному заведению, как это оказалось в Казани и Харькове. Получив вместе с тем право на издание еженедельной газеты «Восточные известия», он объявил о подписке на 1813 г. в «Казанских известиях». Первый номер газеты вышел 29 января 1813 г., а не 1-го, как было объявлено, ввиду того что местная администрация не удовлетворилась одним разрешением Министерства народного просвещения и представила дело о газете еще Министру полиции. Можно высказать предположение о том, что все были удивлены слишком стремительными темпами подготовки газеты.

Историк астраханской журналистики XIX в. А. Штылько пишет: «Не надо удивляться, что Вейсгопфен так быстро додумался до этого предприятия и успел столь

же быстро привести в исполнение свою мысль. Как иностранец он имел возможность общаться с проживавшими в Астрахани иезуитами, имевшими здесь свою коллегию, которые, вероятно, и внушили ему мысль об издании газеты и помогли в деле приобретения типографии» [16, с. 4]. Другой астраханский краевед и библиограф Н. Леонтьев высказал предположение, что Вейсггопфена заставляла издавать газету не одна польза края, но, может быть, и секретное предписание из Рима, так как он сам мог быть тайным последователем Лойолы, тем более, что Вейсггопфен был католиком и дружил с иезуитами. С.А. Венгеров спорит с этим предположением в своем библиографическом очерке о Вейсггопфене, говоря о расположении к общению учителя немецкого языка с высокообразованными людьми, каковыми и являлись иезуиты в этой русской провинции в начале XIX в. [1, с. 209]. Этот таинственный ореол, который возник вокруг редактора, был связан, на наш взгляд, с масштабом личности И. Вейсггопфена и его страстным интересом к самосовершенствованию и самообразованию, что и позволило ему в короткий срок наладить издательское дело в Астрахани.

Вейсггопфен имел очень серьезную филологическую подготовку. Так, например, из трудов Вейсггопфена известны «Руководительная тетрадь для преподавания немецкого языка в 1, 2 и 3 классах» в трех выпусках (Астрахань, 1813–1814), «Руководительная тетрадь для преподавания французского языка в первом классе» (Астрахань, 1815), метафизические сочинения на латинском языке «Правдивые мысли в поисках зла», пьеса на немецком языке «Добрый сын», а также «Сочинение Фомы Кемпийского» на немецком языке. Этот переводческий труд представляется особенно важным в творчестве Вейсггопфена. Ему было важно опубликовать автора «О подражании Христу». Это книга была издаваема более двух тысяч раз и была переведена на все европейские языки. На русский она была переведена К.П. Победоносцевым и выдержала семь изданий (СПб., 1898). Нигде в комментариях по поводу издания этой книги не указывается астраханское издание. Но для Вейсггопфена, наверное, этот поступок носил очень личный характер, так как содержание книги было очень ценным и важным для него. Книга была написана простым языком. Она не содержала в себе учения какого-либо исповедания, а излагала общехристианские истины и мораль, как ее понимали в Средние века. Аскетизм – основной тон книги. Окружающий мир наполнен злом, и только подражание жизни Христа может спасти человека и дать ему блаженство. Но рядом с этой проповедью автор весьма отчетливо подчеркивал, что значение имеет лишь добродетельная жизнь, а не рассуждение о догматах. Жизнь должна состоять в борьбе, цель которой – общее благо, а не индивидуальная польза [15, с. 133]. Автор, проповедующий смирение как одну из христианских добродетелей, был очень близок мировоззрению Вейсггопфена, что объясняет его особое трудолюбие во имя блага того края, где он жил и работал. В одном из сохранившихся писем Вейсггопфена есть такое признание: «В Тироле рожден и трудолюбием напоен, смею сказать, с материнским молоком, преодолел я невероятные затруднения при заведении российской, немецкой и французской типографии в столь отдаленном крае, каков есть Астрахань. Сочинил в то же время четыре книжки для преподавания немецкого языка согласно уставу учебных заведений, изданному в 1804 году, обременен корректурой всего того, что у меня печатается, отправляю должность учителя немецкого, французского, а ныне еще латинского языка. И, судя по отзывам, начал я издание "Восточных известий" с успехом» [4].

Действительно, газета имела успех благодаря успешной редакторской политике. В первый год издания газеты Вейсггопфен уделял довольно много места политике, перепечатывая из Московских и С.-Петербургских «Ведомостей» и «Северной почты» известия о «славных победах российского оружия». По замечаниям современников, извлечения из столичных газет редактором делались умело. Рассчитывая привлечь подписчиков, Вейсггопфен писал в объявлении: «Через издание сих Известий издатель надеется много споспешествовать для здешних торговых связей, ибо давая знать о важнейших происшествиях, всякий торгующий, судя по случающимся обстоятельствам, может в торговле брать свои меры. Помещая в оныя известия выписку из новейших Европейских "Ведомостей", узреть можно политическое отношение

одного Государства к другому. Через статистическое описание можно открыть купцу новые отрасли торговли и способы пользоваться ими. Под статьей о торговле на Каспийском море и городе Астрахани с окружающими народами, иногда помещаться будут С.П.бургские и Московские цены разным товарам иностранным и российским нужным для Астраханской торговли. Характерическое описание Азиатских народов дает понятие как обращаться с ними, и откроет купцу, что Азиатцу приятно, и что нет. Помещая в оных Известиях таблицу метеорологических наблюдений, издатель надеется опровергать противное мнение о здешнем климате» [4]. Надо сказать, что перепечатки были привычным делом для каждого периодического издания, современного Вейскгопфену. Вот одно из свидетельств: «Газета имеет свою задачу не только издание отдельных произведений, но и извещение читателя обо всех сколько-нибудь выдающихся событиях настоящего времени как в пределах данной местности, так и вне ее; тем самым она расширяет его умственный кругозор, увеличивает его познания, способствует его экономическому развитию, умножает независимо от его собственной деятельности его запас опытности, наталкивает его на новые предприятия, побуждает к той или другой публичной деятельности и избавляет от ряда более и менее неприятных случайностей. Чтобы удовлетворительно выполнить эту задачу, газета черпает свои известия из самых разнообразных источников, в числе коих немаловажное место занимают другие газеты... Но дело в том, что чрезвычайная спешность и обширность труда, какие в наше время сопряжены с изданием газеты, исключают всякую физическую возможность заниматься еще выработкою внешней формы всего сообщаемого. А потому сила необходимости заставляет редакторов представлять читателю заимствованные из газет факты в том виде, в каком они изложены в последних... Подобные перепечатки практиковались всегда в самых широких размерах» [14, с. 425–426].

Газета сразу же обратила на себя внимание министра народного просвещения А.К. Разумовского. Он потребовал, чтобы «Восточные известия» не делали «подрыва издаваемым от разных казенных мест газетам» и запретил им заимствовать политические статьи. К предписанию министра, адресованному директору астраханской гимназии, прилагался примерный план содержательной структуры издания, разработанный издательским комитетом Казанского университета и адаптированный к местным условиям. В частности, в нем указывалось, чтобы материалы, помещаемые в газете, «...заклучили бы в себя кроме сочинений, до словесности касающихся, такие токмо известия и статьи, кои относятся к Восточным краям России и тем соответствовали бы своему названию». Отталкиваясь от этого плана, гимназия (а не издатель газеты И.А. Вейскгопфен) должна была выработать программу для «Восточных известий» и потребовать от издателя непременно ее исполнения. Выдвигая особые требования к программе «Восточных известий», правительство учитывало уникальное геополитическое положение города. Позже великий русский поэт В. Хлебников даст следующее определение миссии города: «Астрахань соединяет три мира» и является «треугольником Христа, Будды и Магомета».

Новый план требовал, чтобы «Восточные известия» с 1814 г. стали исключительно органом Востока, и Вейскгопфен оказался в затруднительном положении. Об этом он пишет в письме к попечителю Казанского учебного округа М.А. Салтыкову: «Пока еще не запрещено было делать выписки из других газет, когда все задорилось, имел я прибежище к оным, – ныне осталось только одно средство – или предписать единой цензуры границы или вообще по примеру Казанского Университета препоручить издание Восточных Известий единой Гимназии. Прозорливый директор имеет тысячу средств когда я последний всех лишен; он не имеет затруднения в цензуре, нет там и зависти, а может по временам посылать сведущих учителей путешествовать для собирания материалов. Да как казенное место и прочие казенные места не откажут ему видеть те Сведения, которые только у них и находить можно, я же со своей стороны готов печатать Восточные Известия за самую умеренную плату» [4].

Но исполнять редакторскую политику пришлось все-таки самому Вейскгопфену. Он обращается к читателям с просьбой присылать не только статьи местного ха-

рактера, но и сообщения об Индии, Китае, Аравии, Тибете и других странах Востока, сам пытается работать с учительским коллективом, ищет новых авторов. Об этом он рассуждает в письме к М.А. Салтыкову: «Авторское ремесло не есть общее всем. Природа сокровище сие раздает избранным, и таланты гения весьма редки. Здешний край при всех теплотворных влияниях на внешние вещи не может похвалиться прославленными гениями в авторском мире. Без средств достать автора трудно, почему думал сперва поощрять старших учителей назначением им за статистические и этнографические описания 600 рублей в год, на что и согласились учителя Ритаве, Орлов, Марков, но как пришло дело, друг на друга отговаривались с показаниями разных неудобностей. Я отклонил первое мое предложение и назначил им 40 рублей за лист, но и это не удалось. Один Шпилевский часто меня избавлял от лишних хлопот в цензуре, ибо доставлял разные материалы для помещения. Второй мой сотрудник был Господин Домогацкий, но он оставил меня, по какой причине объясняет записка его под № 2. В течение сего упрости я здешней Семинарии Господина Префекта, мужа учености отличившегося, ордена Святой Анны 2-го класса и другими отличиями украшенного. Он согласился составить маленькое общество под скрытым именем любителей Восточных Известий и все, что в Восточных известиях означено буквами Л. В. И. происходит от сего общества, но оно охолодело по какой же причине объясняет Записка № 3 – Побудил таки я своими просьбами Архимандрита Дионисия, его труды означены буквами А.Д. или Р.С., но как он увидел однажды свои измаранные манускрипты, при всем своем тихом характере не мог он удержаться от некоторых выражений на наше цензурство. Немалый труд стоило мне преклонить Иезуитского Ордена Патера Суперсора, он сочинил разговор на каналы, но он в первый раз при первом своем опыте испытал свое счастье, более не пишет» [4].

Поиск и подбор авторов определяет и характер материалов: более всего места в «Восточных известиях» уделялось этнографическому и географическому элементу. В газете были помещены оригинальные статьи о метафизическом учении калмыков, об обрядах индийского богослужения, об учении Конфуция, о водяных метеорах и т.д. О постановке издания можно судить по тому, что корреспонденты у него были не только в Астраханской губернии, но и в Кизляре, Елизаветградском уезде и т.п. Вейсскопфеном было напечатано письмо, присланное ему штурманом Хлебниковым, одним из товарищей Головина по японскому плену, напечатанное за три года до появления в свет «Записок флота капитана Головина». Кроме того, в газете помещались случайные статьи, метеорологические таблицы, сведения о торговле, курсе, переводные анекдоты и стихотворения неизвестных поэтов, в большинстве случаев скрывавших свои имена под мудреными псевдонимами. Вообще газета для своего времени отличалась достаточной полнотой [13, с. 343–344].

Во второй половине 1815 г. Вейсскопфен передал дела по типографии своему компаньону Литке, а сам, представив свои сочинения, начал хлопотать об удостоении его ученой степенью доктора словесных наук. В 1816 г. «Восточные известия» начали выходить в свет на двух языках – русском и армянском, причем текст печатался параллельно на обоих языках. Переводом русского текста на армянский язык заведовал смотритель Астраханского армяно-католического иезуитского училища К.П. Шахвердов, а переводы слыхал смотритель Астраханского уездного училища И.К. Егулов. В 1816 г. между Вейсскопфеном и Литке произошел разрыв, возник процесс, кончившийся заключением Литке за долги тюрьму и сильно повлиявший на нравственное и физическое состояние Вейсскопфена. 2 июля 1816 г. Вейсскопфен умер. Со смертью Вейсскопфена издание «Восточных известий» прекратилось, последний 27-й номер «Восточных известий» вышел 5 июля 1816 г.

О первом редакторе газеты «Восточные известия» и о самом издании написано достаточно много. Среди публикаций его биографических сведений выделяется статья Н. Леонтьева, которая была напечатана в газете «Астраханские губернские ведомости» в 1885 г. [8]. Николай Леонтьев называет его еще «одним из замечательных астраханских деятелей, чью оценку заслуг в деле просвещения отечественного еще предстояло сделать». Далее Н. Леонтьев отмечает: «Сколько можно судить о

И.А. Вейсгопфене на основании архивных и других источников, что был человек умный, солидного по тому времени образования, правил честных и энергии редкой, настойчиво стремившийся к той цели, которую наметил. Его газеты останутся навсегда единственным печатным памятником астраханской жизни того времени и драгоценным материалом умственной и общественной жизни Астрахани второго десятилетия XIX в., а сам Вейсгопфен, неутомимый и деятельный труженик по части распространения просвещения в среде тогдашнего астраханского общества, должен быть признан одним из замечательных деятелей Астраханского края. Имя Иосифа Антоновича Вейсгопфена, равно как и его первая астраханская газета, должно быть известно всем интересующимся историей Астраханского края». Затем этот материал был переработан и опубликован в Энциклопедическом словаре, изд. Брокгауза и Ефрона [17, с. 727]. Биографическая статья о Вейсгопфене присутствует в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С.А. Венгерова [1, с. 206–209]. Затем существует публикация о нем в «Русском биографическом словаре». Автор статьи – В. Соколов [13, с. 343–344]. Помимо словарных статей написан о нем и справочный материал, обобщенный местным краеведом и журналистом А. Штылько. [17]. В 1876 г. в Берлине выходит «Справочный словарь русских писателей и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях» под авторством Г.Н. Геннади, где имя Вейсгопфена впервые внесено в список лиц, потрудившихся для отечественного просвещения (т. 1, с. 137). Все это говорит о том, что личность редактора первого периодического печатного издания в Астраханской губернии была занесена в перечень исторических лиц первой половины XIX в., так или иначе влияющих на развитие Российского государства, а его газета вошла в историю не только региональной журналистики, но и оказала заметное влияние на становление и развитие отечественной журналистики в целом. Так, например, Иван Бунин, будучи двадцатилетним журналистом «Орловского Вестника», имел в своей библиотеке подписку «Восточных известий». В письме к местному краеведу Н. Леонтьеву он признается: «В моем экземпляре этого астраханского журнала не достает первых 18 номеров 1813 г. и нет ни одного номера за 1816 год... Но надеюсь когда-либо восполнятся эти дефекты» [4]. Так будущий классик русской литературы высоко ценил первый опыт астраханской провинциальной журналистики.

В Астрахани осенью 1816 – начале 1818 г. выпускался «Азиатский музыкальный журнал», издаваемый Иваном Викентьевичем Добровольским. За этот период было выпущено 8 номеров журнала. Это редкое издание, за исключением опубликованного в журнале полонеза самого Добровольского, было воспроизведено в работе С. Рыбакова «Музыка и песни уральских мусульман» [5].

«Азиатский музыкальный журнал» – одно из первых музыкальных периодических изданий в России и единственный издаваемый в начале XIX в. музыкальный журнал в русской провинции. Он интересен публикацией записей музыкального фольклора народов Востока. Учитель музыки и регент архиерейского хора в Астрахани И. Добровольский в 1816 г. поместил в «Московских ведомостях» следующее объявление: «Астраханской гимназии учитель музыки Добровольский будет издавать в сем году, с позволения Императорского Казанского университета Ценсурного Комитета, музыкальный журнал под названием Азиатский, в коем помещаемы будут грузинские, татарские, индейские, персидские, армянские, калмыцкие, хивинские, бухарские, черкесские, кабардинские, горские, киргизские, чеченские, козацкие, ногайские, лезгинские и трухменские песни и пляски, которые будут положены как для фортепиано, так и для полной музыки; в каждом месяце будет выходить по одной тетрадке. Цена за 12 тетрадей или за целый год, здесь, в Астрахани – 15 рублей, с пересылкой в другие города – 20 рублей. Подписка принимается в Москве, за Ехаловым мостом, в Сарептском доме у гг. Серензена и Компании» [11]. Журнал рассылался в губернские города, где имелись гимназии, а также в Москву и Петербург.

На страницах этого журнала большая часть опубликованных напевов и мелодий относится к народному творчеству наций и национальностей, населяющих Астрахань. Это и калмыцкие песни, и песни астраханских татар, и армянские песни, кото-

рые бытовали в армянской колонии, издавна обосновавшейся в Астрахани. И.В. Добровольский ездил по селам губернии и записывал песни на ноты, пытаясь чаще всего передать их в фортепианном изложении. В Астраханской губернии, по свидетельству жителей, широко распространялись пришедшие из степей «новые, никем не подсказанные мотивы». Таким образом, первый исследователь народного творчества Астраханской губернии, И.В. Добровольский обобщил материал, который представляет огромный исторический и художественный интерес. «Азиатский музыкальный журнал» стал первым в России музыкально-этнографическим изданием. Богатое и многообразное народное творчество послужило той плодородной почвой, на которой выросла и развилась русская композиторская школа. Это подтверждает тот обоюдный интерес, который объединял великого композитора Д. Бортнянского и учителя музыки из Астрахани И. Добровольского.

Если попытаться восстановить общую картину музыкальной журналистики первых десятилетий XIX в., то можно отметить явную тенденцию развития музыкального вкуса к западной музыке. Так, например, с 1800 г. Ф. Дитмаром в Петербурге издавался «Журнал французских арий и дуэтов». В 1804 г. Дальмас выпускает журнал «Северный трубадур», ставивший те же задачи, что и французский журнал Дитмара. Каждый номер включал арию или вокальный ансамбль из опер французских, реже итальянских композиторов. С мая 1804 г. тем же издателем предпринят выпуск нотного журнала «Лира Орфея», который называли рупором немецкой оперы в Петербурге. Затем в 1811 г. Дальмасом было предпринято также издание «Журнала итальянской музыки». С 1812 г. Жаном Пейроном начал издаваться «лирический» нотный журнал «Трубадур», где публиковались французские, итальянские или русские романсы. Показательно, что почти все эти перечисленные журналы напоминали по содержанию и внешнему виду западную музыкальную журналистику того времени. Музыкальные журналы XIX в. частично показывают процесс внедрения русской тематики в творчество иностранных композиторов, с одной стороны, и постепенного привития образцов западной музыки, применение европейской техники – с другой. Русскую тему начинает развивать «Журнал отечественной музыки», издававшийся Д.Н. Кашиным. О программе журнала говорит сам Д.Н. Кашин в «Известии», помещенном на русском и французском языках с внутренней стороны обложки каждого из номеров журнала: «Любовь и привязанность русских ко всему отечественному побуждает господина Кашина издавать "Журнал отечественной музыки". В нем будут помещены: 1) старинная музыка на древнерусские повести; 2) старинные и новые русские песни» [2, с. 38].

О судьбах народной песни заговорили, ссылаясь и на пример астраханского учителя. В Петербурге стала известна благодаря журналу И. Добровольского «Персидская песня» Фат-Али, дербентского хана, записанная, по словам знатоков, «как бог на душу положит», без разделения на такты, в виде народной импровизации. Ее исполнял в домах маленький оркестр из двух скрипок, флейты и барабана. К сведению: в начале XIX в. в России была очень распространена игра струнных квартетов. Живший в Москве немецкий композитор Кесслер в «Письмах о состоянии музыки в России и, особенно, в Москве» писал в 1806 г. на родину: «Здесьние господа предпочитают всем большим открытым концертам домашние струнные квартеты, в которых участвуют очень хорошие силы (потому что, как мы уже сказали, здесь нет недостатка в хороших исполнителях на скрипке и виолончели). А так как почти в каждом доме играют на фортепиано, то прекрасные любительницы очень часто в семейном кругу исполняют на этом инструменте вещи Гайдна и Моцарта» [18].

«Азиатский музыкальный журнал» примечателен еще и тем, что для воспроизведения нотных знаков и текста Добровольский применил литографский способ печати. Этот способ печати, получивший название «плоской», принципиально отличался от существовавших в нотопечатании «высокой» (нотный шрифт) и «глубокой» печати (гравирование или наколачивание нотных знаков пуансонами). Возможность получения большого количества оттисков с рисунка любой сложности обеспечили литографскому способу быстрое распространение во всех странах мира.

В России о литографии стало известно из доклада академика В. Севергина, сделанного на заседании Российской академии наук в 1803 г. Вслед за этим в газете «С.Петербургские ведомости» появились заметки В. Севергина и И. Гамеля, в которых говорилось о новом способе печати и возможностях его использования в России. Ими, как полагают, и воспользовался Добровольский для печатания своего «Азиатского журнала». Тем самым Добровольский стал инициатором применения литографского способа не только в русском нотопечатании, но и в книгопечатании. До него литографирование в России, притом всего лишь за несколько месяцев до выхода «Азиатского музыкального журнала», было применено только в военной картографии [7]. Применительно к нотопечатанию новый способ был крупнейшей вехой на пути к техническому прогрессу.

Успешное применение литографского способа печати привело к открытию в Петербурге и Москве многочисленных литографий (И. Беггрова, Л. Ланге, Ф. Давиньона, Е. Кауля, фон Петера, В. Рыкалова, Ф. Гаазе, Ф. Гроссе и др.), которые занялись нотопечатанием как по собственной инициативе, так и по заказам частных лиц, в первую очередь, издателей нотных журналов.

Конечно, роль и значение первых провинциальных газет не исчерпывается лишь издательским опытом и просветительской миссией. Благодаря исследованиям ученых Торонтской технологической школы и, прежде всего, Маршалла Маклюэна, становится очевидным, что само средство массовой информации независимо от его содержания объективно оказывало большое влияние на общественные отношения внутри той местности, где оно функционировало.

Вот как об этом пишет М. Маклюэн: «Пресса... является групповой исповедальной формой, которая обеспечивает общественное участие... Именно повседневное публичное выставление многочисленных статей в их сопоставлении друг с другом придает прессе ее комплексное измерение человеческого интереса... Газетная страница разглашает внутреннюю историю сообщества, находящегося в действии и взаимодействии [9, с. 235]. И еще одно очень верное замечание Маклюэна: «Мозаике прессы удается выполнять сложную многоуровневую функцию создания группового сознания и участия, которую никогда не могла выполнить книга» [9, с. 246].

Восприятие первых газет в местных сообществах было не однозначным: их хвалили и ругали, ими восхищались и боялись их... Но так или иначе, первые газеты разрушали традиционно сложившуюся систему иерархии в элите местного общества, способствовали осознанию населением своей групповой идентичности, своей причастности к происходящему. К сожалению, эти явления не изучались историками отечественной журналистики, хотя являются ключевыми для понимания подлинной истории становления российской прессы.

Астраханские издатели сыграли определенную роль в просвещении и патриотическом воспитании читательской аудитории в провинции. Благодаря их деятельности Астрахань, наряду с университетскими городами, в начале XIX в. становится журналистским центром.

Используя средства административного давления, правительство добилось унификации первых провинциальных газет, ограничив их содержание преимущественно краеведческими материалами, а также справочными данными, метеорологическими наблюдениями, частными объявлениями. По этому образцу была составлена программа будущих «Губернских ведомостей».

В 1830 г. был опубликован Указ об издании «Ведомостей» в «виде опыта» в некоторых губерниях. Естественно, что выбор для проведения эксперимента пал, прежде всего, на те губернские города, где уже имелся опыт издания местных газет: Казань, Харьков, Астрахань, Киев, Нижний Новгород и Ярославль [10, с. 54]. Таким образом, астраханская журналистика вошла в состав общероссийской, чему способствовала творческая деятельность редакторов первых периодических изданий Астраханской губернии начала XIX в.

Библиографический список

1. Венгеров, С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых [Текст] / С. А. Венгеров. – Т. V. – С. 206–209.
2. Вольман, Б. Русские нотные издания XIX – начала XX в. [Текст] / Б. Вольман. – Л. : Музыка, 1970. – С. 32–59.
3. ГААО [Текст]. – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 1529 Дело об издании Восточных Известий.
4. Письмо И. Бунина к Н. Леонтьеву [Текст] // ГААО. – Ф. 857. – Оп. 2. – Д. 3а. – Л. 1–2.
5. Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению [Текст]. – СПб., 1897. – Т. III, № 2.
6. История русской журналистики XVIII–XIX веков [Текст] : учеб. / под ред. проф. Л. П. Громовой. – СПб., 2003. – С. 670.
7. Коростин, А. Ф. Русская литография XIX века [Текст] / А. Ф. Коростин. – М. : Искусство, 1953. – С. 13–14.
8. Леонтьев, Н. Вейсгопфен фон Иосиф Антонович [Текст] / Н. Леонтьев // Астраханские губернские ведомости. – 1885. – № 44, 46, 50, 52, 54.
9. Маклюэн, М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека [Текст] / М. Маклюэн ; пер. с англ. В. Николаева ; закл. ст. М. Вавилова. – 2-е изд. – М. : Гиперборея ; Кучково поле, 2007. – С. 464.
10. Михайлова, М. Е. «Астраханские губернские ведомости» в контексте общественно-культурной жизни Астраханской губернии: 1838–1917 гг. [Текст] : дис. ... канд. ист. наук / М. Е. Михайлова. – Волгоград, 2006.
11. Московские ведомости [Текст]. – 1816. – № 29.
12. Новомбергский, Н. Освобождение печати [Текст] / Н. Новомбергский // История печати : антология. – М. : Аспект Пресс, 2003. – С. 195–420.
13. Русский биографический словарь: Вавила-Витгенштейн [Текст] / Издан под наблюдением Императ. русск. историч. общества М.П. Лепехина. – Репринт. изд.: 1896 г. – М. : Аспект-Пресс, 2000. – С. 343–344.
14. Табашников, И. Г. Литература, музыкальная и художественная собственность [Текст] / И. Г. Табашников. – СПб., 1878. – Т. 1.
15. Христианство : энциклопедический словарь [Текст] : в 3 т. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1995. – С. 133.
16. Штылько, А. Н. Астраханская периодическая пресса (исторический очерк) [Текст] / А. Н. Штылько. – Астрахань, 1891.
17. Энциклопедический словарь [Текст] / изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1892. – Т. V.
18. Allgemeine Musikalische Zeitung [Text]. – 1801. – S. 686.

**КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
КАК РАЗНОВИДНОСТЬ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА**

М.М. Бичарова

Данная статья посвящена анализу книжного обзора как своего рода рекламы. Книжный обзор – аналитический жанр масс-медиа, представляющий описание и оценку книг, которые изданы или будут изданы. Он дает фактическую информацию о литературных новинках и пытается привлечь читателей. Рецензент не только предоставляет информацию, но и стимулирует читателя на покупку книги, поэтому книжный обзор может быть отнесен к одному из видов рекламы.

The given article is devoted to the analysis of book review as a kind of advertisement. Book review is an analytical genre of mass-media discourse which represents description and estimation of books which are published or going to appear. It gives actual information on literary novelties and tries to attract readers. A reviewer doesn't only inform but also stimulates the reader to buy the book, that's why book review can be referred to some kind of advertisement.

Key words: discourse, text, mass media, genre, book review, advertisement.

Ключевые слова: дискурс, текст, масс-медиа, жанр, книжное обозрение, реклама.

Язык СМИ занимает сегодня существенное место в сфере массовой коммуникации, что обуславливает рост интереса лингвистов к его особенностям, функциям и жанровой палитре. Жанры печатных СМИ образуют сложную систему, в которой, в зависимости от назначения и на основе ряда признаков, они объединяются в группы. Основанием для жанрового деления печатных СМИ могут быть различные факторы, например, функциональная направленность жанра, глубина анализа в интерпретации фактов, характер изобразительных средств, целевая аудитория, эмоциональность, тематическая направленность и мн. др.

Каждый жанр, представляющий собой совокупность организации того или иного информационного материала, который отражает явления реальной действительности и обладает определенными особенностями, имеет набор устойчивых характеристик, которые делают его уникальным по отношению к другим жанрам.

Набор жанров печатных средств массовой информации, как и понятие «жанр», непрерывно изменяется и усложняется. Появление новых коммуникативных ситуаций, являющихся следствием развития общества, обуславливает рождение новых жанров и отмирание старых, обновляя, таким образом, всю жанровую систему.

Все существующие классификации жанров массово-информационного дискурса основываются на различных принципах дифференциации, однако в итоге все разновидности текстов печатных средств массовой информации оказываются в одном списке жанров, выделяемых по разным основаниям: языковым, понятийным, функциональным и т.д.

Опираясь на наиболее распространенное деление жанров на информационные, аналитические и художественно-публицистические [13, с. 7–8], мы выделяем жанр «книжное обозрение».

Обозрение называют одним из традиционных, устойчивых жанров аналитической публицистики, который отличается строгой фактологичностью, причем факты отбираются и группируются в соответствии с определенной авторской целью, широкой исследованной материала, в отличие от комментария, в центре которого может быть единственный факт или событие, и ограниченностью временными рамками.

Книжное обозрение представляет собой описание, анализ и оценку книг, которые будут или уже опубликованы и выставлены на продажу.

Основными задачами жанра являются доведение актуальной информации о литературных новинках, оценка, привлечение внимания широкого круга читателей. Нацелено книжное обозрение главным образом на то, чтобы книга нашла своего читателя.

Обозреватель литературного произведения не просто доносит информацию до адресата, но и пытается простимулировать в нем желание целиком ознакомиться с работой того или иного автора. Это дает нам основание полагать, что книжное обозрение можно отнести к разновидности рекламного текста.

В системе массово-информационного дискурса реклама занимает особое место, представлена множеством разнообразных жанров, и ее изучению посвящены работы многих авторов. Труды отечественных и зарубежных ученых посвящены изучению структуры и функций рекламных текстов (Г. Картер, В.Л. Музыкант, И.Я. Рожков, К.В. Шидо, Т.И. Лалова, Е.И. Радченко, А. Glim, D. Ogilvy, L.V. Strong), а также исследованию их прагматических, коммуникативных и языковых особенностей (G. Dyer, A. Goddard, G. Leech, T. Vestergaard, K. Schroder).

Понятие «реклама», имея большое количество определений, чаще всего характеризуется как информация о потребительских свойствах товаров и различных услуг с целью их реализации и создания спроса на них, восхвалительное объявление товара; объявление, плакат, извещение, имеющее целью создать широкую известность чему-либо, привлечь покупателей, распространить сведения о ком-либо или чем-либо с целью создания популярности.

Разделяя рекламные тексты на три подгруппы – информационную, аналитическую и публицистическую, – многие исследователи подчеркивают, что в рекламе используются все жанры массово-информационного дискурса [8, с. 153]. Так, «книж-

ное обозрение» занимает определенную нишу в сложной, постоянно развивающейся системе рекламных текстов масс-медиа.

Исследователи выделяют следующие цели рекламного дискурса:

- ✓ воздействующую, которая направлена на создание определенных стереотипов поведения, перестройку или закрепление ценностных ориентиров в сознании личности;
- ✓ социальную, которая призвана способствовать коммуникационным связям в обществе, формировать общественное сознание, содействовать улучшению качества жизни;
- ✓ информационную, которая призвана распространять в массовом масштабе информацию о товаре или услуге, их характере и месте продажи, выделять товар определенной фирмы;
- ✓ экономическую, которая заключается в стимулировании распространения товаров и услуг [6, с. 4].

Рекламный дискурс является составляющей широкой социальной системы и видом социального взаимодействия. Участниками рекламного дискурса можно считать продавца и покупателя, однако в современном обществе они дистанцированы друг от друга во времени и пространстве, их общение осуществляется при помощи особого рода текстов.

Практическая деятельность по созданию и распространению рекламных текстов характеризуется сложной структурой и разделением труда. Важнейшими элементами этой структуры являются рекламодатель, который сам не составляет рекламный текст, а лишь заказывает его рекламному агентству, оплачивая его изготовление и последующее распространение. Рекламное агентство готовит рекламный текст в соответствии с требованиями заказчика и в указанные им сроки, а также обеспечивает его распространение средствами массовой информации, которые распространяют рекламный текст. В создании рекламного текста участвует, как правило, коллектив авторов, в котором в большинстве случаев входят художник-иллюстратор, фотограф, специалист по составлению словесных текстов и др.

Рекламные тексты функционируют главным образом в сфере массовой коммуникации, основными средствами которой являются печать, радио, телевидение, Интернет, кинематограф.

С филологической точки зрения, реклама представляет собой особую сферу практической деятельности, продуктом которой являются словесные произведения – рекламные тексты. Эти тексты характеризуются:

- ✓ определенными признаками содержания и внешнего оформления, позволяющими отличать их от других (нерекламных) текстов;
- ✓ определенными функциональными признаками;
- ✓ определенным местом, которое они занимают в общей совокупности текстов, созданных и создаваемых на языке [12, с. 96].

Рекламные тексты создаются по определенным правилам, перечень которых является достаточно однородным в разных культурах и языковых традициях. Вместе с тем их содержание варьируется в разных культурах. Рекламная деятельность регулируется, с одной стороны, правовыми и этическими нормами, действующими в данном социокультурном пространстве, а, с другой стороны, особыми рекламоведческими правилами, которые представляют собой совокупность запретов и рекомендаций, формулируемых на эмпирической основе составителями рекламных текстов.

В соответствии с такими рекомендациями, рекламный текст должен быть:

- ✓ конкретным и целенаправленным; в рекламе не допускается любая отвличенность;
- ✓ доказательным, логично построенным, доходчивым;
- ✓ кратким, лаконичным; он не должен содержать слова, не несущие смысловой нагрузки;
- ✓ оригинальным, неповторимым, интересным, занимательным, остроумным.

Цель – оказание воздействия на адресата – реализуется в рекламном дискурсе не только вербальными, но и невербальными средствами. В рекламе широко применяется воздействие на подсознание.

Исходя из описанных особенностей рекламного дискурса, а также опираясь на выявленные исследователями (Л.А. Кочетова, Ю.В. Рождественский, О.А. Сычев) отличительные черты рекламных текстов, проведем анализ характерных «рекламных» черт жанра «книжное обозрение».

Роль экстралингвистических факторов. Определяя специфику рекламного текста, В.И. Коньков отмечает, что для наиболее полного представления информации о характере товара или услуг применяются различные графические средства, которые являются одним из главных элементов конструирования так называемой формальной оболочки текста рекламы [4, с. 27]. Они характерны для печатных СМИ и интернет-изданий. Это, прежде всего, оформление текста: выбор шрифтовых гарнитур, средств шрифтового выделения – курсив, подчеркивание, разрядка, использование заглавных букв, варьирование насыщенности и размера шрифта, способы размещения печатного текста на плоскости. Использование таких способов воздействия на читателя в сочетании с лексическими, словообразовательными, синтаксическими и фонетическими значительно повышает эффективность речевого воздействия в целом. Кроме того, для рекламы характерно использование ярких изображений товара либо логотипа его производителя, что дает наиболее полное представление о свойствах и качестве предлагаемого продукта. Во всех книжных обозрениях такая характерная для рекламных текстов черта проявляется в полной мере. Заголовок и текст книжного обозрения, как правило, оформляются в соответствии с характером рассматриваемого произведения: обозрения детской литературы печатаются разноцветными буквами, расположенными под различными наклонами, заголовки обозрений исторических романов – специальными брусковыми шрифтами (египетский, итальянский, готический, древнерусский), имеющими отчетливые исторические ассоциации, обозрения классической литературы оформляются в строгом стиле и т.д. Текст любого книжного обозрения всегда сопровождается изображением обложки книги, фотографией автора, иллюстрациями из книги либо кадрами из фильмов по мотивам данного произведения. Кроме того, в некоторых случаях можно увидеть логотип издательства, в котором книга была выпущена, что является не только способом продвижения печатного издания, но и повышения популярности самого издательства.

Специфика денотата рекламного текста. Денотатом, то есть предметом описания, характеристики, в рекламном тексте является представляемый продукт или услуга. В зависимости от характера товара, его семантического наполнения меняется лингвистическое наполнение рекламного текста. Так, рекламируя специфический прибор для определенной категории специалистов, нельзя избежать употребления специализированной терминологии, понятной узкому кругу потребителей, а в рекламе товаров широкого потребления вполне возможно применение разговорного стиля. Данная характеристика рекламного текста проявляется в книжном обозрении таким образом, что лингвистические особенности обозрения меняются в зависимости от характера, жанра, специфики обозреваемого произведения. Тексты книжных обозрений различных произведений, относящихся к определенным литературным жанрам, перенимают языковые особенности жанра, в котором написано само произведение. Например, в детективных обозрениях, как диктует сам жанр, присутствуют элементы интриги, недосказанности, неопределенности, которые выражаются в необычных оборотах, эпитетах, сравнениях, эллипсисах и безличных конструкциях. Обозрения детской литературы содержат элементы разговорного языка, исторические обозрения – историзмы, архаизмы и специфические для определенной исторической эпохи термины.

Прагматическая направленность. Рекламный текст как особое языковое явление при помощи лингвистических и экстралингвистических средств побуждает адресата к определенным действиям, проявляя, таким образом, особую прагматическую направленность.

Современный человек живет в условиях постоянного речевого воздействия, оказываемого на него окружающими его субъектами. Необходимость оказывать влияние на представления человека, побуждать его к действиям в процессе социализации в данном социокультурном пространстве обусловила появление специальных алгоритмированных процедур и инструментов речевого воздействия, используемых в процессе коммуникации, которые успешно применяются в рекламных текстах.

Под речевым воздействием мы понимаем регуляцию деятельности одного индивида другим посредством речи. С помощью языковых средств возможно побуждать индивида к началу, продолжению, изменению или прекращению какой-либо деятельности. Научный анализ позволяет в каждом акте речевого общения увидеть процесс достижения некоторой неречевой цели, которая в итоге соотносится с регуляцией деятельности коммуникантов.

Под речевым воздействием в широком смысле мы понимаем воздействие на индивидуальное и коллективное сознание и поведение, осуществляемое разнообразными речевыми средствами. Это любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, описанное с позиции одного из коммуникантов.

В узком смысле под речевым воздействием мы понимаем использование особенностей устройства и функционирования языка с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение адресата или адресатов сообщения.

Речевое воздействие в настоящее время следует, в первую очередь, связывать с функционированием средств массовой информации. Во всяком случае существует достаточно четко формулируемый социальный заказ на анализ проблем речевого воздействия в структуре СМИ. Анализ изучения проблем речевого воздействия позволяет сделать вывод о том, что в последние годы существует отчетливая тенденция смещения центра исследовательских интересов на проблемы массовой информации, массового речевого воздействия, когда его объектом является некоторая совокупность людей.

«Книжное обозрение» как разновидность рекламного текста представляет собой наиболее яркий пример совокупности всевозможных инструментов языкового воздействия, применяемых обозревателем с целью вызвать интерес у читателя, побудить его к приобретению того или иного литературного произведения, прочитать книгу, составить свое мнение о работе.

Применительно к жанру «книжное обозрение» как виду рекламного текста справедливым выглядит утверждение авторитетного исследователя языка газеты В.Г. Костомарова о том, что «любая... массовая информация должна быть эмоционально-заражающей, а не только содержательно рационалистической» [5, с. 257].

Когнитивные условия создания рекламного текста. Рекламному тексту, представляющему собой акт прагматического текстообразования, свойственны когнитивные условия, специфика которых состоит в осуществлении воздействия на мнения и ценностные установки адресата, формировании определенных знаний, образов, выгодного положительного отношения к денотату рекламного текста.

Речевые инструменты воздействия, используемые в книжных обозрениях, не только побуждают к приобретению и прочтению книги, но и априори формируют у читателя определенное, в зависимости от характера обозрения, мнение об обозреваемом произведении. Следует отметить, что воздействие может достигаться использованием как экспрессивных, так и нейтральных речевых средств, поскольку любое речевое поведение является целенаправленным, и во всяком речевом акте осуществляется воздействие. Поэтому даже в ходе подачи, казалось бы, чисто фактуальной информации происходит не только сообщение каких-либо сведений, фактов, но и преследуется достижение некоторой цели.

Предположение о несправедливости весьма распространенного мнения о том, что воздействие передается только через экспрессивный способ изложения материала, подтверждается исследованиями теории речевого воздействия, в частности концепцией Л.А. Киселевой, где убедительно доказано, что для успешной реализации планируемо-

го эффекта воздействия могут использоваться не только маркированные, экспрессивные компоненты языка, но и нейтральные, немаркированные языковые средства [3, с. 114]. В этом случае текст выглядит как осуществление чисто информативной функции. Такое «информативное высказывание» приобретает большой потенциал внушаемости: оно создает у адресата впечатление объективности, непредвзятости и, следовательно, истинности мнения субъекта. Воздействие через информирование очень эффективно в случае отрицательного отношения адресата к воздействию.

Подобный тип речевого воздействия часто используется в книжных обзорах. Передавая сюжет произведения, то есть предоставляя читателю объективную информацию о сюжете произведения, автор обзора формирует у него определенное мнение о нем и впоследствии оказывает влияние на приобретение книги читателем.

Семиотический характер. Реклама – это особый вид коммуникации, отличающийся спецификой речевой ситуации, количеством и характером участников, формулами рекламного воздействия.

Имея целью привлечение внимания к товару или услуге, рекламный текст устанавливает определенную манеру сообщения информации, особенностью которой является подача информации на «явном» и «скрытом» уровнях, которые могут кардинально отличаться друг от друга, что, с одной стороны, в значительной степени усиливает эффект, производимый на читателя, а с другой, может затруднить прочтение и восприятие текста [24, с. 20].

Особенностью книжного обзора как рекламного текста является включение разного рода знаков, которые проявляют себя различным способом в зависимости от степени привязанности к той или иной ситуации. Это привносит в сообщение обозревателя дополнительный смысл и нагрузку; воздействующий эффект достигается не столько «явным», сколько «скрытым» сообщением.

Знак, являющийся объектом изучения семиотики, представляет собой материальный чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие), который выступает в качестве представителя другого предмета, свойства или отношения. Каждый знак представляет собой комбинацию означающего и означаемого. Использование различных знаков в рекламном тексте способствует формированию как «явного», так и «скрытого» смысла высказывания. Различают языковые и неязыковые знаки, которые в равной степени используются в книжных обзорах. Неязыковые знаки представлены иконическими знаками, знаками-индексами и знаками-символами [21, с. 32].

Иконические знаки формируются на основе подобия означаемого и означающего [14, с. 211]. Изображение книги – это иконический знак, который наиболее часто встречается в книжных обзорах. Даже если в обзоре не представлена непосредственно фотография обложки обозреваемой книги, а просто дано абстрактное изображение книги, несущее в себе значение «знания, новая, полезная информация», в сочетании с другими языковыми инструментами воздействия, обозреватель добьется позитивного воздействующего эффекта. В иконическую группу знаков входят некоторые метафоры, значение которых ассоциируется с характером обозреваемого произведения. Использование распространенной метафоры “soar oregan” в книжном обзоре будет характеризовать обозреваемую книгу как драматичное и романтическое произведение.

Знаки-индексы формируются отношением смежности означаемого и означающего и представляют собой знаки, используемые для представления объекта на основе ассоциативных связей. Например, идея приятного времяпрепровождения с книгой может быть индексально представлена изображением очков, лежащих поверх раскрытой книги и бокалом красного вина, стоящим рядом. К знакам-индексам относятся также метонимия.

Знаки-символы образуются при помощи установления связи означающего и означаемого по условному соглашению. Связь двух сторон знака-символа не зависит от их сходства, он обретает статус условного установления и всеобщего правила. Знаки-символы могут устанавливаться искусственно, например, когда метафора является посредником между символом и какой-то из характеристик обозреваемого произведения.

Образность. Особый вид образности в рекламных текстах заключен в способности передавать содержащиеся в тексте идеи через словесные и чувственно воспринимаемые визуальные образы. Важным конструктивным принципом образного языка газеты является сочетание стандарта и экспрессии. Последняя достигается различными средствами, одно из которых – метафора.

Метафора является не только средством привлечения внимания потенциальных читателей книжных обзоров. Ее роль в коммуникации не ограничивается только художественной стороной. Обозреватели активно используют метафору для формирования определенного мнения о книге, литературном произведении, и используют настолько эффективно, что ее присутствие, ставшее неотъемлемой частью текстов как отдельных обзоров, так и многих других текстов массово-информационного дискурса, незаметно массовому потребителю. Это, в свою очередь, позволяет воздействовать не на его сознание, а на бессознательные компоненты его психики. Метафора в книжном обзоре оказывается средством формирования представлений о том или ином произведении, а язык обзора – особый язык, насыщенный абстракциями, эвфемизмами и иносказаниями.

Метафора несет в себе оценочную нагрузку. Поскольку большинство метафор, используемых в массово-информационном дискурсе, являются ассоциативными, то их влияние на формирование отношения потребителей к теме является непрямым, воздействуя не на мышление, а на эмоционально-экспрессивное восприятие аудитории.

Комплексность воздействия. Основой комплексного рекламного воздействия является взаимодействие текста и изображения. Книжное обозрение, как правило, несет поликодный характер взаимодействия невербального и вербального компонентов. Невербальные компоненты формируют экстралингвистический уровень обозрения.

Оформляя книжное обозрение, автор учитывает, что среди множества других текстов обзоров книг читатель непроизвольно должен обратить внимание именно на его текст. В связи с этим актуальным становится вопрос о создании надежного канала для передачи информации, который бы привлекал внимание, облегчал восприятие, нес дополнительную прагматическую нагрузку. Этим каналом коммуникации становятся элементы графического исполнения книжных обзоров.

Графические элементы книжного обозрения (шрифт, символы, каллиграфия, иллюстрация, картинка с текстом и без текста) относятся к экстралингвистическим параметрам характеристики жанра. Отношения вербального и невербального компонентов в различных текстах книжных обзоров могут варьироваться. Графические компоненты могут дублировать либо замещать текст обозрения, изображения могут дополнять обозрение информацией, которая отсутствует в тексте обозрения. Отношения между текстом и изображением могут быть построены на переключении акцентов, когда каждый из компонентов вносит свой нюанс в идею.

Экстралингвистические компоненты книжных обзоров не представляют собой автономную семиотическую систему, но, как правило, при создании рекламных текстов они обязательно присутствуют, поскольку в сочетании с вербальными элементами они способствуют созданию эффективной манипулятивной тактики.

Специфика книжного обозрения как разновидности рекламного текста находит выражение в прагматических и семиотических характеристиках, позволяющих выполнять следующие рекламные функции:

- ✓ экономическую (утилитарную) – увеличение объема продаж и оборотов денежных средств, получения прибыли;
- ✓ информационную (прагматическую) – необходимые сведения об обозреваемом произведении, его авторе и т.д.;
- ✓ маркетинговую (коммерческую) – способствует продвижению товара или идеи, в частности, на массово-информационном рынке;
- ✓ коммуникационную (идеологическую) – воздействует на массовую аудиторию; воспитательную (социальную) – влияет на массовое сознание [1].

Вербальные и невербальные знаки, используемые при создании книжного обозрения, направлены на формирование определенных положительных ассоциаций у

адресата с целью достижения выгодного для автора результата – стимулирования у читателя желания приобрести книгу и прочитать ее.

Библиографический список

1. Бакенова, Г. Виды, функции рекламы. Исследования по рекламе [Электронный ресурс] / Г. Бакенова. – Режим доступа: http://www.unesco.kz/massmedia/pages/9_3.htm, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Картер, Г. Эффективная реклама: путеводитель для мелких предприятий [Текст] / Г. Картер ; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1991. – 280 с.
3. Киселева, Л. А. Вопросы теории речевого воздействия [Текст] / Л. А. Киселева. – Л. : Изд. Ленинград. ун-та, 1978. – 158 с.
4. Коньков, В. И. Речевая структура газетного текста [Текст] / В. И. Коньков. – СПб. : Изд. СПб. ун-та, 1995. – 160 с.
5. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе [Текст] / В. Г. Костомаров. – М., 1971. – 267 с.
6. Кочетова, Л. А. Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Кочетова. – Волгоград, 1999. – 19 с.
7. Лалова, Т. И. Реклама: фонетический аспект [Текст] / Т. И. Лалова // Актуальные проблемы языкознания и методики обучения иностранным языкам. – Воронеж : ВГПУ, 2000. – С. 129–130.
8. Музыкант, В. Л. Теория и практика современной рекламы [Текст] / В. Л. Музыкант. – М. : Компания «Евразийский регион», 1998. – 397 с.
9. Радченко, Е. И. Цветовозначения в рекламных текстах [Текст] / Е. И. Радченко // Актуальные проблемы языкознания и методики обучения иностранным языкам. – Воронеж : ВГПУ, 2000. – С. 174–176.
10. Рождественский, Ю. В. Теория риторики [Текст] / Ю. В. Рождественский. – М. : Добросвет, 1997. – 597 с.
11. Рожков, И. Я. Планка для профи. Реклама в условиях рынка 90-х гг. [Текст] / И. Я. Рожков. – М. : Юрайт, 1997. – 208 с.
12. Сычев, О. А. Филологический анализ американской рекламы [Текст] / О. А. Сычев // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М. : Наука, 1990. – С. 96–108.
13. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати [Текст] : учеб. пос. / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2000. – Режим доступа: <http://www.evarist.narod.ru/text2/01/htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
14. Филиппов, В. С. Текст: знак – икона, знак – индекс, знак – символ [Текст] / В. С. Филиппов // Актуальные проблемы языкознания и методики обучения иностранным языкам. – Воронеж : ВГПУ, 2000. – С. 211–212.
15. Шидо, К. В. Рекламный слоган как особый жанр английских рекламных текстов [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / К. В. Шидо. – Саратов, 2002. – 211 с.
16. Dyer, G. Advertising as communication [Text] / G. Dyer. – London : Methuen, 1982. – 218 p.
17. Glim, A. How advertising is written – and why? [Text] / A. Glim. – N.Y. : Dover Publications, Inc., 1961. – 150 p.
18. Goddard, A. The language of advertising [Text] / A. Goddard. – London – N.Y. : Routledge, 1998. – 134 p.
19. Leech, J. The Principles of Pragmatics [Text] / J. Leech. – London – N.Y. : Longman, 1983. – 250 p.
20. Ogilvy, D. Confessions of an advertising man [Text] / Ogilvy D. – 3rd print. – N.Y. : Atheneum, 1963. – 172 p.
21. Pierce, C. S. Elements of logic [Text] / C. S. Pierce // Collected papers of Charles Sanders Pierce. – Mass. Harvard : Cambridge Univ. Press, 1960. – V. 2. – P. 25–36.
22. Strong, L. V. The “how to” book of advertising : creating it, preparing it, presenting it [Text] / L. V. Strong – N.Y. : Fairchild Publ., 1990. – 128 p.
23. Vestergaard, T. The language of advertising [Text] / T. Vestergaard, K. Schroder. – Oxford : Blackwell, 1985. – 182 p.
24. Williamson, J. Decoding advertisements: ideology and meaning in advertising [Text] / J. Williamson. – London : Marian Boyars, 1983. – 256 с.

**ЖАНР СВЕТСКАЯ БЕСЕДА КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
(диахронный аспект)**

Г.Н. Горлова

Статья посвящена анализу книжного обзора как вида рекламы. Книжный обзор – аналитический жанр масс-медиа, представляющий описание и оценку книг, которые изданы или будут изданы. Он дает фактическую информацию о литературных новинках и пытается привлечь читателей. Рецензент не только предоставляет информацию, но и стимулирует читателя на покупку книги, поэтому книжный обзор может быть отнесен к одному из видов рекламы.

The given article is devoted to the analysis of book review as a kind of advertisement. Book review is an analytical genre of mass-media discourse which represents description and estimation of books which are published or going to appear. It gives actual information about literary novelties and tries to attract readers. A reviewer doesn't only inform but also stimulates the reader to buy the book that's why book review can be referred to some kind of advertisement.

Ключевые слова: национальная культура, речевой жанр *светская беседа*, жанрообразующие признаки, светский салон, эстетика салонной культуры, культура речевого поведения, литературно-политический салон России начала XIX в.

Key words: national culture, speech genre *small talk*, indications of the genre, secular salon, the aesthetics of salon culture, speech culture, the Russian literary and political salon of the XIXth century.

Изучение языка с функционально-прагматической позиции, исследование закономерностей языкового воплощения социального взаимодействия людей дает лингвистам возможность рассматривать проблемы языка в контексте ценностей мировой и национальной культуры. Взаимосвязь языка и культуры, языка и общества были предметом внимания отечественных ученых Е.Д. Поливанова, Б.А. Ларина, Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского. Ю.М. Лотман отмечал, что сфера социально-культурного поведения (в том числе и вербального) занимает в системе культуры особое место. Многие современные отечественные исследователи-лингвисты, например, В.А. Митягина, рассматривают язык как системообразующий феномен культуры, «потому что культура представляет собой комплекс образцов, моделей, схем и т.п., которыми носители культуры обмениваются в разных интеракционных плоскостях» [6, с. 149–150]. Язык же, как пишет М.М. Бахтин, представлен жанрами: «именно жанры, а не язык в целом, представляют собой культурно апробированные формы освоения мира» [1, с. 147]. Именно поэтому жанровая организация речевого взаимодействия людей всегда культурно детерминирована. Вслед за Ю.М. Лотманом, полагавшим, что «культура вечна и всемирна, но при этом всегда подвижна и изменчива» [4], можно констатировать, что речевые жанры также динамичны по своей природе: они появляются, изменяются, заимствуются, трансформируются, отражая специфические для той или иной эпохи сферы и виды коммуникации.

Жанровое многообразие и своеобразие коммуникативного пространства той или иной культуры в ту или иную эпоху во многом определяется социокультурными факторами. Специфика жанра, его форма (устная или письменная, монологическая или диалогическая), его языковое воплощение, тематический репертуар, композиционное построение во многом определяются культурными нормами того или иного этноса в определенный период его существования. В каждую историческую эпоху задают тон определенные речевые жанры. Их репертуар определяется общекультурными процессами, доминирующими в данную эпоху, а также социально-политическими факторами, такими, как, например, изменение социальной структуры общества, появление новых видов деятельности и модификация старых и др. Светская беседа как жанр речи есть порождение и отражение дворянской культуры, которая, по Лотману, была культурой национальной, и, прежде всего, светской салонной культурой. Проследить историю светского салона – значит проследить эволюцию жанра светской беседы, таких его признаков, как коммуникативные цели, репертуар тем, подлежащих обсу-

дению, социальный состав его участников, стиль их поведения, ритуальность и этикетность общения и некоторые другие, что, в свою очередь, позволит определить место и роль данного жанра в пространстве современной культуры, в том числе и культуры речи.

Салон – исторически и культурно обусловленная форма общественной жизни, в которой соединились серьезные, глубокие интересы и приятное времяпрепровождение, беседа на важные социальные или культурные темы и гедонистическое общение в интимной обстановке, личное и общественное. Институт салона как одна из форм интеллектуальной жизни высшего круга общества зародился в начале XVII в. во Франции. Салон (франц. *salone* – большой зал) – гостиная, комната для приема гостей, в которой собирались люди высшего общества, представители политики, науки и искусства. Все они группировались вокруг хозяйки салона – женщины, обладающей умом, талантом привлекать людей, остроумием. Явлением, ставшим предтечей светского салона Нового времени, было собрание в доме гетеры древних Афин, где выдающиеся люди своего времени проводили время в беседах на темы философии и политики. Таким «салонном» бал дом Аспазии, в котором бывал Сократ, блистали красноречием Перикл и Алквид.

В Италии XIV–XV вв. существовали кружки, в которых гости, направляемые хозяйкой, вели беседы, посвященные общественным и культурным проблемам, например, обсуждению литературных или философских новинок. Однако приоритетными считались беседы на любовные темы, что нашло отражение во всемирно известном произведении мировой литературы «Декамерон» Джованни Боккаччо.

Во Францию салонная культура, а вместе с ней и традиция салонной беседы как основного средства времяпрепровождения аристократии была ввезена придворными дамами Екатерины Медичи, вышедшей замуж за французского короля Генриха II Валуа. Один из таких светских салонов сформировался в окружении их дочери Маргариты Валуа. Но только в XVII в. светские салоны стали подлинными центрами культурной жизни Франции; они становятся не просто местом собрания представителей света, но и пространством интеллектуального общения. Салоны этого времени, как в зеркале, отразили наиболее характерные черты и тенденции развития французской национальной культуры. Самым блестящим и известным салоном XVII в. стал салон маркизы Рамбулье, где была сконцентрирована общественно-политическая, научная и художественная элита общества. Собиравшиеся в нем представители высшего света и просвещенной интеллигенции блистали любезностью, остроумием, эрудицией и мастерством вести непринужденную беседу на философские, политические и литературные темы. Это была эпоха куртуазной культуры, определившей стиль изысканно вежливого поведения, галантного отношения к партнерам по общению и, прежде всего, к дамам, нормализующей культуру речевого поведения, манеры, жесты и другие внешние формы поведения. Искусство интеллектуального разговора культивировалось в таком салоне как игра умов, но, кроме этого, в нем формировалась и шлифовалась изысканная речевая культура, утонченность эстетических вкусов собеседников. Атмосфера салона способствовала формированию культа галантности, наложившего отпечаток на всю культуру этого времени. Хозяйка салона (*salonie`re*) обдумывала тему для беседы на определенный вечер, в соответствии с ней подбирала гостей. Их не должно было быть много, поскольку беседа по какой-либо узкой теме может активно вестись лишь ограниченным количеством собеседников. Хозяйка также следила за ходом беседы, за тем, чтобы никто из присутствующих не присваивал себе единоличного права на слово, никто не скучал в ее гостиной. Именно в этот период определились такие конституирующие признаки светской беседы, как полилогичность общения, этикетность, строгий отбор тем общения, соответствующих галантному стилю поведения, единственно возможному в светском салоне, следование определенному ритуалу поведения и общения. В салоне маркизы де Рамбулье, как и в других аристократических французских салонах, царил в то время строгий языковой пуризм, апологетом которого был известный лингвист, член-учредитель Французской академии Клод Вожла. Светские приличия требовали разделения слов

на «высшие» и «низшие», в светской беседе было недопустимо использование вульгаризмов и разговорных выражений. Упоминание об обыденных предметах воспринималось как проявление непристойности, а вычурные обороты, изысканные перифразы, остроловие, словесная игра возводились в ранг культа. К 50-м гг. XVII в. такая экстравагантная манера куртуазного салонного общения, принимавшая подчас нелепые и комические формы, подверглась убийственной критике, осмеянию в мольеровских «Смешных жеманницах». Если в салоне XVII в. главная цель общения все же была, как правило, прежде всего развлекательная, гедонистическая, а тематика светских бесед чаще всего замыкалась в литературно-музыкальной и отвлеченно-философской сферах, то салон XVIII в. приобрел более серьезное содержание: теперь это не только место приятного времяпрепровождения и свободного обмена мнениями в галантном кругу праздных гостей, теперь салон – место, где поднимаются важнейшие проблемы эпохи Просвещения, где воздух пропитан идеями либерализма, где могут на равных обсуждать общественно-значимые проблемы представители различных социальных кругов – аристократы, буржуа и даже прославившиеся в той или иной области горожане. В конце XVIII в., в преддверии революции, салоны приобрели ярко выраженную политическую окраску; многие из них были своеобразными трибунами для выражения политической платформы как вождей оппозиции, так и новых революционных деятелей. Салон супруги маршала д'Анвиль стал прибежищем Вольтера, а салон супруги маршала Бово поддерживал находящегося в опале Шуазеля. Салон его сестры мадам Граммон стал первым истинно политическим салоном, своего рода политическим штабом оппозиции. С другой стороны, набирающая силу буржуазия с позиции нового политического режима диктовала свои идеологические лозунги, свое представление о стиле жизни и стиле общения (салоны г-жи Дюбари, де Сталь, Жоффрен). Революционная эпоха накладывает отпечаток на культуру салонного общения, формируя новый стиль поведения, более демократичный, менее претенциозный, и на салонную беседу как жанр речи, воплощающий эту культуру, определяет не только диктумное содержание этого речевого жанра, но и регламентирует состав участников светского общения, его этикет и языковое воплощение. Теперь участники светского общения – это не жеманно «щебечущие» кокетки, не остроловы, олицетворяющие придворно-аристократическую культуру, а люди, чьи интересы сфокусированы на проблемах политической ситуации в стране, кто не может оставаться равнодушным сторонним наблюдателем событий, захлестнувших стану, и салонная беседа подчас приобретает формы настоящих политических дискуссий. В этих условиях в значительной степени меняются требования к этикетным формам общения. Сохраняется тон светского приличия, повышенного внимания к собеседнику, но исчезает культ любезности, жеманность не уживается с серьезностью тематики бесед.

Представители высших слоев общества в других европейских странах под влиянием эстетики салонной культуры также культивировали у себя стиль общения в форме светской беседы. Умение легко и непринужденно вести беседу на различные темы считалось незыблемым атрибутом светского человека в Австрии и Германии. В буржуазно-аристократической культуре Англии, где салоны не имели такого значения, как во Франции, сформировался кодекс поведения джентльмена, обязательный для любого светского человека XIX в., в который входили правила, диктующие если не изощренность в салонном остроловии, то учтивость, сдержанность, приличия поведения в свете, определяющиеся категорией *du comme il faut*.

В отличие от Европы, институт салона и светская беседа появились в России именно в этот период, в конце XVIII в. Немаловажную роль в распространении этих форм интеллектуальной жизни высшего общества сыграли французские эмигранты, бежавшие в Россию от революционных бурь. Именно в России аристократическая салонная культура нашла благодатную почву для дальнейшего развития. И хотя в дальнейшем культурная ориентация на английский стиль поведения и кодекс джентльмена стали превалировать в русском светском обществе, особенно среди гвардейской молодежи, культурные традиции французского салона оказали определяю-

щее влияние на русскую культуру образованного общества. Собственно салонное общение как воплощение европейского стиля светской жизни и светского тона получило распространение в России еще в середине XVIII в., когда салоны заменили куртаги эпохи Анны Иоанновны, пришедшие, в свою очередь, на смену петровским ассамблеям. В салоне И.И. Шувалова собирался цвет общества, постоянными посетителями салона были Г.Р. Державин, И.Д. Дмитриев, И. Богданович. Поэтому основными темами бесед в этом великосветском кружке были вопросы литературы, читались и обсуждались новинки литературы, достоинства переводов и др. Значительное влияние на культурную жизнь конца XVIII в. оказали салоны Г.Р. Державина и Н.А. Львова. Нельзя не упомянуть и о таком явлении в светской жизни конца века, как Эрмитажный салон, идейной вдохновительницей и хозяйкой которого была Екатерина Великая. Эрмитажный салон, олицетворявший придворную культуру и ориентированный на светский образ жизни ближайшего окружения Екатерины, определял стиль поведения собиравшихся в нем лиц, поэтому здесь господствовал куртуазный стиль общения, а любезность и светская учтивость почитались высшими добродетелями. «Эрмитажный устав», написанный собственноручно императрицей, регламентировал не только правила светского поведения, но и манеру речи. Так, например, не рекомендовалось говорить излишне громко, «...дабы у прочих тамо находящихся уши и головы не заболели». Устав требовал соблюдения таких этикетных требований поведения в обществе: ведя беседу, не прерывать собеседника, невзирая на чины и ранги, не злословить и не порицать отсутствующих; «ссоры из избы не выносить, а что зайдет в одно ухо, то бы вошло в другое прежде, чем выйдете из двери». Эрмитажный салон делился на Большое, Среднее и Малое собрания в зависимости от состава участников, их интересов, предпочтений и увлечений. В Большом собрании принимали участие придворные, высшие сановники и дипломаты, поэтому предметом бесед были, прежде всего, государственные дела, вопросы политики и режиссерской философии. На Среднем собрании предпочтение отдавалось беседам на литературные темы, поэтому сюда приглашались, помимо знати, представители мира искусства и литературы. Малые собрания посвящались исключительно развлечениям: разыгрывали шарады, ставили спектакли, слушали исполнение музыкальных произведений. Беседовать на Малых собраниях было не принято. Эрмитажный салон был своего рода полигоном, где вырабатывались нормы светского поведения, формировался стиль поведения, ориентированный на европейские (прежде всего, французские) традиции салонной культуры и беседы. Благодаря самой Екатерине и таким постоянным посетителям салона, как Е.Р. Дашкова, А.С. Строганов, французские дипломаты графы Сегюр и Кобертон, эти собрания проходили в атмосфере непринужденного общения, хороших манер, но, главное, они определили новые формы общественной жизни, сформировали новый вид интеллектуального сообщества людей, чьи ценностные ориентации, интересы, вкусы, эстетические идеалы определили стиль жизни всего образованного дворянства в век Просвещения. На рубеже XVIII–XIX вв., особенно в 1790-е гг., «связанные с французскими эмигрантами круги петербургского общества демонстрировали сохранение в столице России истинно «версальского» тона, уже не существовавшего на родине» [5]. Салоны XIX в. как отражение и форма самовыражения светского общества представляли собой весьма пеструю и неоднородную картину и по форме, и по сути, и по статусу. Собственно великосветские салоны были подчас местом для развлечения и праздноречивого времяпрепровождения столичного общества. Цели и формы общения были одни и те же – карты, сплетни, флирт, но петербургские салоны отличались от московских большей официальностью общения, более строгим регламентом поведения. Присутствие двора и влияние придворного этикета несомненно накладывали отпечаток на тон поведения и формы светской беседы петербургского общества. Московские салоны демонстрировали свою «оппозиционность» формализму придворной культуры и надменности петербургского света. Общение посетителей московских салонов было пронизано духом неофициальности, а светская беседа не лишена налета либерализма. Изящность манер и утонченность речи, блестящее умение «в разговоре коснуться до всего слегка»

были атрибутом общения в петербургском салоне, а естественность, непосредственность, открытость, незаданность определяли стиль поведения в московском.

На фоне этого «разнообразного однообразия» выделялись аристократические салоны, ставшие культурными и интеллектуальными центрами общества. Литературные салоны – уникальное явление нашей культуры XIX в., имеющее непреходящее значение в истории формирования русской интеллектуальной элиты. Они являются важнейшим фактором развития культурных традиций и общественной мысли в России этого периода. Это были сообщества людей избранного круга, среди которых было немало представителей литературы и искусства. Такими интеллектуальными центрами эпохи Александра I были петербургские салоны президента Академии художеств А.Н. Оленина, П.А. Елагиной; чуть позднее, в 30-е гг., – салоны Е.А. Карамзиной, австрийской посланницы Д.Ф. Фикельмон, московский салон Зинаиды Волконской. Министр народного просвещения С.С. Уваров признавал, что в тот период времени «домашние общества» имели более заметное влияние на современников, чем академии и государственные учреждения. Индивидуальность хозяйки, ее вкусы, образованность, эстетические идеалы, увлечения определяли не только стиль поведения, но и круг посетителей, и, соответственно, репертуар бесед. Так, в Салоне Зинаиды Волконской, большой поклонницы музыки, одаренной исполнительницы, часто слушали музыку, обсуждали музыкальные новинки, исполняли отрывки из опер. В воспоминаниях об Адаме Мицкевиче князь Вяземский писал: «В Москве дом кн. Зинаиды Волконской был изящным сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества. Тут соединялись представители большого света, сановники и красавицы, молодежь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Все в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли» [3, с. 329–330]. Среди гостей в салоне Волконской частыми гостями были такие выдающиеся личности, как Пушкин, Мицкевич, Баратынский. Княгиня, получившая нерядовое по тем временам для женщины образование, воспитывавшаяся за границей, со свойственной ей непринужденностью соединяла стиль европейских салонов с оттенком богемности и нескрываемой политической независимостью. Даже аполитизм она превращала в политическую позицию, устроив прощальный музыкальный вечер своей невестке Марии Волконской, уезжавшей за мужем в Сибирь. В салоне Волконской, этом «волшебном острове» искусств, велись глубокие, содержательные разговоры о литературе, философии и никогда – о политике. В Петербурге считалось хорошим тоном и почетным правом посещать дворец Салтыкова на Дворцовой набережной, где размещалось посольство Австрии и где раскрывали двери своих салонов перед избранным обществом две замечательные женщины своего времени – Елизавета Михайловна Хитрово (дочь М.И. Кутузова) и ее младшая дочь графиня Дарья Федоровна Фикельмон – жена австрийского посла. В этом знаменитом салоне частыми и любимыми гостями были люди большого ума и широкой культуры П.А. Вяземский, А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, А.И. Тургенев и многие другие представители культурной элиты того времени, где они могли общаться не только с умнейшим и образованнейшим человеком Шарлем-Луи Фикельмоном, но и со всем дипломатическим корпусом, получать новости со всего мира, а также новинки литературы, запрещенные к ввозу в Россию цензурой. Князь Вяземский, чьи отношения с Долли Фикельмон они сами называли «влюбленной дружбой», так писал в «Старой записной книжке» об утренних собраниях у Хитрово и вечерних встречах у Фикельмонов: «Не нужно было читать газеты, как у Афинян, которые также не нуждались в газетах, а жили, учились, мудрствовали и умственно наслаждались в портиках и на площади...» [цит. по: 7, с. 227]. Главное, «эта всемирная изустная, разговорная газета издавалась по направлению и под редакцией двух любезных и милых женщин» [7, с. 227]. Стоит обратить внимание на последние слова из цитируемого отрывка, в которых дана характеристика хозяек этих салонов. Д.Ф. Фикельмон была одной из самых незаурядных женщин своего времени. Большинство современников, оставивших воспоминания о ней, пишут о широте ее интересов, истинно европейской культуре, независимости суждений, художест-

венной одаренности и отмечают «отменный ум». Вот что пишет в письме к ней от 25 апреля 1830 г. А.С. Пушкин: «Поверьте, что я всегда останусь самым искренним поклонником Вашей любезности, столь непринужденной, Вашей беседы, такой приветливой и увлекательной, хотя Вы имеете несчастье быть самой блестящей из наших знатных дам...» [цит. по: 7, с. 185]. И действительно, Фикельмон – хозяйка блестящего и респектабельного аристократического салона – производила впечатление исключительно умной, проницательной и в то же время естественной, простой (этот эпитет наиболее часто использует князь Вяземский в своих отзывах о ней), обаятельной женщины. Но главное ее качество, без которого невозможно создать салон и быть центром притяжения для таких гениальных людей, как Пушкин, – это умение вести блестящую, непринужденную и умную светскую беседу. И сама графиня высоко ценила в людях умение вести беседу, считая это качеством непременным достоинством светского человека. Очень часто ее характеристики светских знакомых включают ссылки на речевую культуру и умение беседовать. Вот как, например, она пишет о светской знакомой в дневнике: «Самая приятная из всех госпожа Пашкова. Она кажется доброй, естественной и умеет вести беседу». Характеризуя других собеседников, отмечает, «говорит умно и учтиво» (об Анатолии Демидове) [цит. по: 8, с. 30], «Как мне представляется, умеет вести беседу», «весьма оживляет беседу в узком кругу» (о секретаре голландского посольства Сюлливане) [цит. по: 8, с. 87]. Таких записей в ее дневнике великое множество. Особенно высоко ценила Д. Фикельмон способность говорить просто, занимательно и остроумно. Именно эта способность Пушкина восхищала более всего: «Пушкин, писатель, беседует очаровательно, непретенциозно, живо и с жаром» (запись в дневнике от 10 декабря 1829 г.), «Мы рассчитываем на Ваше остроумие, дорогой Пушкин, чтобы все это оживить» (из записки к поэту в январе 1830 г.) [цит. по: 8].

Особый интерес представляет репертуар тем, которые обсуждались в салоне австрийской посланницы. Именно в этом салоне защищенные статусом дипломатической неприкосновенности его хозяев гости могли довольно открыто и искренне говорить о многих политических событиях, упоминание о которых было немислимо в других гостиных Петербурга. К величайшему сожалению, но по вполне понятным причинам никто из участников этих бесед не оставил воспоминаний о предметах, которые в них обсуждались. Но о некоторых из них мы можем судить по дневниковым записям Дарьи Федоровны. В салоне графини Фикельмон, например, обсуждали книгу французского путешественника и политика маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», живо откликались на такие события в европейской политике, как отделение Бельгии от Голландии, заинтересованно спорили о «польском вопросе», так радикально изменившем геополитическую ситуацию в Европе.

Философско-религиозные вопросы также были предметом бесед графини и ее гостей. Дарья Федоровна, оставаясь до конца жизни православной, живо интересовалась неокатолицизмом, поэтому в ее переписке с П.А. Вяземским и, скорее всего, в салонных беседах обсуждали идеи христианского социализма Ламеннэ и Лакордера. Беседа на любую тему, несла ли она отпечаток мировоззрения и интеллекта собеседников, представляла собой виртуозную игру слов или «разговор высшей образованности», по словам Н.М. Карамзина, на отвлеченные темы, строилась по определенным коммуникативным законам. Беседа должна быть не только «просвещенной, но и утонченной» – важно не только то, что говорить, но и как говорить. Любезность, такт и чувство юмора – главные достоинства собеседников, способные украсить салонное общение. Пародии и шутки создавали атмосферу непринужденности. Захват лидерства в полилоге как основной форме светской беседы считался недопустимым и неприемлемым среди воспитанных светских людей, уважающих своих собеседников; превращение полилога в диалог допускалось лишь в том случае, если общество естественным образом разделялось на несколько групп, что довольно часто практиковалось в большой гостиной Долли, где собиралось значительное число гостей, и никогда – в ее красной гостиной, куда допускались лишь самые близкие друзья и где разговор носил особенно доверительный характер, а темы были заведомо интересными

для всех присутствующих. Искусство речевого этикета высоко ценилось собеседниками, а качество речи соответствовало нормам элитарного типа речевой культуры. Светская беседа 1 половины XIX в. по праву считается канонической. В современном коммуникативном пространстве этот речевой жанр сузил сферу своего распространения именно потому, что большинство современных коммуникантов не соответствует высокому типу речевой культуры, не владеют нормами этикета. Еще на одну немаловажную причину указывал М.М. Бахтин в своей программной работе «Проблема речевых жанров»: «Часто человек, великолепно владеющий речью в различных сферах культурного общения, умеющий прочесть доклад, вести научный спор, великолепно выступающий по общественным вопросам, молчит или очень неуклюже выступает в светской беседе. Дело здесь не в бедности словаря и не в стиле, отвлеченно взятом; все дело в неумении владеть репертуаром жанров светской беседы, в отсутствии достаточного запаса тех представлений о целом высказывания, которые помогают быстро и непринужденно отливать свою речь в определенные композиционно-стилистические формы, в неумении вовремя взять слово, правильно начать и правильно кончить (в этих жанрах композиция очень несложная)» [2, с. 455]. Поэтому одной из назревших проблем прагмалингвистики и жанроведения в частности можно считать возрождение традиций светского общения, изучение специфики речевого и этикетного поведения в соответствующих условиях светской коммуникации.

Библиографический список

1. Бахтин как философ [Текст]. – М., 1992.
2. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1986. – С. 128–172.
3. Вяземский, П. А. Литературные критические и биографические очерки [Текст] / П. А. Вяземский. – СПб., 1882. – Т. 7. – С. 329–330.
4. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре [Электронный ресурс] / Ю. М. Лотман. – Режим доступа: slavaaa@lenta.ru, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Лотман, Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий [Электронный ресурс] / Ю. М. Лотман. – Режим доступа: feb-web.ru/leb/pushkin/critics/lot/lot – 479:html/, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Митягина, В. А. Социально-исторический контекст коммуникации: семиотичность вербального поведения эпохи буржуазности [Текст] / В. А. Митягина // Вестник СамГУ. – 2005. – № 4 (38). – С. 149–150.
7. Мрочковская-Балашова, С. Она друг Пушкина была [Текст] : в 2 ч. / С. Мрочковская-Балашова. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2000. – Ч. 2.
8. Раевский, Н. А. Пушкин и Долли Фикельмон [Текст] / Н. А. Раевский. – М. : Алгоритм, 2007. – 384 с.

РЕЧЬ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ СУДЕЙ КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ДРАМЫ

Т.В. Дубровская

В данной работе автор исследует речевое поведение русских и английских судей. Целью работы является выявление в речи судей языковых средств, которые способствуют построению ритуализированного судебного процесса. Автор также указывает на некоторые национально-культурные особенности речевого поведения судей.

In the present article the author researches speech behaviour of Russian and English judges. The study is aimed at determining language means in judges' speech that serve to construct a ritualised courtroom trial. The author also points at some nationally specific features of judges' speech behaviour.

Ключевые слова: речевое поведение, судья, судебная драма, русский, английский.
Key words: speech behavior, judge, courtroom drama, Russian, English.

Объектом нашего исследования является речевое поведение судьи в институциональных условиях. Мы считаем, что в ходе судебного процесса судья проявляет несколько сторон своей языковой личности. Прежде всего, судья выполняет функцию независимого и беспристрастного рефери, контролирующего ход судебного процесса и речевое поведение участников судебной тяжбы, стремясь обеспечить равноправие сторон и осуществление правосудия. Помимо того, что судья – фигура официальная, наделенная рядом полномочий, это еще и фигура в некотором роде драматическая, театральная. Судебный процесс нередко сравнивают с театральным и даже цирковым представлением [8, с. 42; 14, с. 1220]. Исследователи пишут о том, что картина преступления складывается благодаря тому, что вся история разыгрывается перед судьей и присяжными, предстает в разных ракурсах из уст разных участников процесса [1, с. 38; 5, с. 63]. Но театральность судебного процесса состоит, как нам представляется, не только в этом. Сам судья является организатором и участником драматического действия, разворачивающегося в зале суда. В данной статье мы рассмотрим, какие языковые средства в речи русских и английских судей способствуют построению ритуализированного судебного действия. Мы также отметим некоторые национально-культурные особенности стратегий речевого поведения судей и предложим объяснение этих особенностей. Материалом для нашего исследования послужили стенограммы и ручные записи современных отечественных и английских судебных процессов (1999–2009 гг.). Выполняя анализ речевого материала, мы не только опираемся на лингвистический и ситуативный контекст, учитывая прагматические параметры конкретной ситуации речевого взаимодействия, но и рассматриваем более широкий социально-культурный фон, который также дает ключ к пониманию ряда характеристик русского и английского судебного дискурса.

Создание успешного драматического действия происходит за счет комбинации вербального и невербального компонентов коммуникации. Дж. Гиббонс указывает на то, что судебная коммуникация включает невербальные семиотические системы и лингвистический аспект [7, с. 9]. В рамках невербального компонента мы выделяем три составляющие: общая обстановка в суде, одежда участников процесса, особенности их невербального поведения. Невербальный компонент всегда реализуется в сочетании с речевыми действиями участников процесса, в частности, судьи.

Судебный процесс напоминает драму, прежде всего, в силу высокой степени формальности и ритуализированности речевых действий. Самым очевидным проявлением формальности судебного дискурса является фиксированная **система обращений** к судьям и судей к другим участникам процесса. В отечественном судопроизводстве приняты обращения к суду «Уважаемый суд», а к судье – «Ваша Честь». Система обращений в английских судах более развернутая. Обращение к судье зависит от занимаемой им должности, пола и ситуации, в которой употребляется обращение. Среди принятых обращений – “My Lord”, “My Lady”, “Your Lordships”, “Your Honour”, “Your Worship”. Английские судьи, в свою очередь, твердо придерживаются правил обращения к участникам процесса, используя формы “Mr” и “Miss/Mrs”. Некоторые лингвистические тонкости употребления различных обращений к английским судьям, в частности, правильное использование вокатива, разъясняются в пособии для молодых юристов [6, с. 10–15]. Чтобы в полной мере представить сложность и важность системы обращений в Англии, в том числе к судьям, мы укажем на существование английского справочника «Титулы и формы обращения: руководство по правильному использованию», объем которого составлял в 1964 г. 164 страницы [12]. Книга пережила 22 переиздания, и современный ее вариант насчитывает уже 240 страниц [13]. По нашему мнению, более сложная система обращений к судьям в Англии свидетельствует о более ярко выраженном театральном элементе и большей ритуализированности английских процессов.

Отечественные судьи, согласно правилам судебного этикета, должны обращаться к участникам процесса, используя обращения-индексы: «прокурор», «свидетель», «обвиняемый» и т.д. Однако, как показывают наши наблюдения, русские судьи также широко используют обращения по фамилии и имени-отчеству. По замечанию

О.В. Красовской, в речи судей также широко распространены окрашенные негативно регулятивы [2, с. 94]. Использование негативно окрашенных регулятивов мы не можем назвать типичной характеристикой речевого поведения судей, но подобные примеры есть в нашем материале.

Отметим частое использование в речи одного из отечественных судей обращения «уважаемый», которое в общем контексте производит впечатление агрессивного отношения говорящего к адресату: *Судья: Уважаемый прокурор, мне придется вам напомнить, что тогда до допроса данного свидетеля Кондратьева нужно было сначала попросить суд, чтобы данный документ до допроса Кондратьева был исследован всеми. Вы ссылаетесь на экспертное заключение. Дайте его на стол сначала, после этого мы решим.*

В сочетании с резким замечанием и невежливой императивной формой «дайте... сначала» вежливое обращение «уважаемый прокурор» производит обратный эффект.

Сложная система обращений участников процесса друг к другу – это только самое очевидное проявление формальности судебного дискурса. Обращения можно назвать верхушкой айсберга, поскольку высокая степень формальности судебной коммуникации, в том числе речи судей, достигается за счет использования готовых речевых формул, специфической лексики и грамматических конструкций, сложного синтаксиса. Все эти средства в совокупности образуют формальную сторону языка права, которая имеет и функциональное наполнение. По словам американского исследователя Д. Мельникофф, формальная сторона языка права является выражением власти и должна вызывать у читателя или слушателя уважение к закону. Язык закона изначально был придуман, чтобы производить впечатление на обывателя, и это всегда оставалось одной из его функций [9, с. 446].

Готовые речевые формулы используются судьями в повторяющихся типичных ситуациях, возникающих в ходе процесса. Безличные или пассивные конструкции используются английскими судьями, чтобы дать рекомендации относительно процессуальных норм: “It is not normal practice for the addresses of witnesses to be disclosed”, “It is not usually done by the witness”. Пассивная конструкция также применяется в указании привести присяжных: “Let the jury be brought back in”.

Стандартные конструкции используются русскими судьями для сообщения о совершаемых действиях: «Продолжается судебное заседание», «Оглашается определение». В последней речевой формуле отметим не только пассивную конструкцию, но и особенности лексики: устаревшее и используемое только в судебной сфере «оглашается» в сочетании с юридическим термином «определение».

Отдавая жесткое распоряжение, английские судьи используют перформатив “I direct”: “I direct that a transcript of my sentencing remarks and these remarks to you are to be prepared”. В подобных ситуациях русские судьи сообщают о своих действиях от третьего лица: “Суд приобщает данный документ”, «Суд этот вопрос обсуждал, и суд повторно отклоняет».

Ссылаясь на некоторую информацию при вынесении решения, русские и английские судьи используют синонимические конструкции «с учетом изложенного», «исследовав и оценив в совокупности», “for reasons already discussed”.

Английские судьи традиционно просят участников процесса сделать паузу посредством формулировок “Just pausing a moment”, “Pause here”.

Стандартные речевые формулы, в том числе с использованием перформативных и пассивных конструкций, используются в русском и английском судах для открытия и закрытия судебного заседания: «Судебное заседание объявляю открытым. Рассматривается дело в отношении М. и С.», «Объявляется перерыв для подготовки к прениям», “Members of the jury, we will break off now and resume again at 10.30 tomorrow morning”.

Посредством стандартных речевых актов судья предоставляет слово участникам процесса: «Слово предоставляется государственному обвинению для оглашения обвинительного заключения», «Допрашиваетесь по делу в качестве свидетеля. Суд Вас предупреждает, что Вы несете уголовную ответственность за дачу ложных показаний. Су-

ду должны говорить правду... Подойдите к секретарю, распишитесь, что Вы предупреждены». Стандартные речевые формулы допускают определенное грамматическое и лексическое варьирование, например, использование местоимения 1 л. ед. ч. вместо безличного «суд», лексемы «рассказывать» вместо «говорить»: «Я Вас предупреждаю об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, то есть Вы должны рассказывать правду». Однако в той или иной форме предупреждение должно прозвучать, поскольку без такого предупреждения со стороны судьи допрос не может начаться.

Обязательным элементом отечественного судебного заседания, предваряющим допрос, является разъяснение участникам процесса их прав. На исключительно ритуальный характер этого элемента и его крайне низкую действенность указывает О.В. Красовская [2, с. 30]. Мы согласны с мнением исследовательницы. Добавим, что порой судьи перечисляют не все права участников процесса. По какому принципу производится в данных случаях отбор, сказать сложно.

Другим формальным элементом судебных процессов является ритуал обсуждения всех просьб и ходатайств, с которыми стороны обращаются к суду. Этот ритуал соблюдается, по нашим наблюдениям, в русском и английском судах:

✓ *Адвокат: Ваша честь, я прошу приобщить к материалам дела дополнение к нашим возражениям и, собственно, в письменном виде изложено то, что мы представляем в качестве аргумента против заключения 4-х экспертов. Это суду и также представителю прокуратуры, пожалуйста, передайте.*

✓ *Судья: Так, нет возражений, да? Приобщаем.*

Английский судья, разрешая свидетелю обвинения пользоваться записями, узнает мнение защиты:

✓ *Judge: Any objection Miss Davies?*

✓ *Defence: No.*

✓ *Judge: Yes, you may refresh your memory from your notebook, Sergeant.*

Таким образом, более или менее устойчивые речевые формулы связаны как с повторяющимися ситуациями, так и с определенными действиями ритуального характера, обязательными для проведения судебного процесса.

Если говорить о **лексической составляющей** речи судей, придающей ей формализованный характер, то, по нашим наблюдениям, эта составляющая более ярко выражена в английской речи. Д. Мельникофф подробно рассматривает лексический состав языка права и указывает на наличие большого количества латинизмов, юридических терминов, слов с неясной семантикой, эвфемизмов [9, с. 11]. Такой лексический состав в большей степени характеризует письменные документы, однако и в устной речи судей можно заметить некоторые особенности лексического состава.

Основной пласт лексики составляют общеупотребительные слова, а также лексические единицы, имеющие окраску официально-делового стиля. Они не характерны для разговорной речи, но не привязаны к юридической сфере и могут быть использованы в других сферах деловой коммуникации. Среди отмеченных нами русских и английских единиц следующие: *охарактеризовать, обращаться за медицинской помощью, обращаться с жалобой, привлечь к ответственности, присутствовать, находиться в состоянии..., телесные повреждения, наличие повреждений, по инициативе, указано правильно, предпринять меры, по поводу передачи денег и машины, протокол, сроки проведения экспертизы, welfare (благосостояние), full-blown report (полноценный / всесторонний отчет), bear in mind (помнить), in the light of (в свете... / с учетом...), to make the appropriate announcements (сделать соответствующие объявления), considered decision (взвешенное решение), original timetable estimate (исначальная оценка с точки зрения распределения времени), require attention (требовать внимания), the deceased (усопшая), indulgence in sexual activities (вовлечение в сексуальную деятельность)* и др.

Ярко выраженную официально-деловую окраску имеют некоторые дискурсивные слова и словосочетания, используемые в английской речи для создания связанного дискурса. Целый ряд дискурсивных слов, выделенных нами в речевом материале, имеет в словарях пометку “formal”: *albeit (несмотря на), therefore (следовательно),*

provided (при условии), with respect (что касается), thus far (до настоящего времени), notwithstanding (несмотря на) и др.

Наконец, обширный пласт лексики русских и английских судей составляют специальные слова, юридические термины, многие из которых используются в составе клише. Среди отмеченных нами слов и словосочетаний, маркирующих дискурс как судебный, следующие: *заявлять гражданский иск, возместить ущерб, дать показания, пояснить / показать (в значении «объяснить / дать показания»), проживать, эпизод (в значении «акт правонарушения»), нанесение побоев, противоречия в показаниях, огласить показания, установить личность, содержать под стражей, изымать, подписка о невыезде, решать вопрос в судебном порядке, причинить значительный ущерб, произвести замену гособвинителя, признавать себя виновным, обвинительное заключение, в ходе предварительного следствия, незаконные методы ведения следствия, to grant bail (отпустить под залог), hearing (слушание), a psychiatric assessment (психиатрическая экспертиза), a change of circumstances (изменение обстоятельств), handwriting evidence (почерковедческая экспертиза), service of the evidence (представление свидетельств), concede effectively (сделать значительную уступку), jury's deliberations (принятие решения присяжными), a relevant evidence (свидетельство, имеющее отношение к делу), against the background of other evidences (с учетом других свидетельств), life imprisonment (пожизненное заключение), pass sentence (назначить наказание), the trial judge (судья, ведущий процесс), to complete cross-examination (завершить перекрестный допрос), to adjourn (отложить слушание) и др.*

Насыщенность даже небольших по объему высказываний судей большим количеством специальной лексики и штампов можно наблюдать в следующих вопросах судей:

✓ Судья: *Как Вы можете обосновать свои исковые требования в части компенсации морального вреда?*

✓ Судья: *У Вас были телесные повреждения после нанесения ударов сотрудниками милиции?*

✓ Judge: *Then after that you would want me to adjourn until Thursday next so that the position with regard to Dr. Sachs can be considered and if necessary he can be cross-examined?*

Использование юридической лексики и лексики с официально-деловой стилистической окраской в большинстве случаев не мешает пониманию общего смысла высказывания. Даже в тех случаях, когда смысл высказывания кажется спрятанным за обилием формальной лексики, проблема, как нам кажется, – и в этом мы солидарны с П. Тиерсмой [11, с. 47] – не в лексике, а в сложном синтаксисе: *Judge: Therefore, provided there is something new, and, with respect to what there is already, more helpful, then I will reconsider the question of bail.*

Выделенные нами в речи судей лексические пласты в основном соответствуют тем, которые традиционно выделяются в официально-деловом функциональном стиле, куда не входят ни диалектизмы, ни жаргонизмы, ни просторечная лексика. В то же время в речи отечественных судей встречаются отклонения от норм официально-делового стиля, что проявляется в употреблении лексических единиц, относящихся к маргинальным сферам употребления. Это просторечные слова, жаргонная и уголовная лексика. Засилье просторечного «чё» проникло и в залы заседаний судов. Судьи широко используют это слово в качестве вопросительного местоимения в самых различных ситуациях, не сомневаясь, по-видимому, в его приемлемости в обстановке судебного разбирательства. Обилие примеров позволило нам установить, что «чё» используется судьями по меньшей мере в качестве замены четырех вопросительных слов: «что», «почему», «зачем», «какой». Приведем примеры.

Замена «что»:

✓ Судья: *Согласились работать?*

Свидетель: *Да.*

Судья: *И чё дальше произошло?;*

✓ Судья: *И чё Вы с ними дальше делаете?*;

Замена «почему»:

✓ Судья: *Гражданский иск заявлять будете?*

Потерпевший: *Нет.*

Судья: *А чё? Возмещен ущерб?*

Замена «зачем / с какой целью»: Судья: *А они к Вам чё пришли-то?*

Замена «какой»: Судья: *Чё за телефон?*

В числе разговорных слов в речи судей нами также отмечены союз «раз» и частица «что ли»:

✓ Судья: *Раз вопросов больше нет, свидетеля отпустим;*

✓ Судья: *Сняли когда? Где? До 5 утра ездили что ли?*

Разговорные и просторечные слова в речи судей соседствуют с юридической лексикой, делая речь стилистически неоднородной.

Использование судьями жаргонной и уголовной лексики характерно для уголовных процессов. Эта лексика, конечно, не может быть использована и не используется в официальных судебных постановлениях, определениях, решениях, приговорах. Однако в процессе устной коммуникации с участниками процесса такая лексика встречается. Среди отмеченных нами единиц: *упереть (то есть украсть)*, *доза (то есть наркотик)*, *ломонуться (то есть резко броситься)*, *выдвинуться (то есть начать идти)*, *мамочка (то есть сутенераша)*, *продлиться (то есть заказать дополнительное время у проститутки)*, *подтянуться (то есть прийти)*, *общак (то есть общие деньги)*, *деваха*, *клиентура* и др.

Кроме того, нами отмечены ситуации, когда в ходе допроса судья использовал для обозначения участников преступления их клички: Судья: *П. говорил Вам, что Камаз его разозлил, поэтому он в него и выстрелил?*

Применение кличек характерно для уголовного мира, и этот элемент речевой коммуникации уголовной среды привносится в судебную коммуникацию.

По нашему мнению, использование русскими судьями просторечной, жаргонной и уголовной лексики является проявлением стремления интимизировать общение с участниками процесса, говоря с ними на одном языке. Стратегия интимизации применяется как в отношении подсудимых, так и в отношении свидетелей, которые зачастую знакомы, принадлежат к одному кругу общения и имеют одинаковый социальный статус. Причина такого речевого поведения судей лежит, как нам представляется, за пределами суда. Дело в том, что, согласно статистическим данным, представленным в выступлении председателя Верховного суда РФ В.М. Лебедева, по меньшей мере 25 % судей районного звена приходят в суды из прокуратуры и следственного аппарата. Еще на 62 % судейский корпус пополняется за счет мировых судей и работников аппаратов судов [7]. Мы предполагаем, что среди последних также есть значительное количество бывших работников следствия. В результате методы добычи информации, используемые в ходе следствия, переносятся автоматически в зал суда и применяются бывшими работниками следственных органов, ставшими судьями. А.В. Федотов предлагает в своей работе обширный список приемов допроса, среди которых и прием, который мы бы обозначили как интимизация общения. Этот прием состоит во вторжении допрашивающего в личную или даже интимную зону допрашиваемого, что типично для отношений между очень близкими людьми. Такое речевое поведение производит определенный психологический эффект: допрашиваемый начинает воспринимать допрашивающего как близкого человека, которому сложно лгать и от которого сложно утаивать информацию [4, с. 95]. Судьи не должны выполнять функций допрашивающего в ходе процесса. Однако, как видим, на практике это не всегда так, а стратегия интимизации фактически является приемом допроса.

Еще одним проявлением стратегии интимизации является использование русскими судьями как в гражданских, так и в уголовных процессах профессиональных диминутивов. Диминутивы в принципе не соответствуют официальной обстановке судебного процесса, но судьи используют их:

- ✓ Судья: *Расписывайтесь, пожалуйста. Расписочка на столе лежит у секретаря;*
- ✓ Судья: *Вам повесточка нужна? В кабинете 404.*

В некоторых высказываниях, особенно в комбинации с типичными речевыми формулами, диминутивы звучат совершенно неуместно: Судья: *Значит, оглашаются свидетельские показания. Все, пожалуйста, да. Мы вам дали возможность немножечко снять. Потихонечку так пока выходите. Так <...> Вот потихоньку уже огласили.*

Таким образом, общую часть лексического состава речи русских и английских судей составляет общеупотребительная и юридическая лексика. Однако речь английских судей отличается большей формальностью, тогда как русские судьи склонны к использованию разговорной и жаргонной лексики, диминутивов.

Большая формальность речи английских судей прослеживается также в **синтаксическом строении** высказываний. В речи английских судей распространены предложения с осложненным синтаксисом: вставными и герундиальными конструкциями, придаточными определения и условия: *Judge: There can be no objection to Mr. Henriques asking questions whether to the knowledge of Mrs. Woodruff her mother was taking any form of medication which was morphine based.*

Синтаксис устной речи русских судей не отличается сложностью. Так, информируя участников процесса о состоянии дела, судья использует одно за другим несколько простых предложений. Сообщение звучит лаконично, но четко: Судья: *Материал этот мы затребовали. Он к нам поступил. Мы его сейчас исследуем. В материале шесть листов. Включает следующие документы.*

К сожалению, четкость и ясность иногда теряется в продолжительных репликах судей. В нашем материале есть значительное количество примеров речи отечественных судей с явными текстовыми нарушениями. Судья: *Товарищ прокурор, давайте только не будем забывать. В соответствии с положением, которое вы представили в данном представлении, написано, и оно было утверждено это положение, о религиозной общине Свидетелей Иеговы, которое вы приложили, написано: религиозная община Свидетелей Иеговы города Москвы, является добровольным объединением верующих, образованным в целях совместного исповедания и распространения веры Свидетелей Иеговы с момента регистрации, принятого дальше. Действует на основе, ну, тогда действующего закона о свободе вероисповедания. Вот это давайте не будем забывать.*

В данном речевом фрагменте судья несколько раз теряет логическую нить, нарушает согласование и сочетаемость слов (*в соответствии с положением написано; должно быть: в положении написано*), опускает главный член предложения там, где он необходим для понимания высказывания (*действует на основе – кто или что?*), использует два подлежащих, обозначая один референт (*оно было утверждено это положение*). В результате смысл высказывания, как и коммуникативная цель автора, остаются весьма неясными.

Сложный синтаксис характерен для отечественных судебных решений и приговоров, авторами которых являются судьи: Оценив представленные стороной обвинения доказательства в их совокупности, суд находит предъявленные обвинения Гоголевской недоказанными, поскольку представленные частным обвинителем Тагиевым доказательства, в силу имеющихся противоречий по юридически значимым фактам, не позволяют суду прийти к однозначному выводу о виновности Гоголевской в предъявленных ей обвинениях.

К сожалению, текстовые нарушения встречаются и в письменном судебном дискурсе. Так, в вышеприведенном примере нарушен порядок слов (*предъявленные обвинения Гоголевской; должно быть: предъявленные Гоголевской обвинения*).

Текстовые нарушения есть и в речи английских судей: *Judge: It is distinctly possible that knowing that a psychiatric report was coming up – because this new little collection of elastic bands seems to be ex post facto – in other words, after the event, and could easily be a diversion.*

Структура предложения не совсем ясна. После первого союза “that” конструкция обрывается. Непонятно, что является подлежащим, к которому относится глагол “could”. Кроме того, предложение осложнено метакоммуникативным комментарием к использованному латинскому выражению “ex post facto”. Все это делает высказывание громоздким и не совсем внятным.

Таким образом, в речи русских и английских судей выделяется ряд языковых средств, которые придают судебному процессу формализованный и ритуальный характер. К этим средствам относятся фиксированные формы обращений, устойчивые речевые формулы, лексика официально-делового стиля и юридическая лексика, сложный синтаксис. В речевом поведении русских и английских судей, наряду с общими чертами, обнаруживается национально-культурная специфика. Речевое поведение английских судей в большей степени ориентировано на соблюдение дистанции между судьей и другими участниками процесса. Русские судьи в ряде ситуаций отходят от канонов формального общения, используя нерегламентированные обращения, просторечную и жаргонную лексику, диминутивы. Применение отечественными судьями стратегии интимизации общения отчасти объясняется их предшествующей профессиональной деятельностью в прокуратуре и органах следствия. Особенности речевого поведения русских и английских судей, выявленные в ходе исследования, указывают на различия в организации русской и английской судебной драмы.

Библиографический список

1. Александров, А. С. Судебная драма [Текст] / А. С. Александров // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации. – Барнаул : Изд. Алт. ун-та, 2006. – С. 38–48.
2. Красовская, О. В. О речевой коммуникации в судебной практике [Текст] / О. В. Красовская. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 128 с.
3. Лебедев, В. М. Выступление на VII Всероссийском съезде судей [Электронный ресурс] / В. М. Лебедев. – Режим доступа: http://www.ssf.ru/ss_detale.php?id=827, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Федотов, А. В. Использование оценочных презумпций в процессе доказывания [Текст] / А. В. Федотов // Журнал российского права. – 2002. – № 5. – С. 87–96.
5. Devlin, P. The Judge [Text] / P. Devlin. – Oxford – Melbourne, Delhi : Oxford University Press, 1981. – 207 p.
6. Evans, K. Advocacy in Court: a Beginner’s Guide [Text] / K. Evans. – Oxford : Oxford University Press, 1995. – 206 p.
7. Gibbons, J. Forensic Linguistics. An Introduction to Language in the Justice System [Text] / J. Gibbons. – Oxford : Blackwell, 2005. – 337 p.
8. McKenna, J. A. The Judge as Dramatist [Text] / J. A. McKenna // ALSA Forum. – 1982. – Vol. 5, № 2. – P. 39–47.
9. Melnikoff, D. The Language of the Law [Text] / D. Melnikoff. – Boston – Toronto : Little, Brown and Company, 1963. – 536 p.
10. Pannick, D. Judges [Text] / D. Pannick. – Oxford – New York : Oxford University Press, 1987. – 263 p.
11. Tiersma, P. M. Reforming the language of jury instructions / P. M. Tiersma // Hofstra Law Review. – 1993. – Vol. 22, № 1. – P. 37–78.
12. Titles and Forms of Address: a Guide to their Correct Use [Text]. – 12th ed. – London : Adam & Charles Black, 1964. – 164 p.
13. Titles and Forms of Address: a Guide to their Correct Use [Text]. – 22nd ed. – London : Adam & Charles Black, 2009. – 240 p.
14. Uelmen, G. F. The Trial as a Circus: Inherit the Wind [Text] / G. F. Uelmen // University of San Francisco Law Review. – 1996. – Vol. 30, № 4. – P. 1220–1224.

ОМОСУФФИКСЫ *-НИЦ(А)* В РУССКОЙ МОРФЕМИКЕ

Н.И. Жолдасова

Омонимия морфем рассматривается в статье на примере омосуффикса *-ниц(а)*. Автор описывает омосуффиксы *-ниц(а)¹* и *-ниц(а)²*. Также анализируется зона пересечения деривационных ареалов.

The homonymy of morphemes on the example of omosuffix *-ниц(а)* is considered in the article. An author gives the description of omosuffix *-ниц(а)¹* and *-ниц(а)²*. The zone of crossing of derivate areas is analyzed too.

Ключевые слова: омонимия, оморфема, омосуффикс, словообразовательные омонимы, деривационный ареал, конкуренция суффиксов, антиомонимичные ограничения.

Key words: homonymy, homonymous morpheme, homonymous suffix, word-formative homonyms, derivate area, competition of suffixes, antihomonymous limitations.

Цель данного исследования – сопоставление деривационных ареалов омосуффиксов *-ниц(а)¹*, образующего локативы, и *-ниц(а)²*, образующего феминативы.

Русская морфемика представляет собой систему морфем, связанных друг с другом парадигматическими отношениями (синонимии, антонимии, омонимии). Так, существуют синонимичные суффиксы, при помощи которых образуются существительные со значением женскости: *-к(а)* (*артистка, пианистка* и др.), *-ш(а)* (*грижерша, кассирша* и др.), *-есс(а)* (*баронесса, виконтесса* и др.) и т.д. Примером антонимичных морфем могут служить суффиксы *-ик* (со значением уменьшительности) и *-ищ* (со значением увеличительности) (например, *домик* и *домище*).

Весьма распространена среди русских аффиксов и омонимия. Заметим, что в лексикологии существует узкое и широкое понимание омонимии. В соответствии с первой точкой зрения, омонимами называют слова, одинаковые по звучанию, но разные по значению. Например: *брак¹* («супружество») и *брак²* («дефект изделия»), *везти¹* («доставлять») и *везти²* («об удаче в делах») и т.д. Согласно второй точке зрения, «к данному лексическому типу относятся разные по значению слова, совпадающие в произношении, грамматическом оформлении и написании» [1, с. 289].

Омонимия морфем представляет собой частный случай словообразовательной омонимии. Одним из первых на явление омонимии словообразовательных формантов обратил внимание В.В. Виноградов. Он ввел понятие оморфемности, под которой понимал совпадение звучания аффиксальных либо корневых морфем при различении их значения [2, с. 300].

В.В. Виноградов писал, что по отношению к некоторым аффиксам применение термина «оморфемность» оказывается несколько двусмысленным. Автор выделяет четыре основные типические разновидности омофонных производных основ:

«1. Омофонные производные основы, состоящие из двух (или нескольких) однотипных оморфем. Например: *толст-овк-а* – «последовательница учения Л. Толстого» (ср. *толстовец*) и *толст-овк-а* – «рубашка особого покроя»; *финк-а* (ср. *финн*) и *финк-а* («нож») и др.

2. Омофонные производные основы, состоящие из морфем, которые не совпадают вполне по своей звуковой структуре, так как грань между корневой основой и аффиксом проходит у них в разных местах. Например: *бумажн-ик* 'рабочий бумажной промышленности' и *бумаж-ник* 'кошелек'; ср. *коровн-ик* и *коров-ник*; *молочн-ик* и *молоч-ник*; *птичн-ик* и *птич-ник* и т.д.

3. Омофонные производные основы таковы, что лишь в одной из них сложность морфологического состава оказывается живой и активной, в другой же произошел или происходит процесс опрощения. Например: *жилк-а* (уменьшит. к *жила*) и *жилк-а* (артистическая жилка); *осадить* 'подвергнуть осаде', *осадить* 'остановить, заставить замедлить ход' и *осадить* 'заставить опуститься в виде осадка' и др.

4. Лишь одна из омофонных основ является производной, непроизводный же характер другой не вызывает никаких сомнений и колебаний. Например, *нор-к-а* (к *нора*) и *норка* 'животное' и 'шкурка'; ср. *лейка* (от *лить*) и *лейка* 'фотоаппарат' и т.д.» [2, с. 302].

Омонимичные морфемы служат для выражения разных словообразовательных значений при совпадении в звучании. Омонимичными могут быть разные типы морфем. Например, в слове *улететь* сегмент *у-* является префиксом, в слове *разуть* – корнем, в слове *втрипрыжку* – суффиксом, а в слове *несу* – флексией. Однако чаще омонимия наблюдается в морфемах одного типа. Приведем примеры подобной омонимии: суффикс *-к(а)*¹ – с размерно-оценочным (уменьшительным) значением (*ягодка*, *скамейка*, *шишечка*), суффикс *-к(а)*² – со значением женскости (*соседка*, *модистка*, *лентяйка*), суффикс *-к(а)*³ – с общим относительным значением (*скользкий*, *топкий*, *гладкий*) и др.

В русской морфемике существует 5 омосуффиксов *-ниц(а)*:

✓ *-ниц(а)*¹ образует феминативные имена существительные (*вдохновительница*, *воспитательница*, *жительница*, *исполнительница*, *писательница*, *повелительница*, *учительница*, *каверзница*, *бездельница*, *безобразница*, *вестница*, *виновница* и т.п.);

✓ *-ниц(а)*² образует локативные имена существительные женского рода (*гробница*, *глазница* *песочница*, *сокровищница*, *бойница*, *варница*, *звонница*, *мельница*, *скребница* и т.п.);

✓ *-ниц(а)*³ образует имена существительные со значением лица мужского пола, которое производит действие, названное мотивирующим глаголом (*возница*);

✓ *-ниц(а)*⁴ образует имена существительные – названия животных, которые характеризуются отношением к тому, что названо мотивирующим словом (*бабочки* – *капустница*, *боярышница*, *траурница* и т.п.; летучая мышь – *ночница*; моллюск – *жемчужница*);

✓ *-ниц(а)*⁵ образует имена существительные – названия болезней, которые характеризуются отношением к тому, что названо мотивирующим словом (*кративница*, *молочница*, *лимонница*, *грудница* и т.п.).

Отдельные слова на *-ниц(а)* являются семантически изолированными: *заря* – *зарница* («мгновенная световая вспышка без грома на небосклоне ночью или вечером – отблеск далекой грозы») [8, т. 1, с. 566], *навоз* – *навозница* («время, пора вывозки навоза со двора в поля для удобрения, а также сама вывозка») [9, т. 2, с. 334].

Анализ материалов нашей картотеки показал, что регулярными являются суффиксы *-ниц(а)*¹ и *-ниц(а)*². Именно эти морфемы станут объектом данного исследования.

Рассмотрим деривационные ареалы указанных аффиксов.

Феминативы на *-ниц(а)* (как и абсолютное большинство суффиксальных производных со значением женскости) образуются от основ существительных, называющих лиц мужского пола¹. При этом в качестве производящих могут выступать слова, называющие людей:

✓ по профессии, роду занятий (*бортпроводник* → *бортпроводница*, *киношник* → *киношница*, *булочник* → *булочница*, *вечерник* → *вечерница*, *колбасник* → *колбасница* и др.);

✓ по какому-либо свойству, качеству и т.п. (*каверзник* → *каверзница*, *бесстыдник* → *бесстыдница*, *капризник* → *капризница* и др.);

✓ по должности (*начальник* → *начальница*, *руководитель* → *руководительница*, *председатель* → *председательница* и др.);

✓ по социальному положению (*каторжник* → *каторжница* и др.).

¹ Как отмечает Е.А. Земская, «наименования женщин всегда выступают как коррелятивные к мужским и производные от них по форме. Отношения иного рода, то есть когда имя лица мужского пола вторично по отношению к имени лица женского пола, редки и производят впечатление аномальности. Таковы *вдова* → *вдовец* (ср. устар. *вдовица*), *ведьма* → *ведьмак*, *дура* → *дурак*» [3, с. 148].

Локативы на *-ниц(а)* образуются от основ существительных, называющих:

✓ продукты (блюда, напитки), а также различные пищевые вещества, используемые для приготовления какого-либо блюда или улучшения его вкуса, например: *батон* → *батонница* («пластмассовая коробочка для хранения батона») [6, с. 66];

✓ вещества, например: *песок* → *песочница* («1. Коробочка с песком для посыпания (просушки) написанного чернилами. 2. В локомотиве: ящик с песком, автоматически выбрасываемым на рельсы при буксовании колес. 3. Заполненный песком низкий широкий ящик для детской игры в песок») [7, с. 515];

✓ живых существ (людей, животных), например: *гусь* → *гусятница* («продолговатая посуда с крышкой для жаренья гуся, утки и другой крупной птицы») и др. [8, т. 1, с. 359];

✓ растения, например: *гриб* → *грибница* («теплица для разведения грибов») [8, т. 1, с. 347] и др.;

✓ предметы, например: *игла* → *игольница* («подушечка или коробочка для хранения швейных иголок») [8, т. 1, с. 628].

Таким образом, производящая база для образования локативов на *-ниц(а)*² шире, чем феминативов на *-ниц(а)*¹. С точки зрения семантики, зоной пересечения деривационных ареалов рассматриваемых омосуффиксов являются производящие основы имен существительных, называющих людей по роду занятий и животных.

Суффикс *-ниц(а)*¹ взаимодействует с производными субстантивными основами на *-тель* (*заместитель* → *заместительница*, *деятель* → *деятельница*, *учредитель* → *учредительница*, *председатель* → *председательница*, *издатель* → *издательница* и т.п.) или на *-ник* (*проповедник* → *проповедница*, *садовник* → *садовница*, *участник* → *участница*, *девственник* → *девственница*, *зложник* → *зложница* и т.п.). В последнем случае при образовании феминативов финальный суффикс производящей основы усекается. Например: *бродяж(ник)* + *-ниц(а)* → *бродяжница*; *винов(ник)* + *-ниц(а)* → *виновница*; *волшеб(ник)* + *-ниц(а)* → *волшебница*. Суффикс же *-тель* при образовании дериватов данной словообразовательной категории сохраняется.

Стоит отметить, что в абсолютном большинстве случаев суффикс *-ниц(а)*¹ является коррелятом суффикса *-ник* производящей основы: *ученик* → *ученица*, *байдарочник* → *байдарочница*, *дипломник* → *дипломница*, *грешник* → *грешница* и т.п. Анализ материалов неологических словарей позволил предположить, что новые дериваты со значением женскости будут образовываться от *nomina actoris* на *-ник* по данной словообразовательной модели, то есть посредством замены суффикса *-ник* производящего слова на *-ниц(а)*: *бюджетница* ← *бюджетник* («работник учреждения, находящегося на бюджете, бюджетном финансировании») [12, с. 116], *ваучерница* ← *ваучерник* («скупщик ваучеров у населения; уличный торговец ваучерами») [12, с. 123], *желтопрессница* ← *желтопрессник* («представитель «желтой прессы») [12, с. 229], *областница* ← *областник* («руководящий работник областного предприятия») [5, с. 115], *антиперестроечница* ← *антиперестроечник* («противник перестройки») [12, с. 54], *фанерница* ← *фанерник* («работник предприятия, производящего фанеру») [4, с. 560] и т.д.

Для образования суффиксальных десубстантивов с феминативным значением используются основы существительных мужского рода, например: *вдохновитель* → *вдохновительница*, *избранник* → *избранница*, *именинник* → *именинница* и т.п.

В случае использования субстантивных основ с вокальной финалью начинает действовать такой вид морфонологической адаптации, как интерфиксация. Анализ нашей картотеки показал, что случаи интерфиксации в существительных с феминативным значением единичны. Например, *кофе* → *кофе(й)ница* («любительница пить кофе») [8, т. 2, с. 116], *чай* → *ча[й] (о)ница*.

Многие феминативы стилистически маркированы: *разг.* (разговорное), *устар.* (устаревшее) или *прост.* (просторечное). Например: *безобразница* (разг.) [8, т. 1, с. 74], *благодетельница* (устар.) [8, т. 1, с. 93], *разлучница* (прост. и народно-поэт.) [8, т. 3, с. 613].

Производящими основами локативов на *-ниц(а)* являются непроемные не-одушевленные имена существительные: (*дискета* → *дискетница*, *сахар* → *сахарница*) и глаголы (*варить* → *варница*, *бить* → *бойница*, *молоть* → *мельница*, *скрести* → *скребница*) и др.

Обращает на себя внимание то, что для устранения сочетания морфем, запрещенных законами морфонологии, взаимодействие *-ниц(а)*² с производящими основами зачастую сопровождается интерфиксацией. Например: *барбекю* → *барбекю(ш)ница*, *торт* → *торт(ов)ница*, *пудра* → *пудр(е)ница* и др.

Для образования суффиксальных десубстантивов с локативным значением используются основы существительных мужского, женского и среднего рода, например: *чеснок* → *чесночница*, *щетка* → *щеточница*, *кофе* → *кофейница*.

Омосуффикс *-ниц(а)*² не способен усекаать производящую основу, например, *сахар* → *сахарница*, *кофе* → *кофейница* (в значении «коробка или банка для хранения кофе») и др.

Таким образом, по формальным критериям зоной пересечения деривационных ареалов рассматриваемых омосуффиксов являются субстантивные производящие основы мужского рода, а также интерфиксация. Деривационные ареалы омосуффиксов накладываются друг на друга.

Пересечение деривационных ареалов омосуффиксов в ряде случаев может привести к появлению омонимичных производных. Рассмотрим подобные случаи. Например:

✓ название женщины, ухаживающей за животными – название посуды: *гусятница* («работница, ухаживающая за гусями») [8, т. 1, с. 359] и *гусятница* («продолговатая посуда с крышкой для жаренья гуся, утки и другой крупной птицы») [8, т. 1, с. 359] и др.;

✓ название женщины, ухаживающей за животными – название помещений для этих животных: *скотница* («работница, ухаживающий за скотом») [8, т. 4, с. 119] и *скотница* («помещение для скота; скотный двор») [8, т. 4, с. 119] и т.д.

Следует отметить, что не всегда оба рассматриваемых омосуффикса *-ниц(а)* реализуют свой деривационный потенциал. В ряде случаев пары, подобные проанализированным выше, не образуются. Например, словарями зафиксировано слово *конфетница* с локативным значением «вазочка для конфет» [7, с. 292], но нет слова *конфетница* с феминным значением «любительница конфет». Заметим, что омонимичные пары «наименование посуды для хранения чего-либо» и «наименование женщины, любительницы чего-либо» существуют в русском языке. Например: *кофейница* («любительница пить кофе») [8, т. 2, с. 116] и *кофейница* («коробка или банка для хранения кофе») [8, т. 2, с. 116] и т.д.

Здесь, как видится, следует говорить о действии деривационных (в частности, антиомонимичных) ограничений.

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что деривационные ареалы омосуффиксов *-ниц(а)* имеют зоны пересечения. Таким образом, подобная ситуация в ряде случаев «провоцирует» образование омонимичных производных существительных на *-ниц(а)* с локативными и феминативными значениями.

Библиографический список

1. Виноградов, В. В. Об омонимии в русской лексикографической традиции [Текст] / В. В. Виноградов // Избранные работы: Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1977. – С. 288–294.
2. Виноградов, В. В. Об омонимии и смежных явлениях [Текст] / В. В. Виноградов // Исследования по русской грамматике. – М., 1875. – С. 295–312.
3. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность [Текст] / Е. А. Земская. – 20-е изд., стереотип. – М. : КомКнига, 2005. – 224 с.
4. Новое в русской лексике: Словарные материалы – 90 [Текст] / Н. А. Козулина, С. И. Ала-торцева [и др.] ; отв. ред. Е. А. Левашов ; РАН ; Ин-т лингв. исслед. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. – 674 с.

5. Новое в русской лексике: Словарные материалы – 92 [Текст] / Л. В. Степанова, В. Н. Плотцын [и др.]; отв. ред. Т. Н. Буцева; РАН; Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 212 с.
6. Новые слова и значения [Текст]: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. / под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. – 2-е изд., стереотип. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 543 с.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; РАН; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд. – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2006. – 944 с.
8. Словарь русского языка [Текст]: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988.
9. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия [Текст] / под ред. Г. Н. Складневской. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 944 с.

ГИДРОНИМИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИИ

Н.А. Кичикова

В статье исследуются названия натуральных и искусственных резервуаров на территории Калмыкии. Автор описывает различные категории гидронимов и представляет список гидронимов калмыцкого и русского происхождения. Он отмечает связь системы называния места с традиционным занятием калмыков – разведением скота. Автор также отмечает, что русские и калмыцкие названия водных объектов на территории Калмыкии встречаются в примерно равном количественном соотношении.

The names of natural and artificial reservoirs on the territory of Kalmykia are examined in the article. The author describes various categories of hydronyms and presents the lists of hydronyms of Kalmyk and Russian origin. He marks the connection of place name system with traditional facilities of Kalmyks – cattle breeding. The author also marks that Russian and Kalmyk names of water objects on the territory of Kalmykia occur in the approximately identical quantity.

Ключевые слова: топонимика, гидронимия, водные объекты, анимическое поле, рельеф.
Key words: toponymics, hydronymics, water objects, animical field, relief.

Гидронимы – это названия ряда объектов, которые объединяются общим понятием природных (реже искусственных) водоемов, это названия рек, озер, ручьев, родников, болот, прудов, водохранилищ, каналов, колодцев.

В ономастической литературе выделяют ряд определенных факторов, которые участвуют в становлении гидронимов на отдельной территории. Прежде всего, причиной возникновения географических названий явилась необходимость обозначения заметных объектов на освоенном человеком пространстве. Названия наиболее крупных водных объектов появляются в первую очередь, так как как они приметны, широко известны и используются несколькими или многими коллективами людей. Следует отметить, что бассейны больших рек всегда играли значительную роль в концентрации населения, в развитии хозяйства, и в первую очередь, земледелия. Следовательно, физико-географические объекты для человека представляют огромную важность, так как входят в круг его хозяйственных и иных интересов и связаны с возможностью хозяйственного использования или жизненной необходимостью. Если географические объекты выделяются, исходя из их собственно физических свойств, а также их значимости для человека, то гидронимы могут отражать любые свойства объекта (не обязательно физические характеристики) и результат деятельности человека (от расположения объекта до посвящения памяти какому-либо лицу или событию).

Считается, что крупные водные реалии «часто получают названия на основе своих физических свойств, мелкие – на основе образов, порожденных фантазией человека в связи с необычностью их форм» [5, с. 106].

Присваивая природному объекту то или иное название, человек, прежде всего, исходит из какого-либо наиболее заметного признака, присущего тому или иному объекту. Как считает Э.М. Мурзаев, «признак – важнейшая психологическая категория при наименованиях географических объектов. Он мотивирует выбор имени, объясняет причину появления топонима» [3, с. 23].

Исследуемый нами регион своеобразен. Геологическое прошлое района, его рельеф и климат определяют гидрологическую характеристику Калмыкии. На территории республики нет больших речных бассейнов, кроме реки Волги. Хозяйственное и транспортное значение величайшей водной артерии, в отдельных точках непосредственно прилегающей к восточной границе республики, незначительно. Все остальные речки, появляясь в период весеннего таяния снегов, несут свои воды в пресные и горько-соленые озера, или же не доходя до них, теряются в просторах степей. Большинство этих речек в период летней жары пересыхают. Короткие водотоки, стекающие весной с Ергеней, образуют на Прикаспийской низменности обширные полувысыхающие летом лиманы. Значительный удельный вес в общем водном балансе республики занимают часто встречающиеся озера, расположенные в различных пунктах ее территории, преимущественно в приергенинской зоне. Вода этих водоемов в большинстве случаев используется главным образом для водопоя скота. Все эти реки и озера не имеют транспортного значения.

Климат Республики Калмыкия характеризуется ярко выраженными континентальными чертами. Средняя температура колеблется зимой в пределах от -2,6 до -8 °С, летом – от 21,8 до 26 °С (в последние годы наблюдается повышение температуры). Осадков в год выпадает от 170 мм на востоке до 400 мм на западе. Этим объясняется обилие колодцев на территории Калмыкии. Колодцы являлись основными источниками питьевой воды в условиях засушливых степей. До недавнего прошлого также колодцы являлись ориентиром при перекочевках калмыцких улусов. Как утверждает С.А. Богзиков, на территории Калмыкии было расположено 3869 колодцев [1, с. 2].

В.Э. Очир-Гаряев в статье «Термины гидрографии и их топонимизация в монгольских языках» проанализировал основные термины гидрографии в языках монгольской группы и распределил их по семантическим группам. Так, среди калмыцких названий колодцев, отличающихся довольно богатой и разнообразной семантикой, он выделил 14 моделей, по которым образуются названия колодцев на территории Калмыкии и близлежащих регионов:

- ✓ модель «имя собственное + колодец»;
- ✓ модель «имя собственное + вкусовое качество + колодец»;
- ✓ модель «вкусовое качество + колодец»;
- ✓ модель «местонахождение + колодец»;
- ✓ модель «местонахождение + вкусовое качество + колодец»;
- ✓ модель «размер + название колодца»;
- ✓ модель «количество + колодец»;
- ✓ модель «размер + количество + вкусовое качество + колодец»;
- ✓ модель «количество + вкусовое качество»;
- ✓ модель «этноним + колодец»;
- ✓ модель «качество почвы / грунта»;
- ✓ модель «признак постройки»;
- ✓ модель «цветовой признак + колодец»;
- ✓ модель «обозначение растительности + формант» [4, с. 23–27].

Итак, территория Калмыкии располагает некоторыми видами водных объектов (реки, озера, проливы, лиманы, заливы, колодцы), что дает представление об объеме онимического поля Республики Калмыкии.

В нашем исследовании гидронимов Калмыкии по лексико-семантическим признакам мы придерживаемся в основном точки зрения Р.З. Шакурова, А.А. Камалова, О.Т. Молчановой, Р.Д. Сунчугашева.

С учетом лингвистических и экстралингвистических факторов гидронимы исследуемого региона подразделяются на две большие группы. Первая отражает физи-

ко-географические свойства водных объектов и окружающей их среды, вторая возникла в результате практической деятельности человека.

Гидронимы, отражающие физико-географические свойства водных объектов и окружающей их среды. Большая часть названий водных объектов основана на специфическом признаке самих географических реалий. Их можно распределить по следующим подгруппам.

1. Названия, содержащие существенный признак объекта:

✓ названия, указывающие на величину, форму и протяженность гидрообъекта: реки Большой Гок, Малый Гок, пролив Малый, озеро Круглое, лиман Долгонький, озеро Долгое, озеро Долгонькое, реки Длинные Саги и Большая Сага;

✓ названия, указывающие на вкус, запах, качество воды: озеро Бузга (в письменных монгольских памятниках «бузгу, бузга» означает «неплохая, приятная на вкус вода»), озеро Сладкое, река Соленая, пролив Гашун-Сал («гашун» – горький, «сала» – балка), лиман Арал-Эмке («умке» – неприятный запах или гнилое озеро);

✓ названия, содержащие цветовые обозначения: реки Хара-Булук («хар» – черный, «булг» – родник), Хара Сала («хар» – черный, «сала» – балка), Хара-Зууха («хар» – черный, «зууха» – яма), лиман Светлый Ерик, озера Бор-Нур («бор» – серый, «нур» – озеро), Кек-Хаг («кек» – голубой, «хаг» – солончак), Кек-Усн («кек» – голубой, «усн» – вода), Светлое, Цаган-Усн («цаган» – белый, «усн» – вода), Цаган-Хаг («цаган» – белый, «хаг» – солончак).

2. Названия, обозначающие почву, грунт: река Элиста (от калм. «элсн» – песок), озеро Подпесочное.

3. Названия, указывающие на типы растительности: реки Бургуста («бургсн» – верба), Бурата Сала («бора» – лоза, «сала» – балка), озеро Ханата («хана» – бамбук), Дед-Хулсун («хулсн» – камыш, в переводе с калм. «в поймах круглый год рос камыш»), Зегиста («зегсн» – тростник), Сухота («сухаа» – местность, где растет таволга).

4. Названия, связанные с животным миром: озеро Ялмата («ялм» – тушканчик), пролив Гусиный.

5. Названия, указывающие на местоположение водного объекта:

✓ названия, указывающие на местоположение однотипных объектов по отношению друг к другу: река Передняя Хара («хар» – черный), озера Дальняя Ластва («ластва / уластва» – тополевая), Средняя Ластва;

✓ названия, указывающие на местоположение водного объекта по отношению к другим географическим объектам: существует только один гидроним с интересной историей – название реки Башанта. Народная молва гласит, что на берегу реки находился дворец – «бьяшнг», поэтому река получила такое название.

6. Названия, выраженные числовыми показателями: колодцы Гурвн худук – «три колодца», Херн худук – «двадцать колодцев» и др.

7. Образно-метафорические названия: лиман Голый, озеро Лысый Лиман, пролив Великий, озеро Маньч-Гудило («Сильные ветры, господствующие в этих местах, поднимают на озере большие волны, которые с шумом бьются о берега, в некоторых местах их высота достигает 12–13 метров и более. Гул их разносится далеко по окрестностям. Вой ветра над крутыми берегами, в многочисленных балках и оврагах дополняет эту гудящую гамму звуков». Так авторы книги «Уникальные экосистемы: озеро Маньч Гудило» В.А Миноранский и Э.Б. Габуншина объясняют появление этого гидронима [2, с. 12]).

В образно-метафорических названиях содержится эмоциональная оценка, вызванная сложившимся мнением человека о называемом объекте. Во многих эмоционально-оценочных географических названиях особенно ярко проявляется психология человеческого восприятия окружающей среды. В таких случаях неодушевленным предметам приписываются свойства и признаки людей и животных.

Гидронимы, возникшие в результате практической деятельности человека. Значительная часть гидронимов, расположенных на территории Калмыкии, обусловлена особенностями материальной и духовной культуры населения, содержит информацию о быте, хозяйстве, общественной жизни народа на разных этапах истории.

Все, что имело какое-либо значение в жизни и деятельности человека в определенное время, могло отразиться в гидронимии. Исследуемый нами материал позволяет выделить во второй группе следующие подгруппы:

✓ гидронимы, связанные с животноводством: лиман Батыр-Мала (крепкий скот);

✓ гидронимы, связанные с общественной жизнью и духовной культурой народа, содержащие информацию о мировоззрении населения, связанные с духовной культурой и отражающие религиозно-мифологические воззрения калмыков. Как правило, они имеют наиболее древнее происхождение и несут в себе ценную информацию о религиозных верованиях, всевозможных обычаях и обрядах предков нынешних калмыков, например: реки Аршань («аршан» – целебный источник, исцеляющий напиток), Зельмень (напиток, нектар);

✓ гидронимы, обусловленные социально-историческими понятиями: озеро Совруно – советское руно.

Гидронимы, образованные от антропонимов. Антропогидронимы не только называют соответствующий объект, но и свидетельствуют о его принадлежности или иной связи с конкретным лицом. Они в основном указывают на то, кому принадлежит, кем создан или с чьим хозяйством расположен рядом тот или иной объект.

Некоторые антропогидронимы своим возникновением обязаны какому-либо случаю или бытовой истории, имевшей отношение к человеку, например: лиманы Лотеловский, Орловский; озера Рыжково, Бабинское, Оленичевское, Конурка (от имени собственного Конур), колодцы Немчиновы, залив Иван-Караул (существует версия, что торговый путь из России в Персию проходил вдоль западного побережья Каспия. Однажды астраханский купец по имени Иван, как гласит предание, оказался жертвой нападения. Тихой ночью над караваном прозвучал его душераздирающий крик: «Караул! Грабят!» Так морской осередок был окрещен Иван-Караулом).

Лексико-семантическая характеристика гидронимов Республики Калмыкии показывает, что в гидронимах, как и в других видах топонимов, отражена опосредованная и непосредственная связь объектов с практической деятельностью человека.

Мотивирующие признаки гидронимов оказываются одинаковыми как для гидронимов с калмыцкой языковой основой, так и для гидронимов с русской языковой основой и немногочисленных встретившихся нам смешанных гидронимов типа Передняя Хаара, Дальняя Ластва и т.п.

О распределении гидронимов по их языковой основе можно сказать, что русские и калмыцкие гидронимы распределяются по территории республики и по типам объектов примерно в одинаковом отношении. Исторически почти все названия колодцев имеют калмыцкую языковую основу, но этот класс гидронимов ныне почти полностью утрачен. Среди названий озер и лиманов наблюдается некоторое преобладание названий с русской языковой основой.

Какие-либо топонимические форманты внутри разряда гидронимов, как нам кажется, выделены быть не могут ни в отношении гидронимов с русской основой (в русской топонимии топонимические форманты в основном калькируются в составе самих топонимов иноязычного происхождения), ни в отношении гидронимов с калмыцкой основой. Последнее довольно существенно, так как по данному признаку калмыцкая гидронимия отличается от монгольской, в которой встречаются форманты гол («река»), нур («озеро»), восходящие к лексемам-апеллятивам.

Можно отметить, что на территории Калмыкии практически не наблюдается образования топонимов иных разрядов от гидронимов, исключение составляет лишь ойконим Цаган-аман («Белое устье»), восходящий к гидрониму.

Исходя из изученного материала, можно сделать наблюдение, что по существу все гидронимы Калмыкии, как русские, так и калмыцкие, по внутренней форме укладываются в двухкомпонентную схему – «характеризующее наименование + географический апеллятив», например, Хара-Булук, Кек-Хаг, Гурвн-худук и т.п. или «характеризующее наименование + характеризующее наименование по другому признаку».

ку», например, названия рек Амта-Бургуста и Гашун-Бургуста («Вкусная Вербовая» и «Горькая Вербовая»).

Природно-географические условия, прежде всего, водные ресурсы и рельеф, образующие диалектическое единство, оказывают определенное влияние на многие стороны человеческого общества, в том числе на язык. Исходя из особенностей географических условий в языке народа, проживающего на данной территории, в калмыцком языке формируется географическая лексика (терминология), а за счет ее ресурсов – и топонимика.

Библиографический список

1. Богзиков, С. А. Водные ресурсы Калмыкии [Текст] / С. А. Богзиков. – Элиста, 1970. – 66 с.
2. Миноранский, В. А. Уникальные экосистемы: озеро Маныч Гудило [Текст] / В. А. Миноранский, Э. Б. Габуншина. – Элиста : Джангар, 2001 – 239 с.
3. Мурзаев, Э. М. География в названиях [Текст] / Э. М. Мурзаев. – М. : Наука, 1982. – 176 с.
4. Очир-Гаряев, В. Э. Термины гидрографии и их топонимизация в монгольских языках [Текст] / В. Э. Очир-Гаряев // Ономастика Калмыкии. – Элиста, 1983. – С. 3–33.
5. Суперанская, А. В. Имя – через века и страны [Текст] / А. В. Суперанская. – М. : Изд. ЛКИ, 2007. – 192 с.

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ НЕГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

А.Ф. Корлякова

Данная статья посвящена анализу ассоциативных реакций студентов негуманитарной специальности на слова-стимулы, отражающие общечеловеческие ценности. Обработка ответов велась с помощью контент-анализа. Анализ реакций показал, что стереотипные ассоциативные реакции совпадают в словах-стимулах, такие реакции выявляют то обстоятельство, что группа гомогенна, а гендерный фактор является важным при формировании индивидуальных реакций.

This article describes the results of the association reactions given by the students of science to the words depicting human values. The results were obtained by the content-analysis. The analysis showed that stereotype reactions coincided in all cases and it could be explained by the fact that the group was homogeneous. Thus, we can suggest that gender factor plays a important role in formation of individual reactions.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, контент-анализ.

Key words: gender linguistics, content analysis.

Анализу русского ассоциативного материала посвящено немало исследований. Изучается национальное, гендерное, возрастное, когнитивное варьирование ассоциаций. При анализе ассоциативных связей учитываются такие параметры, как образование, профессия, социальное положение (работы В.Е. Гольдина, Е.И. Горошко, Ю.Н. Караулова и др.). Многие исследователи говорят о том, что социальные и психологические параметры участника ассоциативного эксперимента оказывают влияние и на стратегии ассоциативного реагирования, и на характер ассоциативных связей. Так, например, И.Г. Овчинникова считает, что ключевыми параметрами такого рода являются возраст, гендер и когнитивные характеристики носителя языка [4, с. 132].

В данной статье будут рассматриваться этические оценочные реакции студентов в возрасте 21–22 лет негуманитарных специальностей. Было протестировано 6 студентов. В качестве стимулов отобрано 10 слов-стимулов, отражающих общечеловеческие ценности: *добро, зло, терпимость, любовь, стыд, совесть, гнев, ненависть, гордость, скромность*. Обработка ответов велась с помощью контент-анализа, кото-

рый позволил соединить разрозненные смысловые элементарные единицы в более крупные семы.

Рассмотрим стереотипные ассоциативные реакции студентов в таблице 1.

Таблица 1

Стереотипные реакции на слова-стимулы

Слова-стимулы	Информанты	
	Девушки	Юноши
Добро	Положительные эмоции (созидающая) Приносит пользу	Положительные эмоции Приносит пользу
Зло	То, что приносит вред	Причинение вреда
Совесьть	Мерило, жизненное кредо	Мерило, жизненное кредо
Стыд	Чувство вины	Признание предосудительности поступка
Терпимость	Сдерживание негативных реакций	Подавление, торможение негативных реакций
Гнев	Всплеск негативных реакций	Негативные эмоции (реакция на несправедливость)
Любовь	Привязанность	Высшая форма привязанности, влечение
Ненависть	Негативное отношение	Негативное отношение
Скромность	Сдержанность в проявлении достоинств	Сдержанность в проявлении достоинств
Гордость	Высокомерие	Высокомерие

Анализ реакций на слово-стимул *добро* у юношей и девушек определил общую сему – *положительные эмоции*, а также все то, что приносит пользу. Ср. у девушек: *добро* – «нечто светлое, положительное, приносит пользу»; у юношей – «положительный настрой и хорошее отношение к людям».

При анализе реакций на слово *зло* была выделена общая сема – *то, что приносит вред*. Ср. у юношей: «действия, направленные на разрушение добра, причинение вреда»; у девушек: «нечто отрицательное, темное, направленное на разрушение».

Для всех информаторов слово *совесьть* выступает *мерилом, жизненным кредо*. Ср. у юношей: «то, что имеет отношение к нравственности и понятию справедливости», «внутренний контролер человека». У девушек: «чувство нравственности, ответственности за свое поведение», «способность человека чувствовать несправедливость, неверность своих поступков».

Слово *стыд* толкуется однозначно – *признание вины, осознание содеянного*. У девушек: «это чувство, когда сделал так, как самому не нравится». У юношей: «внутреннее переживание о содеянном», «возникает при нарушении законов совести».

Сопоставляя реакции на слово *терпимость*, делаем вывод о том, что *терпение* для юношей и девушек ассоциируется со сдерживанием, подавлением негативных реакций.

При анализе реакций на слово *гнев* была выделена сема: *всплеск негативных эмоций*. Ср. у юношей: «крайнее проявление неприязни», «кратковременная вспышка негативных эмоций»; у девушек: «несдержанная реакция на неприятности», «чувство сильного возмущения, негодования».

При рассмотрении реакций на слово-стимул *любовь* определилась общая сема – *привязанность*. Ср. у юношей: «высшая форма привязанности», «физическое и духовное влечение»; у девушек: «когда не можешь жить без кого-либо».

Анализ реакций на слово-стимул *ненависть* выделил общую сему – *негативное отношение*. Ср. у юношей: «крайняя версия злобы», «неприязнь»; у девушек: «чувства к очень неприятному человеку», «невероятная сильная злоба».

Реакции на слово *скромность* позволяют выделить сему *сдержанность в проявлении достоинств*. У юношей: «то, что не дает заявить о своих заслугах перед другими», «нежелание преувеличивать и рассказывать о своих достижениях»; у девушек: то,

что позволяет «не афишировать свои положительные стороны, поступки», «не выставлять на показ свои достоинства или уменьшать их значимость, не хвастаться».

На слово *гордость* была выделена общая сема – *высокомерие*. Ср. у юношей: «ощущение превосходства», «осознание собственного превосходства над другими людьми»; у девушек: «чувствуешь, что ты в чем-то лучше, чем другие».

Анализ ассоциативных реакций показал, что стереотипные ассоциативные реакции совпадают в словах-стимулах. Такие однотипные реакции выявляют то обстоятельство, что группа гомогенна, так как все информанты – студенты одного возраста и негуманитарной специальности. Основным фактором, с нашей точки зрения, здесь выступает возраст.

Различия в восприятии слов-стимулов отражают индивидуальные реакции. Анализ реакций девушек-информантов выявил, что общечеловеческие ценности характеризуются в толкованиях:

1) через противопоставление: «добро – антипод зла», «зло – антипод добра»;

2) через осознание качеств различной степени и силы: *совесть* – мучения, *стыд* – смущение, *гордость* – самоуважение.

Например, в одном случае при определении толкования слова *терпимость* как главное качество выделяется свойство испытывать злость, «когда чувствуешь, что другие сделали плохо, но не выражаешь это внешне». *Любовь* также определяется информантами как «выделение особых качеств», как сильное эмоциональное чувство. Анализ ассоциативных реакций на слово-стимул *гордость* показал, что достоинство определяется как видовое качество, в котором *гордость* как родовое определяется, по мнению информанта, как положительное качество самоуважения. Охарактеризованность предмета осуществляется через его качество.

Таблица 2

Индивидуальные реакции на слова-стимулы

Слова-стимулы	Информанты	
	Девушки	Юноши
Добро	Антипод зла	Счастье для других людей Бескорыстно и безвозмездно отданное благо
Зло	Антипод добра	Несчастье других людей
Совесть	Мученья	Чувство, дергающее за руку, не дающее пройти мимо
Стыд	Смущение	Наказание за нарушение принципов Переживания
Терпимость	Способность приспосабливаться Скрываемая злость	–
Гнев	–	–
Любовь	Выделение особых качеств Сильное эмоциональное чувство	Супружеские отношения Боготворение
Ненависть	–	Противоположное любви Желание изменить то, что идет вразрез с моралью Духовное отвержение
Скромность	–	Заниженные требования к жизни Преднамеренное скрытие своих достоинств для общения
Гордость	Достоинство Чувство (само)уважения	Сопричастность к чему-то важному

Рассмотрим индивидуальные ассоциативные реакции на слова-стимулы, которые были даны информантами-юношами. В отличие от девушек, юноши этого возраста определяют понятия через социализацию отношений в обществе. *Добро* определяется как «счастье для других людей», «бескорыстно и безвозмездно отданное благо». *Зло* – это несчастье других людей. *Стыд* – наказание за нарушение моральных принципов. *Ненависть* ассоциируется с «желанием изменить что-либо, идущее

вразрез с моралью». *Скромность* определяется как умение скрыть некоторые достоинства для облегчения общения с другими людьми (чтобы они не считали его лучше себя). При толковании слова-стимула *гордость* была выделена сема *сопричастность к чему-то важному*. *Любовь* у юношей ассоциируется с боготворимым чувством; кроме того, в супружеских отношениях важно воспитание ребенка.

Необходимо отметить и то, что при анализе ассоциативных реакций у юношей были выделены семы, указывающие на чувственную сторону восприятия этих понятий. Так, например, *ненависть* ассоциируется с духовным отвержением. При этом, однако нет определения меры и степени, либо определяется крайняя степень чувства по отношению к чему-либо. Например, *ненависть* – глубокое духовное отвержение, крайняя версия злобы; *любовь* – высшая форма привязанности; *знев* – крайнее проявление неприязни.

Таким образом, анализ ассоциативных реакций позволяет сделать вывод, что этические оценочные реакции студентов на слова-стимулы могут быть разделены на две группы: стереотипные и индивидуальные. Определяющим фактором для создания стереотипных реакций является возраст. В то же время каждый индивид этой группы выражает свое видение мира через индивидуальные реакции. Можно предположить, что гендерный фактор является важным при формировании индивидуальных реакций на предложенные слова-стимулы у гомогенной группы информантов.

Библиографический список

1. Гольдин, В. Е. Личностное начало в современной русской речи и ассоциативные реакции саратовских школьников [Текст] / В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова // Предложение и слово: парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, 2000. – С. 236–242.
2. Горошко, Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма [Текст] / Е. И. Горошко. – М. – Харьков, 2003.
3. Караулов, Ю. Н. Языковое сознание шестилетнего ребенка: гендерный и когнитивный параметры [Текст] / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. Уфимцева, И. Г. Овчинникова // Возрастное коммуникативное поведение : сб. науч. тр. – Воронеж, 2003. – С. 132–143.
4. Овчинникова, И. Г. Ассоциативные реакции как отражение особенностей семантикона изучаемого языка [Текст] / И. Г. Овчинникова, Т. А. Хаврова // Лингвистические/психологические проблемы усвоения второго языка : мат-лы межвуз. науч. конф. (Пермь, 25–28 ноября 2003 г.). – Пермь, 2003. – С. 176–185.
5. Психологический словарь [Текст]. – М. : Прайм-Еврознак, 2006. – 666 с.
6. Черкасова, Г. А. Ассоциативный тезаурус русского языка: Русский ассоциативный словарь [Текст] / Г. А. Черкасова. – М., 1994–1999. – Кн. 1–6.

ЛОГИЧЕСКОЕ УДАРЕНИЕ В ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ: МЕСТО И СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ

Ю.Е. Коченкова

Статья посвящена основным признакам декламации в публичной речи. Автор проанализировал место и способы создания логического ударения избранных текстов наиболее популярных современных авторов, мастеров публичной речи. На основе анализа почти сотни устных текстов автор приходит к выводу о первичных способах интонационного распределения слов и синтагм в коммуникативно удачных текстах.

The article is devoted to the basic features of declamation in public speech. The author has analyzed the place and ways of creation of a logic accent in the selected texts of the most popular authors of the present, the masters of a public word. On the basis of the analysis of about hundred sounding texts the author comes to the conclusion about primary ways of intonational allocation of words and syntagmas in communicatively successful texts.

Ключевые слова: интонация, интонационное выделение, логическое ударение, устная речь, публичная речь.

Key words: intonation, prosodic accent, logical stress, oral speech, public speech.

Используемые транскрипционные обозначения

↑ восходящее движение тона во фразе

↓ нисходящее движение

→ ровное движение тона

| реальная грамматическая пауза

I нереальная грамматическая пауза

[] дикторская пауза

| психологическая пауза

() пауза колебания

□ – отсутствие обязательной паузы

Слово (п/жирным шрифтом) – слово, насыщенное логическим ударением.

Слово (п/жирным шрифтом с подчеркиванием) – растягивание слова.

СЛОВО (п/жирным шрифтом, курсивом; заглавная буква) – удлинение гласного или напряженность согласного.

3

Слово – слово, насыщенное логическим ударением; цифра над ударным гласным – тип интонационной конструкции (ИК в системе Е.А. Брызгуновой).

Исследование интонационной стороны речи приобрело в последние десятилетия новую актуальность и, по мнению отдельных исследователей, выделилось в отдельную научную дисциплину – интонологию. Логическое ударение – один из предметов интонологии, однако при его создании в речи используются практически все способы интонирования. Мы будем использовать традиционный термин «логическое ударение» для обозначения особой выделенности слова или группы слов, обусловленной эмоциональной или семантической значимостью, с помощью средств суперсегментной фонетики.

Логическое ударение на протяжении многих десятков лет привлекает внимание исследователей сценической речи (Е.Ф. Саричева, К.С. Станиславский), устной научной речи (Т.П. Скорикова), разговорной речи (М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, Н.В. Черемисина, Т.М. Николаева), публичной речи (Ю.В. Ковалев, И.А. Стернин, А.Н. Петрова), специалистов по технике речи (Е.В. Язовицкий) и выразительному чтению (Ю.Э. Озаровский и др.). Отметим работы Г.И. Ивановой-Лукьяновой, специалиста по суперсегментной фонетике, изучающей особенности функционирования логических ударений в текстах различных стилей речи.

Функцию логического ударения, особую роль логической выделенности слов как средства выразительности отмечали многие исследователи публичной речи. В частности, говорят о таких функциях логического ударения, как выражение авторского отношения и передача подтекста, возможность открыть путь к большей смысловой выразительности речи [11], выделение слов, передающих наибольшее количество информации [16]. Считается, что логическое ударение берет на себя роль просодического «оператора» над памятью слушающих, что говорящий, таким образом, стремится снабдить адресата системой необходимых интонационно-смысловых «опор» и закрепить их содержание в памяти аудитории, то есть выделение слов позволяет актуализировать нужное понятие.

Кроме того, логическое ударение обеспечивает связность текста, способствует взаимодействию говорящего и слушающего, помогая оценивать события с точки зрения степени важности [14, с. 195]. Исследователи выделяют также такие функции логического ударения, как формирование опорных точек информации, отношения и оценки, выведение высказывания за рамки его непосредственного контекста [10]. Отмечают и функцию эстетического воздействия для передачи самых тонких оттенков чувств (например, в сценической речи) для отделения наиболее важных по смыслу слов, с целью задержать внимание слушателей в момент самого острого напряжения, для проявления художественности и экспрессивности [4].

Очевидно, что логическое ударение играет немалую роль в передаче и усвоении различных уровней информации. В настоящее время в связи с формированием ин-

формационного типа общества особую важность приобрели масс-медиаальные посредники между автором и получателем текста. Актуален вопрос о роли логических ударений в текстах публичных выступлений: насколько эффективны приемы воздействия на слушателя, связанные с выделением слов?

Для ответа на этот вопрос целесообразно исследовать тексты наиболее ярких ораторов современности. В качестве материала для исследования места и средств создания логического ударения в публичной речи были отобраны 45 мастеров публичного выступления, о популярности которых свидетельствуют высокие рейтинги телепрограмм с их участием и их известность среди зрителей различных профессий и возрастов. Немаловажно, что их признание обязано, в первую очередь, устной речи, особенности которой заставляют многомиллионную публику слушать их с большим вниманием.

В число отобранных авторов вошли Э. Радзинский с его циклом передач «Загадки русской истории», «История галантного века», «Загадки Сталина», В. Вульф с «Моим серебряным шаром», Ю.М. Лотман с «Очерками о русской интеллигенции», митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (с 2009 г. – Патриарх Московский и всея Руси) со «Словом пастыря», М. Леонтьев с передачей «Однако», Ф. Разумовский с циклом передач по истории («Судьба без почвы и почва без судьбы», «Кто мы? Кровь на русской равнине») и многие другие. Конечно, как тематика и проблематика текстов, так и характеристики речи избранных ораторов весьма различны. Однако всех их отличает высокий зрительский рейтинг: значит, в их речи наличествует нечто общее, что притягивает внимание слушателя и производит благоприятное впечатление.

Около ста текстов избранных авторов были проанализированы с точки зрения употребления логических ударений. Как показало исследование, умелые ораторы мастерски владеют, в частности, приемами создания выразительности на уровне создания логических ударений.

Исследование логических ударений в текстах велось по следующим направлениям: количество, способы создания логических ударений, соотношение нейтральных и стилистически окрашенных способов, особенности выделения слов и приемы создания выразительности на уровне текста.

Количество логических ударений в том или ином тексте, особенно в устном, по-видимому, должно диктоваться «принципом коммуникативной целесообразности, которая не задана самой структурой языка, она задается сознанием говорящих и пишущих людей, субъективно понимающих и оценивающих объективную необходимость каждого (помимо правильности) из коммуникативных качеств хорошей речи» [2, с. 19]. Поскольку целесообразность «объективна как необходимость, обязательно возникающая в процессе общения, но она субъективна как осознание и осуществление этой необходимости отдельными людьми» [2, с. 20], то количество, качество и способы создания выделенности слова будут различными в зависимости от намерений говорящего и его мастерства.

В проанализированных нами текстах количество слов, выделенных логическим ударением, колеблется от 5 до 28 %. В среднем 20 % слов от общего количества слов в тексте, то есть каждое пятое слово, выделяется автором с целью смысловозначения, или как более значимое, или с другой экспрессивной целью. Сравнительный анализ показывает, что количество логических ударений в публичной речи высокое: так, по данным Г.Н. Ивановой-Лукияновой, спонтанная подготовленная и неподготовленная речь научного стиля содержит только 7 % выделенных слов; публичные выступления актеров – 11,8 %, чтение прозы актерами – 16,8 %. Немаловажно напомнить, что спонтанные тексты по сравнению с неспонтанными имеют большее число выделенных слов [4, с. 250].

Следует отметить, что количество логически выделенных слов оказывается своего рода маркером ораторского мастерства. Так, высокий процент логических ударений наблюдается в речи некоторых признанных мастеров выступлений, например, у

В данном случае представлен как нейтральный способ (движение тона по типу ИК-2), так и стилистически окрашенный (удлинение, напряжение согласных). Но именно последний и создает тот эффект, когда речь автора воспринимается слушателями как четкая, лаконичная, а каждое слово является необходимым и насыщенным важной информацией.

Усиление или ослабление голоса, изменение темпа встречается также нечасто (в 8 %) и у отдельных авторов. Умело сочетаются изменения силы голоса и темпа при выделении наиболее значимых слов у Е. Евтушенко. Например:

Сталин² | всегда³ | с какой-то (*шепотом, нараспев*) **затаенной** |
 (*шепотом*) **любовью**, | может, исторической **ревностью** | относился
 к таким фигурам, как | Иоанн Грозный и Петр Первый.
 (*передача «Поэт в России – больше, чем поэт»*)

Часто в своих выступлениях при выделении важных по смыслу слов меняет темп и силу голоса А. Вайнер:

Мы с вами⁴ на протяжении многих месяцев и даже лет | смотрели на
 всех экранах то, | как (*медленно, громко*) **убивают**,³ (*еще громче*)
тысячи³ наших соотечественников.
 (*выступление в «Пресс-клубе»*)

Выделение слов только этими последними названными способами встречается редко. Как правило, авторы выделяют слово или сочетание слов двумя-тремя способами одновременно. Если замедляется темп, то это происходит за счет растягивания слова или психологических пауз.

Психологической паузой, использованной перед выделенным словом, после него или обрамляющей его, выделяются лишь 5,4 % слов, насыщенных логическим ударением. Возможно, такой низкий процент отчасти объясняется спонтанным характером устной публичной речи. Исключением, безусловно, являются актеры и мастера публичных выступлений. Приведем пример одного из выступлений Э. Радзинского из его цикла передач «Загадки истории», где автор умело выбрал именно психологическую паузу для выделения слова:

↓ ↑
 Подступили к Василию и сказали, | что царь-то он несчастливый, |
 ↓ ↑
 земля при нем в великом бунте находится, | и **нет** выхода. «Отдай
 ↓ ↑
 посох», – просили они. Но старик отказывался... На первый раз
 ↓ ↑
 защитили его... На второй раз подступили и | **монашество** заставили
 принять царя.
 (*«Самозванство на Руси»*)

При изменении тона (обозначаем типом ИК над выделенным словом), по данным нашего анализа, в публичной речи обнаруживается явное преобладание стилистически и экспрессивно окрашенных способов. Соотношение нейтрального выражения (ИК-2) и ненейтральных способов выделения слов при изменении тона наглядно отображено в таблице 2.

Таблица 2

Соотношение типов выделения слов при изменении тона		
Тип интонационной конструкции (в системе Е.А. Брызгуновой)		Количество выделенных слов, %
Нейтральный	ИК-2	34,3
Стилистически и экспрессивно окрашенные	ИК-1	11,7
	ИК-3	37,1
	ИК-4	10,2
	ИК-5	5,7
	ИК-6	1,9

Что касается движения тона по типу ИК-1, то это характерно для слов, несущих на себе фразовое ударение и усиленных логическим. Нейтральный в стилистическом отношении способ (движение тона по типу ИК-2) в большинстве рассмотренных текстов дополнен другими, стилистически окрашенными, и слово, выделенное ИК-2 и, например, растягиванием или психологической паузой, уже стилистически маркировано. Приведем пример.

И поэтому такого ²рода публикации | ¹необходимо |сопровождать|
²комментариями |определенными.
(Г. Резник, адвокат, выступление в «Пресс-клубе»)

Интересно отметить особенность способа изменения тона по типу ИК-5, при котором большинством говорящих выделяются два слова, то есть целое словосочетание: как правило, один центр приходится на определение, а другой – на определяемое, и при этом отмечаем удлинение ударного гласного, чаще – растягивание выделенных слов и замедление темпа. Особенно часто подобным способом пользуются в своих публичных выступлениях священники. Приведем примеры.

И доказательством тому служит то, что | ⁵показ фильма был назначен в
Пасхальную ночь, | в самый **величайший праздник** для России, | для
всех христиан ее.
(митрополит Коломенский и Крутицкий Ювеналий)

Или:

И так невозможно помыслить, | ⁵чтобы **православный**
³**человек** | или | **просто** человек, | для которого Христос – это|
⁵**высшая мера**, | мог потом пойти записаться к Пилату в охранники.
(о. Максим Козлов)

И также:

Он многих привел к ³**Богу**, | он во многие семьи привел ³**мир**, | в
общество принес дух **любви** | и помогал людям как и |при жизни, | так и
при смерти, | и поэтому его люди почитают как ⁵**великого**
чудотворца | и заступника христиан.
(о. Борис Балашов)

Все четыре слова, насыщенные логическим ударением, объединены общим смыслом: «институт» (власти, армии и т.д.). И, вероятно, в данном случае изменение способа выделения на последнем слове – желание избежать однообразия, а также придать особую значимость одному из объектов перечисления.

Нередко слово, выделенное иначе, чем другие однородные члены, раскрывает тонкости контекста, указывает на не выраженные лексически и синтаксически нюансы мысли, особой оценкой автора. Например, писатель Леонид Жуховицкий, выступая с коротким публичным монологом в одной из передач, посвященной вопросам журналистской этики, высказывает следующую мысль: журналисты во многом «нечистоплотны» и используют в целях добычи информации этически недопустимые методы:

Нас же с детства мамы учат: | ¹ не подслушивай. | ¹ не подглядывай, |
² не доноси.

В этом ряду однородных членов, выделенных ИК-1 – ИК-1 – ИК-2, выделяется именно «не доноси». В системе нравственных оценок поступков человека это понятие несет в себе более низкий смысл по сравнению с подслушиванием и подглядыванием, донос во все времена считался бесчестным и постыдным деянием, и выражение автором особой оценки сегодняшней журналистики проявляется на лексическом уровне и усиливается на интонационном.

Встречаются случаи, когда все элементы перечисления выражены разными способами:

Вот, что очень ³ **важно,** | – это дать возможность ² **каждому** высказаться
 так, как он ² **верит,** | помочь ему быть действительно ⁵ **Искренним и**
³ **честным** в этом отношении | ³ **И** с самим собой, | ² **и с БОгом,** | и с
¹ **людьми.**

(епископ Василий Родзянко)

В данном случае автор подчеркивает важность всех элементов интонационным разнообразием способов выделения слов.

Далее, при анализе текстов публичных выступлений было выявлено следующее средство усиления логической выделенности при использовании перечислений. Яркое выражение оценки того или иного факта автор может передать с помощью переноса акцента со значимого слова на приставку, предлог или, как в нашем примере, частицу:

³ **НИ** смотреть, | ³ **ни** сотрудничать, | ³ **ни** давать интервью, | ни каким-то
 образом: | ³ **слОвом,** | ³ **дЕлом,** | ³ **намЕком** содействовать | их
 деятельности | не имеет права отныне ни один русский человек.

(о. Максим Козлов)

Перед нами в данном примере отрицание в квадрате, усиливающее воздействующий эффект, поскольку цель данного выступления – в большей степени убедить, чем сообщить.

Кроме того, в исследованных нами текстах популярных авторов была выделена следующая особенность, касающаяся логического ударения во фразе. Нередко ис-

Интересен интонационный параллелизм в оформлении выделенных слов на фоне синтаксического параллелизма. Например:

У нас что больше других забот нет? **Беспризорных** | – миллион, |
 3 2 3 2
безработных –| несколько миллионов, | **народ** –| **вымирает**.
 (Н. Крутов, ведущий передачи «Русский дом»)

Последняя акцентная пара выделена иначе, чем предыдущие во фразе, – ИК-3, что не только устраняет интонационное однообразие, избыточность, но и позволяет автору сделать акцент при передаче своих чувств, т.е. является средством усиления воздействия и в без того «сильной» фразе.

По нашим наблюдениям, такое сложное интонационное оформление в публичной речи встречается довольно часто. Умело, намеренно, как приемом этим пользуются сильные авторы публичных выступлений:

Научите. | **верните.** | **восстановите** сначала то, что | **попрано,** |
 3 3 3 2
украдено, | **изуродовано,** | а потом будем разговаривать только, | может
 2 2
 быть.
 (Н. Михалков)

Приведем убедительный пример из выступления Э. Радзинского. Этот автор-исполнитель демонстрирует возможности эффектного сочетания мелодического, синтаксического и семантического параллелизма в оформлении небольшого текста:

Так мистически странно | начинается эта династия, | которая, | как вы
 6 1
 знаете, | началась в **Ипатьевском** монастыре | и **закончится** в
 6
 Ипатьевском доме. В **семнадцатом** веке| начинается эта династия, |
 1 6
 чтобы закончиться| в году **семнадцатом**. И **Михаил** было имя этого
 1
 отрока, | и **Михаил** – будет имя **последнего царя**, | в чью пользу так
безуспешно отрекался | Николай II.

Кажущееся однообразие в оформлении фраз и способов выделения слов создает иллюзию плавности течения времени, закономерной смены одного события другим, повторяемости и ритмичности. Символичны и способы выделения слов: ИК-6 там, где все связано с восхождением Романовых, и нисходящий тон ИК-1 – с вынужденным отданием престола царской династии. Возможно, подобное сочетание в способах интонационного оформления этих фраз помогает слушателям почувствовать полноту трагичности, масштабности и потрясающего совпадения этих событий в истории России. Акцентно представлена и авторская оценка этих событий. Талантливый оратор всегда чувствует, где необходимо сказать именно так, а не иначе, и где уместен тот или иной прием.

Исследование текстов наиболее популярных и успешных авторов, ораторов, мастеров звучащего слова убедило нас в немаловажной роли логического ударения и особенностей его создания в устной публичной речи. Умелое интонационное выделение слов и синтагм помогает в реализации основных целей публичного выступления (сообщения, общения, воздействия) и частных целей и установок авторов (под-

черкнуть важность смысла сказанного, вызвать эмоциональное переживание у слушателей, передать подтекст и т.д.).

Примеры из текстов известных журналистов и актеров, священников и ученых свидетельствуют о том, что публичной успешной речи свойственен высокий процент выделенных интонационно слов. При этом наименее высок процент логических ударений в речи священнослужителей, в то время как наиболее ярка речь преподавателей и актеров.

Кроме количественных показателей, не менее важны и качественные. В отличие от других типов устной речи, публичная речь характеризуется активным употреблением стилистически и экспрессивно окрашенных способов выделения слов. Кроме того, как правило, мастера публичной речи используют для создания логического ударения одновременно 2–3 способа.

Кроме того, нами были выделены и некоторые специфические приемы, используемые авторами для реализации целей выступления: это особое выделение однородных членов или элементов перечисления во фразе, перенос акцента на приставку, предлог или частицу, подчеркивание групп слов в пределах фразы, мелодический параллелизм в оформлении выделенных слов фразы и даже целого текста.

Исследование образцов самых коммуникативно состоятельных, успешных и проникновенных звучащих текстов современности призвано помочь в выработке стратегий составления убедительных и ярких публичных выступлений. Логическое ударение во всем многообразии его употребления, способов и целей создания занимает важнейшее место в построении эффекта устной речи. Если лексические и синтаксические средства выражения мысли и создания текста «наглядны» и достаточно хорошо изучены, то работа интонационных средств в устной речи может быть уподоблена нижней, подводной и самой большой части айсберга, и мастерство ораторов – в умелом их использовании.

Библиографический список

1. Брызгунова, Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи (книга и звуковые иллюстрации для художественного чтения) [Текст] / Е. А. Брызгунова. – М. : МГУ, 1984. – 116 с.
2. Головин, Б. Н. Основы культуры речи [Текст] / Б. Н. Головин. – М. : Высшая школа, 1988. – 320 с.
3. Иванова-Лукьянова, Г. Н. Культура устной речи. Интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм [Текст] / Г. Н. Иванова-Лукьянова. – М. : Флинта : Наука, 1998. – 196 с.
4. Иванова-Лукьянова, Г. Н. Ритмико-интонационное строение текста [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / Г. Н. Иванова-Лукьянова. – М., 1990.
5. Касаткин, Л. Л. Основные интонационные тональные контуры (ТК) русского литературного языка [Текст] / Л. Л. Касаткин // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой. – М. : Языки славянских культур, 2005. – С. 479–486.
6. Ковалев, Ю. В. Интонация публичной политической речи: Прагматический аспект [Текст] : монография / Ю. В. Ковалев. – М. : РУДН, 2006. – 204 с.
7. Ковалев, Ю. В. О способах исполнения публичной речи [Текст] / В. Ковалев // Виноградовские чтения. Прагматические аспекты грамматической и лексической семантики : тез. докл. науч. конф. – М. : ГИРЯЛ, 2000. – С. 36–38.
8. Кривнова, О. Длительность как средство реализации словесного ударения в тексте (сопоставительный анализ разных способов оценки выраженности ударения в слове) [Текст] / О. Кривнова // Язык и речь: проблемы и решения : сб. науч. тр. к юбилею проф. Л.В. Златоустовой. – М., 2004. – С. 77–99.
9. Краснова, Т. А. Роль лексики и интонации в выражении подтекста [Текст] / Т. А. Краснова // Вестник Удмуртского университета. – 2007. – № 5–1 (май). – С. 39–44.
10. Николаева, Т. М. Семантика акцентных выделений [Текст] / Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1982. – 104 с.
11. Осокин, В. В. Логическое ударение [Текст] / В. В. Осокин. – Томск : Изд. Томск. ун-та, 1968. – 145 с.

12. Польщикова, Л. Д. «Интонационный фонд» и «интонационный словарь» (М.М. Бахтин и Б.В. Асафьев) [Текст] / Л. Д. Польщикова // Новый филологический вестник. – 2006. – № 2. – С. 5–14.
13. Попов, П. С. О логическом ударении [Текст] / П. С. Попов // Вопросы языкознания. – 1961. – № 3. – С. 90–93.
14. Скорикова, Т. П. Фонетические особенности устной научной речи [Текст] / Т. П. Скорикова // Современная русская научная устная речь. – Красноярск : КГУ, 1985.
15. Хромов, С. Интонация в системе языка и проблемы методического прогнозирования [Текст] / С. Хромов. – М. : РУДН, 2000. – 192 с.
16. Цеплитис, Л. К. Теория публичной речи [Текст] / Л. К. Цеплитис, Н. Я. Катлане. – Рига : Зинатне, 1971. – 117 с.
17. Черемисина, Н. В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь [Текст] / Н. В. Черемисина. – М. : Русский язык, 1989. – 117 с.
18. Черемисина-Ениколопова, Н. Законы и правила русской интонации [Текст] / Н. Черемисина-Ениколопова. – М. : Русский язык, 1999. – 176 с.

КОГНИТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ И МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

С.И. Маджаева

В данной статье рассматривается терминология медицины с точки зрения ее когнитивного развития. Автор статьи анализирует работы по медицинской терминологии в этом направлении и указывает их проблемы. Статья рассматривает когнитивные проблемы терминов в таких направлениях медицины, как «Диабет» и «СПИД». Терминологические словосочетания отражают постоянное когнитивное развитие этих направлений.

This article is devoted to the terminological problems of medicine in the modern direction of cognitive processes. The author of the article analyzes the works on medical terminology in this direction and points out its problems. The article deals with cognitive problems of the terms in such branches of medicine as “Diabetes” and “AIDS”. Terminological word-combinations reflect constant cognitive development of these branches.

Ключевые слова: медицинская терминология, термин, медицинский термин, когнитивный процесс, терминологическое словосочетание.

Key words: medical terminology, term, medical term, cognitive process, terminological word-combination.

Поскольку язык медицины отражает важнейшую для человечества область знания и относится к числу древнейших языков для специальных целей, а также отличается большим разнообразием средств выражения, он всегда привлекал внимание терминологов.

Терминологический «взрыв» как результат познавательной и терминотворческой деятельности в новых областях медицины требует глубокого и всестороннего изучения механизмов номинации медицинских концептов. Новое понимание роли языка в процессах категоризации и концептуализации мира медицины явилось причиной для изучения медицинской терминологии.

В медицинском терминоведении к настоящему времени накоплен богатый опыт исследования отдельных аспектов этого профессионального языка и различных подсистем медицинской терминологии.

Обобщающим трудом, содержащим ценные сведения по истории медицинской терминологии и лингвистическую характеристику современной медицинской терминосистемы, на наш взгляд, является работа М.Н. Чернявского «Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии» (1984). В 1996 г. выходит монография польского лингвиста Я. Заневского «Язык науки: медицина», в которой автор анализирует функционально-стилевые и жанровые варианты профессиональной медицинской речи.

Вопросы становления медицинской терминологии, взаимодействия научного языка и конкретного периода развития медицинских знаний нашли отражение в работах В.Я. Греб «Пути формирования специальных терминологических систем в немецком языке» (1977), М.А. Брицина и Т.В. Олещук «Лексика со значением "кожное заболевание" в древнерусском языке» (1982), Т.С. Кирилловой «Пути формирования и лексикологические особенности английской терминологии подъязыка медицины» (1990), З.Р. Палютиной «Цивилизационная лингвистика» (2005) и др.

Кроме того, российской научной школой были изучены конкретные способы образования медицинских терминов: метафоризации (Г.А. Краковецкая, 1998), аббревиации (Г.Г. Еремкина, 1991), эпонимизации (Н.Т. Соколов, 1968); проблемы синонимии медицинских терминов (В.М. Турчин, 1991); интернационализации медицинской терминологии (М.И. Шлихта, 1976).

Типологическому изучению медицинских подсистем посвящена работа С.Г. Казариной (1998). Были описаны функциональные особенности медицинского текста (Б. Загурска, 1992), определено место медицинской терминологии в лексической системе национальных языков (Л.В. Дубровина, 1986), разрабатывались вопросы словообразовательного моделирования на материале медицинской терминологии (В.Н. Федорцова, 1984), выявлены и описаны структурно-семантические особенности медсестринской терминологии (С.И. Маджаева, 2005).

В настоящее время как одно из новых научных направлений исследования в области терминоведения следует отметить развитие науки о терминах в свете когнитивной лингвистики. Актуальность данного направления обусловлена тем интересом, который вызывает выявление закономерностей организации терминологии новой области знаний, что может оказаться полезным для изучения развивающихся терминосистем. В этой связи важное значение приобретает исследование когнитивных аспектов терминообразования, в том числе механизмов номинации в специальных научных и отраслевых терминосистемах.

Особенности терминологической номинации заключаются в специфике специальной структуры знания, которая стоит за термином. Эта структура знания, являясь результатом когнитивной деятельности специалиста, представляет собой интеграцию нескольких видов знаний: знания об определенном фрагменте мира, знания о ментальных формах его отражения в сознании, о языковых формах его репрезентации, знания об оперировании языковыми единицами с целью обработки, хранения и передачи информации. Определение термина, с когнитивной точки зрения, заключается в ответе на то, предстает перед нами специальная или не специальная структура знания. Таким образом, термин возникает как результат взаимодействия когниции и коммуникации в профессиональной деятельности: «Терминосистема отражает в своем развитии процесс углубления человеческого познания и теоретического освоения мира, и новое направление терминоведения – когнитивное терминоведение – описывает эти факты» [5, с. 20–30].

Следует заметить, что в контексте когнитивных аспектов терминообразования в современной науке в настоящее время накоплен достаточно плодотворный опыт в области исследования медицинской терминологии. В этой связи достаточно глубоко изучены процессы становления медицинской терминологии: А. Andrews (1947), О. Barfield (1969), L.A. Cardinale (2004), Н. Skinner (1961), Г.А. Арнаудов (1979), В.М. Брицын (1972), А.О. Власова (1988), В.С. Гусятинская (1979), Л.В. Дубровина (1976), Н.А. Костюк (1986), Ю. Кржижек и И. Кухарова (1966), В.М. Меркулова (1980), Т.В. Олещук (1983), В.А. Татарин (1997), М.П. Терехова (1969), Л.А. Фридман (1968), М.Н. Чернявский (1984) и др. Исследованы структурно- и лексико-семантические особенности медицинских терминов: Т.С. Кириллова (1990), Г.А. Абрамова (1995), Т.Л. Бухарина (1990), Н.С. Бушин (1996), Л.А. Динес (1986), Е.А. Иванова (1987), Г.А. Краковецкая (1979); В.Ф. Новодранова (1990), В.Н. Прохорова (1996, 1997), В.Н. Родионов (1995), Л.С. Рудинская (2000), Т.А. Трафименкова (2008), З.Р. Хабилова (1989). Актуализируется направление сравнительного исследования и

стандартизации российской и зарубежной терминологий: Л.А. Динес (1986), Г.Л. Сердюкова (1998), С.Г. Дудецкая (2007) и др.

Обращаясь к генезису когнитивного аспекта медицинской терминологии, необходимо отметить, что основателем научной школы медицинского терминоведения в области когнитивизма В.Ф. Новодрановой к настоящему моменту опубликовано 170 работ, касающихся различных проблем языка медицины. Как показывает проведенный нами мониторинг научной активности в данном направлении, в последнее десятилетие были защищены диссертации и изданы монографии по медицинскому терминоведению, выполненные в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики: «Концепты пространства в медицинской терминологии» (Л.Ф. Ельцова, 2000), «Современные тенденции развития гематологической терминологии» (Л.С. Рудинская, 2000), «Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа» (Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова, 2002), «Когнитивные основы наименований компонентов действующих веществ лекарственных растений» (Т.В. Куркина, 2003) и др.

В русле современного когнитивного терминоведения проведено исследование Е.В. Бекишевой («Категориальные основы номинации болезней и проблем, связанных со здоровьем», 2007). В монографии автор исследует наименование болезней как отражение онтологической категории состояния, показывает связь языковых единиц с когнитивными процессами, восприятием и памятью человека. Исследователь считает, что проблема категоризации важна, так как «когнитивный подход создал возможности найти ответы на вопросы, касающиеся семантики медицинского термина и концептуального содержания, стоящего за ним...» [2, с. 228].

Когнитивный подход в исследовании терминологии способствует интерпретации термина как производного концептуализации и категоризации мира человеческим сознанием и мышлением. С учетом того что когнитивные свойства термина репрезентируются в терминологических структурах, Е.Д. Макаренко совместила в своем исследовании «Когнитивно-деривационный потенциал хирургической терминологии» (2008) когнитивный и деривационный анализ хирургического термина как знака научно-профессионального понятия. Исследовав термины предметной области «Хирургия», Е.Д. Макаренко заключила, что ее терминология представляет собой систематизированный вербализованный вариант когнитивной и деривационной обработки знания человеком в процессах научно-профессиональной деятельности, а хирургический термин является вербализованным результатом профессионального мышления, профессиональной концептуализации [6, с. 6].

Интересна по своему когнитивному содержанию и работа Е.А. Слоевой «Когнитивно-коммуникативный подход к описанию анатомического объекта» (2007). Диссертационная работа посвящена анализу анатомической терминологии с точки зрения когнитивных структур, лежащих в основе ее образования, с учетом дискурсивных данных, в связи с ее употреблением в контексте специального знания. Автор приходит к выводу, что «ряд концептов не имеет своего терминологического выражения, результатом чего является возникновение терминологических лакун» [8, с. 6]. Е.А. Слоева предлагает элиминирование лакун путем использования профессионализмов и нетерминологической лексики: «Для компенсации отсутствующего слова в целях общения используется компенсатор – слово или выражение, при помощи которого лагуна фиксируется» [8, с. 9].

Метафора является самой распространенной когнитивной операцией, сопровождающей процесс концептуального слияния при образовании идиоматичных номинативных композитов. В этом направлении работает школа Л.М. Алексеевой и С.Л. Мишлановой, которая исследует метафоризацию с целью выявления особенностей переработки информации и репрезентации нового знания в научно-популярном медицинском дискурсе. Многие исследователи (Заботкина, Голованова, Алексеева, и др.) отмечают, что метафора, метонимия и метафтонимия как основа образования новых сложных значений являются одним из частных проявлений концептуальной интеграции. Например, *диабетическое сердце* – поражение миокарда у больных диабетом, обусловленное нарушением метаболизма, нефропатией и микроангиопатией,

стерильный гной – протекание хронического гнойного процесса в асептических условиях. В вышеназванных предметных областях метафора выступает как когнитивно-прагматическое средство оформления нового опыта, полученного человеком при взаимодействии с окружающей средой в процессах познания действительности.

Специфика медицины как области знаний и деятельности приводит к тому, что ее понятие описывается двумя существующими совокупностями терминов: научной терминосистемой и стихийно складывающейся терминологией, охватывающий те медицинские понятия, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни. Одна часть терминов переходит во вторую совокупность понятий, где имеется много заимствованных терминологических единиц. Существующие два направления медицинской терминологии – научное и повседневное – дополняются терминологией народной медицины. Эти разновидности языка медицины находятся в центре внимания когнитивно-дискурсивного и когнитивно-коммуникативного терминоведения (работы В.Ф. Новодрановой, Е.В. Бекишевой, В.И. Наролиной, В.В. Жура).

Термины представляют собой довольно пестрый набор разнообразных по происхождению, словообразовательной и ономазиологической структуре, семантическим свойствам единиц, среди которых особую группу составляют терминологические словосочетания. Хотя ведущим типом знания, репрезентированным этими единицами, является научное, теоретическое, оно далеко не единственное. Помимо научного, в когнитивной структуре терминов отражены результаты обыденного и практического профессионального видов знаний; все они вступают между собой в сложное взаимодействие. О «присутствии» разных типов знания может сигнализировать форма терминов. Так, термины, созданные на основе общеупотребительных единиц, в той или иной мере включают в свою содержательную структуру информацию, полученную обыденным сознанием. То же касается терминов, которые являются метафорическими образованиями или восходят к устной профессиональной среде. Например, в XIX в. *сахарный диабет* назывался *сахарной болезнью*, а *инфекционные болезни* номинировались как *прилипчивые болезни*.

Формирование и развитие каждой когнитивно-терминологической сферы, в том числе и терминосфер «Диабет» и «СПИД», определяется этапами и результатами глобального познавательного процесса. В ряду главных экстралингвистических факторов формирования понятийно-терминологических сфер «Диабет» и «СПИД» как областей знаний и практической деятельности и их терминологий следует выделить такие:

- ✓ возраст, обуславливающий источники ее появления и специфику образования;
- ✓ состояние данной области знаний (активный или обычный период ее развития), что влияет на семантику и понятийную структурную сложность медицинских терминов предметной области «Диабет» и «СПИД»;
- ✓ национальные различия в развитии науки, обуславливающие направления процессов миграции и заимствования терминов;
- ✓ различные научные школы;
- ✓ необходимость в стимулировании развития определенной области знаний с учетом ее социальной значимости.

Для примера приведем историю терминологии СПИДа. Несмотря на молодость этой области медицины, в ней можно выделить несколько этапов становления ее терминосистемы. СПИД вызывается вирусом, который был открыт французской исследовательской группой в Париже и обозначен *LAV* (*связанный с лимфоаденопатией вирус*). Вскоре после этого, в 1983 г., был выделен вирус, который избирательно поражал лимфоциты человека. Со времени выделения вируса начался современный этап научного изучения болезни. На основании родства вируса с субгруппами I и II «человеческих Т-клеточных лейкоемий» (*HTLV*) ему было дано обозначение *HTLV-III*. На II Международном конгрессе по проблеме СПИДа было принято решение о том, чтобы употребляющееся ранее слишком громоздкое обозначение *LAV/HTLV-III* заменить на *HIV* (в русском языке – *ВИЧ* – *вирус иммунодефицита человека*) [9, с. 5]. С развитием методов лечения, прогрессом медицины изменяется и концептуальное содержание терминов: *LAV* – *HTLV* – *HTLV – III* – *HIV*. Исследования медицинских текстов на русском и

английском языке показали такую картину термина СПИД: *приобретенный иммунодефицит – иммунный дефицит – новый иммунодефицит – СПИД*.

В конце XX в. в концептуальной структуре понятий «СПИД» и «Диабет» закрепляются новые концептуальные признаки, которые значительно увеличили их объем. Основное информационное понятийное ядро в предметной области «Диабет» и «СПИД» получает дополнительный признак – «необходимость профессиональных знаний», что связано с развитием новых (инновационных) методов лечения, диагностики, с появлением новых лекарств и инструментария, желанием медиков передавать свой опыт.

В терминологическом поле заболеваний диабет и СПИД функционирует большее количество многокомпонентных терминов (68 % / 56 %), а также композитов (21 % / 17 %) – *глюкометр, инсулинотерапия, диабетометр, иммунодефицит, иммунодиффузия*. Синтез нескольких компонентов в составе одного термина не только не противоречит тенденции речевой экономии, но и выполняет важнейшую когнитивную функцию, объективируя научную информацию во всей ее полноте и комплексности. Количественное преобладание многокомпонентных терминологических единиц обеспечивает стройность системы и отражает постоянное когнитивное развитие самих предметных областей медицины «Диабет» и «СПИД». Потребность в многокомпонентных терминологических словосочетаниях возрастает по мере развития предметной области медицины, углубления знаний о профессиональных объектах: предметах, процессах, явлениях. Разные признаки профессиональной деятельности получают вербальную объективацию либо в структуре однословного термина, либо в структуре словосочетания. В результате профессиональное обозначение приобретает дескриптивный характер, многообразии признаков репрезентируется в нем в расчлененном виде [3, с. 123].

Анализируя медицинские термины предметной области медицины «СПИД» и «Диабет», мы рассмотрели основные словообразовательные модели, лежащие в основе когнитивных моделей образования терминологических словосочетаний. В ходе анализа нами были выделены основные словообразовательные модели формирования терминосочетаний:

- ✓ комбинации двух основ собственно существительных N + N (*diabetes mellitus*);
- ✓ комбинации существительного и отглагольного существительного N + V → N (*bed rest*);
- ✓ комбинации отглагольного существительного и существительного V → N + N (*bleeding time*).

Мы попытались выявить взаимосвязь между указанными выше словообразовательными моделями и когнитивными моделями, лежащими в основе формирования значения ТС и заключили, что многокомпонентные термины выполняют важнейшую когнитивную функцию и являются средством фиксации, хранения и передачи существенных знаний в процессе познания мира человеком.

Неэкономность номинации ТС может быть разрешена за счет создания сложносокращенного слова (аббревиатуры). Например, *ГД – глюкоза крови, ДКА – диабетический кетоацидоз, ДН – диабетическая нефропатия, BST – blood serologic test – серологический анализ крови, BLS – blood sugar – сахар, содержащийся в крови, conv – convalescent – выздоравливающий, GC – gonorrhoea – гонококк HV – health visitor – патронажная сестра*.

Не случайно В.А. Татаринев рассматривает аббревиатуры как обозначения сложных объектов: «аббревиатуры называют такие явления действительности, которые могут быть отнесены к фактам, квалифицируемым как "сложные" [9, с. 211]. Под сложностью исследователь понимает «комплексный характер явления, денотата, артефакта, их многогранность, многоаспектность, разнородность их элементов, разнообразие структурных связей в пределах системы, целого [9]. Таким образом, аббревиатура, являясь внешне «простой» единицей, выступает маркером категории сложности: «Аббревиату-

ра, прочно вошедшая в употребление, позволяет целостно представить расчлененно увиденный и описанный языковыми средствами объект» [3, с. 123].

Медицина – наука динамичная, Она не перестает изменяться и развиваться. Появляются новые методы лечения, новый инструментарий, лекарства и новые термины. Механизм образования нового слова представляет собой сложный когнитивный процесс. Довербальный смысл начинает выкристаллизовываться и соотноситься с глубинным ярусом значений ментального лексикона. Ведется поиск формы для вербализации конструируемого смысла, и параллельно активизируется информация из «набора лексических средств» о наличии релевантных словообразовательных схем [12, с. 7].

Следует подчеркнуть тот факт, что активизация исследования медицинской терминологии вносит в современных условиях значительный вклад в развитие терминоведения как научной области знаний [10, с. 14]. Кроме того, в современной науке до сих пор отсутствуют работы, посвященные выявлению и описанию терминообразовательных единиц и способов, служащих для реализации категориальных значений, анализу интеграции категориальных признаков, отраженных в термине, и ряду других важных аспектов, в изучении которых мы видим перспективы дальнейшего развития когнитивного направления медицинской терминологии.

Библиографический список

1. Алексеева, Л. М. Метафоры, которые мы выбираем (опыт описания индивидуальной концептосферы) [Текст] / Л. М. Алексеева // С любовью к языку : сб. науч. тр. – М. – Воронеж : ИЯ РАН, Воронеж. гос. ун-т, 2002. – С. 288–298.
2. Бекишева, Е. В. Категориальные основы номинации болезней и проблем, связанных со здоровьем [Текст] : монография / Е. В. Бекишева / под ред. проф. В. Ф. Новодрановой. – Самара : ООО «ИПК «Содружество», 2007. – 250 с.
3. Голованова, Е. И. Эвристический потенциал когнитивных терминов и развитие терминоведения [Текст] / Е. И. Голованова // Терминология и знание : мат-лы I Междунар. симпозиума. – М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2009. – С. 51–64.
4. Дудецкая, С. Г. Метафоризация как способ терминообразования (на материале английской терминологии черепно-челюстно-лицевой хирургии и стоматологии) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Г. Дудецкая. – Самара, 2007. – 24 с.
5. Лейчик, В. М. Отечественное терминоведение на переломе веков и медицинская терминология [Текст] / В. М. Лейчик // Язык медицины : всерос. межвуз. сб. науч. тр. – Самара, 2004. – С. 14–30.
6. Макаренко, Е. Д. Когнитивно-деривационный потенциал хирургической терминологии [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Д. Макаренко. – Краснодар, 2008. – 21 с.
7. Мишланова, С. Л. Термин в медицинском дискурсе (образование, функционирование, развитие) [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / С. Л. Мишланова. – М., 2003. – 392 с.
8. Слоева, Е. А. Когнитивно-коммуникативный подход к описанию анатомического объекта [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Слоева. – Ульяновск, 2007. – 23 с.
9. Татаринев, В. А. Терминоведение в России: на подступах к новой парадигме [Текст] / В. А. Татаринев // *Słupskie prace humanis-tyczne / Wyższa szkoła pedagogiczna. Słupsk.* – 1999. – № 18. – С. 209–217. – (Neofilologia).
10. Трафименкова, Т. А. Терминология болезней как объект ономаσιологического, семантико-парадигматического и лексикографического исследования [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Трафименкова. – Орел, 2008. – 21 с.
11. Хепфнер, К. СПИД – медико-биологические и социальные аспекты болезни [Текст] / К. Хепфнер. – М., 1992. – С. 15–16.
12. Шток, Н. А. Когнитивные механизмы формирования новых сложных существительных в современном английском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Шток. – М., 2008. – 24 с.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Л.А. Мельникова

В статье рассматриваются отношения между формой и содержанием компонентов высказывания. Дается анализ грамматических значений, выражаемых несклоняемым существительным в речевой реализации. Выясняется роль формальных показателей и семантических категорий слов в построении предложения. Основное внимание уделяется вопросу «внутренней формальности» языка.

The author considers relations between form and content of components of the elements of the utterance. Grammatical meanings, expressed by indeclinable nouns in speech realization, are analyzed. The author studies the role of formal markers and semantic categories of words in sentence formation. The “internal formality” of the language is of a particular attention.

Ключевые слова: «скрытая» грамматика, категории рода, числа, падежа, семантическое поле, омонимия, взаимодействие, синтаксическая функция.

Key words: “hidden” grammar, categories of gender, number and case, semantic field, homonymy, interaction, syntactic function.

В традиционной грамматике прошлого века считалось, что выражаемое корневой морфемой словоформы есть лексическое значение, а выражаемое аффиксом – грамматическое. Однако во многих теоретических работах исследователей того же периода (А.А. Потебня, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба, А.М. Пешковский) поднимался вопрос о недостаточности для анализа содержательной стороны языка методов, ориентированных на внешние грамматические формы. «Формальность языка есть существование в нем общих разрядов, по которым распределяется частное содержание языка, – писал А.А. Потебня – Отношения между формальным значением и его звуковой опорой не всегда однозначны. Внешняя морфология обусловлена внутренней формальностью языка». Л.В. Щерба в 1924 г. в статье «О частях речи в русском языке» обращал внимание на семантический фактор грамматического строя языка: «При некоторых обстоятельствах язык обходится без звукового обнаружения категории: если мы знаем, что какаду – название птицы, мы не ищем формальных признаков для того, чтобы узнать в этом слове существительное».

В настоящее время принцип определения грамматического значения по способу звукового обнаружения признается несостоятельным. Приобретает значимость идея «скрытой» грамматики, утверждающей, что «основную нагрузку в плане выражения грамматических отношений несут не словоформы, а внутренние связи – типы значений, их принадлежность к тому или иному разряду, типы сочетаемости слов и т.д. Грамматика такого рода заложена в природе любого языка, и именно она является основой всякого грамматического строя» [1, с. 79].

Анализируя фрагменты живой речи, приходится признать справедливость замечаний о противоречивости отношений между формой и содержанием в русской грамматике: одной грамматической функции может соответствовать несколько форм, а одной грамматической форме – несколько функций, и не каждая грамматическая категория получает прямое и непосредственное выражение в грамматических формах языка.

Наглядным подтверждением существования «скрытой» грамматики можно считать функционирование в русском языке несклоняемых имен (далее – НИ). Способность этих слов сочетать свою лексическую семантику со сложной гаммой реляционных значений в условиях отсутствия формального показателя всегда привлекала внимание исследователей. Однако с точки зрения традиционной, «явной» грамматики это явление объяснить было сложно. Наиболее признанной в языкознании последних десятилетий прошлого века была теория о «взаимодействии синтетических и аналитических элементов в системе выражения несклоняемыми именами падежных значений, а именно: их эквивалентного окружения и субституции (мысленной под-

становки) в процессе речи под неизменяемые по внешнему виду формы функционально идентичных с ними, но гораздо более частотных форм с падежными флексиями» [2, с. 246]. Другими словами, с этой точки зрения, несклоняемое имя функционирует в речи лишь за счет подразумеваемых аналогичных в данной позиции окончаний и содержащихся в грамматических показателях других членов предложения указаний на его форму. Данная теория ориентируется на системный характер языка, но речь «асистемна» (Ф. де Соссюр). Синтаксическая позиция компонентов высказывания в ней может изменяться в зависимости от акцентов, расставленных автором (например, при инверсии), окружающие НС словоформы тоже не всегда согласованы с ним. Однако, несмотря на это, слушатель способен верно распознать смысл сообщения, даже если оно содержит полисемичные и омонимичные компоненты. Следовательно, существуют другие, неформальные, «невные» приметы, позволяющие понять содержание высказывания. Ученые разных лингвистических направлений пришли к мысли о существовании «скрытых» категорий построения речи, по Э. Кошмидеру, «категорий подразумеваемого содержания», образующих логический каркас языка. «Все понятия, с которыми в изобилии имеет дело описание языка, как множественное и единственное число, настоящее, будущее и прошедшее время и т.д., являются категориями подразумеваемого содержания, и, будучи совершенно независимыми от языковых средств их выражения, они связаны между собой прочными взаимоотношениями, которые не меняются от того, что в каком-либо языке угадываются только из контекста либо выражаются не грамматическими средствами» [5, S. 19].

Возможно, именно в плоскости «скрытой» грамматики находятся ответы на важнейшие вопросы языкознания, а наиболее подходящим средством, неким «ключом» к освоению этой области могут оказаться так и не принятые традиционной грамматикой, несклоняемые слова-исключения.

Наблюдения показывают, что восприятие категорий рода, числа и падежа несклоняемого имени в речи часто не зависит от грамматического оформления соседствующего с ним частей речи. Ср.: *Продавец пальто отошла на минуту*. Формально ни один член предложения не указывает нам на форму НС. С определенностью назвать подразумеваемое падежное окончание, следуя упомянутой выше теории, мы не можем, так как, во-первых, не знаем, одно пальто продает субъект речи или несколько (ср.: *продавец плаща / плащей*), во-вторых, под именем *пальто* может скрываться художественный образ, как, например, в стихотворении А. Бабия «Баллада о сером пальто»:

*От того и грустно мне: я ж мечтал о том,
Чтоб побыть наедине с серым тем пальто.*

В таком контексте можно квалифицировать *пальто* и как одушевленный предмет. Примером аналитичности в выражении грамматического значения здесь может служить лишь окончание глагола *отошла*, указывающее на принадлежность называемого лица (субъекта) к женскому полу, тогда как оно (название субъекта) неспособно изменяться по родам. Сразу и безошибочно мы можем угадать лишь форму род. п. Но эта информация пришла, очевидно, не синтетическим и не формально-аналитическим путем. Чтобы понять, как грамматические категории воспринимаются вне формальной отнесенности, следует проникнуть за материальную оболочку слова, в область смысловых категорий, которые образуют семантическое поле компонентов высказывания. Семантическое поле лексемы *пальто*, безусловно, содержит родовую принадлежность, которая, как и у всех неодушевленных предметов, не изменяется в зависимости от контекста. Сопоставив словосочетания с полным и неполным формально-грамматическим набором:

Неодуш.
Продавец пальто – – –
Продавец плащей – мн. ч., р. п.
Продавец плаща м. р., ед. ч., р. п.

Одуш.
Продавец шимпанзе – – –
Продавец обезьян – мн. ч. р. п.
Продавец обезьяны ж. р. ед. ч. р. п.

и поместив их поочередно в анализируемую синтаксическую конструкцию, можно заметить, что отсутствие видимого указания на родовую принадлежность не приносит ущерба смыслу высказывания. Вероятно, в данном речевом фрагменте этот признак не актуализирован, не важен для понимания ситуации, потому что слово *пальто* (*шимпанзе*, *обезьяна*) здесь лишь маркирует вид товара и выполняет для высказывания служебную роль. Можно предположить, что категория рода зависимого существительного в создании картины данного события не участвует, хотя и присутствует в семантическом поле понятия.

Нельзя сказать того же о категории числа. Во всех приведенных выше примерах отмечается значимость этого признака для целостной картины события. Например, в предложении *Продавец пальто отошла на минуту* значение мн. ч. НИ вызывает ассоциацию магазина, отдела, торгующего данным товаром, а значение ед. ч. переносит нас в ряды уличной торговли, где может продаваться только одно *пальто*. Создается впечатление о неравномерном распределении ролей между грамматическими категориями в построении содержательной стороны речи. Действительно, отнесенность слова *плащ* к мужскому роду не несет никакой смысловой нагрузки, а всего лишь указывает на принадлежность его ко II склонению, что в сочетании со значением числа и падежа выдвигает для данной лексемы соответствующую словоформу. Кроме того, существительное может вообще обходиться без категории рода, выступая в значении множественного числа. Очевидно, для самостоятельного функционирования несклоняемого имени указание на его родовую принадлежность не является необходимым. Лишь в согласовании эта категория находит свое выражение наравне с другими: *Продавец красного пальто*. Если у НИ категориальные признаки лишь предполагаются, то в согласуемом компоненте они получают звуковую приметку.

Семантико-синтаксический разбор исходной конструкции обнаруживает единственный компонент, связанный по смыслу со словом *пальто* – управляющее существительное *продавец* в им. п. Компонентный анализ данной лексемы выдает среди прочих элементов ее значения сему «лицо, продающее что-либо». Содержательная валентность субъекта в этом плане открывает подчиненную позицию для поясняющего компонента – р. п. Нетрудно проследить «деривационную историю» этой формы в составе предложения. Слово сочетание *продавец пальто* представляет собой свернутую пропозицию *продавец продает пальто*. При сворачивании конструкции предикат, суть которого уже содержится в имени субъекта, нейтрализуется (опускается), а объект действия приобретает, по правилам сочетаемости, форму р. п. с сохранением объектных отношений, но уже во вторичной для р. п. функции. Объектному значению теперь сопутствует значение признака (*продавец* чего? какой?). Эти частные смысловые отношения мы угадываем благодаря наличию в составе семантических полей субъекта и объекта категориальных признаков реализатора и реализуемого, обеспечивающих совместимость данных лексем в заданной речевой ситуации. Чтобы проверить это утверждение, попробуем при сохранении формы изменить лексическое наполнение субъекта: *Учитель пальто отошла на минуту*. Подменив род занятий субъекта, мы нарушили смысловую структуру сообщения. Очевидна тесная связь управляющего и управляемого слова. Вместе они составляют целостное понятие. Важно отметить, что семантическая несовместимость двух лексем в момент замены разрушила синтаксическое управление, вполне уместное здесь в формальном плане, превратив действующие компоненты живой речи в мертвые элементы языка.

Разложив значение слова *пальто* на структурные компоненты, несложно определить, что, кроме понятийной отнесенности («элемент верхней одежды») и уже отмеченного значения «реализуемое», в семном составе лексемы выделяются следующие: неодушевленный предмет, артефакт (вещь, изготовленная руками человека), предназначен для утепления тела, имеет тканевую или кожаную основу, сшивную структуру, расстегивающуюся форму, рукава, воротник или капюшон и т.д. Таким образом, в ряду категориальных признаков предметности, неодушевленности, вещественности, единичности, целевой предназначенности и т.д. значение «реализуемое» не принадлежит к основным и первоочередным, а является частным, периферийным,

вариативным признаком, который в определенной речевой ситуации актуализируется, приобретает первоочередную значимость и обеспечивает сцепление не только логической, но и формальной структуры сообщения.

Показательны в этом отношении способы выражения одной и той же языковой формой разных речевых значений путем актуализации частных сем НИ. Механизм актуализации рассматривается на примере функционирования несклоняемого существительного *регби* в статье «Регби – правильный вид спорта» (Литературная газета. 2007. № 22):

- ✓ *Регби – один из самых популярных видов спорта;*
- ✓ *Регби было причислено к «буржуазным» видам спорта;*
- ✓ *Регби заводит наших студентов;*
- ✓ *Регби заводит свои традиции;*
- ✓ *Весь курс увлекается регби;*
- ✓ *Регби я отдаю все свободное время.*

При сопоставлении всех приведенных употреблений слова *регби* методом компонентного анализа выводятся две общие семы: «спортивная командная игра с овальным мячом» и «вид спорта». Эти семы не изменяются во всех контекстах, поэтому мы назовем их постоянными, основными признаками понятия. В зависимости от знаний и представлений носителя языка об этом виде спорта возможна актуализация дополнительных частных сем: «разновидность футбола», «игра руками и ногами с использованием защитной амуниции», «игра американского происхождения» и др. Противопоставив семантические поля первых двух форм им. п., можно обнаружить незначительное перераспределение сем во втором номере: из числа дополнительных на первый план вышел компонент «игра американского происхождения» («американский футбол»). Причиной актуализации частного значения, вероятно, послужило определение *регби* как «буржуазного» вида спорта. Осмыслив следствия этого происшествия, приходим к выводу, что отражение количественных отношений действительности не изменилось – изменилась картина наших представлений, ассоциаций, изменился ракурс взгляда на данное понятие. Это сравнимо с эффектом калейдоскопа: незначительное смещение мельчайшего стеклышка в объективе игрушки изменяет целостную картину видения, создает новый узор.

На примере двух следующих фрагментов проследим взаимодействие семантического поля глагола с существительными разных категориальных разрядов.

Регби заводит наших студентов / Регби заводит свои традиции. Предложения имеют сходную синтаксическую структуру, но в содержательном плане их структуры резко расходятся. Семантико-грамматический анализ показывает, что сообщения отличаются друг от друга не только лексическим наполнением формы винительного падежа, но и принадлежностью этих лексем к разным категориальным разрядам. *Студенты* – конкретное понятие, означающее группу лиц определенного рода занятий. Понятие *традиции* абстрактно, оно называет не предметы, а установленный обычай, принятый определенным кругом лиц порядок общения, взаимоотношений, совместного времяпровождения, отличающийся регулярностью, повторяемостью и т.д. Каждое из этих значений вполне может выступать в роли объекта речи, но возможность их употребления с одним и тем же глаголом представляется сомнительной. Рассмотрим содержательные особенности глагола. Основное его значение связано со словом «вести»: заводить – «вести за что-либо». В словаре С.И. Ожегова отмечено еще 8 производных значений, которые проявляются (актуализируются) в определенных контекстах. Проследим процесс актуализации категориальных значений лексемы в условиях речевой реализации (рис. 1).

Фиксируя момент формирования смысла высказывания, отметим, что актуализация одного из значений глагола наблюдается при соединении с объектом речи. При этом обнаруживаются совместимость двух лексем и некий «мостик» взаимной связи в одном лишь значении предиката. В первом случае: «дает энергию, приводит в активное состояние, веселит». Однако в словарном перечне полученного варианта значения нет. Наиболее близким является следующий: «привести в движение, пустить в ход (механизм)». Мы наблюдаем явный перенос смысла с «механизма» на одушев-

ленный предмет, то есть имеет место метафора. Совмещение данного контекста со словом *заводит* придает сообщению выразительность и юмор, заключенный в действенной аналогии: «заводить часы» – «заводить студентов». Думается, что такое употребление, скорее всего, попало в СМИ из уст представителей молодого поколения, для которых язык является одним из средств самовыражения и самоутверждения.

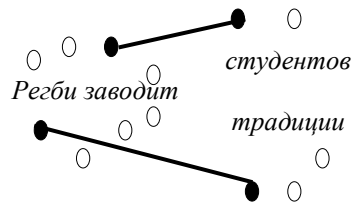

Рис. 1. Актуализация категориальных значений лексемы в условиях речевой реализации

Во втором случае лексемы *заводит* и *традиции* являются совместимыми в значении предиката: «организовывать, устанавливать ч.-л.». Эта сема взаимодействует с основным значением зависимого существительного «обычай, порядок в поведении». При этом происходит смысловое сцепление компонентов и установление соответствия смысла сообщения логике вещей.

Можно предположить, что в семантическом поле понятий присутствуют и грамматические семы: числа, падежа, лица, времени, залога и т.д. Тестирование данных конструкций на предмет актуализации такого рода сем:

студент
Регби
заводить
традиция

показывает, что потенциальные грамматические значения распределяются при формировании сообщения в тесной связи с семантическими отношениями, заявленными мысленным образом говорящего, в данном случае – субъектно-объектными. В связи с тем, что субъект речи означает единичное неодушевленное понятие и характеризуется вне отнесенности к временному промежутку, то есть постоянным действенным признаком, то предикат принимает форму 3 л., ед. ч. настоящего времени. Так как предикат означает «приводить в действие что-то», то есть предполагает присоединение объекта действия, то отпущенное говорящим для этой роли слово (уже во мн.ч., поскольку означает «группу лиц») принимает форму в. п. В омонимичном предложении, взятом в сравнении с предыдущим, под влиянием опытных условий наблюдается изменение смысла высказывания с присоединением к предикату нового объекта речи. Поскольку он означает «обычай, порядки», которые в силу своей абстрактности не могут производить физические действия, то имеет место повторное обращение к глаголу, в семантическом поле которого моментально актуализируется (причем без мысленного перебора) другая сема: «устанавливать, организовывать», после чего фиксируется логическое соответствие. Вне лингвистического сравнения, то есть в живой речи, актуализация сем происходит так же поступательно, как описано в первом случае.

Картину актуализации потенциальных значений лексемы в речи можно представить следующим образом (рис. 2).

Каркас сообщения состоит из последовательной цепочки понятий, совместимых между собой средствами семантических категорий, присущих любому понятию. Арсенал этих категорий составляет ядро лексемы и имеет неоднородный по своей значимости состав: основные, опорные, неизменные в любой интерпретации семы и частные, второстепенные, проявляющиеся лишь в некоторых контекстах. В периферийной области семантического поля лексемы содержатся ряды словоформ, потенци-

Анализ речевых фрагментов показал:

- ✓ неоднородность семного состава компонентов высказывания: значения, относящиеся к понятию (основные и второстепенные); к форме;
- ✓ переменный характер участия этих значений в формировании сообщения;
- ✓ асемантичность грамматической категории рода;
- ✓ необходимость для выражения грамматической функции числа эксплицитных языковых средств самого слова или его окружения;
- ✓ способность ядерных (понятийных) элементов лексического значения образовывать прочные смысловые связи, позволяющие передавать суть высказывания без помощи формальных показателей.

Таким образом, грамматическая категория рода выступает лишь формальным средством выражения синтаксической связи, в семантическом же плане, как показывает сопоставительный анализ, значимости не имеет. Категория числа, выполняющая, помимо формальной, согласовательной функции задачу квантитативной актуализации, является в данном случае важным элементом формирования контекста, участником адекватного отражения события. Однако без опоры на формальный показатель имени значение числа нейтрализуется, выражая не единичность или множественность предмета, а скорее его обобщенное виртуальное понятие. Следовательно, для реализации функции ограничения считаемых предметов несклоняемому существительному должен сопутствовать в коммуникации уточняющий компонент (например, согласованное определение либо слово-квантор). На примере функционирования НИ четко просматривается связь и взаимообусловленность семантики и грамматики в русском языке. В ходе анализа удалось установить следующую закономерность: без восприятия показателя грамматической формы, трудно дать лишь количественную характеристику предмета (ограничить виртуальное понятие), тогда как понять его роль в высказывании и отношение к другим участникам события достаточно легко; с другой стороны, если легко воспринимаются объектно-атрибутивные отношения в именном словосочетании (*продавец пальто*), то не составляет труда догадаться о форме неизменяемого слова и его синтаксической функции. Отсюда вытекает предположение, что лексико-семантические категории слов в коммуникативной цепи создают самодостаточную в содержательном плане конструкцию, которая уже предполагает синтаксические роли компонентов и нуждается в формальной коррекции лишь отчасти, локально и сообразно авторским акцентам.

Последний пункт результатов анализа, возможно, содержит объяснение функционированию несклоняемых имен в русском языке вопреки правилам грамматики. Подобно тому, как мы понимаем речь иностранца, пытающегося выразить просьбу неоформленными лексемами, угадывается и общий смысл любого коммуникативного отрезка, в котором понятия объединены в пропозицию (семантическую модель), отражающую суть высказывания. Компоненты пропозиции, взаимодействуя между собой, образуют первичную, общую структуру сообщения, необходимо требующую уточнения, конкретизации для создания полной, исчерпывающей картины события. Элементами конкретизации являются второстепенные компоненты высказывания, а также формы слов, то есть их грамматические значения, призванные представить участников пропозиции в объемном видении (во времени, пространстве и отношении друг к другу). Неоформленная цепочка понятий передает отчетливый образ ситуации в плоскостном, одномерном изображении, лишь обозначая ее в виде схематического наброска. Принимающий эту информацию мозг немедленно добавляет в нее формальную составляющую, приводя в соответствие детали реального события и придавая плоскости недостающую глубину. НИ, в силу своей словообразовательной особенности, лишено возможности получить формальную примету, следовательно, остается в плоскости семантики, тогда как окружающие флективные компоненты демонстрируют многоаспектные отношения к реальности в передаваемом событии. Таким образом, семантические категории, скрытые в лексических значениях слов, определяют способность лексем взаимодействовать в линейной конструкции и создавать основу для синтаксических связей, что позволяет несклоняемым существительным,

обладающим лишь ядерным лексическим потенциалом, выполнять синтаксические функции в простом предложении.

Библиографический список

1. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление [Текст] / С. Д. Кацнельсон. – М., 2002. – С. 79.
2. Мучник, И. Д. Грамматические категории глагола и имени [Текст] / И. Д. Мучник. – М., 1971. – С. 246.
3. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А. А. Потебня. – Харьков, 1888. – Т. I. – С. 52.
4. Щерба, Л. В. Избранные работы по русскому языку [Текст] / Л. В. Щерба. – М., 1957. – С. 66.
5. Koschmieder, E. Beitrage zur allgemeinen Syntax [Text] / E. Koschmieder. – Heidelberg, 1965. – S. 19.

МОДЕЛИ АНАЛИЗА ЯЗЫКОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

А.А. Нозимов

Статья посвящена рассмотрению языковой политики Таджикистана, а именно – планированию языка. Языковое планирование – очень сложная система. Существует несколько типов языкового планирования, и все они изучают его, разница – в аспектах изучения. Целью статьи и является анализ разных аспектов.

This article is about language policy in Tajikistan. The article is devoted to a problem of the language planning. Language planning is a very complicated system. There are a few types of the language planning, all of them are studying the one thing – language planning, difference is only in aspects of studying. The analysis of different aspects is the goal of this article.

Ключевые слова: Таджикистан, языковая политика, жизнённость, таджикский язык.

Key words: Tajikistan, language policy, vitality, Tajik language.

Теоретические науки часто используют для анализа сложных феноменов формальные модели – абстрактные, упрощенные представления о проблеме. Языковое планирование – крайне сложная система, и неудивительно, что социолингвисты и планирующие язык прибегают к использованию упрощенных моделей, которые если и не позволяют увидеть целостную картину, то во всяком случае дают возможность определить казуальные связи между отдельными элементами системы. Существует несколько моделей языкового планирования; все модели используются для изучения одного и того же объекта – языкового планирования, но фокусируют свое внимание на разных его аспектах. В зависимости от подхода к языковому планированию Р. Купер [1] выделил четыре модели анализа: языковое планирование как управление новшествами, языковое планирование как маркетинг, языковое планирование как инструмент достижения и сохранения власти, языковое планирование как принятие решений. Основываясь на этих четырех моделях, он создал сводную модель анализа, состоящую из восьми основных компонентов. Т. Thornburn [8], В. Jernadd [5], W. Rivers [6], R. Fasold [2] и F. Grin [4] анализируют языковое планирование как экономический феномен. Б. Спольски [7] предложил анализировать языковое планирование и языковую политику как выбор. Дж. Фишман предложил модель возрождения языка [3].

Экономика изучает распределение лимитированных ресурсов, поэтому, по определению, как только субъекты (в экономике – агенты) оказываются перед задачей распределения ограниченных ресурсов, проблема становится экономической. Поскольку ресурсы ограничены, субъекты должны делать выбор о способах распределения доступных ресурсов в зависимости от целей, зная при этом, что не все цели могут быть достигнуты. Под ресурсами понимаются как материальные, так и нематериальные, как финансовые, так и нефинансовые ресурсы, например, время, здоровье

и любые другие социальные, политические и культурные параметры, влияющие на выбор субъектов. Цели тоже не ограничиваются максимальным потреблением или выгодой, они могут включать нематериальные цели, такие, как психологический комфорт или качество.

Главным ограничением при анализе поведения субъектов является предположение, что поведение субъектов рационально, что субъекты стараются использовать свои ограниченные ресурсы для достижения целей наиболее эффективным образом. Этот процесс называется эффективным распределением ресурсов.

Ф. Грин [4], обобщая современные экономические исследования языка и языкового планирования, пишет, что одним из основных направлений исследований является анализ отношений между языком и заработком. Многочисленные эмпирические исследования показывают зависимость заработной платы от знания языков и этничности. При этом все другие факторы (образование, опыт работы, профессия, наличие семьи и др.) строго контролируются. В Квебеке, где для 90 % населения французский является родным языком по сравнению с франкофонами-монолингвами англофоны-монолингвы зарабатывают на 9,71 % меньше, в то время как франкофоны-билингвы зарабатывают на 5,14 % больше. Индивиды, для которых ни английский, ни французский не являются родными языками, зарабатывают меньше: те, которые говорят хорошо на обоих языках, на 5,14 % меньше; те, кто говорит лишь на английском – на 17,77 %; и те, кто говорит лишь на французском, на 24,47 % меньше. Различие в зарплате объясняется (существует статистическая зависимость) стоимостью коммуникации внутри компании и дискриминацией.

Другим примером этого направления является исследование Дж. Фишмана об экономическом эффекте государственного многоязычия. Дж. Фишман проверил гипотезу, согласно которой моноязыковые страны являются экономически более развитыми. Статистический анализ показал, что и лингвистически гетерогенные, и лингвистически гомогенные страны могут быть развитыми и неразвитыми. Однако лингвистически мозаичные страны (значительное количество языков) оказываются неразвитыми или слаборазвитыми, в то время как развитые страны показывают высокую степень языковой гомогенизации [6, р. 391].

Другим направлением исследований является анализ распространения, сохранения и смены языка. Основными теоретическими вопросами являются следующие: *Почему люди учат определенные языки, и каким образом происходит выбор языка, т.е. почему один язык оказывается предпочтительнее другого?* Было показано, что чем больше людей говорит на языке, тем желаннее он становится для изучения. Таким образом, создается эффект снежного кома.

Изучение поведения билингвов позволяет говорить о зависимости языкового выбора, с одной стороны, от предпочтений, взглядов и необходимости, с другой стороны, от «теневой стоимости» – неявной материальной и нематериальной стоимости языковой деятельности на том или ином языке, например, стоимость детских книг. Выбор языков определяется полезностью языка. Люди предпочитают язык, который приносит больше пользы по сравнению с другим.

Интересным направлением исследований является анализ коммуникации между группами, имеющими разный языковой репертуар. Экономисты пытаются понять, как и почему представители этих групп останавливают свой выбор на языке X, Y или Z, зависит ли выбор от эффективности коммуникации, или он является социальной нормой.

Экономический анализ является теорией выбора и инструментом в процессе принятия решений. Поскольку языковое планирование фокусируется на принятии решений по выбору, дизайну и внедрению решений с целью изменения языковой ситуации, то применимость экономического подхода к анализу данного явления вполне очевидна. Ф. Грин понимает языковую политику как систематическую, рациональную, научно обоснованную попытку модифицировать языковую ситуацию с целью повышения совокупного благополучия. С экономической точки зрения, пишет он, не стоит проводить политику, если в результате состояние ухудшится. Ограничениями такого понимания

цели политики являются идеологические проблемы и проблемы власти. Оценка политики основана на анализе затрат и выгод, а поскольку речь идет не только о материальных затратах и выгодах, решения зачастую оказываются субъективными. В дополнение решения о языковой политике принимаются государственными органами, обладающими властью, и их понимание выгоды может значительно отличаться от точек зрения других групп общества. Итак, потенциальной проблемой становится *конфликт между эффективностью и справедливостью* [4].

Цель анализа – найти оптимальное решение из имеющихся вариантов, идентифицировать оптимальную языковую ситуацию, обещающую наиболее высокий уровень совокупного благополучия при наименьших затратах, и выбрать инструменты планирования.

Таким образом, *этапы экономического анализа* включают:

- ✓ определение необходимости языковой политики;
- ✓ определение возможных альтернатив;
- ✓ определение последствий выбора каждого из них;
- ✓ вычисление затрат;
- ✓ оценка последствий;
- ✓ выявление оптимального решения и путей реализации.

Главной проблемой экономического анализа является невозможность во многих случаях оценить выгоды и затраты в монетарных терминах [2, р. 255]. Легко оценить стоимость издания учебника таджикского языка, но практически невозможно оценить в монетарных терминах значение двуязычия для стабильности в стране или стоимость отсутствия субтитров во время показа телевизионных передач, например, ежегодного телеразговора президента с народом.

Основой экономического подхода к языку является существование языкового рынка, который может быть объектом языкового планирования. С одной стороны, язык рассматривается как фиксированный капитал, с другой стороны, как товар, подверженный всем рыночным механизмам.

Б. Спольски [6] предложил модель языкового планирования, в основе которой лежит понимание языкового планирования как процесса выбора.

Суть языкового планирования и языковой политики заключается в выборе между вариантами; это могут быть звуки, лексические элементы или языки. Выбор может быть рутинным, на уровне индивида или на уровне определенной группы, выбор может производиться организацией, имеющей власть над определенной группой людей. Выбор находит отражение в языковом поведении, может формулироваться в виде идеологии и взглядов на язык одного индивида или группы людей, а может выражаться в виде формального языкового менеджмента (планирования).

Каждый индивид или группа людей имеет определенную систему взглядов на язык, на выбор вариантов. Некоторые варианты оцениваются как плохие и нежелательные, в то время как другие оцениваются как хорошие и желательные. По мере взросления каждый индивид должен научиться различать плохой и хороший язык. Идеи, что один язык или один вариант лучше другого и что можно влиять на выбор, заставить человека выбрать лучший вариант, являются фундаментальными для языкового планирования.

Однако, пишет Б. Спольски, языковая практика, взгляды на язык и планирование необязательно конгруэнтны. То, как люди говорят, то, как люди думают, как они должны говорить, и то, как, по их мнению, должны говорить другие, может значительно различаться. Языковая политика многих государств характеризуется значительными расхождениями между Конституцией и практикой планирования. В социальных группах существует несколько конфликтующих оценок выбора языка. В многоязычных коллективах индивиды оказываются перед выбором: следовать законодательным решениям, выражающим идеологию моноязычия, или учитывать действительное использование языка, то есть делать то, что делают другие. Языковое планирование не может быть успешным, пока не существует единства между языковой практикой коллектива и коллективной идеологией.

Анализ языкового планирования и политики требует учета всех факторов языковой и социолингвистической ситуации, иными словами, анализ экологии языков – анализ отношений языка с его окружением. Экологический подход позволит определить относительную ценность каждого языка/варианта в обществе. Кроме этого, необходимо знать взгляды на символическую, прагматическую и потенциальную значимость каждого варианта в обществе. Только имея полную информацию о реальной экологии языка и о взглядах на язык, можно начинать поиск решений по языковой политике и планированию.

Анализ языкового планирования с позиций экологии языка имеет два важных следствия. Во-первых, экологический подход подразумевает учет всех вариантов, составляющих социолингвистический репертуар данного общества, а не только основных, официально признанных или представляющих определенные этнические группы вариантов. Неполная информация, по мнению Б. Спольски, нерепрезентативна и может привести к серьезным ошибкам в языковом планировании. Большинство населения Бельгии говорит не на датском или французском, а на диалектах этих языков. Если в анализе не учитывать данное обстоятельство, то невозможно понять природу коммуникативных проблем детей, чьи домашние и школьные языки значительно различаются. Поэтому, пишет Б. Спольски, любое языковое планирование должно основываться на всестороннем описании социолингвистической ситуации, которое включает все языковые варианты данного общества и их соотношение с лингвистическими факторами, такими, как демография, география и др. Во-вторых, экологический подход позволяет понять, что язык существует в сложной системе и связан с социальными, политическими, культурными, религиозными и идеологическими контекстами. Без всестороннего учета контекстуальных факторов любое описание языкового планирования будет значительно ограниченным.

По мнению Б. Спольски, современные языковая политика и языковое планирование происходят в условиях взаимодействия нескольких основных факторов. Во-первых, языковое планирование зависит от социолингвистической ситуации: количества и типа языков, количества говорящих на каждом из них, коммуникативного значения каждого языка внутри и за пределами языкового коллектива, причем восприятие коммуникативной значимости является не столько объективной, сколько субъективной информацией, но весьма важной для анализа. Во-вторых, языковая политика и планирование зависят от путей построения национальной и этнической идентичности в обществе. В современных государствах национального типа символическое значение языка, который считается национальным, является крайне важным фактором, определяющим и направляющим языковую политику. Национальный язык становится обязательным в школе, граждане обязаны знать его. Против такой унификации действуют противоположные силы, отражающие ценности этнических или религиозных меньшинств, многие из которых борются за признание статуса своих языков совместно или вместо национального языка. Получившее силу бывшее меньшинство (численно или политически), пишет Б. Спольски, обычно сразу утверждает превосходство своего языка. В-третьих, языковое планирование находится под влиянием изменений в мире, которые произошли в результате глобализации. Одним из последствий глобализации стало вхождение английского языка практически во все языковые репертуары. Этот язык ассоциируется с инструментальной ценностью получения доступа к экономически преуспевающему кругу людей (сети) путем овладения языком наиболее широкой коммуникативной значимости. В настоящий момент большинство обществ испытывает влияние глобализации и овладевает английским языком. Разные нации по-разному отреагировали на этот новый феномен. В некоторых странах – целью языковой политики стала борьба с влиянием английского языка, в других усвоение английского и потенциальная замена им «неразвитых» местных языков. Даже если глобализация и распространение английского языка не влияют на языковую политику, они влияют на языковую практику. В-четвертых, постепенное понимание того, что языковой выбор является одним из основных человеческих и гражданских прав, привело к изменениям в языковой политике. Медленно изменяет-

ся понимание национального государства. Ратификация международных документов и влияние международных организаций усилили значение многоязычия и обозначили необходимость признания языковых прав меньшинств и индивидов. Как результат, все больше наций вносят изменения в свои конституции или законы, признавая определенные права носителей языков, иных, чем национальный. Права, однако, носят ограниченный характер. Права могут ограничиваться определенной территорией, на которой компактно проживает меньшинство, или демографически: местное меньшинство, проживающее на данной территории в течение исторически длительного периода, имеет намного больше шансов получить права, чем иммигранты. Права могут лимитироваться функционально: правительства намного охотнее признают свою обязанность обеспечить доступ граждан к государственным службам (подача жалоб, голосование, суды), чем обеспечить образование на миноритарном языке. В лучшем случае правительство разрешает миноритарным группам организовать обучение на миноритарном языке при условии, что национальный язык будет преподаваться вместе с миноритарным языком. В-пятых, необходимость признания человеческих и гражданских прав тех, кто не владеет официальным или национальным языком. Общепринятым стало мнение, что такие граждане должны получить доступ к овладению национальным или доминантным языком, что минимальные государственные службы должны быть доступны на их собственных языках и что такие миноритарные группы должны получить право на сохранение своих языков. Появились даже мнения, что сохранение языкового разнообразия является делом государства и всего человечества, в то время как некоторые уверены, что каждый должен иметь право выбирать, говорить ему на определенном языке, или нет, сохранять его, или нет.

Следствием анализа, предложенного Б. Спольски, является вывод о том, что языковая политика общества выражается в языковой практике общества, а не в его языковом планировании. Языковая политика, отраженная в конституциях и законах, не будет иметь никакого влияния на то, как люди говорят, до тех пор, пока языковое планирование не совпадает с языковой практикой, взглядами на язык и не учитывает все движущие механизмы. Анализ языковой практики общества полезен и потому, что в обществе существует несколько различных групп, имеющих конфликтующие политики.

Существование языкового планирования подразумевает, что те, кто планирует язык, видят несоответствие между действительной и желаемой языковой практикой. В большинстве случаев речь идет о выборе языка и постоянных попытках изменить языковое поведение одних групп со стороны других. Реализуемое языковое планирование должно включать идеологически и практически достигаемые модификации языковой практики.

Занимающиеся языковым планированием принадлежат к двум противоположным лагерям: оптимисты верят в возможность языкового планирования, пессимисты ставят это под сомнение. Б. Спольски пишет, что пока опыт говорит в пользу пессимистов; примеров, когда языковое планирование достигает поставленных целей, мало.

Франция уже двести лет проводит политику ассимиляции, но разрушить языки периферии, заменить местные языки в колониях или выиграть гонки с английским языком пока не удалось. Сто лет планирования возрождения языка в Ирландии привели к увеличению знания ирландского, но не его использования. Языковая политика в Советском Союзе добилась победы над неграмотностью и ослабила некоторые языки, но после развала Союза миноритарные языки заявили о своем доминантном положении в регионах.

Таким образом, понимая, что до сих пор языковое планирование было не очень успешно, Б. Спольски целью анализа считает не описание путей планирования, а выявление и объяснение факторов, влияющих на процесс языкового планирования.

Библиографический список

1. Cooper, R. *Language Planning and Social Change* [Text] / R. Cooper. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989.

2. Fasold, R. The sociolinguistics of society [Text] / R. Fasold. – Oxford : Basil Blackwell, 1991.
3. Fishman, J. Empirical explorations of two popular assumptions: Inter-polity perspective on the relation between linguistic heterogeneity, civil strife, and per capita gross-national product [Text] / J. Fishman // Sociolinguistics: The essential readings. – Oxford : Basil Blackwell, 2004. – P. 382–393.
4. Grin, F. Economics Handbook of language and ethnic identity [Text] / F. Grin. – Oxford : University Press, 1999.
5. Jernadd, B. Notes on economic analysis for solving language problems [Text] / B. Jernadd ; ed. J. Rubin, B. Jernadd // Can language be planned? – Honolulu : University Press of Hawaii, 1971. – P. 263–276.
6. Rivers, W. Factors influencing attitudes towards language use among Kazakhstani university-level students [Text] : unpublished Ph. D. Dissertation / W. Rivers. – Bryn Mawr College, 2003.
7. Spolsky, B. Language policy [Text] / B. Spolsky. – Cambridge : University Press, 2004.
8. Thorburn, T. Cost-benefit analysis in language planning [Text] / T. Thorburn ; ed. J. Rubin, B. Jernadd // Can language be planned? – Honolulu : University Press of Hawaii, 1971. – P. 253–262.

ОТРАЖЕНИЕ АМЕРИКАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ПОПУЛЯРНЫХ ФИЛЬМАХ

Д.В. Осипов

Самоидентификация определяет отношения между личностью и обществом, которому личность принадлежит. Идентификация – результат взаимодействия личности и общества, принятие ценностей общества посредством субъективного личного опыта. Система ценностей играет ключевую роль в создании личностной самоидентификации. Общественные ценности оказывают большое влияние на выбор людей в различных сферах их жизни, особенно в СМИ.

Self-identity defines the relation between the person and the society he or she belongs to. Identity is a result of person-society interaction; it is the acceptance of society values through subjective personal experience. System of values has a key role in creation of personal self-identity. Values of society have a great influence on people's choice in various spheres of their lives, especially in mass culture.

Ключевые слова: американская идентичность, дух соперничества, конструктивистский подход, идентификация, индивидуализм, интеракционистский подход, самоидентификация, ценности американского общества.

Key words: American identity, spirit of challenge, constructive approach, identity, individualism, interactional approach, self-identity, values of American society.

Люди усваивают определенные ценности общества от своих родителей, родственников, учителей, из книг, газет, телевизионных программ, Интернета, из множества других источников. Ценности – социально одобряемые и разделяемые большинством представления о том, что правильно и неправильно, желательно или нет, соответствует норме или противоречит ей. Ценности – то, что обладает особой важностью для человека, то, что он готов оберегать и защищать от посягательств и разрушения, то, что определяет его принадлежность к группам внутри общества и к какому-либо конкретному обществу, нации.

Через самоидентификацию определяется отношение человека к самому себе и обществу, с представителями которого он контактирует. Самоидентификация личности культурно обусловлена, в ее основе – менталитет, картина мира, ценности, нормы, концепты общества. Люди как члены общества формируют национальную идентичность. Таким образом, самоидентификация влияет на образ страны, ее внешнюю и внутреннюю политику.

Существует несколько подходов к пониманию идентификации: психоаналитический (Э. Эриксон, Дж. Марсиа, У. Уотерман), когнитивный (Г. Тешфел), конструктивистский (Дж. Келли), интеракционистский (Дж.Г. Мид, Ч. Кули, Дж. Болдуин)

и т.д. В данной статье идентификация рассматривается с позиций символического интеракционизма и конструктивизма.

Символический интеракционизм закладывает основу эмпирических исследований идентичности. В его рамках соотносятся понятия идентичности и самосознания личности. Самосознание формируется в результате взаимодействия человека и окружающих, принятия им норм и ценностей общества, а также выстраивания своего поведения на основе этих норм и ценностей. Человек называет свои характеристики и сопоставляет их с характеристиками других людей. Таким образом, он выбирает цели, ценности – формирует идентичность, а общество корректирует ее. В рамках данного подхода демонстрируется влияние социального окружения, его ценностей и норм на самоидентификацию личности.

В конструктивизме рассматривается возможность конструирования своей социальной идентичности личностью и построение системы ценностей отдельного человека на ее основе. Социальная идентификация – процесс осознания себя частью социальной реальности, а также совокупность социальных факторов, обуславливающих данный процесс осознания [1, с. 6].

Основываясь на этих подходах, можно говорить о значимой роли системы ценностей общества при формировании идентичности человека.

Существуют классификации ценностей, в которых авторы выделяют их категории, например, классификация Паркера: биологические ценности, экономические, социальные, интеллектуальные, моральные и религиозные. Другие исследователи не используют категоризацию, а просто перечисляют значимые, по их мнению, ценности, например, *умеренность, сотрудничество, дружба* и т.д. Прежде всего, привести в систему или классифицировать возможно только базовые ценности, то есть те, которые разделяют представители разных народов. Шварц и Билски разработали типологию базовых ценностей человека, исходя из того, что ценности выражают три универсальные потребности человеческого существования:

- ✓ потребности человека как биологического организма;
- ✓ потребности людей в координированном взаимодействии;
- ✓ потребности выживания и благополучия группы, сообщества.

Базовые ценности, измеренные по методике Шварца, имеют устойчивые связи между собой в разных странах. Шварц объединяет наиболее близкие ценности и получает четыре укрупненных категории ценностей: самоутверждение, выход за пределы Я, сохранение, открытость изменениям [5, с. 550]. Исходя из этого можно выделить следующие признаки *ценности*:

- ✓ одобряемость большинством;
- ✓ соответствие нормам общества;
- ✓ стандарт, с которым индивид соотносит реальное положение вещей;
- ✓ важность, значимость для существования отдельного человека;
- ✓ побудитель действий человека.

Таким образом, ценности играют одну из самых важных ролей в формировании идентификации человека, осознании им принадлежности к обществу. Тем не менее, необходимо учитывать, что даже базовые ценности могут иметь свою специфику в разных обществах. В данном контексте речь идет о национальной и этнической идентичности – осознании себя частью единой нации или этноса.

Различия между американцами существуют как на этническом, так и на территориальном уровнях. Известно, что представители южных штатов, за исключением Флориды, отличаются гостеприимством, сравнительно медленным ходом жизни, уважением к традициям. Жители Новой Англии спокойны и менее экспрессивны, чем представители других штатов. Техасцы – более самонадеянные, волевые личности, чем жители штатов Северного центра. Американцы китайского происхождения придают большую значимость образованию, чем американцы в основной массе. Афроамериканцы и американцы итальянского происхождения более экспрессивны, чем американцы, предками которых были выходцы с севера Европы. Принимая во внимание все это разнообразие, при рассмотрении ценностей американцев следует учи-

тивать следующее: в какой-то мере все люди схожи, в какой-то степени каждый человек уникален; между группами людей есть сходства.

Отчеты агентств, центров при университетах (CommonDreams; International Center, Drake University; United States Information Agency; The Center for American Values in Public Life), работы по американскому образу жизни (Robin M. Williams, E.D. Steele and W.C. Redding, С. Хантингтон), справочники для иностранцев, прибывающих в США ("A Guide for Foreigners in the United States"), позволили выделить следующие ценности:

- ✓ индивидуализм (individualism), свобода (freedom), принцип соревнования (challenge), право на частную жизнь (privacy);
- ✓ равенство (equality), неформальность в отношениях (informality);
- ✓ вера в будущее, изменения, прогресс (future, change, progress); гуманность (humanity);
- ✓ возможность достичь всего своими усилиями (achievement, action, work, materialism);
- ✓ прямота и уверенность (directness assertiveness) [3, p. 4–5]. Для американцев также важны семейные ценности, они верят в бога.

Ценности нации могут влиять на предпочтения ее представителей в различных сферах жизни. К примеру, выбор товара или услуги будет зависеть от рекламы, которая охватывает больше ценностей, значимых для представителя определенной нации. Рекламируемый товар или услуга должна породить больше ассоциаций с привычным и знакомым, а значит, и нужным, тогда человек сделает выбор в пользу этого. Ценности общества влияют и на популярность кинопродукта. Люди хотят видеть героев, которые в чем-то схожи с ними, они сравнивают их с собой, стараются найти сходства и различия. За последнее десятилетие в США самыми популярными по кассовым сборам стали фильмы «Темный рыцарь», «Властелин колец», «Человек-паук», «Пираты Карибского моря», мультфильм «Шрек».

В фильме-трилогии «Властелин Колец» наиболее ярко отражены такие ценности, как свобода, соперничество, вера в будущее. Герои фильма сражаются против зла за свободу, возможность жить независимо и не подчиняться диктату. Они равны перед общей угрозой с Востока и Юга, перед тем злом, которое идет лишь с одной целью – забрать их свободу. Жизнь и свобода одинаково ценны, за них стоит бороться:

GANDALF: Fight! Fight for your lives!

ГЕНДАЛЬФ: Сражайтесь! Сражайтесь за свои жизни!

Несмотря на иерархию, большинство героев не показывают свою знатность, не часто упоминаются их титулы, все они сражаются на равных. Женщины в королевствах людей равны мужчинам, они владеют оружием, также готовы сражаться за свободу против зла с Востока и Юга:

ARAGORN: You have some skill with a blade.

ÉOWYN: Women of this country learned long ago: Those without swords may still die upon them. I fear neither death nor pain.

АРАГОРН: Ты владеешь мечом.

ЭОВИН: Женщины этой страны с давних времен владеют мечом: те, кто не умеют сражаться, все равно могут умереть от меча. Я не боюсь ни смерти, ни боли.

Ценность равенства значима в современном американском обществе.

В сражениях людям приходится надеяться только на свои силы, только на себя:

THEODEN: Gondor? Where was Gondor when the Westfold fell? Where was Gondor when our enemies closed in around us? Where was Gon... – No, my lord Aragorn, we are alone.

ТЕОДЕН: Гондор? Где был Гондор, когда пал Вестфолд? Где был Гондор, когда враги окружили нас? Где был Гон... – Нет, мой господин, Арагорн, мы одни.

Несмотря на все сложности, ощущается уверенность в счастливом завершении всех невзгод, испытаний, так как героям вопреки всему удается справляться с ними на каждом из этапов, зритель не теряет надежду на победу сил света:

GANDALF: All our hopes now lie with two little hobbits. Somewhere in the wilderness.

GANDALF: (with a small smile) That Frodo is alive. (to himself) Yes-yes, he is alive.

ГЕНДАЛЬФ: Все наши надежды на двух хоббитов, которые идут по пустоши.

ГЕНДАЛЬФ: (улыбаясь) Фродо жив. (самому себе) Да-да, он жив.

До тех пор, пока жив Фродо – хранитель кольца, сохраняется вера в будущее людей. Это только его миссия, только он может уничтожить кольцо, справившись с его чарами. Фродо приходится делать выбор самостоятельно, от каждого его действия зависит будущее людей. Арагорн, Гендальф – это также образы независимых героев, которые принимают решения самостоятельно в самых ответственных и сложных ситуациях. Они индивидуальны:

GANDALF: One stage of your journey is over, another begins. War has come to Rohan. We must ride to Eoras with all speed.

ARAGORN: (yelling) I am Isildur's heir. Fight for me and I will hold your oath fulfilled. What say you?

ГЕНДАЛЬФ: Одна часть нашего пути завершена, следующая грядет. Война пришла в Рохан. Мы должны отправиться в Эльдорас немедленно. АРАГОРН: Я наследник Исильдура. Сражайся за меня, и я освобожу тебя от клятвы. Что скажешь?

Вера в героя-одиночку типична для американской культуры.

Несмотря на то что в фильме много сражений и героям приходится сталкиваться с огромным количеством трудностей, все происшествия с ними воспринимаются как приключения. Подчеркивает эту уверенность и соперничество между Леголасом и Гимли. На протяжении фильма они соревнуются в количестве убитых противников.

Legolas Jumps onto the back of a giant mumakil bringing it down... he lands on his feet in front of Gimli . . .

GIMLI: That still only counts as one! Леголас прыгает на спину гиганского слона, убивает его... (это стоит огромных усилий – прим. переводчика) прыгает и приземляется перед Гимли...

ГИМЛИ: Все равно это считается за одного.

Гимли периодически напоминает, он может выпить больше эля или пробежать быстрее всех спринтерскую дистанцию, предлагая посостязаться с ним.

Каждый период истории несет свои испытания, и всегда есть возможность изменить будущее, ведь оно не предрешено, все зависит от действий людей. Это сообщение стараются донести до нас создатели фильма. Они уверены в лучшем будущем. Ценности семьи и вера в Бога не показаны в фильме, что объясняется сюжетом данного кинопродукта. Ценность дружбы, которая не входит в основной перечень ценностей, проходит через весь фильм, наравне с темой борьбы со злом всеми доступными методами. Героев объединяет и сближает единая цель, они выручают друг друга из сложных ситуаций. Им приходится сталкиваться с проблемами, которые необходимо преодолеть – это испытания на прочность их дружбы, которые, к сожалению, не всегда удается пройти, но ошибки всегда можно исправить.

Популярность фильма «Темный рыцарь», помимо спецэффектов и участия популярных актеров, объясняется образом главного героя. Бэтмэн – герой-одиночка, он не желает, чтобы у него появлялись подражатели, ведь его борьба со злом слишком опасна, другие не должны подвергаться такому же риску.

We're trying to help you!

BATMAN: I don't need help.

BATMAN: Don't let me find you out here again.

Мы пытаемся тебе помочь, Бэтмен!

БЭТМЭН: Мне не нужна помощь.

БЭТМЭН: Я не желаю видеть вас здесь больше никогда.

У Бэтмена есть помощники, но даже их он не всегда информирует о запланированных действиях, оставляя окончательное решение за собой:

FOX: Mr. Wayne, did you reassign R&D?

WAYNE: Government Telecommunication project.

FOX: I wasn't aware we had any new government contracts. Can you...

WAYNE: Lucius, I'm playing this one pretty close to my chest.

ФОКС: Господин Вейн (он же Бэтмэн – прим. переводчика), Вы перенесли научно-исследовательский департамент?

ВЕЙН: Телекоммуникационный проект для правительства.

ФОКС: Я не знал, что у нас договор с новым правительством. Может вы...

ВЕЙН: Люкас, я пока не готов открыть данную информацию.

В фильме возникает момент, когда его не желают поддерживать даже те, кто также борется со злом.

В фильме поднимается вопрос о степени вмешательства в частную жизнь людей: необходимо ли ограничивать их свободу ради их безопасности? Бэтмэн решает использовать прибор Фокса, который может превратить каждый телефон в городе в прослушивающее устройство, для выслеживания Джокера. Со злом можно бороться разными способами, но все-таки ограничивать свободу людей нельзя:

FOX: Like the phone I gave you in Hong Kong. You took my sonar concept and applied it to everybody's phone in the City. With half the city feeding you sonar you can image all of Gotham. (turns to Batman) This is wrong.

BATMAN: I've got to find this man, Lucius.

FOX: But at what cost?

ФОКС: Как в телефоне, который я дал Вам в Гонконге. Вы использовали мою идею сонара и внедрили его во все телефоны города. Вы можете видеть все, что происходит в Готеме. (поворачиваясь к Бэтмэну) Это не правильно.

Бэтмэн: Я должен найти этого человека, Люкас.

ФОКС: Но какой ценой?

Вера в гуманность людей, в лучшее будущее города дает возможность Вейну (Бэтмэн) не прекращать борьбу со злом. Он полностью уверен, что простые граждане Готема на одном пароме и заключенные на другом не взорвут друг друга, когда Джокер предлагает им сделать этот коварный шаг.

JOKER: If we don't stop fighting, we're going to miss the fireworks.

BATMAN: There won't be any fireworks.

BATMAN: What were you hoping to prove? That deep down, we're all as ugly as you? The Joker looks at the clock...The smile disappears from the Joker's face. BATMAN: You're alone.

ДЖОКЕР: Если мы не прекратим, то пропустим фейерверк.

БЭТМЭН: Фейерверка не будет.

БЭТМЭН: Что ты пытался доказать? Что все мы внутри такие же, как ты? Джокер, посмотри на часы... Улыбка сходит с лица Джокера. БЭТМЭН: Ты – один.

Бэтман ограничен во времени, на предотвращение злодеяний Джокера ему отводятся строго определенные минуты, поэтому каждое его действие должно быть четким и продуманным. Для него время – это ресурс, которым необходимо распорядиться грамотно, ведь от этого зависит жизнь людей:

BATMAN: I need five minutes.

Alone – GORDON: No. There's no time. We have clear shots.

БЭТМЭН: Мне нужно пять минут.

Один – ГОРДОН: Времени нет. У нас хороший обзор.

Подобным образом можно проанализировать и другие кассовые фильмы, которые появлялись на экранах США за последнее десятилетие. Практически во всех популярных фильмах присутствует ценность *challenge*, наиболее частотными являются *индивидуализм*, *время как ресурс*, *вера в будущее*, *гуманность*. Ценности *вера в Бога* и *семья* менее отражены в фильмах. Среди популярных фильмов нет таких, где бы ценности американского общества отсутствовали. Исходя из частотности упоминания ценностей в фильмах, можно сделать предположение о значимости таких ценностей, как дух соперничества (*challenge*), индивидуализм, время как ресурс. Эти ценности американского общества могут оказывать влияние на формирование идентификации человека.

Библиографический список

1. Андреева, Г. М. Психология социального познания [Текст] / Г. М. Андреева. – М., 2000. – С. 6.

2. Хантингтон, С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности [Текст] / С. Хантингтон ; пер. с англ. А. Башкирова. – М., 2004. – 635 с.
3. Althen, G. American Ways – A Guide for Foreigners in the United States [Text] / G. Althen. – Yarmouth : Intercultural Press, 2003. – P. 4–5.
4. Mead, G. H. The philosophy of the act [Text] / G. H. Mead. – Chicago, 1950. – 605 с.
5. Schwartz, S. H. Toward a Universal Psychological Structure of Human Values [Text] / S. H. Schwartz, W. Bilsky // Journal of Personality and Social Psychology. – 1987. – № 53. – P. 550–562.
6. Steele, E. D. The American Value System: Premises for Persuasion [Text] / E. D. Steele, W. C. Redding // Western Speech, 26. – 1962. – P. 83–91.

ИМПЛИКАЦИЯ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В РЕКЛАМНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ

М.В. Пителина

В статье рассматриваются основные средства имплицитного выражения значений основного модального плана (реальности сообщаемого) и значений дополнительного модального плана (положительной эмоциональной оценки сообщаемого) высказываний в текстах англоязычной и русскоязычной рекламы образовательных услуг.

The article deals with the essential ways of the implicit realization of the main modal meanings (the meaning of reality) and the additional modal meanings (the meanings of positive emotional value) in the statements of the English and Russian educational services advertising texts.

Ключевые слова: модальность, имплицитность, значение реальности, положительная эмоциональная оценка, компрессия, метафора, аббревиатура, сегментация предложений, эллипсис.

Key words: modality, implicitness, meaning of reality, positive emotional value, compression, metaphor, abbreviation, segmentation of sentences, ellipsis.

Рекламная индустрия получила значительное развитие в России с началом становления рыночных отношений. Довольно заметно выросло качество печатной рекламной продукции. Но все же проблема адекватного понимания рекламного текста адресатом (потребителем рекламного сообщения) всегда является одной из самых важных для адресанта (создателя рекламного сообщения). Результат, необходимый рекламодателю, возможен только, если адресат сможет выявить в содержании рекламного сообщения имплицитный (скрытый) смысл. Показателем факта понимания адресатом смысла высказывания становится определенная поведенческая реакция адресата, которая подтверждает понимание смысла высказывания и намерения адресанта.

Проблеме понимания имплицитного смысла высказывания большое внимание уделяется в теории речевых актов. Изучение речевых актов и контекстов, в которых они реализуются, с точки зрения эксплицитных и имплицитных компонентов содержания высказываний проходит в рамках лингвопрагматики.

Одним из первых изучать имплицитное содержание высказывания начал Г.П. Грайс. В 1985 г. он ввел понятие «импликатура». Импликатурой ученый называет небуквальные аспекты значения и смысла, которые определяются непосредственно конвенциональной структурой языковых выражений (языковым кодом), то есть то, что подразумевается, на что намекается [5, с. 244–246].

Проанализированные в исследовании тексты рекламы образовательных услуг, относящиеся к различным жанрам рекламного дискурса, свидетельствуют о том, что истинные намерения и установки адресантов в них часто переводятся в импликацию. На первый взгляд, реклама сообщает потребителю информацию об услуге. Однако практический материал доказывает, что главной целью текстов рекламы образовательных услуг выступает не представление информации о предлагаемой образовательной услуге, а внушение потенциальному потребителю мысли, что, воспользо-

вавшись предлагаемой услугой, он откроет для себя новые возможности в будущем, что делает его более счастливым и свободным.

Рекламные высказывания характеризуются преобладанием положительных оценок и императивной коммуникативной установкой, что позволяет отнести рекламу образовательных услуг к эмотивному дискурсу, который, однако, «притворяется» простой информацией об услуге. Такое «притворство» создается благодаря имплицитной реализации модальных значений, обусловленных дискурсивными особенностями текстов рекламы образовательных услуг, а именно абсолютным положительным пафосом и императивной целевой установкой.

В рамках настоящего исследования, вслед за Н.Ф. Алефиренко, модальность определяется как функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношений высказывания к действительности, а также различные значения субъективной оценки сообщаемого [1, с. 166].

Проанализированный теоретический и практический материал показывает, что модальные значения в рекламном высказывании расположены в определенной иерархии. Модальным ядром рекламного высказывания является значение реальности сообщаемого. В основной модальный план также входят значения возможности, необходимости, долженствования, категоричности. Все эти значения выражают разные виды отношения высказывания к окружающей действительности и входят в группу значений объективной модальности. Объективная модальность отражает характер объективных связей, намеченных в той или иной ситуации, на которую направлен познавательный акт, а именно связей возможных, действительных и необходимых. Объективная модальность выражается при помощи лексических и грамматических средств.

Дополнительный модальный план рекламного высказывания формируют модальные значения, характеризующие оценку говорящим передаваемой информации, а также значения, способствующие достижению коммуникативной установки адресанта. К таким значениям относятся значения положительной эмоциональной оценки и модальные значения побуждения и оптативности (желательности), которые входят в группу субъективной модальности.

Субъективная модальность выражает оценку со стороны говорящего степени познания связей – возможных, действительных и необходимых. Иными словами, говорящий оценивает степень достоверности формирующейся у него мысли о действительности. Отмечается, что достоверность сообщаемого с точки зрения говорящего может не совпадать с объективной истинностью информации, содержащейся в высказывании. В рекламе это происходит довольно часто, так как преобладание положительной оценки сообщаемого не позволяет говорить о полной объективности при подаче информации о товаре или услуге. Субъективная модальность совместно с коммуникативной установкой говорящего, его эмоциональным отношением к сообщаемому составляет прагматический аспект предложения.

Импликацию модальных значений в рекламных текстах можно объяснить не столько стремлением экономить печатное пространство, сколько стремлением адресанта завуалировать истинные цели и желания рекламодателя. Имплицитно выраженные интенции адресанта в рекламе воспринимаются адресатом гораздо эффективнее. Потребитель не ощущает давления со стороны рекламиста и поэтому чувствует себя психологически более комфортно.

Анализ рекламных сообщений показал, что адресант часто переводит модальные значения (реальности, необходимости, достоверности, эмоциональной оценки, побуждения) в импликацию. Однако это не значит, что они не имеют средств выражения в высказывании. Предметом настоящего исследования стали различные средства имплицитного выражения модальных значений, которыми в текстах рекламы образовательных услуг являются лингвистические средства компрессии информации.

Среди ученых не существует единого мнения о природе лингвистической компрессии, поэтому исследования по данной проблеме остаются по-прежнему актуальными. В настоящей работе вслед за Г.В. Глуховым компрессия понимается как обу-

словленный принципом языковой экономии, протекающий на всех уровнях языковой структуры закономерный процесс, имеющий результатом значительное сокращение (сжатие) плана выражения высказывания при полном сохранении его плана содержания [4, с. 19].

В общей сложности в исследовании было проанализировано около 3500 англоязычных и русскоязычных рекламных текстов и выявлено более 1500 случаев употребления компрессированных средств. Анализ показал, что более 90 % языковых средств реализуют в рекламном высказывании модальное значение реальности и другие значения объективной модальности, входящие в основной план высказывания. Все эти модальные значения усиливают значение реальности и актуальности предлагаемой услуги.

Модальное значение реальности сообщаемого главным образом реализуется семантико-синтаксическими средствами компрессии, в частности, эллиптическими конструкциями. Так, опущение сказуемого, которое является носителем грамматического времени, или его части в предложении характеризует высказывание как находящееся *вне времени*.

В заголовке “*Support and Guidance Guaranteed*” («Поддержка и руководство гарантированы») отсутствует глагол *to be*. В предложении нет показателя времени, поэтому адресат относит его к настоящему моменту, к моменту прочтения рекламного текста. Каждый раз, когда потребитель рекламы будет читать данный заголовок, у него будет создаваться ощущение актуальности предлагаемой услуги, даже тогда, когда предложение уже устареет.

В примере “*California University – The Leader in Distance Learning*” («Калифорнийский университет – лидер дистанционного образования») также опущен глагол. Тем самым адресант фокусирует наше внимание на других членах предложения, которые, по его мнению, более важны. Отсутствие показателя времени также намекает адресату, что данное учебное заведение было, является и будет лидером в предоставлении обозначенной образовательной услуги.

Около 60 % выявленных при анализе рекламных текстов компрессированных языковых средств выражают эмоциональную оценку адресантом предлагаемой образовательной услуги. Существует множество способов формирования необходимой адресату оценки. Оценка может быть заложена в сему номинации, а может эксплицироваться в ее словесном окружении. Формирование эмоциональной оценки с помощью контекста у первоначально нейтральной единицы часто используется создателями рекламы.

Итак, эмоциональная оценка может быть выражена лексически. В текстах рекламы образовательных услуг используется метафорическое замещение. Образовательная услуга ассоциируется с различными предметами и явлениями окружающей действительности:

- ✓ с человеком-другом: “*Need a Friend in International Learning? Central Michigan University of America*”, «Учиться в EF – учиться в кругу друзей»;
- ✓ с дружной командой единомышленников: “*Join the best team of learning community!*”, «ФИЯ МУМ – вместе весело шагать!»;
- ✓ с творческой мастерской: «*Наш факультет – это творческая мастерская, где в атмосфере партнерства, доверительности и доброжелательности царит радостное, живое и интересное общение, где исчезает страх перед ошибкой и рождается уверенность в себе, где формируется Личность и Профessional*» (Г.А. Китайгородская);
- ✓ с руководителем, лидером, гидом, наставником: “*Tell "Yes" to your guide in learning!*”, «Институт ДПО РУДН – признанный лидер дополнительного образования в России»;
- ✓ с довольно далекими от образования понятиями (с ключом, мостом, транспортным средством, различными механизмами), которые ассоциируют образовательную услугу с необходимым условием успешного будущего: “*Our course is the bridge to your better future*”, “*Our diploma opens many doors*”, “*EF MEIT улучшает Ваш английский*»

ский и открывает двери в мир международной IT-индустрии!”, “Get into our learning train. Let us be your guide”, “We can become the captain of your learning ship”;

✓ с праздником, игрой, прекрасными явлениями и объектами окружающей действительности: “Look at the Rainbow! Easy to join. Easy to accept”, “Learning can become a holiday!”, «НФПК является одним из ключевых игроков в области образовательной реформы в России», «Наш факультет – это калейдоскоп ярких событий».

Таким образом, положительный образ образовательной услуги создается благодаря ассоциативным связям, устанавливаемым адресатом между рекламируемым объектом и объектами окружающей действительности. Использование метафор делает рекламный текст более ярким и запоминающимся, а также экономит печатное пространство, так как предложение без них могло быть гораздо длиннее.

Противопоставление образовательной услуги явлениям окружающей действительности подчеркивает положительные стороны рекламируемой услуги. Так, характеристика надежности реализуется противопоставлением образовательной услуги явлениям природы: “The only thing we can’t guarantee is the weather!” («Единственное, что мы не можем гарантировать, – это погода!»). В данном примере курс изучения английского языка в Великобритании и погода противопоставляются по признакам *постоянный / переменчивый, хороший / плохой, приятный / неприятный, надежный / ненадежный*. Переменчивый характер британской погоды общеизвестен. Имплитный смысл данного высказывания – «Хороший результат гарантирован».

Одним из самых эффективных средств сжатия печатного пространства являются аббревиатуры. Их в текстах рекламы образовательных услуг довольно много. Для привлечения внимания потребителей образовательной рекламы некоторые сокращения в рекламных текстах образуются по механизму языковой игры и иронии, механизмам аттрактивности и эстетичности. В результате образуются акронимы – буквенные аббревиатуры, читающиеся по правилам орфоэпии. В классификации аббревиатурных единиц, приводимой Е.А. Дюжиковой, выделены два типа акронимов: акронимы, совпадающие по форме с существующими в языке лексическими единицами, и акронимы несовпадающие по форме с существующими словами [6, с. 38].

Чтение аббревиатурной единицы согласно правилам орфоэпии делает сокращенное слово благозвучным: CLAST – College Level Academic Skills Test; CLEP – College Level Examination Program; SOMMOS – Strength Of Materials & Mechanics Of Solids; BAF – Business, Accounting & Finance; GRE – Graduate Record Examination; TEFL – Teaching English as Foreign Language; CELTA – The Cambridge Certificate in English Language to Adults; SWEP – Students Work & Education Program; СОШ – средняя образовательная школа; РГУПС – Ростовский государственный университет путей сообщения; АГМА – Астраханская государственная медицинская академия; РАН – Российская академия наук; ВАК – Высшая аттестационная комиссия; РЭА – Российская экономическая академия, ФИЯ – факультет иностранных языков; ТУСУР – Томский университет систем управления и радиоэлектроники; ЗУН – знания, умения и навыки, АТИ – Академия театрального искусства и др. Такие аббревиатуры легче запоминаются и выглядят эстетически более привлекательными.

Между некоторыми сокращениями и их коррелятами можно установить ассоциативную связь. Так, прагматическая установка сокращения BASE от *British-American School Education* ассоциируется со словом “base” – «основа», «базис». Сокращения ACE от *American Council on Education* (“ace” – «первоклассный летчик», «специалист»), VIA – *Vanguard Imitative Arts* (“via” – «посредством чего-либо», «с помощью чего-либо»), CARE – *Courses of Adult Refresher Education* (“care” – «внимание», «забота»), USE – *Upper School Education* (“use” – «польза») подскажут потенциальному учащемуся, что данные организации, курсы или программы могут прийти на помощь и принести «пользу», так как они – «асы», «посредники», и «помощники». Между сокращением PEP – *Proficiency Examination Program* прослеживается ассоциативная связь с разговорным глаголом “to pep” – усилить, подгонять, стимулировать, между аббревиатурой ProPs – *Professional Programs* со словом “prop” – «опора, поддержка». Инициальные сокращения ACT от *American Courses Testing u*

American Christian Tours призывают к немедленному действию. *UNIC – United Nations Information Center* ассоциируется с “unique” – «единственный». Подобная игра слов обладает положительной коннотацией и связана с потребностью создавать эстетически привлекательное сокращение и с проявлением эмоционально-оценочного отношения.

В русскоязычной рекламе акронимы, совпадающие с полнозначными словами, встречаются крайне редко: *ВИРТ – Ведущий институт развивающих технологий* – ассоциируется со словом «виртуальный», что имеет отношение к технологиям будущего. Аббревиатура *АВТО – Ассоциация высшего технического образования* – ассоциируется с автомобилем, объектом, который имеет прямое отношение к технике. В русскоязычной рекламе образовательных услуг буквенные сокращения, относящиеся к сфере образования, могут совпадать с другими известными аббревиатурами. Иногда такое совпадение вызывает иронию: *ППС – профессорско-преподавательский состав* (совпадает с патрульно-постовой службой), *ГАИ – государственный астрономический институт* (совпадает с государственной автоинспекцией), *ГМО – городское методическое объединение* (совпадает с генетически-модифицированным организмом). В целом игра слов (механизм языковой игры) при образовании сокращенных лексических единиц усиливает рекламное воздействие.

Исследование показало, что аббревиатурные единицы широко применяются в русскоязычной и англоязычной рекламе. Таким образом, аббревиация, сокращая длину высказывания, привлекает внимание читателей и способствует формированию у последних чувства надежности, положительной оценки и доверия к образовательной услуге.

Имплицитное выражение положительной эмоциональной оценки в текстах рекламы достигается путем расстановки смысловых акцентов с тенденцией к выделению положительных свойств и качеств рекламируемых образовательных услуг. Одним из таких средств является парцелляция. Под парцелляцией понимают речевую презентацию предложения в виде нескольких коммуникативно-самостоятельных сегментов (фраз) одного высказывания. Парцелляция способствует речевой актуализации части предложения, является средством речевой экспрессии и приемом построения высказывания [3, с. 58].

Примеры с парцелляцией встречаются в русскоязычной и в англоязычной рекламе образовательных услуг: «...*Академический год за рубежом – лучший способ полностью погрузиться в культуру новой страны! Чтобы в совершенстве изучить язык. Чтобы открыть для себя много новых возможностей...*» Адресант подчеркивает значимые, с его точки зрения, компоненты содержания высказывания, оформляя их отдельными сегментами.

Парцеллируются различные части высказывания, как придаточные предложения, так и отдельные члены предложения: “*What a well made course! ...Interesting! Balanced! Useful!*” («*Какой хорошо организованный курс! Интересный! Сбалансированный! Полезный!*»). В данном примере парцеллируются определения. Каждое из определений образовательного курса настолько важно и значимо, что заслуживает отдельного оформления.

Другим видом сегментирования предложений в рекламе образовательных услуг являются именительные темы. Это явление в большей степени характерно для русскоязычной рекламы. Предложение с именительной темой характеризуется наличием группы существительного или местоимения в именительном падеже с глаголом или без глагола. Именительная тема является частью расчлененного предложения.

В русскоязычных текстах рекламы образовательных услуг именительная тема может входить в состав придаточных предложений и иметь при себе местоимения-актуализаторы: «*Нью-Йорк. Город, который никогда не спит. Он – мировой центр деловой жизни. Как здорово, что школа находится всего в 15 минутах езды от него.*».

Довольно часто в русскоязычной рекламе образовательных услуг сегментируется согласованное определение (прилагательное или причастие) и несогласованное определение, которые расширяют предложение: «*Приезжайте учиться в самую*

большую и красивую школу EF в США. Расположенную в студенческом районе Брайтон, в 15 минутах езды от Бостона. Города с богатой историей. Колыбели американской независимости». При сегментации информация подается порциями. Благодаря этому автор сообщения организует отдельные смысловые центры. Промонстрированный пример показывает, что с каждым новым сегментом происходит не просто добавление информации, а постепенное усиление положительных качеств сообщаемого.

В текстах рекламы образовательных услуг именительная тема часто употребляется в значении винительного падежа: «Английский в южном полушарии – необычный и интересный опыт!» («Изучать английский в южном полушарии – необычный и интересный опыт!»). Когда сложное предложение трансформируется в конструкции с именительной темой, подача информации происходит постепенно, но при этом причинно-следственные связи сохраняются. Деление предложения на смысловые сегменты способствует быстрому и легкому восприятию информации, так как несколько простых синтаксических единиц воспринимаются легче, чем одно большое распрощанное предложение.

Обобщая все сказанное, можно сделать вывод, что компрессированные языковые средства в текстах рекламы образовательных услуг служат не только реализации принципа экономии в языке, но и являются средствами повышения экспрессивности языковых единиц. При употреблении таких языковых средств в текстах рекламы некоторые компоненты содержания высказывания не имеют вербальных средств выражения, то есть выражены имплицитно. В рекламе образовательных услуг имплицитно выражаются значения положительной эмоциональной оценки сообщаемого и значения, способствующие достижению императивной целевой установки.

Библиографический список

1. Алефиренко, Н. Ф. О природе ономастической семантики [Текст] / Н. Ф. Алефиренко // Ономастика Поволжья : тез. VIII Междунар. конф. – Волгоград, 1998. – С. 165–168.
2. Академические программы для молодежи (от 16) и взрослых: каталог образовательных программ [Текст]. – М. : Изд. EF, 2008–2009. – 67 с.
3. Ванников, Ю. В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи [Текст] / Ю. В. Ванников. – М., 1979. – 296 с.
4. Глухов, Г. В. О когнитивной природе лингвистических компрессий [Текст] / Г. В. Глухов // Когнитивные аспекты изучения языковых явлений в германских языках. – Самара, 2000. – С. 18–24.
5. Грайс, К. С. Логика и речевое общение [Текст] / К. С. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 217–237.
6. Дюжикова, Е. А. Аббревиация сравнительно со словосложением: структура и семантика (на материале современного английского языка) [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / Е. А. Дюжикова. – М., 1997. – 50 с.
7. Мещеряков, В. Н. Жанры школьных сочинений: Теория и практика написания [Текст] : учеб.-метод. пос. для студ. и учителей-словесников / В. Н. Мещеряков. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2000. – 256 с.

ПРИЗНАКОВОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «РОССИЯ» В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

А.В. Полонский, Е.С. Абрамова

В статье рассматривается концепт «Россия» на материалах журнала «Родина» (1999–2009). Этот концепт – один из самых важных в современной лингвокартине мира. Также можно обнаружить анализ его смыслового поля и особенности лингвистической объективности.

In this article the concept “Russia” is discovered on the materials of magazine “Rodina” (1999–2009). This concept is the most important one in the modern linguistic picture of the world. Also you can find the analysis of its meaning field and the peculiarities of linguistic objectivity.

Ключевые слова: Россия, медиадискурс, концепт, признак, признаковое поле, профиль, номинативная плотность, дискурсивно-когнитивный подход.

Key words: Russia, media-discourse, concept, sign field, profile, nominative density, discursive and cognitive method.

Российское общество за последнее десятилетие прошло сложнейший путь социальных преобразований, духовно-нравственных и идейных поисков, что не могло не сказаться и на языке публичного диалога, обслуживаемого масс-медиа. Мировоззренческое и стилистическое раскрепощение личности автора, идеологическая рефлексия, мотивирующая выработку социально-политических целей и стратегий общества, качественно изменили условия функционирования средств массовой информации, которые стали не только важнейшим средством воспроизводства общественного сознания, но и идейно-нравственным ориентиром общества. Процесс идеологической и ценностной трансформации, демонстрируемый современными российскими масс-медиа, нашел отражение в характере осмысления человеком своего социального пространства и в способах его языковой объективации.

Объектом нашего исследования является современный медиадискурс, отражающий особенности мировоззрения современного россиянина и характер оперирования им знаниями. Под медиадискурсом понимается процесс воспроизводства и объективации в масс-медиа социально доминантных принципов восприятия и интерпретации формулируемых смыслов, а также социально-регулятивный механизм, направляющий общественное сознание посредством создания и тиражирования в масс-медиа социально значимых смыслов и оценок [6, с. 20].

В качестве предмета исследования выступает концепт «Россия», репрезентированный на страницах журнала «Родина» – российского исторического журнала, нацеленного на осознание культурных, духовно-нравственных особенностей российского общества, а также его роли и места в истории человеческой цивилизации. Концепт «Россия» – один из наиболее значимых и динамичных в современной картине мира россиянина, что обусловлено настойчивыми поисками российским обществом своей этнокультурной и цивилизационной идентичности.

В поле нашего зрения были публикации в журнале «Родина» с 1999 г. по настоящее время, то есть того периода, который исследователи обычно рассматривают как самостоятельный в мировоззренческом отношении. Это период выработки общенациональных приоритетов, общенациональной и славянской идеи на основе методологии социального реализма (так называемой методологии перезагрузки), то есть трезвого осознания противоречий социальной реальности, в которой сталкиваются процессы духовной интеграции и дезинтеграции, в которой «гимны» русскому слову далеко не всегда складываются из совпадающих в своей идейной основе «раздумий о России».

Цель данного исследования – проанализировать на материале журнала «Родина» признаковое поле концепта «Россия» и характер его языковой объективации. Дискурсивно-когнитивный подход, используемый в исследовании, позволил понять законы функционирования формулируемого обществом знания и механизмы оперирования вербальным знаком в процессе языковой объективации общественного сознания. Согласно данному подходу, «каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [5, с. 16]. Метод контент-анализа, объектом которого чаще всего становятся тексты средств массовой информации, позволил выявить смысловое и символическое содержание текстов, а также ценностное суждение об объективированной в тексте действительности. Используемый в работе дискурсивный анализ позволил выявить особенности объективации и развития смыслов, воссоздающих анализируемый нами предмет.

С точки зрения когнитивной лингвистики, информация об окружающей действительности хранится в сознании в виде определенных ментальных структур (структур знания), то есть концептов, фрагментов культурной (социальной) памяти человека, отражающих его уникальный опыт взаимодействия с окружающим миром. Кон-

цепт как «оперативная содержательная единица памяти» служит «объяснению психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» [4, с. 90]. Признаковое поле концепта формируется в результате многообразного опыта человека.

В истории любого общества выделяются периоды, когда тот или иной феномен в силу различных причин приобретает особую значимость, а следовательно, получает дополнительную смысловую и языковую разработку, благодаря чему в нем проявляются (или появляются) новые признаки, которые ведут к обогащению признакового поля соответствующего концепта и, как следствие, его номинативного поля, представляющего собой «совокупность языковых средств, объективирующих концепт в определенный период развития общества» [7, с. 66].

Важной характеристикой культурного концепта, демонстрирующей его духовную значимость, является «номинативная плотность», под которой понимается «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [3, с. 112].

Признаковое поле концепта «Россия», репрезентированного в современном медиадискурсе, выстраивается вокруг своего смыслового ядра, обозначенного официальным именем *Россия* или *Российская Федерация* – «государство, расположенное в Европе и Азии; страна, в которой большинство населения составляют русские» [2, с. 1129]. При этом в медиадискурсе, представленном текстами журнала «Родина», активно задействован не только современный, но и исторический аспект, показателем чего является высокая частотность обращения к древнему наименованию России – *Русь*. Топонимическая «перекличка» обеспечивает не только административную или географическую ассоциацию, но и культурно-историческую, фиксируя понимание культурной целостности номинируемого объекта, а также духовно-нравственной и идейной преемственности всех его исторических форм. Это, в частности, подтверждается заявленными на страницах журнала словами известного русского писателя Валентина Распутина: *Россия «внутри себя боролась за жизнь и из последней мочи не давала перерождению»* (Родина. 2001. № 1).

Кроме прямых номинаций России в современном медиадискурсе, репрезентированном журналом «Родина», используются такие наименования, как *русская земля* и *государство, расположенное в Европе и Азии*. Наименование *русская земля* передает, по всей видимости, не только особое отношение русских к своей стране как к матери или жене [9, с. 172], но и апеллирует к богатым традициям философского осмысления в русской культуре (в частности, к текстам Н. Бердяева и В. Розанова) *русской земли* как страны «необъятных пространств», «непочтой веры» и «особой силы бытия» [1, с. 67; 8, с. 33]. Наименование *государство, расположенное в Европе и Азии* позволяет увидеть Россию с позиций концепции евразийства как особый геополитический и духовный феномен, объединяющий два различных мировоззрения.

Многие публикации журнала «Родина» посвящены проблемам осознания пути развития России, вследствие чего актуализируются следующие когнитивные признаки: *демократия, модернизация, ближнее зарубежье, мусульмане, вертикаль власти, интеграция, русское зарубежье, сближение с Западом, инновационное развитие, общественная активность, инвестиции, многопартийность*. Ср.: «*В ситуации вероятной недостаточности ресурсов демократия потенциально может стать инструментом интеграции и мобилизации общества для достижения "прорыва" при условии модификации существующего режима в сторону большей сопричастности и соучастия населения в решении задачи возрождения России*» (Родина. 2005. № 1); «*Особое место, наряду с вопросами инноваций, обороноспособности, сейчас уделяется вопросам "внутренней стабильности" – укреплению гражданского общества*» (Родина. 2008. № 9).

В рассматриваемый период активируются новые когнитивные признаки в связи с тем, что Россия ассоциируется с новыми культурными ценностями: *славянство, патриотизм, духовность, российская идентичность, православие, русская культура и русский язык, спорт*. Ср.: «*На первый план должны выходить интересы страны и народа*

в целом, а в основе лежат естественные и понятные каждому ценности, такие, как дом, семья, отечество, безопасность, свобода, благосостояние» (Родина. 2008. № 9); «Девять лет назад Россия остановилась у последней черты, за которой – гибель нации. Повинуясь инстинкту самосохранения, страна потянулась, пожалуй, к единственному оставшемуся живительному источнику национального возрождения – к родникам духовности и культуры, нравственности и патриотизма» (Родина. 2008. № 9); «И в этой новой реальности самоорганизация общества путем спортивных побед и спортивного развития... это надежный... путь к гуманизации общества» (Родина. 2008. № 9); «В условиях реальной демократизации общества... появление новых ценностей актуально вдвойне. И блестящие удачи на спортивных аренах к роли этих ценностей – и традиционных, и новых – подходят как нельзя лучше» (Родина. 2008. № 9).

На рубеже XX–XXI вв. Россия столкнулась с комплексом проблем, характерных для подавляющего большинства переходных (модернизирующихся) обществ: стагнация, распад социальных норм, нарастание конфликтности и насилия, маргинализация общества, коррупция госаппарата. Следствием этого явилась актуализация таких когнитивных признаков, как социальная напряженность, культ насилия и социальной распушенности, распад социальных норм, рост преступности и наркомании, социальное расслоение общества, снижение жизненного уровня населения, падение качества медицины и здравоохранения, снижение средней продолжительности жизни. Ср.: «Социально-историческая ситуация в России в конце XX–XXI века характеризуется процессами, представляющими реальную угрозу существования нации: стремительное социальное расслоение общества... рост преступности, наркомании» (Родина. 2006. № 4); «Сейчас мы видим, как разрушают нашу духовность и культуру. Идет открытая пропаганда культа насилия, социальной распушенности, вседозволенности и безответственности. Еще более прискорбно, что она имеет место на фоне экономического роста, укрепления базовых политических институтов» (Родина. 2008. № 9); «Богатая держава с бедным народом» (Родина. 2008. № 9).

Как показывает проведенный нами анализ 1375 контекстов, в начале XXI столетия появились и стали наиболее частотными по своей языковой репрезентации следующие концептуальные признаки, окружающие понятийное ядро концепта «Россия»: славянство – 12,2 %, патриотизм – 10,3 %, демократия – 9,3 %, модернизация – 8,1 %, духовность – 5,8 %, российская идентичность – 4,6 %, православие – 4,5 %, русская культура и русский язык – 4,5 %, мусульмане – 3,3 %, ближнее зарубежье – 3,3 %, социальная напряженность – 3,4 %, вертикаль власти – 3 %.

На ближней периферии поля располагаются менее употребительные, но весьма значимые составляющие концепта «Россия»: интеграция – 1,8 %, русское зарубежье – 1,8 %, сближение с Западом – 1,6 %, инновационное развитие – 1,6 %, общественная активность – 1,6 %, русофобия – 1,5 %, возрождение – 1,3 %, спорт – 1,3 %, многопартийность – 1,3 %, инвестиции – 1,3 %, олигархи – 1,3 %, государственность – 1,2 %, глобализация – 1,2 %, интеллигенция – 1,2 %, гражданское общество – 0,9 %, коррупция – 0,9 %, дефолт – 0,9 %, «новые русские» – 0,9 %, экономический рост – 0,9 %.

Реже встречаются следующие смысловые признаки: борьба с терроризмом – 0,4 %, гуманизация – 0,4 %, нефтегазовая отрасль – 0,4 %, природные ресурсы – 0,4 %, передел собственности – 0,4 %, российская армия – 0,4 %, заказные убийства – 0,4 %, мания самобичевания – 0,4 %, находящиеся, соответственно, на дальней периферии признакового поля концепта «Россия».

Как видим, в центре признакового поля концепта «Россия», а следовательно, особенно значимыми для россиян в процессе осмысления своего культурного пространства являются когнитивные признаки славянство, патриотизм, духовность, российская идентичность, православие, русская культура и русский язык, что объясняется стремлением российского общества осознать себя в славянском мире.

Выявить когнитивные признаки концепта «Россия» помогают и коллокации, в которых выступают имена прилагательные русский и российский, словообразовательно связанные с ключевым словом-репрезентантом концепта: русский язык; рус-

ский патриот; *Русский мир*; *русская культура*; *русская честь*; *русская душа*; *новая русская революция*; *«новорусская» революция*; *новая русская буржуазия*; *русская почва*; *«русская идея»*; *русская история*; *русская нация*; *русское зарубежье*; *русское самосознание*; *русские территории*; *обвинение в великорусском шовинизме*; *прорусский*; *российский исторический опыт*; *российский либерализм*; *российский парламент*; *российский рынок*; *российский политический класс*; *Российская империя*; *Российская Федерация*; *современная российская культура*; *современная российская реклама*; *российская власть*; *российская интеллигенция*; *российская армия*; *российская диаспора*; *российская история*; *новая российская нация*; *российская идентичность*; *современное российское общество*; *российское «настоящее»*; *российские реформы*; *российские выборы*; *российские либералы*; *российские реформаторы*; *российские обществоведы*; *российские демократы*; *российские соотечественники*; *советские российские люди*; *российские специалисты*; *антироссийская пропаганда*; *общероссийская цивилизация*.

Признаковое поле исследуемого концепта репрезентируют и контекстуальные синонимы: *Россия – ведущая энергетическая держава мира*; *богатая страна*; *урбанистическое, индустриальное, светское, образованное общество*; *ведущая спортивная держава мира*; *евразийская держава*; *единое и неделимое государство*; *европейская страна*; *полиэтническое и поликонфессиональное государство*; *богатая держава*; *сильное государство*; *многонациональная страна*; *самостоятельное государство*; *высокоразвитая страна*; *уважаемая страна*; *суверенное демократическое государство*; *уважающая себя держава*; *страна догоняющего типа развития*; *молодое государство*; *Президентская республика*; *Российская Федерация*; *новая демократическая*; *историческая и национальная*; *современная постсоветская*.

Метафорические номинации концепта «Россия» наполняют номинативное поле концепта образностью и оценочностью: *могучее дерево, пустившее корни на всех континентах и раскинувшее свои ветви*; *птица Феникс*; *одна седьмая суши*; *оборонный щит России*; *русофобия... является раковой опухолью на теле славянства*.

Признаковое поле концепта «Россия» формируется и свободными сочетаниями с ключевым словом, номинирующими те или иные признаки концепта: *Россия современная, новая, демократическая, постсоветская, богатая, многонациональная, сильная, ведущая, энергетическая, спортивная, уважаемая, уважающая себя, самостоятельная, суверенная, единая, неделимая, полиэтническая, поликонфессиональная, молодая, евразийская, европейская, историческая, всегда невинная, обижаемая, урбанистическая, индустриальная, светская, образованная*.

Как показывает анализ текстов, опубликованных в журнале «Родина», Россия рассматривается в трехвекторном пространстве: Россия и Запад, Россия и Восток, Россия и славянский мир. Вследствие своего географического расположения Россия находится на пересечении цивилизаций – Восток и Запад. Как многонациональной стране ей необходимо сохранять свою целостность и развивать диалог цивилизаций путем формирования национального самосознания на основе русской культуры и православия, а также других культур и религий. Вместе с тем как европейской стране России необходимо продолжать развивать рыночную экономику и укреплять государство, в котором есть закон, демократия и уважение к правам человека. Россия сегодня на подъеме, возрождая свою обороноспособность, благосостояние. Ср.: *«Без развития отношений со славянским миром Россия просто не сможет существовать. Это не только сфера обеспечения ее национальных интересов. Принадлежность к славянству – часть нашего самосознания»* (Родина. 2006. № 4); *«В качественном отношении сближение России и Запада за последние 20 лет было беспрецедентным за всю историю. И это закономерно: конвергенция... в последние десятилетия трансформировалась в глобализацию мирового масштаба»* (Родина. 2006. № 5); *«Если мы хотим сохранить целостность нашей многонациональной страны, то должны всерьез озаботиться вопросом целенаправленного формирования национального самосознания как на основе нашей общей великой русской культуры, так и на основе национальных религий и культур»* (Родина. 2008. № 9).

Как показывает анализ контекстов, все многообразие выявленных признаков концепта «Россия» может быть представлено в четырех основных семантических профилях как сфокусированных ключевых фрагментах признакового поля: *современная страна; сильное государство; ведущая держава мира (энергетическая, спортивная); империя.*

Семантический профиль «современная страна» получает свою интерпретацию в пяти основных признаках:

✓ как самостоятельное государство, проводящее независимую политику и разрабатывающее свою, самобытную национальную идею, что представлено в определениях и номинациях: *молодое, постсоветское, суверенное, единое, неделимое, полиэтничное, многонациональное, поликонфессиональное, европейское, уважаемое, уважающее себя; евразийская держава; урбанистическое, индустриальное, светское, образованное общество;*

✓ как наследница этнокультурных, духовно-нравственных ценностей предшествующих поколений, что выражается в частотности лексем, номинирующих важнейшие понятия традиционной культуры, и в окружающем их позитивном смысловом контексте: *Русь, Отечество, древний, славянский, берестяная грамота, святыня, православный, духовность, патриотизм, нравственность, культура, семья, единение, российская идентичность, русский язык, гуманизация, интеллигенция;*

✓ как демократическое правовое государство: *демократия, свобода, многопартийность, толерантность, закон, планы, задачи, цели, решение, выполнение, общественная активность;*

✓ как инновационное государство, то есть развивающееся по инновационной модели: *модернизация, инновации, развитие, глобализация, интеграция, перемены, возрождение, подъем;*

✓ как социальное государство, то есть обеспечивающее благосостояние своих граждан: *экономический рост, инвестиции, реформы, благосостояние, мобилизация ресурсов, инфраструктура, нефтегазовая отрасль, социальная напряженность (культ насилия и социальной распушенности, распад социальных норм, рост преступности и наркомании, социальное расслоение общества, снижение жизненного уровня населения, падение качества медицины и здравоохранения, снижение средней продолжительности жизни).*

Ср.: «Мы не можем не вдохновляться тем, что стоим на прочном фундаменте нашей тысячелетней истории. Мы являемся прямыми наследниками великого народа и великой страны» (Родина. 2008. № 9); «Твердая внешнеполитическая линия современной России возможна только при условии, если на новые рельсы переведем всю экономику и социальную сферу» (Родина. 2008. № 9).

Семантический профиль «сильное государство» раскрывается в двух основных признаках:

✓ как обороноспособное государство, гарантирующее внешнюю и внутреннюю безопасность граждан: *борьба с внешней угрозой, терроризмом, коррупцией, разрушением духовности и культуры; «внутренняя стабильность», оборонный щит, российская армия, безопасность, сближение с Западом, диалог цивилизаций, целостность, суверенность, ближнее зарубежье, ислам, русофобия, сильное государство;*

✓ как государство, укрепляющее гражданское общество и выстраивающее «вертикаль власти», которая способна обеспечить выполнение решений центра: *власть, рычаг, кулак, арсенал, государственность, гражданское общество, вертикаль власти, базовые политические институты, Президентская республика.*

Ср.: «Пропаганда политической реформы сегодня опирается прежде всего на тезисы о борьбе с терроризмом и обеспечении безопасности» (Родина. 2005. № 1); «Сегодня вновь... стоит задача реформирования общества, мобилизации ресурсов, борьбы с внешней угрозой, обострились проблемы интеграции, адекватного выполнения решений центра, коррупции. Вполне закономерно, что выстраивание «вертикали власти» вновь рассматривается как рычаг, способный обеспечить выполнение поставленных задач» (Родина. 2005. № 1); «Россия уже сейчас богатая и достаточно сильная стра-

на» (Родина. 2006. № 7). Как видим, этот признак формируется посредством активного использования метафор войны (*арсенал средств*) и силы (*кулак*).

Семантический профиль «*ведущая держава мира*» раскрывается в двух признаках:

✓ держава, входящая в число самых развитых в экономическом отношении стран мира благодаря своим энергетическим и природным ресурсам: *одна седьмая суши, член восьмерки, ведущая энергетическая держава, богатая страна, самостоятельное государство, природные ресурсы, золотые запасы*;

✓ держава, традиционно претендующая на статус мирового лидера во многих сферах деятельности (культуре, науке, спорте, бизнесе): *мировой лидер по количеству миллиардеров, ведущая спортивная держава мира, высокоразвитая страна, серьезный конкурент и противник, наследница великого народа и великой страны, высокий авторитет, образованный народ*.

Ср.: «*Сегодняшняя Россия – член восьмерки, ведущая энергетическая держава мира, богатая страна, которая не знает, куда девать свои огромные доходы и золотые запасы*» (Родина. 2006. № 7); «*Россия сохранила свой статус одной из ведущих спортивных держав мира*» (Родина. 2008. № 9).

Важным в концепте «Россия» является профиль «*империя*», который интерпретируется в медиадискурсе как государство, рождающееся из великой воли народа и духовного порыва лучших его представителей. Ср.: «*В 1993-м люди из той же "пролойки" также активно выражали свой протест, свою обиду за ущемленное национальное чувство, защищая империю и ее прошлое*» (Родина. 2006. № 8); «*Без Украины Россия перестает быть империей, а с Украиной... Россия автоматически становится империей*» (Родина. 2006. № 4).

Таким образом, исследование концепта «Россия» в современном медиадискурсе, репрезентированном журналом «Родина», позволяет обнаружить векторы духовного осмысления современным россиянином своего социального пространства и выявить способы его языковой объективации. Концепт «Россия» – один из наиболее значимых и динамичных, о чем свидетельствуют его многочисленные когнитивные признаки и высокая номинативная плотность.

Библиографический список

1. Бердяев, Н. А. Судьба России [Текст] / Н. А. Бердяев. – М. : Советский писатель, 1990. – 346 с.
2. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
4. Кубрякова, Е. С. Концепт [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. К. Лузина // Краткий словарь когнитивных терминов. – М. : Изд. Москов. ун-та, 1996. – С. 90–97.
5. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.
6. Полонский, А. В. Сущность и язык публицистики [Текст] / А. В. Полонский. – Белгород : Политерра, 2009. – 238 с.
7. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 314 с.
8. Розанов, В. В. Религия. Философия. Культура [Текст] / В. В. Розанов. – М. : Республика, 1992. – 399 с.
9. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Академический Проект, 2001. – 991 с.

ЯВЛЕНИЕ НЕСКЛОНЯЕМОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И СПЕЦИФИКА ЕГО ОБОЗНАЧЕНИЯ

И.В. Приорова

В статье рассматривается проблема несклоняемости заимствованных слов с точки зрения описательной системы языка. Парадигматическая редукция внутри групп слов синтагматически компенсируется, что позволяет рассматривать ее функционирование в русском языке как один из методов грамматической категоризации.

The article considers the problem of indeclinability of borrowed nouns from the viewpoint of system description of the language. Paradigmatic reduction within this word-groups is syntagmatically compensated, what allows to consider their functioning in the Russian language as one of the methods of grammatical categorization.

Ключевые слова: система, элемент системы, полифункциональность, номинация, коммуникация, парадигматические значения, синтагматические отношения.

Key words: system, system element, multi-functionality, naming unit, communication, paradigmatic meanings, syntagmatic relations.

Особенность несклоняемых заимствований определяется тем, что они без формальной изменяемости обладают всеми морфологическими категориями лексико-грамматической группы существительных и, соответственно, выполняют все грамматические функции, которые свойственны русскому имени. Разнонаправленные способы категоризации в русском языке (внутри слова / вне слова) стимулируют перспективы изучения неизменяемых имен как языковых единиц в речи. Это нашло отражение в ряде исследований, в которых дается неоднозначная оценка их имплицитных парадигматических свойств.

Формальные признаки несклоняемых существительных активно обсуждались и обсуждаются в лингвистике (А.М. Пешковский, Я. Грот, Л.В. Щерба, И.И. Срезневский, И.Г. Милославский, Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов, И.П. Мучник, В.Н. Немченко, Н.А. Колесников и др.), что отразилось в их обозначении: «синтаксические существительные» (А.М. Пешковский, В.Н. Немченко), «морфологически ущербные» (Л.В. Кнорина), «морфологически оголенные» (М.В. Панов), «неизменяемые слова, стоящие вне склонения» (В.В. Бабайцева, Н.А. Николина, Л.Д. Чеснокова), «аналитические» (Н.А. Колесников), «неграмматические», или «индеклинационные» (О.С. Ахманова).

Мы остановимся только на двух определениях, которые, на наш взгляд, более образно характеризуют сущность одного и того же языкового явления. Л.В. Кнорина определяет их как «морфологически ущербные» [5, с. 3], а М.В. Панов назвал их «морфологически оголенными именами» [7, с. 265]. Морфологический подход в определении их специфики говорит о том, что в традиционной грамматике есть ответы не на все вопросы. Сталкиваясь же с исключениями из фактов, «традиционная грамматика либо молчаливо отмечает их, либо же конструирует из них особую часть речи. Так, в грамматиках русского языка отмечается существование группы несклоняемых существительных (*пальто, эму, боа*) ...» [4, с. 129].

Обусловлено это тем, что отсутствие изоморфизма между планом выражения и планом содержания приводит к тому, что одна единица содержательного плана может оказаться «распределенной» между несколькими единицами плана выражения, и, наоборот, несколько единиц содержательного плана могут оказаться сосредоточенными в одной единице плана выражения.

«Скрытые» [4] категории несклоняемых имен не одинаково реализуются в синтагме. В синтагматических моделях валентность определяется через идентификацию возможных при данном слове синтаксических позиций традиционным перебором всех классов слов, способных однотипно сочетаться с несклоняемым существительным по правилам русского языка. Совокупность синтагматических моделей с несклоняемыми существительными разнообразна. Достаточно рассмотреть те типы,

которые мы выделили из двух произведений И. Ильфа и Е. Петрова, и проследить, как эти 15 типов синтагм распределяются между управлением, примыканием и согласованием: на долю согласования приходится 40 %, на долю управления – 53 %, а на долю примыкания – всего 7 %.

Самым продуктивным способом сочетаемости для несклоняемых имен является управление (всего 11 типов) через синтагматическую модель «склоняемое сущ. + НС» (далее аббревиатурой НС будут обозначаться несклоняемые существительные, а НИ – несклоняемые имена) и «глагол + НС». Например, *фельетонист в пальто, экспорт кофе, контрамарки в кино, надел пенсне, ринулась в депо, пела соло. Согласование* реализуется только через 4 типовые модели синтагмы, приоритетной остается модель «склоняемое сущ. + НС»: в *рубашечках апаши, стекло бакара* и модель «прилагательное + НС»: *стеклянное ателье, в золотом пенсне*. Менее продуктивна реализация грамматических категорий в системе согласования через модель «местоим. + НС»: *нельзя быть таким Отелло, нашему Бубенко, в свое купе...* Примыкание реализуется всего через 2 синтагматические модели – «склоняем. сущ. + НС», (причем, выполняя роль зависимого слова, в большинстве НС – имя собственное: *в городе Баку, на пристань «Буратино», в местечко Кошары, снимал кинокамерой «Аймо»*) и «гл. + НС»: *проезжал... инкогнито, прижил (ребенка) инкогнито*.

Такое ролевое распределение в типовых синтагматических моделях с несклоняемыми именами доказывает, что скрытая морфологическая парадигма несклоняемых существительных актуализируется через грамматическое значение вспомогательного компонента, в роли которого выступает знаменательное, а не служебное слово, которое является для них грамматическим «формантом». Ролевое участие, таким образом, в функции главного слова синтагмы может быть переменным: функция несклоняемого существительного может быть и определяемой, и определяющей, в то время как грамматическое значение несклоняемых имен может быть только определяемым через синтагматическую валентность или расширенный контекст.

Если говорить о «морфологической ущербности» несклоняемых имен, значит приняты ограничения их функционирования, так как ущербность – это всегда ограничения. Однако их потенциал реализуется через преобразование их номинативных функций в предикативные функции. И здесь наблюдается их «морфологическая ущербность» в определенных позициях (*Принято запивать кофе / Кофе принято запивать*), в отличие от семантически полноценной конструкции *Принято запивать чаем / Чаем принято запивать*. Несклоняемое *кофе* во втором случае семантически уязвимо, так как уязвим смысл высказывания. Значит можно предположить, что позиция в творительном падеже для несклоняемых существительных нежелательна, и это является тем ограничением, которое можно соотнести с «морфологической ущербностью». Если сопоставить: *Я предпочитаю жалюзи* (в. п.) и *Я отдаю предпочтение жалюзи* (д. п.); *Я довольна жалюзи* (т. п.) и *Жалюзи я довольна* (т. п.), то последняя (нежелательная конструкция) провоцирует типичную ортологическую ошибку: *Жалюзьями я довольна*, по аналогии: *шторами, гардинами я довольна*, поэтому употребление неизменяемого существительного в постглагольной позиции предпочтительнее – семантика не меняется.

Определение «морфологически ущербные слова», используемое Л.В. Кнориной [5, с. 3], в этом случае можно считать оправданным. Вводя данное понятие, Л.В. Кнорина определяет и устанавливает контекстуальные ограничения, обусловленные формальными признаками слова. Например, определение грамматических категорий слова *пальто* в свернутом контексте (синтагме) *Его пальто* вызывает затруднения из-за отсутствия идентификации рода, хотя и падеж, и число легко восстанавливаются: *их пальто* (мн. ч., р. п.) // *его пальто* (ед. ч., р. п.). Расширение контекста до простого предложения позволяет полностью эксплицировать грамматические категории слова *Его пальто висело на вешалке*, где роль предиката (им. п., ед. ч., с. р.) реализуется в постпозиции с глаголом *висело*. Однако и в расширенном контексте выявляются конструкции, в которых возможна семантическая вариативность в зависимости от положения несклоняемого слова в составе простого предложения: *Боа*

придает элегантность кимоно (кимоно в значении «покрой одежды») / *Боа придает кимоно элегантность / Кимоно придает элегантность боа/ Кимоно придается элегантность боа.* Несмотря на то что во всех случаях несклоняемое *кимоно* занимает позицию ремы, позиции дательного падежа первого и второго предложений наиболее предпочтительны по сравнению с третьим предложением, где возможна подмена тематическими отношениями (*боа* придает элегантность *кимоно*, или *кимоно* придает элегантность *боа?*). В такой позиции проецируется возможная речевая ошибка (*киману*), которая в последнем предложении *Кимоно придается элегантность боа* менее вероятна. Подобные примеры говорят в пользу того, что Л.В. Кнорина определила «морфологической ущербностью».

Однако если рассматривать несклоняемые имена как номинативные единицы, то динамика вхождения в язык и употребление их в речи свидетельствуют об их функциональной адекватности: в этом случае «морфологическая ущербность» становится неактуальной. Стилистическая разнородность текстов, которая определяется тематическим разнообразием несклоняемых имен, задействованных в различных сферах общения, подтверждает это:

✓ в социально-политической сфере чаще всего используются несклоняемые заимствования тематических групп «лица», «предметы и объекты», «языки и народы» и топонимические ряды типа *Конго, Чили, Перу, Переделкино*: «Официальный *Тбилиси* опять удивил своей непредсказуемостью» (Волга. 2005. № 1/7); «Политические переговоры возобновляются благодаря новому *атташе*» (АиФ. 2006. № 18/12), или: «В Париже, как нигде, помнят, какую роль в жизни и смерти принцессы Дианы сыграли *панарации*» (Лиза. 2007. № 3), «Все *кафе* города переполнены туристами со всех сторон света» (Волга. 2006. № 5/7);

✓ социально-бытовая сфера чаще всего представлена несклоняемыми словами из тематических групп «продукты» и «предметы одежды»: «Новые модели *кимоно* не утрачивают главного – комфортности» (Лиза. 2007. № 2); «В новой коллекции В. Юдашкина не было ни одного повторяющегося *декольте*» (АиФ. 1998. № 24/12); «Новый способ приготовления *спагетти* продемонстрирован в передаче "Смак" (Она. 1998. № 3), «Аппетитного вида *рагу* на подносе...» (Астраханские известия. 1999. № 15/9].

Функциональная активность несклоняемых слов в языковой номинации свидетельствует об их полноценности. Функционирование несклоняемых имен в речевом пространстве в качестве коммуникативных единиц свидетельствует об особом взаимодействии их парадигматики и синтагматики. Неразрывность парадигматики и синтагматики у несклоняемых имен определяется зависимостью грамматической семантики слов от контекстуального окружения и порядка слов при передаче соответствующих грамматических значений, то есть от их функциональной роли. Таким образом, у несклоняемых имен можно признать синтаксическую парадигму, которая выстраивается не на основе форм словоизменения, а на основе способов и средств выражения. Поэтому парадигматику и синтагматику у несклоняемых имен нельзя рассматривать как «чистые отношения», взятые сами по себе, «...а отношения единиц... для которых одновременное включение в синтагматические и парадигматические отношения совершенно обязательно, так как они не могут быть вне системы (то есть вне парадигматики) и вне ее возможностей ее речевой реализации (то есть вне синтагматических отношений) [2, с. 4].

Определение, данное Л.В. Кнориной, как видно, уязвимо, так как выведение несклоняемых имен из разряда «морфологически ущербных» не распространяется на их предикативную полноценность, хотя нельзя не признать их номинативную полноценность.

Признание же их «морфологической оголенности» соотносится напрямую с тем, что для реализации грамматического значения несклоняемых имен важно то, что в согласуемых частях речи распределение слов по классам отсутствует. Чтобы обладать способностью согласования с существительным любого класса, согласуемое слово должно иметь формы всех классов. Это означает, во-первых, что в согласуемых словах классы превращаются в словоизменительную категорию. Каждое слово должно теперь

«изменяться» (то есть склоняться или спрягаться) по классам. Во-вторых, это значит, что форма класса должна в них выражаться эксплицитно. Если в существительных классная примета может лишь предполагаться, то в согласуемых частях речи она обязательно получает звуковое выявление, сравним: *черный кофе, похоронное бюро* и т.д., где примета класса дана лишь в согласуемом прилагательном [4, с. 23].

Принимая во внимание рассуждения М.В. Панова о том, «что падежи противопоставлены друг другу и существуют только в условиях противопоставления; один падеж, одинокая падежная форма – нонсенс. Но *щец* потому и живет в языке, что оно имеет позиционно обусловленный падеж: *Налей-ка мне щец, захотелось щец, давно не едал щец*. Во всех случаях форма *щец* занимает место, где необходим родительный падеж» [7, с. 265]. Несклоняемые существительные всегда имеют позиционно обусловленные падежные значения, поэтому их появление в речи «не расшатывает падежную систему, но говорит о направлении ее движения, движение не приводит к ослаблению фузионного начала в русской грамматике, однако показывает возможность его сохранения при меньшем количестве словоизменительных аффиксов.

Но суффикс всегда связан с падежными флексиями, и поэтому, получив суффикс, слово выбывает из числа несклоняемых. Значит, несклоняемое существительное лишено флексий, лишено суффиксов и обычно обходится без приставок. До появления несклоняемых существительных русский язык не знал столь *оголенных (морфологически) имен*» [7, с. 265].

Прежде чем дать такое определение несклоняемым именам, М.В. Панов, ссылаясь на Г.О. Винокура и А.М. Пешковского, отмечает, что нормативная сторона речи при использовании таких «безродных» существительных создает для говорящих и пишущих определенные трудности. Контекст может дополнять сообщение указанием на пол лица, но может этого и не делать, избавляясь, таким образом, от излишней информации.

Это позволяет говорить об особом типе нейтрализации, которая освобождает текст от излишней информации. Достигается это обычно использованием слов с потушенными, нейтрализованными грамматическими значениями. При изучении глубинных процессов грамматики получается, что морфологическая нейтрализация может быть на уровне грамматической формы, грамматического значения и на уровне частей речи.

В частности, это относится к нейтрализации несклоняемых имен, когда формальную неизменяемость можно рассмотреть как нейтрализацию на уровне грамматической формы, а частеречную омонимию (*прибыл инкогнито / очаровательная инкогнито*) – как нейтрализацию частей речи. Что касается нейтрализации грамматического значения, то здесь важно определиться, какой точки зрения придерживаться относительно морфемного состава несклоняемых имен. Одна из распространенных точек зрения сводится к признанию у несклоняемых слов типа *колибри, метро, кофе* двух морфем – корня и нулевого падежного аффикса, другая признает лишь корень без нулей.

Если принять за точку опоры признание нулевой морфемы у НИ, то нельзя допустить их парадигматической нейтрализации по функциональному признаку отождествления языковых единиц, которыми характеризуется парадигматика. Согласно законам позиционного чередования единиц, которые рассматривает М.В. Панов в «Позиционной морфологии русского языка» [7, с. 22], различение языковой единицы, в том числе и лексической, обусловлено положением в разных позициях, то есть строением парадигмы, ее нечленимостью. Следовательно, наличие нулевой флексии обеспечивает несклоняемые имена падежными значениями, которые реализуются с помощью разных падежей при омонимии флексий, то есть остаются падежно различными, а значит, не нейтрализованы: «В нашем зоопарке я особенно люблю и радуюсь *кенгуру*»; «Каждый день я с нетерпением жду и радостно помогаю *Нелли*». Предложения эти неправильны: наше языковое чутье это ясно показывает. Надо сказать: «Я люблю *кенгуру* и радуюсь ему»; «Жду *Нелли* и помогаю ей». «Глаголы *люблю* и *радуюсь* в первом предложении, *жду* и *помогаю* во втором требуют разных падежей.

Если бы существительные типа *кенгуру*, *Нелли* не обладали в системе языка падежными значениями, то не было бы оснований отвергать предложения, подобные приведенным выше» [7, с. 170].

Согласно другой точке зрения, у данной группы слов есть только одна морфема – корень без нулей. В этом случае признать нейтрализацию грамматического значения можно только в случае грамматической определенности контекста, мотивируя тем, что «...существительное – неотмеченная категория среди частей речи, поэтому оно открыто для возведения в ранг существительных самых различных образований. В том числе таких, которые не имеют морфемного строения, присущего существительным *От ваших "небось" и "сойдет" трудно ожидать успеха в работе*. Если возможно употребление *сойдет* в роли существительного, то на тех же основаниях законна и существительность *пари, трио, какаду...*» [7, с. 171]. Вот здесь, видимо, можно предположить нейтрализацию грамматического значения.

Однако шаги к аналитизму в русской именной системе достаточно противоречивы: с одной стороны, освобождаются от собственных показателей несклоняемые существительные, с другой стороны, вследствие этого увеличивается нагрузка на грамматические показатели окружающих слов, так как «они должны выполнять не только свою работу, но и дорабатывать за соседа. *Горячий кофе...* Неизменяемое слово *кофе* грамматически кейфует, а *горячий* говорит о связи прилагательного с грамматическим бездельником *кофе* и о том, что этот его сосед – существительное. (Такого нет в последовательно аналитических языках: все слова равно обслуживаются такими показателями, как порядок слов, служебные слова, интонация)» [7, с. 171].

Если же признать, что слова типа *какаду*, *кашине* склоняются, значит признать то, что у существительных, имеющих нечленимую основу с конечным гласным, представлены нулевые окончания, во всех падежах они омонимичны и имеют – ноль.

На вопрос «Чем вызваны, чем обусловлены изменения прилагательного в примерах *Смотрю на мохнатого окапи; С забавным окапи хорошо бы поиграть; Меланхоличного окапи не видно среди листьев дерева?*» М.В. Панов предполагает одно из двух: «либо они склоняются, согласуясь со словами типа *окапи*, либо независимо от них, без согласования. Если независимо, то они выступают в роли существительных: только существительные имеют несогласуемые формы падежей. Но эти прилагательные явно не играют роль существительных» [7, с. 169].

Далее М.В. Панов признает, «что в сочетаниях *кроткими окапи, сильных кенгуру, говорливого какаду* прилагательные своими падежными формами обязаны существительному, это существительное подвинуло их на изменения. Но чем же подвинуло, не своей же основой, оканчивающейся на гласную: основа не вызывает падежных перемен».

Единственный вывод, к которому приходит ученый: «существительное вызвало падежные перемены своими окончаниями. Падежными, нулевыми. Они омонимичны, но не тождественны друг другу. Омонимы не сливаются в одну единицу: *лук* (стрелять) и *луж* (есть) в модели языка – разные сущности. Так же и падежные нули – разные единицы и в качестве таковых могут командовать окончаниями прилагательных [7, с. 169].

Итак, анализ парадигматических особенностей несклоняемых имен подтверждает, что морфологическое воплощение семантико-грамматической функции слова может быть непосредственным и опосредованным. В большинстве случаев при непосредственном воплощении выражения грамматического значения используется грамматическая форма, выражающая определенную семантико-грамматическую функцию, без дополнительных элементов. В опосредованном воплощении «...семантико-грамматическая функция выражается позиционной формой, которая никакой семантико-грамматической информации с собой не несет. Чтобы раскрыть имплицитную такую формой в речи семантико-грамматическую функцию, нужен вспомогательный интерпретационный механизм [4, с. 201]. Для выяснения природы такого механизма необходимо привлечение сжатых и расширенных контекстов, где можно проследить взаимодействие парадигматических и синтагматических отношений.

На примерах терминологического обозначения несклоняемых имен разными учеными определяются подходы в анализе их специфики. Эти подходы могут «ужиться» в термине, который, на наш взгляд, отражает этимологическую сущность *склонения* (от англ. *Declension*), – это и парадигма словоизменения существительных и других субстантивных слов по падежам со специфическими флективными свойствами данного типа (склонение аналитическое, внешнефлективное, внутрифлективное, синтетическое, флективное), и совокупность форм прилагательных, выражающих различные отношения прилагательных к существительным в разных формах падежа [1, с. 416].

Конкретизируя этимологию термина *склонение* в русском языке: «...слово *склонение* родилось как буквальный перевод, морфемный слепок греч. *klisis*, а слово *наклонение* появилось как точная копия греч. *enklisis*», Н.М. Шанский отмечает тот факт, что «в качестве грамматических терминов эти слова искони обозначали одно и то же, а именно морфологическое изменение слова (как склонение, так и спряжение)»; вначале «специализация первого (*klisis*)» была на имени, «а второго (*enklisis*) на глаголе произошла позже» [10, с.145].

Многочисленные глаголы *klino* и *enklino* (приставочного производного от первого) – *склоняю, наклоняю, клонюсь, опускаюсь, падаю, кладу, лежу, поворачиваю, изменяю, изменяю по формам (то есть склоняю и спрягаю)* – легли в основу их терминологических значений: «При калькировании греческих терминов нашими грамматиками... был использован глагол *клонить* того же корня и словесной семьи, что и греч. *klino* (а также латышск. *klans* "наклон", древневерхнем *hleinan* "прислонять" и т.п.)... (*klin* было передано родным *клон*)... склонение встречается уже в "Адельфотисе" (*Adelphotēs*. Грамматика доброглаголивого еллино-словенского языка... Львов, 1691)» [10, с. 145].

Таким образом, термин *склонение*, по существу, «предшественников не имел и укрепился сразу же, как только было введено соответствующее лингвистическое понятие. До него в "Донате" (русский перевод латинской грамматики Доната Элия был сделан Д. Герасимовым в 1522 г.) отмечается лишь *клонение* и *уклонение*» [10, с. 145].

Анализ «Словаря славянской лингвистической терминологии» и словаря «Лексические трудности русского языка» выявляет наличие префикса *-de-* не только в славянских терминах. Семантическое значение префикса *-de-* вносит коррективу в толкование *склонения* как объекта терминологического анализа. Применительно к несклоняемым именам он может стать определяющим в их «поведении» в системе русского словоизменения. *Де-* (лат. *de-*) – приставка, обозначающая отсутствие, прекращение чего-либо, противоположность чему-либо [6, с. 128]; в «Большом словаре иностранных слов» *Де...*, *Дез...* (лат. *de, des*, фр. *Dus* «отсутствие, отмена») – часть сложных слов, означающая: отсутствие чего-либо, отмену, утрату чего-либо; движение вниз, понижение. Сопоставляя термины, обозначающие *склонение*, в «Словаре славянской лингвистической терминологии» [8] мы обнаружили следующую закономерность:

чешский	deklinace, sklonovani
словацкий	deklinačia, sklonovanie
польский	deklinacja
серболужицкий	deklinacija, sklonjowanje
русский	склонение
украинский	вигінювання
белорусский	скланение
болгарский	склонение, деклинация
македонский	деклинација, именска промена
сербохорватский	деклинација, скланьяње
словенский	deklinacija, sklanjanje
английский	declension
французский	deklinaison
немецкий	Deklination

Преимущество терминов с префиксом *-De-*, который обозначает в русском языке «утрату чего-либо», позволяет нам использовать термин *declension* в значении «утрата» словоизменения. Несмотря на то что О.С. Ахманова дает определение несклоняемым именам как *indeclinable* [8, с. 267], мы, с учетом проведенного анализа их предикативных функций, придерживаемся того, что в обозначении их номинативных функций следует придерживаться термина *деклонационные*, а для обозначения их предикативных функций – *indeclinable*, соответственно несклоняемому члену предложения, который является синтаксическим эквивалентом несклоняемых частей речи, противопоставленным глагольным и склоняемым членам предложения [8, с. 518].

На фоне склонения, спряжения, которые являются основой внутрисловной категоризации и составляют ядерную зону русского словоизменения, существует еще один тип словоизменения – *деклонация*, то есть *отклонение от традиционного склонения*. Очевидно, что «отклонение» такого типа в русском языке, то есть «утрата» формальной парадигмы слова, поддерживается системными лакунами и восстанавливается при взаимодействии с другими языковыми единицами. Поэтому новый термин для обозначения несклоняемых существительных и способа их категоризации вне слова может обозначаться как *деклонация*, а сами они *деклонационными*. Этот термин может пополнить синонимический ряд, нейтрализуя некоторые спорные моменты в определении морфологической специфики несклоняемых существительных.

Библиографический список

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – 3-е изд., стереотип. – М. : КомКнига, 2005. – 576 с.
2. Валимова, Г. В. Синтагматика и парадигматика грамматических единиц в русском языке [Текст] / Г. В. Валимова // Межвузовский сборник научных трудов. – Ростов н/Д., 1981. – С. 3–13.
3. Ильф, И. А. Двенадцать стульев. Золотой теленок [Текст] / И. А. Ильф, Е. П. Петров. – М. : Экономика, 1982. – 632 с.
4. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление [Текст] / С. Д. Кацнельсон. – 2-е изд., стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 220 с. – (Лингвистическое наследие XX века).
5. Кнорина, Л. В. Функционирование слов с неполным набором морфологических показателей в современном русском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Кнорина. – М., 1978. – 19 с.
6. Лексические трудности русского языка [Текст] : словарь-справочник : ок. 13000 слов / А. А. Семенов, И. Л. Городецкая, М. А. Матюшина [и др.]. – М. : Русский язык, 1994. – 566 с.
7. Панов, М. В. Позиционная морфология русского языка [Текст] / М. В. Панов. – М. : Наука, 1999. – 275 с.
8. Словарь славянской лингвистической терминологии [Текст] : в 2 т. – ПРАНА : АСА-DEMIА, 1977. – 554 р.
9. Современный русский язык [Текст] : учеб. для вузов / под ред. Д. Э. Розенталя. – М. : Высшая школа, 1979. – С. 189.
10. Шанский, Н. М. В мире слов [Текст] : кн. для учителя / Н. М. Шанский. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1985. – 255 с.
11. Щерба, Л. В. Избранные работы по русскому языку [Текст] / Л. В. Щерба. – М., 1957. – С. 66.

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

С.А. Рисинзон

В статье проанализированы разные подходы к изучению речевого этикета (РЭ), дан краткий обзор наиболее важных направлений его исследования и сформулировано широкое понимание РЭ, которое соответствует разным конвенциям общения.

Various approaches to the study of linguistic politeness are analyzed in the article. A brief review of the most important directions of its study is given, and a broad understanding of linguistic politeness which corresponds to different conventions in the society is formulated

Ключевые слова: речевой этикет, конвенции общения, концепции РЭ, этикетные средства.

Key words: linguistic politeness, conventions of communication, approaches to politeness, linguistic means of politeness.

Лингвистическая теория речевого этикета (РЭ) тесно связана с такими важными вопросами не только коммуникации, но и общественной жизни, как коммуникативные нормы социального взаимодействия и сотрудничества, способы установления и сохранения хороших отношений собеседников, предотвращения и сглаживания конфликтов, средства эффективного воздействия на адресата, поэтому она не может не привлекать внимание ученых. «Чтобы жить в гармоничном обществе вы даёте и получаете и таким образом участвуете в поддержании необходимого равновесия в отношениях» [29, с. 83].

Изучение обширной научной литературы, насчитывающей сотни работ, показывает, что пока не выработано общепринятого подхода к РЭ, что обусловлено, во-первых, многоаспектностью этого явления, во-вторых, развитием лингвистики в целом и ряда наиболее «влиятельных» сегодня ее дисциплин: прагмалингвистики, теории речевых актов, антропоцентрической лингвистики, теории дискурса, жанроведения, теории коммуникации и других. Результаты их развития создали теоретическую базу для более широкого понимания РЭ. Для формирования концепции РЭ, определения функций и характеристик этикетных средств представляется важным рассмотреть эволюцию РЭ и его теории, сделать краткий обзор наиболее важных направлений его исследования.

Прежде нужно определить объект исследования. Основная трудность здесь заключается в использовании разных терминов в отечественной и зарубежной научной литературе: «речевой этикет» и «вербальная / лингвистическая вежливость» (“verbal / linguistic politeness”). Под этикетом (etiquette) в зарубежной литературе обычно понимаются хорошие манеры [28; 30]. Г. Хэлд, делая обзор научных работ, посвященных вежливости, отмечает, что обычно внимание ученых сосредоточено на определенных языковых структурах или речевых актах, выражающих отношение говорящего и являющихся языковыми индикаторами вежливости [24, р. 134–135]. Это дает нам основание рассматривать все, что относится в зарубежной лингвистике к вербальной вежливости, зоной речевого этикета. Тесная связь РЭ и лингвистически изучаемой вежливости делает необходимым таксономически соединить основные подходы к этим двум понятиям.

Речевой этикет как отражение нравственных ценностей. РЭ и этика имеют один корень, это значит, что этикет основан на этических ценностях и отражает правила поведения, определяемые нравственными качествами человека. Суть РЭ, по нашему мнению, состоит в следовании христианским заповедям и нравственным ценностям, сформированным в процессе развития европейской и русской культур. Они отражены в религиях разных народов, в том числе в христианской, а также в риториках Платона, Аристотеля, М.В. Ломоносова, Н.Ф. Кошанского и других. «Золотое правило» в «Нагорной проповеди», по которому нужно строить свою жизнь, относится и к общению: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Евангелие от Матфея). Платон считал основным критерием поведения, в том числе и в общении, благо для адресата: «<...> у всех действий цель одна – благо и все прочее должно делаться ради блага, благу следует подчинить все остальное» (Платон. «Горгий»). По мнению Платона, говорящему следует подчинить свое речевое поведение выполнению долга перед собеседником. Воздержанность в речи, которую, видимо, можно понимать как неконфликтность, а также долг и справедливость в речи – это основа хорошей дружбы и подлинного общения [12, с. 18]. Аристотель утверждал, что можно убеждать не только посредством речи, наполненной доказательствами, но еще и этическим способом, потому что мы верим оратору, если он кажется нам честным или благомыслящим человеком. К добродетелям он относил справедливость, благоразумие, великодушие, кротость, рассудительность, мудрость и другие качества. Для Аристотеля нравственный человек руководит разу-

мом, сопряженным с добродетелью: «Раз добродетель есть способность оказывать благодеяния, величайшими из добродетелей необходимо будут те, которые наиболее полезны для других» (Аристотель. «Риторика»).

В.И. Аннушкин пишет о том, что русские традиции культуры речевого поведения взяли из прошлого все самое лучшее, насыщенное богатством души и мыслей русского человека. Так, М.В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» относит к добродетелям мудрость, благочестие, чистоту, милость, благодарность, великодушие, терпение, праводушие, незлобие, простосердечие, искренность, постоянство, дружелюбие, послушание, скромность и др. В.И. Аннушкин отмечает, что в Древней Руси слов, подобных «красноречию», было множество – все они обозначали хорошие качества речи: благоречие, благоязычие, благословие, благобеседование, доброречие, добрословие, краснословие, красногласие, сладкогласие, златоустие, правдословие и т.д. Все эти слова обозначали дар благой и хорошей речи [2, с. 6]. Все эти нравственные истоки дают основание понимать под РЭ то, что говорящий делает во благо адресата.

Речевой этикет как выражение социальных конвенций. Этике общественных отношений соответствуют социокультурные конвенции общения. Коммуниканты следуют этим конвенциям, употребляя разнообразные этикетные средства. Многие из них кодифицированы в словарях и учебниках [1; 3; 19], регулярно используются в определенных коммуникативных ситуациях и воспринимаются носителями национальной речевой культуры как индексы этих ситуаций. Одна из основных функций единиц РЭ – регулирующая – связана с соблюдением говорящими социальных норм общения. Коммуникативные правила, регулирующие речевое и неречевое поведение собеседников, и социальные регламентации, запреты, циркулирующие в данном обществе, которым подчиняется поведение его членов, составляют основу понятия этикета [10, с. 53].

С развитием социальной жизни, возникновением вертикали статусно-ролевых отношений вышестоящий / нижестоящий и горизонтали «свой / чужой» вежливым этикетным действием становится то, которое отводит адресату роль не ниже, чем ему положено в соответствии с принятыми в данном обществе представлениями [5, с. 40; 18, с. 389]. Социально одобряемое речевое поведение, прежде всего в институциональной сфере, предполагает использование этикетных единиц, отражающих представления говорящих о распределении социальных ролей собеседников, их прав, привилегий и обязанностей, выражающих уважение, почтение к адресату речи в соответствии с его социальным положением [8; 15; 23 и др.]. Суть такого речевого поведения хорошо передана в определении Р. Уаттса: «социально и культурно обусловленное поведение, имеющее целью установление и поддержание равновесия в личных отношениях коммуникантов как представителей социальной группы в течение всего процесса речевого взаимодействия» [31, р. 69] (перевод мой – С. Р.).

Традиционно РЭ рассматривается как система принятых в обществе стандартизированных этикетных единиц, закрепленных за стереотипными ситуациями: «Приветствие», «Знакомство», «Прощание», «Извинение», «Благодарность» и др. (подробно описаны в [6; 16; 19 и др.]). Современные подходы к исследованию таких этикетных единиц имеют синкретический характер. Этикетные средства изучаются с прагмалингвистической, антропоцентрической, лингвокультурологической, психолингвистической и других позиций. Стереотипные единицы РЭ характерны для фатического общения, но РЭ проникает и в информативную речь.

РЭ как соответствие конвенции информативной речи. П. Грайс расширяет понимание РЭ и способов выражения вежливости. По его мнению, быть вежливым означает не только продемонстрировать уважение и почтение, но и сотрудничать с партнером по коммуникации. Он актуализирует новую конвенцию общения: участие собеседников в диалоге подразумевает их взаимодействие. Вступая в общение, коммуниканты знают, что их «коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель этого диалога» [7, с. 222–223].

Эта конвенция гармоничного взаимодействия собеседников названа П. Грайсом Принципом кооперации.

Принципу кооперации соответствуют четыре категории, реализуемые в конкретных постулатах общения, которые сформулированы таким образом, «будто целью речевого общения является максимально эффективная передача информации» [7, с. 223]. Это категории количества (*Твое высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется для выполнения текущих целей диалога*), качества (*Старайся, чтобы твое высказывание было истинным*), отношения – категория, известная по постулату релевантности (*Не отклоняйся от темы*) и способа (*Выражайся ясно*). Таким образом, в этих категориях сформулирован этикетно-риторический канон информативной речи, нарушение которого означало бы игнорирование интересов адресата.

РЭ как соответствие конвенции предотвращения конфликта. Постулаты Принципа кооперации находятся в отношениях взаимодополняемости с максимами Принципа вежливости, сформулированного Дж. Личем, поскольку нормы информативной речи могут корректироваться при необходимости поддержать социальное равновесие и отношения коммуникантов [27, р. 82]. В понимании Дж. Лича вежливость – это стратегия предотвращения конфликта, оцениваемая по степени приложения для этого говорящим дополнительных усилий. По мнению лингвиста, направленность речевого поведения участников диалога на сотрудничество, сохранение внимательного отношения друг к другу ценится наиболее высоко. Принцип вежливости составляют шесть максим: такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и симпатии.

Для шкалирования вежливости Дж. Лич использует параметры, измеряющие «степень такта, соответствующую ситуации общения»:

- ✓ затраты / выгоды – учитываются речевые усилия, которые должен приложить говорящий в интересах адресата;
- ✓ факультативность / обязательность – оценивается предоставление говорящим выбора адресату;
- ✓ косвенно / прямо – измеряется степень подразумеваемого [27].

Минимальные показатели первых членов этих оппозиций объясняют, почему некоторые высказывания не уместны в определенных ситуациях и создают угрозу хорошим отношениям собеседников. Позже Дж. Лич добавляет еще две шкалы: власти, которая показывает степень использования власти говорящим для навязывания своей воли слушателю, и размер социальной дистанции, которая отражает степень знакомства коммуникантов. Подробно описанные параметры первой шкалы – максимы общения – показывают, что в соответствии с Принципом вежливости ответственность за успешность и эффективность коммуникации, прежде всего, возложена на говорящего, ему следует максимально учитывать интересы адресата. Таким образом, риторически грамотные люди должны учитывать, что вежливое речевое поведение предполагает максимальные преимущества для слушателя.

РЭ как соответствие конвенции сохранения лица говорящего и адресата. Модель вежливого речевого поведения, описанная П. Браун и С. Левинсоном, основана на ключевых понятиях общественного лица индивида (*public face*) и стратегиях смягчения угрозы несохранения лица. И говорящий, и адресат заинтересованы в сохранении лица, но в общении им приходится выполнять речевые акты, представляющие угрозу лицу. Для смягчения таких речевых актов у говорящего есть набор речевых стратегий (тактик), выбор которых связан с ценностями, принятыми в речевой культуре говорящего. Желание поддержать собственный имидж (*self-image*), по мнению П. Браун и С. Левинсона, может быть идентично взаимному желанию коммуникантов показывать единение и одобрение или, напротив, не ограничивать свободу и независимость действий [22, р. 60]. В соответствии с величиной риска и культурными ценностями говорящий выбирает одну из 15 стратегий позитивной вежливости, более точно, по нашему мнению, названной Т.В. Лариной вежливостью сближения, или 10 стратегий негативной вежливости – вежливости отдаления [11]. Стратегии

сближения обеспечивают идентификацию собеседников как партнеров, объединенных общими интересами, а стратегии отдаления подчеркивают автономность и независимость говорящего и адресата [22, р. 101–210]. Таким образом, эти стратегии и конкретные тактики их реализации тоже входят в РЭ.

РЭ как соответствие разнообразным прагматическим конвенциям. Для многих знаков РЭ характерен синкретизм функций, в иерархическом соотношении которых этикетная роль высказывания может быть как доминирующей, так и вторичной [21, с. 196]. Приведенные выше концепции определяют понимание разных сторон такого многоаспектного и полифункционального явления, как РЭ. Стремясь преодолеть свойственную этим концепциям ограниченность предмета исследования, некоторые ученые отражают в понимании РЭ соблюдение не только социокультурных, но и других прагматических конвенций, например конвенций типа дискурса, жанра и т.д. [4; 9; 14; 17; 20; 26; 31 и др.]. Оптимальное речевое взаимодействие требует от собеседников соблюдения как формальной, так и «неформальной» вежливости (*civility and courtesy*) [20; 25], выраженной стандартизированными, часто рутинными этикетными единицами и менее стереотипными этикетными средствами, демонстрирующими позитивное отношение к адресату. Оно предполагает взаимный обмен дополнительными усилиями для установления и поддержания хороших отношений собеседников (*relational work*), создания атмосферы коммуникативного комфорта, для взаимопонимания [29, р. 82; 32, р. 18]. Это характерно для широкого понимания РЭ как:

✓ выработанных обществом правил и норм речевого поведения, помогающих избежать конфликтов в общении, способствующих гармонизации речевого взаимодействия коммуникантов для достижения эффективности в решении коммуникативных задач [9, с. 165];

✓ выполняющего функцию обеспечения внимательного отношения к адресату, социальной гармонии и предотвращения потенциального конфликта [26, р. 208].

В этих определениях РЭ соответствует социальной норме, но он шире этой нормы, норма + (*surplus* [31, р. 50]), он удовлетворяет потребности адресата в соответствии с его социальной ролью и его ожиданиями, для него характерна положительная тональность общения, он предназначен для предотвращения и сглаживания речевых конфликтов, следовательно, он помогает (вместе с невербальными средствами) сделать общение гармоничным и эффективным и, главное, он направлен на улучшение отношений коммуникантов. Эти общие положения и составили наше понимание РЭ, которое значительно шире, чем традиционное, но оно опирается на достижения как отечественной, так и зарубежной лингвистики: РЭ – это реализация конвенций речевого поведения, в соответствии с которыми говорящий, учитывая статусно-ролевые и межличностные отношения, коммуникативную цель и другие прагматические факторы, не только в фатической части своей речи, но и в информативной, выполняет разные речевые действия в пользу адресата, стремясь достичь компромисса и избежать конфликтов в общении. При таком подходе к РЭ этикетными можно считать средства, выполняющие и вторичные этикетные функции, например, помогающие адресату правильно воспринимать структуру дискурса, выделять в нем какую-либо информацию, отношение к нему говорящего и т.д. РЭ основан на этических ценностях, и многие его средства используются в соответствии с гиперстратегией вежливости в общении.

Библиографический список

1. Акиншина, А. А. Русский речевой этикет [Текст] / А. А. Акиншина, Н. И. Формановская. – М. : Русский язык, 1975. – 183 с.
2. Аннушкин, В. И. История русской риторики [Текст] : учеб. пос. для студ. гум. фак. вузов / В. И. Аннушкин. – М. : Изд. центр «Академия», 1998. – 412 с.
3. Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета [Текст] / А. Г. Балакай. – М., 2001. – 672 с.
4. Гольдин, В. Е. Обращение: теоретические проблемы [Текст] / В. Е. Гольдин. – Саратов : Изд. Саратов. ун-та, 1987. – 129 с.
5. Гольдин, В. Е. Речь и этикет [Текст] / В. Е. Гольдин. – М. : Просвещение, 1983. – 109 с.

6. Гольдин, В. Е. Этикет и речь [Текст] / В. Е. Гольдин. – Саратов : Изд. Саратов. ун-та, 1978. – 120 с.
7. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение [Текст] / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 217–237.
8. Карасик, В. И. Язык социального статуса [Текст] / В. И. Карасик. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
9. Кормилицына, М. А. Чтобы Вас принимали: культура русской речи и речевая культура человека [Текст] / М. А. Кормилицына. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – С. 165–184.
10. Крейдлин, Г. Е. Невербальный этикет: невербальные приветствия и прощания [Текст] / Г. Е. Крейдлин // Московский лингвистический журнал. – 2003. – Т. 7/2. – С. 53–66.
11. Ларина, Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах [Текст] / Т. В. Ларина. – М., 2003. – 314 с.
12. Михальская, А. К. Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике [Текст] / А. К. Михальская. – М. : Академия, 1996. – 192 с.
13. Рисинзон, С. А. Речевые тактики с вторичными этикетными функциями в русских и английских ток-шоу [Текст] / С. А. Рисинзон // Известия Саратовского университета. – 2009. – Вып. 3. – Т. 9. – С. 48–53. – (Социология. Политология).
14. Рисинзон, С. А. Этикетная рамка русских и английских ток-шоу [Текст] / С. А. Рисинзон // Вестник РУДН (Вопросы образования. Языки и специальность). – 2008. – № 4. – С. 92–96.
15. Стернин, И. А. Коммуникативное поведение и национальная культура [Текст] / И. А. Стернин // Дискурс: Новое в лингвистике. Вестник ВГУ. – Воронеж, 1996. – № 2. – С. 45–64. – (Сер. 1: Гуманитарные науки).
16. Ступин, Л. П. Современный английский речевой этикет [Текст] / Л. П. Ступин, К. С. Игнатьев. – Л. : ЛГУ, 1980. – 143 с.
17. Тырникова, Н. Г. Общее и специфически национальное в речевом этикете [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Г. Тырникова. – Саратов, 2003. – 23 с.
18. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика [Текст] / Н. И. Формановская. – М., 2007. – 480 с.
19. Формановская, Н. И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный аспект [Текст] / Н. И. Формановская. – М. : Русский язык, 2002. – 160 с.
20. Шамьенова, Г. Р. Принцип вежливости как особая коммуникативно-прагматическая категория в русском речевом общении [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Р. Шамьенова. – Саратов, 2000. – 24 с.
21. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика [Текст] / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С. 193–230.
22. Brown, P. Politeness: Some Universals in Language Usage [Text] / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987. – 345 p.
23. Goffman, E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience [Text] / E. Goffman. – Cambridge : Harvard Univ. Press, 1974. – 586 p.
24. Held, G. Politeness in linguistic research // Politeness in Language: studies in its History, Theory and Practice [Text] / G. Held. – Eterlin – New York : Mouton de Gruyter, 2005. – P. 131–154.
25. Holmes, J. Women, Men and Politeness [Text] / J. Holmes. – New York : Longman, 1995. – 254 p.
26. Kasper, G. Linguistic Politeness: Current Research Issues [Text] / G. Kasper // Journal of Pragmatics 14. – 1990. – № 2. – P. 193–218.
27. Leech, G. N. Principles of Pragmatics [Text] / G. N. Leech. – London : Longman, 1983. – 250 p.
28. Post, E. Etiquette. The Blue Book of Social Usage [Text] / E. Post. – New York : Funk and Wagnalls, 1950. – 656 p.
29. Sifianou, M. Politeness Phenomena in England and Greece: A Cross-cultural Perspective [Text] / M. Sifianou. – Oxford : Clarendon Press, 1992. – 254 p.
30. Vanderbilt, A. Etiquette [Text] / A. Vanderbilt. – N.Y. : Book Publisher : Garden City, 1972. – 929 p.
31. Watts, R. J. Linguistic politeness and political verbal behaviour: reconsidering claims for universality [Text] / R. J. Watts // Politeness in Language: Studies in its History, Theory and Practice. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1992. – P. 43–69.
32. Watts, R. J. Politeness [Text] / R. J. Watts. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. – 304 p.

**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
УПОТРЕБЛЕНИЯ АББРЕВИАТУР-ИННОВАЦИЙ
В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

М.И. Тибилова

В статье отмечена роль аббревиатур в художественной литературе, выявлены особенности их функционирования. Рассмотрено, как проявляется компрессивная, экспрессивная, характерологическая и стилистическая функции аббревиатур, из чего следует, что в современных художественных произведениях функциональная значимость сокращений увеличивается.

The article deals with the role of abbreviations in fiction and the peculiarities of functioning of abbreviations. It considers how compressive, expressive and stylistic functions of abbreviations are displayed and results from this that functional significance of abbreviations increases in modern fiction.

Ключевые слова: лексические инновации, аббревиатуры, лингвопрагматика, компрессивная, экспрессивная, характерологическая и стилистическая функции, языковая игра.

Key words: lexical innovations, abbreviations, lingvopragmatics, language play, compressive, expressive and stylistic functions.

Лингвистическая прагматика – одно из направлений развития современного языковедения. Центральной категорией прагматики является категория субъекта. Лингвопрагматический подход предполагает исследование отношения знаков и человека, который их интерпретирует, что восходит к идеям В. Гумбольдта, рассматривающего язык как зеркало культуры, отражающее миропредставления.

Прагматика тесно связана с функциональным направлением в языкознании, так как выполненные в этом русле исследования языка позволяют глубже постичь специфику последнего в его реальном употреблении. Центральной категорией функциональной лингвистики является категория значения: поведение и взаимодействие слов в тексте, разные смыслы языкового значения – объекты современной семантики. В связи с этим в монографии «Язык социального статуса» В.И. Карасик характеризует прагмалингвистику как последовательное развитие содержательной лингвистики, то есть лингвистики, обращенной к значению [4, с. 78].

Ю.Д. Апресян считает, что к прагматике относятся разные явления, от экспрессивных элементов значения, коннотаций и т.п. до модальных компонентов значения. Все эти признаки обладают одним общим свойством – характеризуют отношение говорящего или адресата сообщения к действительности, описываемой знаками [1, с. 45].

Человек осуществляет прагматически ориентированную деятельность, используя при этом разнообразные языковые средства, в том числе лексические инновации.

Высокие темпы образования новых слов в современном русском языке объясняются неограниченными возможностями их прагматического потенциала: «В неологии важен учет когнитивно прагматического аспекта новых слов и значений, ибо существует устойчивая объективная связь между прагматикой и активными процессами номинации; под прагматикой при этом понимаются условия употребления новых слов и эффекта их воздействия на участников коммуникации» [5, с. 39].

Обогащение лексики не обходится без художников слова – поэтов и прозаиков, которые, испытывая «муки слова», приходят к словотворчеству. Последнее имеет несомненную прагматическую направленность – стремление произвести на адресата сильное впечатление и передать свое эмоциональное состояние.

Основной причиной обращения к словотворчеству является стремление к новизне выражения, к свежему, неожиданному словесному образу.

В языке современной художественной литературы конца XX – начала XXI столетий происходят процессы, которые свойственны современному русскому языку в целом: рост личностного начала (словообразование имеет ярко выраженный антропоцентрический характер: значительное место среди новообразований занимают имена лиц; в качестве базовых основ также активно используются имена лиц), усиление роли оце-

ночных и количественных значений, активное перемещение в центральные сферы коммуникации периферийных явлений (сниженной лексики разного рода – разговорной, просторечной, жаргонной) [2, с. 84].

В.Г. Костомаров в книге «Языковой вкус эпохи» отмечает: «Сегодня значительно усилился процесс, отмеченный исследователями применительно к прозе 40–50-х годов»; «В современную художественную литературу мощным потоком влилась... на правах основного выразительного средства снижено-разговорная стилистическая струя, бытовая скороговорка, сдобренная иронией или скепсисом, словоупотребление, свойственное молодежному жаргону... В сегодняшней художественной литературе привычные пропорции диалектных, жаргонных, просторечных и иных внелитературных слов, ярких выражений эмоционального отношения выросли еще резче, даже в собственно-авторском повествовании» [6, с. 72].

Интересно проследить, какую роль играют в указанных процессах аббревиатуры, каковы особенности их функционирования в художественном произведении, как они вплетаются в канву текста, как проявляется их экспрессивная и стилистическая функции, ведь художественное произведение – это особый мир со своими законами, в нем возможности для словотворчества безграничны и многое зависит от самого автора.

Использование аббревиатур в художественной литературе имеет определенные традиции.

Так, в литературе 1920-х гг. одним из распространенных приемов была концентрация аббревиатур на небольшом пространстве текста. Таковы обозначения разнобразных учреждений: «...всех от восемнадцати до пятидесяти явно ждало сегодня что-то необычное во всевозможных УЕПО, УЕКО, УОНО» (Замятин. «Икс»).

Один из объектов внимания литературы 1920-х гг. – язык вывесок. В повести М. Булгакова «Собачье сердце» пес Шарик, умеющий читать вывески, превращаясь в человека, произносит «Абыр-валг». Профессор Преображенский расшифровывает: «Главрыба».

Сложносокращенные слова использовал в своих произведениях и А.И. Солженицын. В частности, в книге «Архипелаг Гулаг» писатель указывает, что в 1930-е гг. создается беспрецедентная система так называемых «литерных» статей уголовного обвинения: *ПШ* – подозрение в шпионаже, *НШ* – недоказанный шпионаж, *КРМ* – контрреволюционное мышление, *ТН* – террористические намерения, *ВАС* – вынашивание антисоветских настроений, *ЧСИР* – член семьи изменника Родины. Таким образом, несколько бесчувственных букв «решали» судьбу человека.

Современная художественная литература отражает реалии сегодняшнего дня, в котором нет такой резкой сатирической и политической направленности в использовании теми ли иными авторами аббревиатурных образований. Нет в их употреблении и прежней политической подоплеки. В связи с этим более частотное шутовское обыгрывание аббревиатур, использование их со специальным стилистическим заданием комического эффекта: *НИИЧАВО* (Научно-Исследовательский институт Чародейства и Волшебства). Ср. любопытные множественные толкования, приведенные в тексте повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» в связи с дешифровкой данной аббревиатуры «обычным» носителям языка: «*НИИЧАВО*, – подумал я. – Научно-Исследовательский институт... Чаво? В смысле – чего? Чрезвычайно Автоматизированной Вооруженной Охраны? Черных ассоциаций Восточной Океании?»

Установка на каламбур также осуществляется с помощью аббревиатур. Например, в сборнике сказочных повестей В. Шефнера «Дядя с большой буквы, или Великая пауза» (1998) главный герой одной из повестей дает прозвище своей теще «*ТТ*», что расшифровывает как «типичная теща». По аналогии с известной аббревиатурой-омонимом *ТТ* (маркировка пистолета «Тула, Токарев»), придуманная аббревиатура приобретает шуточный оттенок.

Аббревиатура, использованная Д. Донцовой в книге «Скелет из пробирки» (2002), – «Обманбанк»: – Как, вы сказали, называется учреждение?, – удивилась я. – Обманбанк? – Ну да, – пояснил строитель. – Объединенный московский аналитический банк, а что?

Таким образом, аббревиатуры становятся одним из достаточно популярных тексто- и стилообразующих элементов некоторых жанров литературы, это чаще детективы, фэнтэзи, мистика.

Обычно сокращения не требуют расшифровки; таковы, например аббревиатуры *МВД, ФСБ, ОМОН, КГБ* и другие:

✓ *Владимир Костин – ответственный сотрудник МВД (Донцова. «Золушка в шоколаде»);*

✓ *Едва удивился, иномарка тормозит, из нее тетка вываливается и пряمه-хонько в лесок, туда, где ОМОН и мои парни (Донцова. «Золушка в шоколаде»);*

✓ *Странно все это. Может быть, они и пауки – из одного лагеря. Какие-нибудь спецвойска ФСБ (Головачев. «Бич времен»);*

✓ *Иногда мне кажется, что сотрудники ГИБДД специально развеивают всякие железки с изображением перечеркнутых стрелок в таких местах, где просто нельзя соблюдать правила (Донцова. «Ангел на метле»);*

✓ *Человек в пестрой косынке, похожий на корреспондента «Аль Джазиры», куда-то делся с БТР (Устинова. «Богиня Прайм-Тайма»).*

Однако использование аббревиатуры без расшифровки во многих случаях затрудняет понимание текста. Например:

✓ *Ребята имели снайперский бесшумный комплекс «ВВС», известный под названием «винторез», у Володи два пистолета с тремя рожками патронов, «Макаров» у Гаспаряна и бесшумный «ПСС» у самого Одинцова... Отыскались и рюкзакيرانцы с НЗ, аптечкой, флягами с водой и кое-каким сменным бельем (Головачев. «ВВГ, или Власть времен Гармонии»);*

✓ – *А потом?*

✓ – *Потом видно будет. Ты кому-нибудь, кроме меня, показывал синхрон?*

✓ – *Приятелю-физику из ФЦИНЯП, Косте Зеленскому.*

✓ *Николай нахмурился (Головачев. «Бич времен»);*

✓ *В вагончике его ждала компания: комментатор радио и телевидения Гибелев, ведущая программы «Время» Вероника Ткаченко, журналисты из Москвы, корреспонденты ТАР и АПН – две девушки и худенький парень в очках, одетый в костюме из коричневого вельвета (Головачев. «Бич времен»);*

✓ *Я вам такую же зенитку привез, – вспомнив, сказал Саша и вынул из сумки дискету. – Там еще два ПТУРСа на башню (Пелевин. «Принц Госплана»).*

Чтобы избежать указанного коммуникативного неудобства, в текстах употребляется словосочетание, из которого в дальнейшем автор образует аббревиатуру:

✓ *Функции этот передвижной вычислительный центр выполнял аналогичные кустовому ВЦ (Головачев. «Бич времен»);*

✓ *Баба Яга всегда против... Не хочешь – не ходи, мы сходим вдвоем с Ромой. Лично мне нравится Дом актера, но, поскольку меня там знали и могут вспомнить, – видишь, какой я осторожный? – пойдём в другой. Ресторан Центрального дома литераторов тебе подойдет? Тихо, уютно, спокойно...*

Недавно отреставрированный дубовый зал ресторана ЦДЛ и в самом деле был уютен и достаточно тих, несмотря на то что ни одного свободного места не было (Головачев. «Посланник»).

В большинстве случаев аббревиатуры в тексте расшифровываются самим автором:

✓ *Я же говорю: инк охраны периметра, скорее всего, поврежден. Эсперы теперь реагируют на любые цели.*

✓ *Почему вы назвали их эсперами? – перевел разговор в другое русло Иванушка.*

✓ *Название они получили от СПР – аббревиатуры слов «сторожевые перехват-роботы». Сначала их называли «сторожевыми псами», затем прижилось название «эсперы» (Головачев. «Бич времен»);*

✓ *Пространственный рейдер «Зоркий» под командованием молодого амбициозного драйвер-примы, Гонзалеса да Сильвы, патрулируя окраину звездного Рукава Стрельца в радиусе тридцати тысяч световых лет от Солнца, услышал слабый сиг-*

нал, который не удалось расшифровать инку (интеллект-компьютеру) рейдера (Головачев. «Кладбище джинов»);

✓ Чай приносили из расположенной на территории парка Горького конторы со странным названием «ГКЧП»... Когда Степа спросил, что все это значит, ему объяснили, что сокращение расшифровывается как «Городской клуб чайных переман» (Пелевин. «Числа»).

В разных произведениях две одинаковые по написанию аббревиатуры могут расшифровываться по-разному, то есть являться полными омонимами:

ЧК – черные командос и чрезвычайная комиссия:

✓ С копытами?! – Такэда побледнел, несмотря на всю свою выдержку. Сухов никогда прежде не видел, чтобы инженер так открыто проявлял свои чувства.

✓ Аматаэрасу! Это был отряд СС! А может быть, и ЧК!

Никита невольно засмеялся, закашлялся.

✓ Эсэсовцы ходили в мундирах, а чекисты – в кожаных куртках, а не в современных десанткостюмах.

✓ Я и не говорю, что это ЧК времен революции. ЧК – значит «черные командос». А СС – «Свита Сатаны» (Головачев. «Посланник»).

Ср.:

Направьте туда ЧК, – хладнокровно посоветовал Голубев.

✓ ЧК? – взглядом выразил недоумение Павлов.

✓ Мы с Сергеем Борисовичем говорим о создании чрезвычайной карательной комиссии, – пояснил Георгий Георгиевич (Головачев. «Гарантирую жизнь»).

В последнее время в художественной литературе стали появляться аббревиатуры в составе производных слов. Подобные примеры многочисленны в произведениях В. Головачева:

✓ Я был в бункире независимой аппаратуры под зданием лаборатории. Бункер имеет отдельный выход, но сейчас он разрушен. Вы по образованию, простите, кто?

✓ БИС-мастер (Головачев. «Бич времени»).

✓ Не поверите. – Полуянов опустил бинокль. – Они, вероятно, наткнулись на штабель МК-батарей и прихватили с собой одну обойму (Головачев. «Бич времени»);

✓ Подключите системный ДП-отдел (Головачев. «ВВГ, или Власть времен гармонии»);

✓ Я сегодня уезжаю на Байкал вместе с БР-группой (Головачев. «ВВГ, или Власть времен гармонии»);

✓ Мы получили предварительные данные для составления УФО-карт по своей территории (Головачев. «Утечка информации»);

✓ Березин замедлил шаг, сворачивая на проспект Вернадского. Вспомнилось, что Ивлев обещал новую разработку – излучатель. Как он там говорил? Излучатель СВЧ-пакета...; Это же Максимова область – квантовая электроника. Ивлев его потому и вытянул из Томского института сильноточной электроники, где он работал по распределению над созданием СВЧ-диапазона (Головачев. «Утечка информации»);

✓ По лицам вижу, что вам не терпится узнать – что, зачем и откуда? Итак, первое – что. Максиму сия область ближе, он уже работал с СВЧ-приборами (Головачев. «Утечка информации»).

В произведениях Д. Донцовой представлены словообразовательные гнезда иноязычных аббревиатур: Мне нужно обмозговать ситуацию. Значит, так! Запиши еще один номер, это секретный мобильный, звонить на него нельзя, или только SMS. Я соединюсь с тобой, но зря их не посылай, это SOS! Сообразил?

Потеряв окончательно терпение, я быстро написал SMS-сообщение.

Особенно продуктивна аббревиатура VIP:

✓ Егор замыслил привести план в исполнение в ночь своего дежурства, подсыпав снотворное в чай врачу из VIP-домика (Донцова. «Золушка в шоколаде»);

✓ Поздравляем старейшего сотрудника «Громвест», начальника отдела работы с VIP-клиентами Федора Максимовича Приходько с рождением внука (Донцова. «Тушканчик в бигудях»);

✓ Родиться у правильных предков, раскрутить их на шикарную тачку, шмотки и золотую кредитку, тусоваться здесь каждый день, приводить приятелей, вот тогда Джонни VIP-карту даст (Донцова. «Тушканчик в бигудях»);

✓ Хорошо, теперь про Стелу. Она обслуживала VIP-комнаты? (Донцова. «Тушканчик в бигудях»);

✓ Рассказывай все про VIP-номера и их посетителей, – потребовала я (Донцова. «Тушканчик в бигудях»);

✓ Нет, Лидя заходила в просторную кабинку с зеркалами, а рядом, в VIP-гостиной, ее ждали чай, конфеты и услужливая продавица (Донцова. «Тушканчик в бигудях»);

✓ Салон, который я посещаю, пользуется популярностью у знаменитых людей; не всякий захочет краситься и стричься на глазах у простой публики, поэтому на минус первом этаже здесь есть VIP-кабинеты (Донцова. «Темное прошлое Конька-Горбунка»).

Отметим, что в романе В. Головачева «Абсолютный игрок» употребляется аббревиатура *ОВП* (первые буквы от русского перевода аббревиатуры *VIP* – особо важная персона), которая также образует производные: *Дом Миллиха располагался в ОВП-зоне – зоне Центрального Нома Геи, где жили чиновники Правительства и администрации Верховного Владыки. Миллих оцупал весь коттедж и ОВП-зону сферой сверхчувствительного восприятия, ничего подозрительного не заметил* (Головачев. «Абсолютный игрок»).

Аббревиатура может занимать в тексте сильную позицию – выступать в роли названия художественного произведения или части этого названия.

Так, например, только прочитав произведение Виктора Пелевина «Спи», мы узнаем, что *СПИ* – это аббревиатура, образованная на базе сложного слова «*СОЮЗплодоимпорт*»: *Никита уставился на бутылку. Этикетка была такой же, как и на «Особой московской» внутреннего разлива, только надпись была сделана латинскими буквами, из белого поля глядела похожая на глаз эмблема «СОЮЗплодоимпорта» – стилизованный земной шарик с крупными буквами «СПИ».*

Одно из последних произведений Виктора Пелевина в своем названии содержит аббревиатуру *ДПП (NN)* – «ДПП (NN). Диалектика Переходного периода из Ниоткуда в никуда: Избранные произведения». Здесь расшифровка аббревиатуры дается в самом названии, как и в произведении Василия Головачева «ВВГ, или Власть времен Гармонии».

Большинство секретных государственных служб, административных учреждений, официальных документов известны обывателю именно под аббревиатурными названиями, то есть сама аббревиатура – уже символ некой таинственности и бюрократизма. Писатели, изображая такие службы в своих произведениях, справедливо показывают, что порою за бронированными дверцами сейфов хранятся от посторонних глаз вовсе не государственные секреты.

По мнению А. Кабанова, описывая подобные организации, нужно называть их не иначе как аббревиатурой [3, с. 74]. Вот и появляется, например, аббревиатура *ТПРУНЯ* (Тройка по рационализации и утилизации в сказке о «Тройке» братьев Стругацких). Таким образом, одна из специфических функций аббревиатуры – быть «пародией» на номинации в тех или иных сферах человеческой жизнедеятельности.

Аббревиатуры можно использовать и как художественный прием.

Обыгрывание аббревиатур в языке художественной литературы обусловлено спецификой данного вида текста. При этом возможности языковой игры безграничны и зависят от потенциала автора-творца. Примеры языковой игры в современном художественном тексте в большинстве случаев окказиональны, поскольку обычно обыгрываются частные житейские ситуации, а не глобальные социальные процессы:

✓ Прости, я понимаю, твое горе безгранично, но люди не встанут из гроба.

✓ Видела надпись: «Гу любит Фо, помоги?»

✓ Да, конечно.

✓ Эти два слога – детские прозвища, о них не знает никто, кроме нас с дочкой.

«Фо» – сокращение от «фонарик», – монотонно продолжила Ия. – В детстве я прочитала Зое сказку про гусеницу, которая с фонариком искала друзей. История так понравилась девочке, что мы с ней стали разыгрывать действие по ролям. Ясное дело, дочка была гусеницей, а я всеми остальными. Ну а потом как-то прилипло: Зоя стала называться «Гу», а я «Фо». Мы эсэмэски так друг другу подписывали. Это она написала! Фо – обращение ко мне, понимаешь? (Донцова. «Золушка в шоколаде»);

✓ Кстати, о том, что ты называешь УЗИ, – оживился Федор. – Делает диагностику умная машина, назову ее понятным тебе словом «компьютер». Так вот, внизу, на краю, обычно пропечатываются имя, фамилия больного и дата исследования. А что у нас?

✓ Числа нет, – удивилась я.

✓ А паспортные данные?

✓ Отсутствуют.

✓ Отлично! Куда они подевались?

✓ Их забыли внести! – предположила я.

✓ А вот это маловероятно, захихикал Федя. – Комп, он железный, выполняет запрошенную в него программу, поэтому он внимательный (Донцова. «Золушка в шоколаде»);

✓ Лолита? – переспросил я. – Это от “Lol”?

✓ Не понял, – сказал незнакомец.

✓ “Laughed out loud”, – пояснил я. – Термин из сети. По-русски будет «ржу не могу» или «пацталом». Получается Лолита – это девочка, которой очень весело (Пелевин. «Ампир V»);

В целях выразительности происходит столкновение общеупотребительного слова и звуковой аббревиатуры, в результате чего общеупотребительное слово получает расшифровку, не связанную со словарным толкованием:

✓ Вот-вот, Милон был их покровителем и заказчиком. Теперь же им на смену появилась другая секта – БРАТСТВО ЕДИНОЙ СВОБОДЫ.

✓ БЕС. Да, я знаю об этом. Может быть, вы правы, и нам еще придется обратиться к этому БЕСу особое внимание (Головачев. «Гарантирую жизнь»);

На стене висели два листка пласт-папира. На первом красовалась надпись: «Прежде чем сделать – подумай!», на втором – «Пункт номер 13 Инструкции УАСС, именуемый в просторечье “СРАМ” – “Сведение риска к абсолютному минимуму”» (Головачев. «Владыки»);

✓ Дела что надо. Он недавно сконструировал МУКУ. Это светлое дерзание технической мысли.

✓ А что это за МУКА?

✓ Это Механический универсальный консервооткрывающий агрегат – вот что это! (Шефнер. «Скромный гений»).

Ср. также: КАПИТАН (Кибернетический антиаварийный первоклассно интеллектуализированный точный агрегат навигации), ПАВЛИН (Продавец-автомат, вежливый, легкоподвижный, интеллектуальный), ПИТОН (Подземный исследователь-техник, обнаруживающий неполадки) (Шефнер. «Девушка у обрыва»), ФЭМИДА (Финансово электронный многооперационный идеально действующий аппарат), ЭЗОП (электронный заместитель организатора производства).

Используя аббревиатуру как художественный прием, В. Пелевин вводит «говорящую» фамилию – ПХАДЗЕР (партийно-хозяйственный актив Дзержинского района). Автор негативно оценивает увлечение людей искусственно создавать неблагозвучные «идейные» имена.

Обращение автора к экспрессивным средствам повышает возможность достижения прагматической цели. В процессе коммуникации экспрессивный план текста служит достижению прагматических задач речевого сообщения.

Создание аббревиатуры может быть обусловлено ее особой ролью для выражения главной идеи автора. Так, в романе В. Войновича «Монументальная пропаганда» ключевое понятие передается сочетанием «Единственно Правильное Научное Мировоззрение» (автор использует только заглавные буквы). Ср. также: Оба, каждый по-

своему, использовали Единственно Правильное Научное Мировоззрение, которое наш Адмирал обозначал аббревиатурой ЕПНМ, а произносил как японское ЕПЭНЭМЭ.

Так вот, наш адмирал, будучи человеком обширных знаний и совершенно независимых суждений, всегда имел на все оригинальную точку зрения, к учению ЕПЭНЭМЭ относился без уважения еще в те времена, когда мало кто до этого решался додуматься.

Я стал думать, почему, это Епэнэмэ считается единственно правильным и научным и почему ради грядущего блага народа надо было столько этого же народа убивать, топить, травить, морить голодом и вымораживать? И не лучше ли придумать какое-нибудь Единственное Неправильное Епэнэмэ, но к людям милосерднее? (Войнович. «Монументальная пропаганда»).

В подобных случаях аббревиатура может быть удачной иллюстрацией к тексту произведения. Например, в повести В. Шефнера «Девушка у обрыва» Матвей Ковригин собирает Словарь Отмерших Слов, Употреблявшихся Древними, то есть СОСУД: Матвей находит эти слова повсюду, где только можно, и заносит в свою записную книжку. Очевидна аналогия: книжка-копилка-сосуд – СОСУД (Шефнер. «Девушка у обрыва»).

С целью усиления интенсивности проявления сущности кого-чего-либо используется «нанизывание» аббревиатурных номинаций: И так как издательство силами людей не может справиться с наплывом рукописей, то оно вынуждено прибегать к помощи БАРСов (Беспристрастных агрегатов, рецензирующих стихи), МОПСов (Механизмов, отвергающих плохие стихи), ВОЛКов (Всесторонне образованных литературных консультантов), ТАНКов (Тактичных агрегатов нелицеприятной критики) и прочих вспомогательных агрегатов (Шефнер. «Девушка у обрыва»).

Прагматика текста проявляется не только в том, что он воздействует на адресата, но и в том, что текст содержит скрытую информацию о его авторе и сфере коммуникации.

Наблюдения над аббревиатурами-инновациями в языке художественной литературы приводят к следующему выводу: им свойственно выполнение в тексте компрессивной, экспрессивной и характерологической функций. Первая функция выражается в сокращении имеющихся в языке единиц или в употреблении уже готовых аббревиатур вместо описательных выражений. Вторая проявляется в использовании приемов языковой игры. Что касается характерологической функции, то в этом случае можно говорить об аббревиатурах как средствах характеристики и фоновых явлений. Таким образом, в современных художественных произведениях функциональность сокращений увеличивается.

Библиографический список

1. Апресян, Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) [Текст] / Ю. Д. Апресян // Русский язык. Проблема грамматической семантики и оценочные факторы в языке. – М. : Наука, 1992. – С. 45–64.
2. Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста: Основы теории, принципы и аспекты анализа : учеб. для вузов [Текст] / Л. Г. Бабенко. – М. : Академический проект, 2004. – 464 с.
3. Кабанов, А. Аббревиатура // Кольца дракона [Текст] / А. Кабанов. – М. : Народное образование, 2001. – С. 36–37.
4. Карасик, В. И. Язык социального статуса [Текст] / В. И. Карасик. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1992. – 330 с.
5. Касьянова, Л. Ю. Коннотативно-прагматическое содержание неологизма [Текст] / Л. Ю. Касьянова // РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007. – № 7. – С. 36–49.
6. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи [Текст] / В. Г. Костомаров. – М. : Педагогика-пресс, 1999. – 320 с.

ИМПЕРСКИЙ МИФ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Л.Ф. Хабибуллина

В статье рассматривается вопрос становления представления о национальном в английской литературе и культуре. В литературе этот этап связан с созданием мифа о правителе, который является составляющей имперского мифа. Мифология королевской власти складывается в рамках исторического нарратива, который формируется сначала в историографической, а затем и в художественной литературе.

The article discusses the formation of ideas about national in English literature and culture. In the literature, this stage involves the creation of the myth of the ruler, which is part of the imperial myth. The mythology of the royal government is formed as part of the historical narrative, which is formed at first in the historiographical literature and then in fiction.

Ключевые слова: имперский миф, исторический нарратив, национальный миф, образ правителя.

Key words: imperial myth, the historical narrative, the national myth, the image of the ruler.

Становление национальной идентичности в Англии непосредственно связывается с процессом формирования национального государства, который начинается в XVII–XVIII вв. в Англии и Голландии и постепенно, в результате наполеоновских войн, распространяется на всю территорию Европы. Однако ее элементы начинают складываться еще в предыдущий период, совпадающий с имперским этапом в развитии многих европейских государств. Взаимодействие имперского и национального происходит в рамках имперского мифа, становящегося культурно-идеологической репрезентацией имперской стратегии. В частности, мифологизация власти происходит и через создание личных мифов английских королей, прежде всего, через их соотнесение с римскими правителями.

Как отмечает большинство исследователей, национальные проблемы актуализируются в художественной литературе Британии в елизаветинскую эпоху. Перед художественной литературой ставится задача создания мифа о королеве как о носительнице высших государственных добродетелей. На содержание этого мифа указывает Френсис Йейтс: «протестантский в основе взгляд на королеву как на представительницу очищенной реформированной церкви, избавившейся от пороков католицизма, дополнялся аурой артуровской рыцарской чистоты и британской императорской власти, "британской" в том легендарном и романтическом смысле, какой это слово имело для елизаветинцев» [8, р. 67]. Начало этому положил Э. Спенсер, прославивший королеву в своем произведении «Королева фей».

До этого периода в художественной литературе Средневековья национальная и историческая проблематика не находят последовательного выражения. В XIV в. в творчестве Уильяма Ленгланда (ок. 1330 – ок. 1400), Джеффри Чосера (1340–1400), народной балладе происходит осмысление, прежде всего, социального состава английского общества. Исторические события (война с Францией, крестьянские восстания) не находят прямого отражения в тогдашней литературе. Межнациональные конфликты отражаются в ряде народных баллад. Так, баллады «Битва при Оттерберне», «Битва при Дархеме» посвящены столкновениям англичан и шотландцев в 1388 и 1346 гг. Таким образом, можно говорить лишь о фрагментарных обращениях к национальной теме в этот период. Эта тема не имела самостоятельной значимости и возникла в литературе только в связи с социальными и историческими вопросами.

В XV в. главным событием такого рода становится уже упоминавшаяся поэма Мэ-лори «Смерть Артура». Создание этой поэмы приходится на начало тюдоровской эпохи, и многие принципы создания мифа об идеальном правителе проявляются уже здесь. Легитимизация королевских амбиций Артура происходит через право рождения, способность Артура добыть заколдованный меч и через его военные победы над одиннадцатью королями, что способствует объединению Британии вокруг Артура, что, в свою очередь,

определяет характер мифологизации Тюдоров как королей единой нации. В этой поэме Артур выступает как объединитель нации и первый император. В части «Как Артур стал императором» утверждаются имперские притязания Британии. Эта часть, хотя в ней и присутствуют ссылки на некие предшествующие романы, придумана Мэлори [3, с. 284]. Здесь король Артур так объясняет свои преимущества перед нынешним императором Рима Луцием: «Ибо вот что обнаружил я в хрониках этой страны: что предки мои сэр Белин и сэр Брин, рожденные в Британии, сто шестьдесят лет владели императорским престолом, а после них наш родич Константин, сын королевы Елены Английской, завоевал его и был императором римским, и еще он добыл крест, на котором Христос принял смерть. Так что моему роду некогда принадлежала римская корона, и у нас есть довольно прав, чтобы притязать на всю Римскую империю» [3, с. 181]. Дальнейшая легитимизация власти Артура на материке происходит через добровольное признание его могущества знатными людьми, в частности, знатным сарацином по имени Приам: «Родом мой отец происходит от Александра, владыки над всеми королями земли, и от Гектора также происходит он по прямой линии; и еще многие были в нашем роду как Иуда Маккавей и вождь Иисус Навин. И я – прямой наследник всех владений Александрии, Африки и всех внешних островов» [3, с. 176]. Король Артур в этой части выступает как завоеватель всего мира, упоминается о его победах не только над римлянами, но и «Аллеманией» и Тосканией. От его руки гибнут султан Сирии, король Эфиопии, король Египта и король Индии, и еще семнадцать королей и шестьдесят римских сенаторов [3, с. 176]. Законность императорского титула Артура особо подчеркивается соблюдением всех ритуалов и отправлением церемонии самим папой римским [3, с. 188]. Эта часть поэмы Мэлори по сюжету и стилю напоминает не столько романы о короле Артуре, сколько эпические сказания об императоре Карле Великом.

Проблема взаимоотношений Британии и Рима ставится и в трагикомедии У. Шекспира «Цимбелин» (1610), где также утверждается национальное превосходство Британии, в том числе над Римом. Однако, как отмечает И. Рацкий в противовес британской критике, в произведении эта тема звучит неоднозначно: патриотические высказывания вкладываются в уста отрицательных персонажей, а Британия признает первенство Рима [4; 5]. Проявление британского патриотизма в пьесе неоспоримо: во-первых, эпизод победы Британии над Римом вымышлен Шекспиром, во-вторых, неоднократно упоминается о том, что Юлий Цезарь был смущен и восхищен смелостью британских воинов (II, 1); пьеса завершается торжеством Британии. Однако историзм шекспировских произведений предполагает понимание того, что с XVII в. Британия начинает претендовать на то же место в мире, которое занимала Римская империя, поэтому в пьесе утверждается не только идея национального превосходства британцев, но и идея необходимости добровольного признания имперского могущества Рима, что соответствует историческому этапу, который отображается в пьесе, и имперской идеологии новой эпохи (V, 1). В то же время такой сюжет пьесы имеет и вполне конкретную подоплеку, следующую из хроники Холиншеда, ставшей в очередной раз источником шекспировского сюжета. Здесь говорится о короле Цимбелине, который воспитывался в Риме, был посвящен в рыцари императором Августом, служил в его войсках. Август так благоволил ему, что предоставил выбор – платить или не платить дань Риму. Таким образом, можно говорить о верности Шекспира первоисточнику, которая не отменяет патриотического значения пьесы. Интересно, что автор пьесы не останавливается на римском прошлом Цимбелина, что может говорить о стремлении подчеркнуть самостоятельность Британии во все исторические периоды.

В целом необходимо отметить две тенденции в раскрытии темы взаимоотношений Рима и Британии в литературе этого периода. С одной стороны, отдается дань имперскому могуществу Рима, с другой, утверждается растущее значение Британии. Мысль о преемственности империй прямо не высказывается в произведениях имперского периода, скорее, речь идет о соперничестве и обозначении имперских перспектив Британии, отвоевывающей свое право на первенство перед Римом.

Развитие исторического нарратива в английской литературе строится как постепенное переосмысливание истории в свете создания имперского мифа, создания кон-

цепции власти. Постепенное ослабление достоверности в историческом повествовании наглядно демонстрируется через переход от историографии к художественным жанрам литературы. В елизаветинскую эпоху национальная концепция во многом формируется и особенно ярко проявляется в творчестве У. Шекспира. Э. Сэндерс указывает, что Шекспир упоминает Англию 247 раз, а англичан 143, причем большая часть этих упоминаний приходится на исторические хроники [8, p. 151]. Шекспир как никто другой отразил проблемы государственного становления в своих исторических хрониках и трагедиях. Историческое осмысление национальной государственности в художественной литературе начинается именно с Шекспира.

В связи с произведениями Шекспира можно говорить об осмыслении национальной истории и формировании художественной концепции национальной власти. Осмысление же собственно национальных проблем носит в его творчестве спонтанный и фрагментарный характер и является скорее отражением расхожих представлений эпохи, чем результатом сознательных размышлений на эту тему. Гораздо более значимо у Шекспира осмысление английской государственности. Э. Сэндерс, говоря об изображении Англии в исторических хрониках Шекспира, следующим образом характеризует характер восприятия поэтом своей страны: «Англия... это иерархически упорядоченная нация, которой на всех уровнях угрожает беспорядок» [8, p. 153]. В хронике «Ричард III» появляется описание Англии как идеального государства, которое, правда, является скорее мечтой, чем реальностью [8, p. 153].

В творчестве драматурга складывается бесспорное утверждение сильной королевской власти, однако в некоторых случаях эта власть противоречит интересам нации и способствует достижению эгоистических целей, в этом случае король изображается как тиран, достойный гибели. Наиболее ярким примером такого правителя в исторических хрониках является Ричард III из одноименной хроники. Продолжая традицию апологии Тюдоров, Шекспир венчает трагедию сценой, когда граф Ричмонд, основатель династии Тюдоров, в поединке побеждает Ричарда, добывая тем самым власть для своих потомков. Практически во всех исследованиях отмечается, что созданный Шекспиром образ Ричарда, в котором он, в свою очередь, отталкивается от образа из произведения Томаса Мора, существенно отличается от исторического Ричарда, который совершенно не был тем злодеем, каким его описал Шекспир [1]. Как указывает М. Барг, источником легенды о Ричарде становится именно окружение Тюдоров, которым необходимо было легитимизировать пришествие к власти первого представителя своей династии, сам же Генрих VII был гораздо более коварен, чем его исторический предшественник.

Идеалом Шекспира становится Генрих V, изображаемый им как король, чья сильная власть способствует объединению нации (хроники «Генрих IV», «Генрих V») и победе над внешним врагом («Генрих V»). Как и Мэлори, Шекспир подтверждает репутацию справедливого короля указанием на поддержку его церковью в лице архиепископа Кентерберийского и народом («Генрих V»). Кроме того, в хронике «Генрих IV» Шекспир специально указывает на простоту молодого Генриха, его справедливость и связь с народом [7]. Генрих мастерски разоблачает многочисленные трюки Джона Фальстафа и всегда принимает справедливые решения. Новаторством Шекспира считается то, что он вписывает королевскую власть во всю систему мироздания. На стороне законного короля все стихии и время, незаконному противится сама природа и мистические силы земли. Порядок земной и небесный тесно связаны между собой у Шекспира, и нарушение земного порядка практически всегда отмечено хаосом и бурей в природе, что ясно проявляет себя не только в хрониках, но и в знаменитой сцене бури «Короля Лира» и в «Буре» последнего периода творчества писателя [1]. Эти тенденции сохраняются и в творчестве других авторов в начале XVII в.

В дальнейшем исторический нарратив все более склоняется к открыто мифологизированным формам воплощения, главным образом, образов монархов, что сразу сказывается и в жанровом отношении. Так, образом, который становится предметом мифологизации в XVII в., надолго оказывается образ сына короля Якова английского Генриха, подававшего большие надежды и умершего в девятнадцатилетнем возрасте.

Он четко ассоциируется с шекспировским Генрихом V и становится частым персонажем комедий – «масок», автором текстов которых обычно являлся Бен Джонсон. Такую пьесу «Барьеры принца Генриха» (1610). Ф. Йейтс так описывает содержание спектакля: «В стихах Бена Джонсона, написанных для этой постановки, декорации интерпретировались как аллегории упадка рыцарства и его восстановления принцем Генрихом, а принц и король-отец наделялись всем романтическим ореолом тюдоровской мифологии. Речи персонажей возвращают нас в эпоху короля Артура, императора объединенной Британии. Монолог о былом величии артуровского двора произносит Владычица озера. Артур собственной персоной появляется на сцене и провозглашает приход кого-то более великого, чем он сам. Заметное участие в разговоре принимает волшебник Мерлин, чье могущество также восстанавливается, и чьи пророчества сбываются» [2, с. 69]. Следующая пьеса Бена Джонсона, посвященная принцу, «Оберон, принц эльфов и фей», поставлена в 1611 г. В этой пьесе, отсылающей как к «Королеве фей», так и к «Двенадцатой ночи», продолжается апология правящих королей и на природно-мистическом уровне: обозначается их связь с существами, исконно населяющими эти земли. В пьесе появляется и тема короля Артура, который прямо ассоциируется с правящим королем Яковом, тогда как Генриху отводится роль Оберона, охраняющего власть уже на мистическом уровне.

Френсис Йейтс в работе «Вокруг Шекспира» трактует одну из последних пьес Шекспира «Цимбелин» как один из вариантов тюдоровско-стюартовской мифологизации королевской власти: «Одним из главных пропагандистских средств тюдоровской церковной реформы была апелляция к "Истории бриттов", к артуровским легендам с их идеей рыцарства, идеей особой рыцарской миссии, состоящей в распространении на весь мир чистого духовного порядка, что выражено в "Королеве фей" Спенсера. Шекспир всю жизнь имел дело с этой темой, и эту же тему – ошущая то надежду, то отчаяние – он разрабатывал в своих трагедиях и исторических хрониках. В "Цимбелине" он снова, в последний раз, разрабатывает эту тему, и после отчаяния "Гамлета", "Макбета" и "Лира" он как будто приходит здесь к некоторому решению, проистекающему не только из новой исторической ситуации – из нового облика королевской власти, – но и, главным образом, из некоего нового духовного опыта, из нового проявления божественного начала, превратившего отчаяние в отдаленную надежду, связанную с королем Цимбелином и в особенности с его детьми, в надежду на то, что, возможно, в конечном счете, не все потеряно, и что в последующих поколениях все еще может быть хорошо» [2, с. 69].

В других произведениях этой эпохи не только собственно текст, но и весь изобразительный ряд служит для утверждения идеи легитимности королевской власти на всех уровнях – природном, мистическом, историческом, социальном. Так, в начале поэмы «Полиолибион» Д. Драйдена помещена иллюстрация: «На титульном листе изображена "Великая Британия" – женщина, сидящая на острове посреди океана; ее одеяние представляет собой карту ее городов, рек и лесов. Вокруг нее – ее прежние правители, которые описаны в стихотворении, помещенном на том же развороте. Вверху слева – Брут, о котором говорится как о племяннике Энея. Брут держит щит, герб на котором неясно виден на иллюстрации, но в стихотворении утверждается, что это "На золотом поле лев с поднятой лапой". Лев был геральдическим животным Брута, предка британцев. Напротив Брута – Цезарь, символизирующий римские завоевания и римское правление. Ниже фигуры Брута изображен саксонец, обозначающий саксонское правление; напротив него – норманн, представляющий еще одну династию. Но теперь Великая Британия "обратила свою любовь на того, чей род все еще правит". Это последняя строка стихотворения, объясняющего иллюстрацию, и она связывает рисунок с царствующей династией Стюартов-наследников, как и Тюдоры, родословной, ведущейся от Брута» [2, с. 24]¹. Поэма «Полиолибион» демонстрирует те усилия, которые были предприняты современной литературой, чтобы связать уже развитую тюдоровскую мифологию с новой эпохой Стюартов и

¹ Образ Британии является одним из самых ранних в Европе. Он появляется еще в XVI в. и первоначально ассоциируется с Минервой, например, в книге английского писателя Г. Пичема "Minerva Britannia" в 1603 г., одной из первых книг, написанных на английском языке. Далее, после объединения Англии, Шотландии и Уэльса ее изображение тиражируется на монетах и банкнотах. В 1740 г. появляется знаменитое стихотворение Джеймса Томпсона «Правь, Британия» [6, с. 236].

представить историю Стюартов как продолжение тюдоровской эпохи. К середине XVII в. авторитет королевской власти падает, наступают предреволюционная и революционная эпоха и в литературе утверждается совершенно иная тенденция.

Таким образом, можно говорить о том, что в XV–XVII вв. в рамках преимущественно исторического нарратива складывается мифология королевской власти, причем мифологизация истории носит почти персонифицированный характер, подразумевая мифологизацию именно отдельной династии или отдельной личности, прямо или опосредованно. Лишь постепенно в рамках династических или персональных мифов складывается мифологизированная история британской нации на основе идеи ее исключительности. Она связана преимущественно с историей военных побед, где ключевую роль играют битва при Азенкуре и победы в морских сражениях. Главным образом, победа над Непобедимой Армадой, то есть победоносные столкновения с самыми важными военными противниками – Францией и Испанией. Сюда включается религиозный миф о справедливом реформаторском государстве, который становится основой для выделения Британии из общеевропейского религиозного контекста (особенно важно отделение от Франции и Испании) и утверждения ее особого передового пути в истории европейских народов. Миф об исключительности британской нации в литературе лишь намечен, практически не выражен и подразумевается только на уровне подтекста. Развитие этого комплекса должно быть связано уже со следующим этапом становления национального мифа в XIX в.

Библиографический список

1. Барг, М. А. Шекспир и история [Текст] / М. А. Барг. – М. : Наука, 1979.
2. Йейтс, Ф. Вокруг Шекспира [Текст] / Ф. Йейтс // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 35.
3. Мэлори, Т. Смерть Артура [Текст] / Т. Мэлори ; предисл. и прим. А. Скогорева. – М. : Флеетон, 1991. – Т. 1.
4. Рацкий, И. Некоторые концепции последнего периода творчества Шекспира в зарубежной критике XX века [Текст] / И. Рацкий // Современное искусствознание запада о классическом искусстве XIII–XVII веков. – М., 1976. – С. 250–287.
5. Рацкий, И. «Димбелин» Шекспира [Текст] / И. Рацкий // Шекспировские чтения / под ред. А. А. Аникста. – М. : Наука, 1986. – С. 160–194.
6. Тимофеев, М. Национализм. Опыт анализа семиосферы наций [Текст] / М. Тимофеев. – Иваново : Изд. ИГУ, 2005.
7. Шекспир, В. Генрих IV. Трагедия. Части I–II [Текст] / В. Шекспир ; пер. с англ. П. А. Каншина ; лит. ред. перев. Р. В. Грищенкова. – СПб. : Изд. дом «Кристалл», 2002.
8. Sanders, A. The Short Oxford History of English Literature [Text] / A. Sanders. – Oxford, 1993.

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ДИАДЫ «ЛИЦЕМЕРИЕ – ИСКРЕННОСТЬ» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Ю.А. Храмова

Рассматриваются оценочные характеристики концепта «искренность» на основе анализа русского и английского пословично-поговорочного фонда. Установлены общие и отличительные амбивалентные характеристики оценочного отношения к концептуальной диаде «лицемерие – искренность» в сравниваемых лингвокультурах.

The article is devoted to the study of the evaluative characteristics of the conceptual dyad “hypocrisy-sincerity” based on the analyses of proverbs and sayings in Russian and English cultures.

Ключевые слова: пословица, оценка, концепт, характеристики.
Key words: proverb, evaluation, concept, characteristics.

Паремиологический фонд языка хранит в себе наиболее архаичные и консервативные стереотипы этнической ментальности. Из всех пластов лексики его единицы до недавних пор были наиболее устойчивы к воздействию социальных изменений [1].

В результате сплошной выборки из словарей пословиц и поговорок русского языка [2; 3; 5–10] было выделено 636 пословиц и поговорок, связанных с концептом «лицемерие» и его концептуальным оппозитивом «искренность».

Нами были установлены следующие варианты развертывания ценностных характеристик и дидактической направленности пословиц, поговорок, «прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих содержание» концептуальной диады «лицемерие – искренность» (поведение, состояние, качество) и его антонимичных коррелятов (демонстрация противоположного поведения, состояния, качества) [4]. Уточним, что некоторые единицы паремиологического фонда в силу своей многосложности могут подходить под несколько пунктов.

Лицемерие представлено следующими суждениями:

✓ расхождение слов и поступков: *Говорит направо, а смотрит налево; Речи, что снег (что мед), а дела, что сажа (что полынь); На словах мягок и тих, а на деле злобен и лих;*

✓ несоответствие между поведением, демонстрируемым публично, и поведением, скрытым от общественности, где контраст в поведении человека может быть не только социально закрепленным, но и ситуативно обусловленным: *В людях ангел, а дома черт; Днем тихо, а ночью лихо.* Оппозиционные пары «ангел – черт», «день – ночь», «белое – черное»;

✓ расхождение мыслей и внешнего вида: *В смирном платье (в печальном), да не с такою думкой;*

✓ глутонические характеристики, построенные на контрадикторном противопоставлении положительного и приятного процесса принятия пищи и отрицательного, доставляющего дискомфорт результата: *Мягко съел, да черство в живот пошло; Красна ягодка, да на вкус горька; С виду гладок, да на зуб несладок; Сладко в рот, да горько в глот; Уху сладко, глазам падко, а съешь – гадко;*

✓ наряду с глутоническими характеристиками, концепт «лицемерие» обладает также тактильными характеристиками: *Гладка шерстка, да коготок остер; Бархатный весь, а жальце есть; Velvet paws hide sharp claws – В бархатных лапках скрываются острые когти;*

✓ несоответствие внешнего вида и внутренней сути: *Рубашка белая, да душа черная; Из-под чистого ворота грязная шея еще виднеется; Лицом хороши, да душой не пригожи; И красивые цветы ядовиты бывают; Fair face may hide a foul heart – За прекрасной внешностью может скрываться низкая душа; You cannot judge of a tree by its bark – Внешность обманчива;*

✓ пространственные характеристики акцентируются посредством ориентационных метафор «снаружи – внутри»: *Снаружи мило, а внутри гнило; Снаружи гладко, а внутри гадко; С личика – яичко, а внутри – болтун; Fair without, foul (false) within – Красиво снаружи, да грязно внутри; и метафор «верх – низ», «спереди – сзади»: Сверху ясно, снизу грязно; Спереди лижет, а сзади – царапает; Спереди бы любил, а сзади бы убил.* Физическая основа в приведенных выше паремиях выражена привлекательным внешним видом, что доставляет эстетическое удовольствие, но внутренняя сущность объекта резко отличается от его наружного проявления, что вызывает отвращение и негативные эмоции. Данный эффект усиливается вследствие наличия в структуре паремий антонимических пар: *хороши – не пригожи, сверху – снизу, ясно – грязно, fair – foul (false) (красиво / прекрасный – грязно / низкий), without – within (снаружи – внутри);*

✓ часто лицемер прикидывается бескорыстным, но это только введение в заблуждение: *У корысти всегда рожка бескорытна;*

✓ создание видимости с целью скрыть не ожидаемые от носителя эмоции, реакции, формы поведения: *Тихие воды глубоки; В тихом омуте черти водятся; Still*

waters have deep bottoms – Внешность обманчива; Still waters run deep – Тихие воды имеют глубокое течение;

✓ о гендерной предрасположенности к противоположной эмоции свидетельствует паремия: *The laughter, the tears and the song of a woman are equally deceptive – Смех, слезы и песня женщины одинаково обманчивы; Женщина обманет и само всевидящее око;*

✓ истинность проявлений эмоции может быть установлена посредством «локативных характеристик». В паремиологическом фонде русского языка глубина и интенсивность испытываемой эмоции определяется местом ее нахождения и дальнейшего развертывания: *Глазами плачет, а сердцем смеется; Одни глаза и плачут и смеются.*

При анализе английских и русских паремий (234 единицы), характеризующих признак «ханжество» концепта «лицемерие», выявлено, что религиозные обряды особо важны для представителей русской лингвокультуры. Такие ритуалы и обряды, как молитва, соблюдение поста, подавание и посещение церкви, являются значимыми и ключевыми в жизни верующего человека, требующими к себе уважительного, смиренного и благоговейного отношения. Нарушение подобного отношения вызывает отрицательную оценку, что представлено в паремиях, иллюстрирующих фрагмент «ханжество», который представляет собой антипод праведности и заключается в том, что носитель прямой эмоции «ханжество» имеет две линии поведения, где одна линия – это демонстрация противоположной эмоции, то есть «праведности», а вторая линия поведения – это сокрытие истинного поведения, мыслей и отношения к какому-либо событию или объекту действия. Для русской лингвокультуры таинство молитвы является особой ценностью, молитва обладает сакральностью, нарушение ритуала молитвы влечет резкое осуждение, оценивается отрицательно и приравнивается к ханжеству: *Читает: «Да будет воля Твоя!», а думает: «Когда б то моя!»; Всяк крестится, не всяк молится; Одному Богу молится, другому кланяется;* отмечается, что молитва – это скрытая от посторонних сторона бытия, имеющая глубоко личностный характер: *Колокольный звон не молитва (а крик не беседа).*

Прослеживается использование молитвы как разрешение к действию, самооправдание и снятие с себя вины: *Добрый вор без молитвы не украдет; Господи прости, в чужу клеть пусти; пособи нагрести да и вынести!*

Ряд паремий указывают на отсутствие результативности в деятельности носителей прямой эмоции, на противоречие между действиями: *Не строй семь церквей, пристрой семь детей (то есть сирот); Церковь грабит, да колокольню кроет.* Священнослужители, несмотря на высокий статус «праведности» и «благочестия» в обществе и осуждения формального следования верующими церковных церемоний, когда прихожане не вкладывают при этом веру и симулируют набожность: *Колокол в церковь сзывает, а сам в церкви не бывает; Близко церкви, да далеко от Бога; Иной по две обедни слушает, да по две души кушает; All are not saints that go to church – Не всяк праведник, кто ходит в церковь,* – иногда провоцируют распространение противоположных качеств, противоречащих истинной добродетели: *Поп людей учит, а сам грешит; The friar preached against stealing and had a goose (pudding) in his sleeve – Монах проповедует не красть, а у самого гусь (пудинг) в рукаве; The devil rebuking sin – Черт, осуждающий грех.*

Дидактика приведенных паремий выстраивается на дихотомии «добродетель – грех». Эта оппозиция лингвосемиотически усиливается поведенческими знаками-регулятивами: пермиссивами / инсентивами, то есть знаками поощрения добропорядочного образа жизни (*Пост приводит к вратам рая, а милостыня отворяет их*) и рестриктивами / прохибитивами, то есть знаками ограничения / запрещения греховного образа жизни, противоречащего православным канонам и заповедям. Левый противочлен в этих оппозициях является немаркированным и выражает всем известные факты действительности (*Поп людей учит; The friar preached against stealing – Монах проповедует не красть*), обладает положительной оценкой и осмысливается только на фоне правого коррелята (*а сам грешит; had a goose (pudding) in his sleeve – а у самого гусь (пудинг) в рукаве*), оценивающийся отрицательно. Таким образом, в

данных паремиях эксплицитно представлены православные каноны «соблюдай закон Божий», заповедь «не укради». Приведенные выше паремии выражают отрицательную оценку действий.

В английской лингвокультуре лицемерие располагается ниже греховности в отрицательной шкале оценки, что отразилось в паремии: *Better to be known as a sinner than a hypocrite* – *Лучше слыть грешником, чем лицемером*. Отсутствие естественности в манере поведения, в речи фиксируется в сознании англичан как нечто разрушающее личность человека не только в плане внешних данных, но и внутреннего мира: *Affectation is a greater enemy to the face than smallpox* – *Неестественность – больший враг лицу, чем оспа*. Следование ритуальным действиям не является критерием духовности человека, о чем свидетельствует следующая паремия: *They are not all saints who use holy water* – *Не все те святые, кто святую воду использует*.

Анализ паремий, заключающих признак «хитрость», позволил выявить следующие суждения:

✓ расхождение между манерой выполнения действия и его результатом: *Мягко стелет, да жестко спатъ; Кто в чин вошел лисой, тот в чине будет волком*;

✓ метафоризация «хитрости», «притворства», «неискренности» происходит посредством следующих зооморфных и орнитологических образов (*лиса, свинья, волк, змея, голубочек, ястреб, курочка*): *У того голубочка велики (остры) зубочки; Лисий хвост, а волчий рот; Поет соловьем, а рыщет волком; Вьется ужом, а топорищится ежом*. Большинство данных образов представлены в виде оппозиционных пар, где противопоставляются такие качества личности, как простота – хитрость, простота – лукавство: *Сам, кажись, прост – да увяз хвост; Прост, как свинья, а лукав, как змея*. При этом отмечается, что лицемера легко распознать и разоблачить: *Волк и в овечьей шкуре не укроется*. Квази-эмоции, такие, как ложная «жалость» (*Пожалел темени, так ударил в косицу*), напускное «сочувствие», фальшивое «проявление симпатии» (*Целовал ястреб курочку до последнего перышка; Щебечет как соловей, а кусает, как гадюка*), фиксируемые вследствие противоречивости действий агента действия с его ролью искренне сочувствующего / симпатизирующего кому-либо человека, вызывают иронию, осуждение обществом в паремиологическом фонде русского языка;

✓ признак «хитрость», выявляющийся в таких паремиях, как: *Хитрости лисы хитры для курицы; Хоть щука и хитра, а не схватит ежа с хвоста; Хитрый Митрий, да / но и Иван / Семен не дурак / умен*, свидетельствует о том, что хитрость будет иметь успешный результат, если она ориентирована не на себе подобного, а на наивного. Данные паремии учат, что не стоит недооценивать оппонента;

✓ проявление лицемером таких эмоций, как симпатия, жалость, расцениваются иронично: *Целовал ястреб курочку до последнего перышка; Пожалел волк кобылу: оставил хвост да гриву*;

✓ практический опыт является гарантом безопасности и руководства в стрессовой ситуации: *Old birds are not to be caught with chaff* – *Старого воробья на мякине не проведешь; A fox is not taken twice in the same snare* – *Лису в одну и ту же ловушку дважды не поймаешь*. Здесь нужно отметить, что хитрость является либо врожденной чертой, которая помогает избежать опасности, либо ее заменяет практический опыт, выработанный годами.

Осмысление концепта «лицемерие» происходит также через паремии, раскрывающие признак «угодничество». Наглядно оценка образа угодника раскрывается в паремии *Ножки с подходом, ручки с подносом, сердце с покором, голова с поклоном, язык с приговором*. В данной паремии присутствует пространственная метафора с направлением «вниз» (*голова с поклоном*), что указывает на то, что угодник сознательно старается выглядеть меньше своего роста, принизить себя, чтобы смотреть на объект направленного действия снизу вверх. Из приведенной выше паремии выделяются такие характеристики угодника, как принижение собственного статуса, покорность, готовность прислуживать, старание казаться ниже ростом, заготовленные фразы. Отмечается, что манера поведения зависит от статуса объекта: *С просителем шибко, с начальством гибко*; при этом указывается на то, что угоднику требуется

определенное мастерство, так как он должен угождать разным членам общества: *Умей угождать на угодного и на неугодного*. В данных паремиях акцентируется оценка образа действий угодника: *шибко – гибко*, выявляется вектор направленности действия: вверх (*начальство*) – низ (*проситель*). Отсюда выясняется, что угодник действует избирательно, угождает только вышестоящему человеку, угодник должен страховаться, угодник должен обладать определенным мастерством, угодник старается выглядеть преданным. Таким образом, конкретизация носителей качеств поля «угодничество» выявила, что проявление угодничества характерно для людей, представителей низкого или среднего класса, ввиду отсутствия материальных благ и положения в обществе. Отсутствие результативности в деятельности угодника, отрицательные последствия в ее проявлении представлены в следующих паремиях: *If you try to please all you will please none – Всем угодлив, так никому не пригодлив; Злой с лукавым водились, да оба в яму ввалились; Кто лукавит, того черт задавит*. Отмечается, что лукавства можно избежать, если говорить правду: *Правдивому мужу лукавство не под руку*. Причинами проявления / отсутствия угоднического поведения могут быть:

- ✓ страх: *И рад бы спел, да голос не смел;*
- ✓ избирательность угодничества (свои интересы могут не совпадать с общественными): *Людям все не в угоду; да людям в угоду, самому не в воду*.

При этом прослеживается идея, что при необходимости угодник едва ли окажет требующуюся помощь, ограничиваясь словесными соболезнованиями: *Все доброты, а в нужде нет охоты; Ах, ах, а пособить нечем; Ах, да руками мах!*

Резюмируя функционирование такого речевого акта, относимого к полю «лицемерие», как «лесть», приводим следующие характеристики данного явления:

- ✓ лесть в большинстве случаев служит маскировкой скрытого оружия, угрозы: *В ногах ползает, а за пятку хватает (змея); Без зубов, а с костями съест; Не поддавайся на пчелкин медок: у нее жало в запасе; Кто много целует, редко не укусит;*

✓ объект оценивает действия субъекта в зависимости от ситуативных характеристик: *Тогда мне губы лижи, когда они горьки, а когда сладки – и сам оближу;*

- ✓ лесть имеет следующие локативные характеристики: *Блином масляным в рот лезет; Он без масла в рот влезет; Этот человек без подмазки в душу влезет; Он куда хочешь без мыла влезет; В одно ухо влезет, в другое вылезет; На языке мед, а под языком лед; На языке медок, а на сердце – ледок*.

Признаки «введение в заблуждение», «мошенничество» заключенные в ряде паремий, позволяют прийти к таким суждениям:

- ✓ мошенник отличается быстротой реакции: *Крутится, как береста на огне;*
- ✓ мошенник обладает определенным мастерством и ловкостью: *Как лень, по дну ходит и воды не замутит; Из-под стоячего подошву вырежет;*
- ✓ для него никто и ничто не представляет ценности, он руководствуется только корыстными интересами: *Купит и продаст любого; Он самого бога обманет; Он в лаптях в душу влезет – влезет, поворотит да и лапки околотит;*
- ✓ поймать мошенника представляет собой сложность: *Вокруг носа вьется, а в руки не дается*.

К образной стороне концепта относятся релевантные признаки практического знания: зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, которые отражены в нашей памяти.

Рассмотрение пословиц английского языка проводилось на основе выборки из словарей [11–13], позволившей выявить некоторые особенности функционирования концепта «скромность» и его оппозитива в американской лингвокультуре и сделать заключение о крайне слабой проработанности изучаемого концепта в английском языке (27 единиц).

Анализ английских и русских пословичных выражений позволил установить национально-специфичные когнитивные признаки и суждения концепта *искренность* в английском и русском языковом сознании.

1. Искренен тот, кто пьян, так как не может себя контролировать: *Drunkness reveals what soberness conceals – Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке*.

2. Искренни дети и глупцы, так как говорят то, что видят и то, что думают: *Глупый да малый всегда правду говорят; Truth comes out of the mouths of babes and sucklings – Устами младенца глаголит истина.* Таким образом, проанализировав паремии, иллюстрирующие искреннее поведение, выделяем агента искреннего действия: ребенок, пьяный, глупый, друг. Агент неискреннего действия – это враг.

3. Признаки «честность», «правдивость»: *Трудом праведным не наживешь налат каменных; Честным трудом богат не будешь.* Из приведенных паремий следует, что честный человек является материально не обеспеченным, честность не приносит прибыли ее обладателю. Данная идея прослеживаются и в английской паремии *Honour and profit lie not in one sack – Честность и прибыль не сродни.* Отсюда выявляем, что искренность далека от корысти и расчета, искренность не принесет материальную обеспеченность, а наоборот, может привести к бедности и нужде.

4. Признак «прямота», где прямота расценивается как залог более успешной коммуникации: *An honest tale speeds best, being plainly told – Самое лучшее – прямо и просто сказанное слово.*

5. Анализ паремий, содержащих признак «простота», позволил выделить следующие суждения: простота одобряется: *Шуба овечья, зато душа человекья; будь простым, это даст:*

- ✓ спасенье: *Простота – половина спасенья; Простота да чистота – половина спасенья;*
- ✓ удовлетворение: *Простота, чистота, правота – наилучшая лепота;*
- ✓ приближение к Богу, духовное начало: *Простота человека к Богу приводит; В простых сердцах Бог поживает; Где просто, там ангелов со сто; где хитро (где мудрено), там ни одного;*
- ✓ долголетие: *Живи просто, выживешь лет сто;*
- ✓ эстетическую составляющую, а именно красоту душевную и внешнюю: *От чиста сердца чисто зрят очи.*

Но, несмотря на то что простота оценивается положительно, отмечается, что она приносит вред: *Простота хуже воровства; С простоты люди пропадают; Вить тебе волком за твою овечью простоту; Не будь овцой, а то волки съедят.* Из двух последних паремий выявляем, что метафоризация простоты осуществляется путем использования зооморфного образа овечки, которая символизирует наивность, простоту, доверчивость и открытость. Подчеркивается, что чрезмерная «овечья» простота доставляет неприятности.

Представленная информация сигнализирует о неактуальности и малозначимости образования “sincerity” для англоязычного общества. Несмотря на то что присутствуют как положительные, так и отрицательные характеристики образования, прослеживается низкая метафоричность, проработанность образов и ситуаций.

Как в английской, так и в русской лингвокультурах лицемерие выходит за рамки, допустимые нормами, поскольку является отклонением от нормы, вследствие чего рассматривается как нечто позорное и предосудительное. Приведенные примеры иллюстрируют оценочное (отрицательное) отношение английской и русской лингвокультур к понятию «лицемерие». Лицемерие рассматривается как серьезный проступок (*Личиком гладок, а делами гадок*), как нечто, порочащее человека (*Сам, кажись, прост – да увяз хвост; У того голубочка велики (остры) зубочки*). Необходимо также обратить внимание на то, что в английских и русских пословицах и поговорках указываются конкретные человеческие поступки, считающиеся лицемерными. В русском сознании лицемерием считается:

- ✓ расхождение слов и поступков;
- ✓ расхождение между созданным образом и действительным положением вещей;
- ✓ расхождение между поведением истинным и демонстрируемым;
- ✓ расхождение между манерой выполнения действия и его результатом;
- ✓ расхождение между мыслями и внешним видом.

В обеих рассматриваемых лингвокультурах под лицемерием понимают:

- ✓ создание ложного образа;

✓ демонстрацию фальшивых эмоций.

Наиболее часто встречаемые каузаторы лицемерия – это страх и выгода. Важнейшее отличие русского языкового сознания от английского в осмыслении концепта «лицемерие» состоит в том, что в русской лингвокультуре приоритетной является мотивация субъекта, его намерения, его эмоции, а в английской лингвокультуре на первый план выступает оценка субъекта со стороны, взгляд на него с позиций правильного, рационального поведения. В обеих рассматриваемых лингвокультурах совпадают признаки, которые М.В. Никитин называет жесткий «импликационал», то есть признаки, непосредственно связанные с ядерным содержанием концепта «лицемерие» («лесть», «притворство», «ханжество», «корыстные намерения» и т.д.).

Тесная взаимосвязь между двумя диаметрально противоположными по смыслу лингвокультурными концептами «лицемерие» и «искренность» прослеживается в их структуре, в наименовании оппозиционных компонентов, в их характеристиках. Рассмотренные английские и русские паремии свидетельствуют о том, что «искренность» высоко ценится, что указывает на трезвое понимание обстоятельств, «искренность» вознаграждается, но имеет пределы. Особая ценность «искренности» подтверждается ее локативными характеристиками (сердце, душа). Не следует быть искренним всегда, поскольку в таком случае субъект становится уязвимым. Выявлен субъект искреннего поведения: ребенок, пьяный, глупый, друг. Агентом неискреннего действия считают врага. При этом указывается на материальную необеспеченность искреннего человека. Таким образом, анализ оценочных характеристик концепта «искренность» в английской и русской лингвокультурах показывает, что общим пониманием искренности является ее амбивалентная оценка: отмечается, что искренность не всегда есть благо, напротив, в определенных ситуациях это вред для человека. Кроме того, отрицательные оценки «искренности» зафиксированы в положениях:

✓ «открытость / простота» как видимость, как нечто напускное, что служит для сокрытия истинных мыслей, чувств, поведения агента действия;

✓ «открытость / простота» как глупость – чрезмерная доверчивость и наивность, что приводит к неблагоприятным результатам реципиента действия.

«Искренность» осмыслиется также через связь с концептом «душа» в русской лингвокультуре и концептом «сердце» в английской лингвокультуре, так как то, что делается от души или от сердца, всегда обусловлено искренним желанием и делается искренне.

Концептуализация лицемерия во многом отражает основные черты концептуализации искренности. Некоторые паремии содержат прямое противопоставление лицемерного и искреннего поведения. Соотношение иллюстрируется при помощи сопоставления цветowych, зооморфных образов и глаголов, выражающих эмоциональное состояние агента действия. Следует отметить, что маркерами искренности какого-либо высказывания или действия носители обеих лингвокультур признают: выражение лица / внешний вид; поведение: соответствие слов и поступков; результат совершенного действия.

Библиографический список

1. Воркачев, С. Г. Лингвокультурная идея патриотизма в русской паремииологии [Текст] / С. Г. Воркачев // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии и лингвокультурных типажей / под ред. Н. А. Красавского. – Волгоград : Колледж, 2007. – С. 55.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа [Текст]: в 2 т. / В. И. Даль. – М. : Художественная литература, 1984.
3. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок [Текст] / В. П. Жуков. – М. : Русский язык, 1993. – 537 с.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
5. Кузьмин, С. С. Русско-английский словарь пословиц и поговорок [Текст] / С. С. Кузьмин, Н. Л. Шадрин. – М. : Русский язык, 1989. – 352 с.
6. Михельсон, М. И. Большой толково-фразеологический словарь [Текст] / М. И. Михельсон. – М. : Академия наук, 2005.

7. Модестов, В. М. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия [Текст] / В. М. Модестов. – М. : Художественная литература, 2000. – 415 с.
8. Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь [Текст] / В. И. Зимин, А. С. Спирин. – 4-е изд., стереотип. – Ростов н/Д. : Феникс, 2008. – 590, [1] с. – (Словари).
9. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля [Текст] : в 3 т. – М. : Русская книга, 1994.
10. Словарь русских пословиц: ок. 1000 единиц [Текст] / В. М. Мокиенко, Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнулдинов [и др.] ; под ред. В. М. Мокиенко. – М. : Астрель : АСТ, 2007. – 381, [3] с.
11. Словарь употребительных английских пословиц: 326 статей [Текст] / ред. М. В. Буковской, С. И. Вяльцевой, З. И. Дубянской [и др.]. – М. : Русский язык, 1990. – 240 с.
12. Oxford Dictionary of Proverbs by John Simpson, Jennifer Speake [Text] / J. Simpson, J. Speake. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – 375 p.
13. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs [Text] / J. Simpson, E. S. C. Weiner. – Oxford : Oxford University Press, 1992. – 256 p.

ОСОБЕННОСТИ КОНСОНАНТИЗМА ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ

М.Ч. Чеерчиев

В статье рассматриваются типологические черты системы согласных в дагестанских языках в сравнении с русским. Рассмотрены функциональные расхождения в консонантизме этих языков.

Typological features of the consonant system of the Dagestan languages in comparison with Russian are viewed in the article. Here functional divergences in the consonantism of these languages are established.

Ключевые слова: система согласных, место образования звука, ряды согласных, функциональная характеристика звуков, системное сопоставление.

Key words: the system of consonants, the place of a sound formation, numbers of consonants, the functional characteristic of sounds, system comparison.

Система согласных дагестанских языков характеризуется большим составом звуковых единиц, обусловленным разнообразием звуков как по месту их образования, так и по способу образования. Г.Г. Буржунов отмечает, что «...фонемы горских языков имеют общие акустико-артикуляционные признаки» [4, с. 27]. Относительно же корреляции согласных фонем дагестанских языков Б.К. Гигинейшвили замечает: «Корреляционные пучки согласных фонем современных дагестанских языков опираются на четыре основных типа противопоставлений: 1) корреляция звонкой – глухой, 2) корреляция глоттализированной – неглоттализированной, 3) корреляция смычный – фрикативный и 4) корреляция интенсивности (сильный – слабый)» [6, с. 27]. Вместе с тем характеристика консонантизма дагестанских языков не ограничивается лишь этими типами противопоставлений. Для полной характеристики консонантизма дагестанских языков, как и русского, необходимо рассмотреть его со следующих основных позиций: место образования, способ образования, степень участия голоса и шума, наличие или отсутствие дополнительной небной артикуляции (твердости – мягкости).

Характеристика согласных по месту их образования. При характеристике звука по месту его образования учитывается, прежде всего, работа активного органа речи, а также взаимодействие этого активного органа с тем или иным пассивным органом. С учетом работы активных органов речи согласные звуки дагестанских языков можно распределить по следующим рядам: губные, язычные, увулярные, фарингальные, ларингальные и латеральные. В русском же языке выделяются согласные двух рядов: губные и язычные.

Губные согласные. При образовании губных согласных активным органом речи является нижняя губа; пассивными органами речи при этом могут быть верхняя

губа и верхние зубы. В части дагестанских языков пассивным органом речи при образовании губных согласных является только верхняя губа (аварский, даргинский, лакский и др.). Поэтому все губные согласные в этих языках являются губно-губными, например, [м, б, пп, п, п^h] (поскольку смягченные [б', п', п^h] являются позиционными вариациями несмягченных, то они здесь не перечисляются). Относительно [п, п^h] Е.А. Бокарев отмечает, что они встречаются довольно редко, часто в звукоподражательных словах [2, с. 144–146]. Что же касается [п^h], то, полагает Е.А. Бокарев, он «в общедагестанском лексическом фонде не сохранился, и можно только гипотетически говорить о его существовании в общедагестанском праязыке» [3, с. 61].

В некоторых говорах даргинского языка Ш.Г. Гаприндашвили выделяет билабиальный смычный звонкий спирантоид [б] [5, с. 106–107].

Кроме того, следует заметить, что в некоторых дагестанских языках губно-губными являются также звуки [в в¹], например, в аварском, андийских, цезских, лакском, даргинском. В научной литературе указывается, что губно-губной [в] представлен во всех горских языках Дагестана [17, с. 45]. Но в тех лезгинских языках, где имеется губно-зубной [ф], звук [в] также должен быть охарактеризован как губно-зубной. Следовательно, [в] является билабиальным в аваро-андо-цезских, лакском, даргинском и арчинском языках. Примеры: аварский – *вас*, ахвинский – *ваша*, тиндинский – *вагъа*, андийский – *вошо* («сын»); лакский – *дъяви* («война»); *авадал* («не-радывый»); *илвис* («дьявол»), *жаваб* («ответ»); даргинский – *жаваб* («ответ»), *вава* («цветок»), *хив* («орех»).

Звук [п^h] представлен широко в лезгинских языках: лезгинский – *пам^h* («утка»), *п^hлун^h* («угол»), *п^hлагъ* («поцелуй»), *п^hлуз* («губа»); удинский – *п^hлам^hл^hлал* («портянка»), *п^hлам^hлар* («маленький»), *п^hлу* («кровь»); табасаранский – *п^hлез* («дудочка»), *п^hлен^hлин* («дикая вишня»), *аран^hлув* («вывести»), *ан^hлув* (П.К. Услар отмечал: «Для п^h губы сжимаются всюю крепче, и образуется придыхание». См.: [18, с. 63]) – «делать»; встречается звук [п^h] в даргинском и лакском: дарг. – *клан^hлу* («лист»), *кьян^hла* («папах»), *клан^hбирес* («покрывать»); лакск. – *члан^hлу* («лист»), *кьян^hла м^hлун* («хныкать»), *цун^hлу учин* («высосать»).

В аварском литературном языке звук [п^h] отсутствует, но он встречается в диалектах, например, в закатальском: *клан^hлалу* («скорлупа»), *п^hлан^hк^hлзу* («затянуть» – дым сигареты), *члун^hлу* («карман»), *п^hлури* («хлеб») («грузинский»), *кл^hлун^hлу* («круг топленого сала»), *шелен^hк^hла* («дранка»).

Звук [п] широко представлен во всех дагестанских языках, кроме хваршинского [17, с. 31]. «Исконный глухой [п], – отмечает И.А. Бокарев, сохранился в очень немногих словах: можно привести лишь слова "летать", "порхать", которые, может быть, по происхождению являются звукоподражательными» [3, с. 61]: аварск. – *парх-хизе*, лакск. – *парх учин*, табас. – *пурр*, арминск. – *парх бос* («вспыхнуть»). Здесь следует отметить, что звук [п] в дагестанских языках является придыхательным, поэтому правильное его транскрипционное обозначение должно выглядеть следующим образом – [п^h].

Помимо этих, в некоторых дагестанских языках имеется так называемый преруптивный [пп], который, в отличие от [п^h], является непридыхательным: табас. – *птез* («коршун»), *птул* («кольцо»), *птинти* («порода мелких ястребов») [18, с. 877]; лезг. – *хьиппер* («лягушка»), *ппад* («сторона, бок»), *ппац* («лапа»); лакск. – *птив хьун* («распространиться»), *чларанпай хун* («приблизиться»); цахурск. – *улаппы* («глаза»), *тлоппи* («небольшой сосуд из глины»), *хеппа* («много»).

Таким образом, без учета смягченных в дагестанских языках встречаются билабиальные [б, п^h, пп, м, в, п^h]. Каждый из них характеризуется следующими артикуляционно-акустическими признаками:

- ✓ [б] – губно-губной, смычно-взрывной, непридыхательный, глухой;
- ✓ [п^h] – губно-губной, смычно-взрывной, придыхательный, глухой;
- ✓ [м] – губно-губной, смычно-проходной, сонорный;
- ✓ [пп] – губно-губной, смычно-взрывной, преруптивный (непридыхательный), глухой;

✓ [п] – губно-губной, смычно-взрывной, абруптивный (смычно-гортанный), глухой;

✓ [в] – губно-губной, щелевой, звонкий.

В русском же языке к губно-губным относятся звуки [б, б', п, п', м, м'], каждый из которых характеризуется следующими артикуляционно-акустическими признаками:

✓ [б] – губно-губной, смычно-взрывной, звонкий, твердый;

✓ [б'] – губно-губной, смычно-взрывной, звонкий, мягкий;

✓ [п] – губно-губной, смычно-взрывной, глухой, твердый;

✓ [п'] – губно-губной, смычно-взрывной, глухой, мягкий;

✓ [м] – губно-губной, смычно-проходной, сонорный, твердый;

✓ [м'] – губно-губной, смычно-проходной, сонорный, мягкий.

Следовательно, билабиальные в системе дагестанских языков отличаются от системы русского языка, во-первых, по составу. Во-вторых, по принципиальной их характеристике: в дагестанских они характеризуются по признакам «придыхательность» («аспирированность»), «абруптивность», но не характеризуются по признаку «твердость – мягкость». Помимо этого, в русском языке установилось противопоставление губно-губных губно-зубным (дентолабиальным) [в, в', ф, ф']. Внутри же дагестанских языков такое распределение имеем в языках лезгинской группы, где [в, ф] являются дентолабиальными.

Правда, М.А. Исаев приводит в даргинском языке слово *уфиклес* со значением «дуть» [15, с. 100]. Но на этом одном примере непонятно, насколько правомерно считать наличие [ф] в даргинском языке.

Таким образом, характеристика рассматриваемых единиц в сопоставляемых системах является принципиально различной, что исключает всякое тождество этих даже внешне схожих единиц.

Язычные согласные. Язык является самым активным органом речи. Он способен передвигаться в разные стороны, принимать различную форму, взаимодействовать с другими органами речи. Самой же активной частью языка как органа речи является его спинка, которая условно делится на три части: передняя, средняя и задняя. В зависимости от активного участия в образовании звука той или иной из этих частей согласные делятся на переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные.

Переднеязычные согласные образуются при активном участии передней части спинки языка. Пассивными же органами при этом могут быть зубы или небо. В зависимости от этого переднеязычные различают зубные и небные.

Переднеязычные зубные согласные представлены во всех дагестанских языках, хотя не во всех из них согласных данного ряда одинаковое количество. Исконными общедагестанскими признаются следующие переднеязычные зубные: [н, д, т, т1, з, с, сс, дз, ц, цц, ц1, ц1ц1] [17, с. 29]. Вместе с тем в ряде языков имеются и некоторые другие переднеязычные зубные согласные, например, в лезгинском [тт, ттв, т1в] [11, с. 15], в агульском [дв, ттв, зв, ев, т1в] [1, с. 136–137]. Помимо этого, следует перечислить звуки [дд, ссв, ц1ц1в] в аварском языке.

Для иллюстрации приведем некоторые примеры: агульск. – *гъагъадвасе* («подниму»), *аттавасе* («выташу»); лезгинск. – *т1вар* («имя»); *ттвар*, *т1ур* («ложка») (диалект.), *ттур* (диалект.); аварск. – *х1адд* («степень, предел, мера»), *свак* («усталость, утомление»), *ц1ва* («звезда») и т.д.

Таким образом, переднеязычными в различных дагестанских языках являются следующие согласные: [т, Тт1, т1в, д, д, дв, с, с, св, се, з, з, Зв, н, ц, Ц, ц1, ц1, ц1в]. Этот ряд может быть пополнен звуками из некоторых других языков и диалектов, но для характеристики системы дагестанских языков, на наш взгляд, это исчисление вполне достаточно.

Эти звуки характеризуются следующими артикуляционно-акустическими признаками:

[т] – переднеязычный зубной, смычно-взрывной, глухой, недолгий, неабруптивный. Примеры: лакск. – *ч1ит* («клоп»); арчин. – *варти* («бурка»), лезг. – *туртур* («перепелка»); аварск. – *унти* («болезнь»); крызск. – *к1етхейар* («близнецы»).

[т] – переднеязычный зубной, смычно-взрывной, глухой, долгий, неабруптивный. Примеры: лезг. – *гьатта* («даже»); аварск. – *хларра* («даже»); арчинск. – *обтту* («отец»); лакск. – *бутта* («отец»).

[т1] – переднеязычный зубной, смычно-взрывной, глухой, абруптивный, нелабиализованный. Примеры: дарг. – *клант1*; лакск. – *к1унт1*; цахурск. – *т1енк1*; хиналугск. – *т1ынк1*; агульск. – *т1инк1*; лезгин. – *т1инк1*; бежтинск. – *т1анк1* («капля»).

[т1в] – переднеязычный зубной, смычно-взрывной, глухой, долгий, абруптивный, лабиализованный. Примеры: лезг. – *т1вал* («прут, палка»), *т1вар* («имя»), *т1вет1* («муха»); аварск. – *т1варкь1* («цоканье»), *т1вани* («стук шагов»).

[д] – переднеязычный зубной, смычно-взрывной, звонкий, негеминированный, нелабиализованный. Примеры: дарг. – *ц1елда* («камень»), *держлукь* («кутила»), *ц1ух1дук1* («каток»); годоб. – *бикьйда*; ботл. – *бикьйда*; чамал. – *бекьйда* («восемь») [7, с. 136]; лакск. – *дак1* («сердце»), *дик1* («мясо»), *гьадара* («глиняный сосуд») [19, с. 22].

[д] – переднеязычный зубной, смычно-взрывной, звонкий, геминированный, нелабиализованный. Примеры: аварск. – *х1адд* («степень, предел»); лезг. – *гьадди* («смелость»), *гадди* («в течение, в продолжение лета»); удинск. – *адда-будда* («разбросанный, несвязный»), *зиддаход* («ясень») [8, с. 117].

В аварском языке существует также лабиализованный [дв]: *дванки* («стук»), *дваргь1* («шум, треск»); возможно, аналогичный звук имеем в лезгинском – *садвал* («единство»), *шадвал* («радость»).

[с] – переднеязычный зубной, щелевой, глухой, негеминированный, нелабиализованный. Примеры: лезг. – *сил*; агул. – *сул*, *сорсул*, крызск. – *силсилэ*, будухск. – *сылсыл* («рожь»); тинднск. – *инса*, ахвахск. – *иса*, ботлийск. – *иса*, цезск. – *нисо* («сыр»).

[с] – переднеязычный зубной, щелевой, глухой, геминированный, нелабиализованный. Примеры: чамалск. – *ссив*; ахвах. – *ссиво* («молоко»); агулск. – *масса эс*, цахурск. – *масса гьувий* («продать»); лакск. – *ссирсилу* («усы»), *ссав* («небо»).

[св] – переднеязычный зубной, щелевой, глухой, негеминированный, лабиализованный. Примеры: лезг. – *свар* («щель»), *свае* («сноха»), *свах* («коренной зуб»); лакск. – *нисварт1* («огурец»).

[св] – переднеязычный зубной, щелевой, глухой, геминированный, лабиализованный. Примеры: аварск. – *свак* («усталость»), *сверди* («странствование, вращение»), *свине* («гаснуть»).

[з] – переднеязычный зубной, щелевой, звонкий, нелабиализованный. Примеры: аварск. – *газа*, бежтинск. – *боза*, цезск. – *бизо*, лакск. – *кказа*, табас. – *газгаз*, агул. – *газа*, цахур. – *газай* («кирка»).

[зв] – переднеязычный зубной, щелевой, звонкий, лабиализованный. Примеры: лезг. – *звал* («кипение»), *звер* («быстрота»); аварск. – *зваргь1* («звон»).

[н] – переднеязычный зубной, смычно-проходной, сонорный, негеминированный. Примеры: дарг. – *ургъан* («боец»), *анкь1* («очаг»), *чинябарла* («нигде»); лакск. – *клану* («местность»), *нину* («мать»).

[н] – переднеязычный зубной, щелевой, смычно-проходной, сонорный, геминированный. Примеры: дарг. – *гьанна* («ныне»); лакск. – *чанну* («менее»), *хьинни* («хо-рошо»).

[ц] – переднеязычный зубной, смычно-щелевой, глухой, негеминированный. Примеры: лезг. – *цав* («небо»), *цал* («стена»); дарг. – *ца* («один»); цезск. – *цихоли*; гинухск. – *цихали* («груша») (возможно, в цезский и гинухский это слово пришло из грузинского); лакск. – *цулч1а* («лиса»), *цуша* («медведь»).

[ц] – переднеязычный зубной, смычно-щелевой, глухой, геминированный. Примеры: тиндинск. – *мицци* («язык»); годоблинск. – *гьинцицу* («дверь»); каратийск. – *инцици*; аварск. – *ици* («родник»); табас. – *раци* («ворота»); лезг. – *циаз* («колючки»), удин. *циеци* («моль»).

[ц1] – переднеязычный зубной, смычно-щелевой, смычно-гортанный, негеминированный, глухой. Примеры: аварск. – *ц1ибил* («виноград»); дарг. – *капДа*, лезг. –

куруцул; табас. – куруцул; агульск. – куруцул («щенок»), хиналуг. цлол; крызск. – цлегл; лезг. – цлегь; агульск. – нДегь («коза»).

[ц1] – переднеязычный зубной, смычно-щелевой, смычно-гортанный (абруптивный), геминированный. Примеры: аварск. – ц1ц1е; андийск. – ц1ц1ийа («коза»); чамальск. – нац1ц1; багвийск. – нац1ц1е; ботлинск. – нац1ц1у («вошь»).

[дз] – переднеязычный зубной, смычно-щелевой, абруптивный, звонкий. З.М. Загиров указывает, что данный звук встречается в даргинском и табасаранском языках [9, с. 30]. Б.К. Гигинейшвили также полагает, что общедагестанский [дз] сохранился в даргинском и табасаранском; в остальных дагестанских языках он трансформировался в другие звуки [6, с. 83]. Примеры: дарг. – гадза («кобыла»); табас. – мелдз [20, с. 46]; лезг. – медз (Хайдаков) («язык»); агульск. – будзи («женская грудь») (Хайдаков); табас. – гадзу («кирка»); дарг. – вадз («луна»); табас. – дзав («небо»); дарг. – гГинидз («родник»); хиналугск. – дзо («небо»); дарг. – дзе («соль»); ундза («дверь»); рутульск. – гадзай («кирка»); цахур. – гадзай («кирка»).

[л] – переднеязычный зубной, смычно-проходной, сонорный, негеминированный. Примеры: авар. – лагь («раб»); агульск. – балхун («рана»); крызск. – кьал («мышь»); табас. – лич1 («теленос»); гинухск. – зелу («барбарис»).

[л] – переднеязычный зубной, смычно-проходной, сонорный, геминированный. Примеры: каратинск. – игьиболло (хотя здесь [л] появляется в результате сочетания двух гласных) («хотя сделал»); агульск. – иллеф («самец»); арчинск. – кьеллемаи («поясница»); крызск. – г1аллаьг1ад («худой»); бежтинск. – келло («старый, ветхий»); лакск. – х1аллихсса («медленный»); авар. – Нилла («повод»).

[ц1в] – переднеязычный зубной, смычно-щелевой, глухой, абруптивный, геминированный, лабиализованный. Примеры: авар. – ц1ц1ва («звезда»); каратинск. – ц1ц1вай («звезда»); багвинск. – ц1ц1вара («звезда»), боц1ц1в («луна»); чамалск. – миц1ц1в («крапива»); андийск. – ц1ц1ва («камыш»).

[т1в] – переднеязычный зубной, смычно-взрывной, глухой, абруптивный, лабиализованный. Примеры: лезг. – т1вар («кима»), т1вет1 («муха»), т1вал («палка»), дуьт1ваьл [10, с. 35] («веснушки»); авар. – т1варкьги («цоканье»), т1вати («стук шагов»).

[зв] – переднеязычный зубной, щелевой, звонкий, лабиализованный. Примеры: цахурск. – эзвий («вспашка»); аварск. – зваргьги («звон»); лезг. – зверун («бежать»), звал («кипение»), азван («пожарим») (Мейланова).

[ц1в] – переднеязычный зубной, смычно-щелевой, глухой, негеминированный, лабиализованный. Примеры: лакск. – ц1ву («соль»); чамальск. – хиц1в («клещи»); дарг. – гьярц1в («узкий») (Хайдаков); лакск. – ц1ва («хижина»); хинальск. – ц1ва («дом»); лезг. – ц1вел («висок»).

В русском языке переднеязычными зубными являются согласные [с с'с'з з'з'з'т т'д'д'д'з л'л'ц'н'н'т'н'д'н'т'н'д'н'т'л'д'л'л'д'л'].

Долгие согласные в русском языке возникают чаще всего позиционно, именно на стыке двух морфем, например: рассмешить [р'с'м'и'ш'ыт'] [16, с. 501], слышать [р'л'с'лы'ш'ыт'], раззява [р'л'з'а'в'а], раззадорить [р'з'а'д'о'р'и'т'], поддать [п'л'д'а'т'], подделывать [п'л'д'э'л'ы'т'], ругаться [ру'га'ц'ь], оттащить [л'т'т'ш'и'т'], оттяпать [л'т'я'п'ы'т'] и т.д. Вместе с тем долгие согласные в русском языке могут быть и позиционно не обусловленными: [мас'ь], [то'нь], откровенный [л'т'к'р'о'й'ны'и], деревянный [д'ь'и'в'а'ны'и], пицца [п'и'ц'ь] (слово, надо полагать, уже усвоено русским языком), вилла [в'и'ль], манна [ман'ь].

По поводу долгих согласных русского языка М.В. Панов отмечает следующее: «Долгие согласные звуки (реализующие двойные фонемы) могут находиться только между двумя гласными, один из которых – ударный: странно, гамма, касса; массив, странна, гуллиный. На стыке приставки и корня долгота согласного сохраняется, даже если окружающие гласные безударны: оттащить».

В соседстве с другими согласными долгий теряет свою долготу (то есть долгий замещается кратким согласным). Слова «классный», «трехбалльный», «программный» и т.п. произносятся с кратким согласным [12, с. 136]. Не бывает удвоенных согласных звуков, полагает далее он, и на конце слова.

К переднеязычным небным в дагестанских языках относятся [ж жв ж ч чв ч ч¹ ч¹ д¹ж р ш шв ш]. Например: чамал. – *мушв* («ревматизм»); багвал. – *мучв* («ревматизм»); цезск. – *джиргын* («бубен»); тиндийск. – *шинтлх* («свирель»); авар. – *чIeml* («блоха»); лакск. – *ккваччи* («собака»); цахск. – *годжа* («сука»); таб. – *джихир* («груша»); крызск. – *маьдж* («крапива»).

В русском языке к переднеязычным небным М.В. Панов относит [ш ж ш' ж' ч ч' д''ж' т' д' н'гз р,р' р'] [13, с. 33]. При этом он отмечает, что звуки [т д н д' ж'] и некоторые другие возникают на стыке двух фонем: [Ллд' ж'ба], [нЛд жбазы] и т.д. [12, с. 34].

Следовательно, в этой части консонантизм дагестанских языков от системы согласных русского языка отличается, прежде всего, отсутствием мягких согласных, вернее, отсутствием корреляции по твердости – мягкости, наличием лабиализованных и долгих согласных.

Среднеязычными согласными в дагестанских языках являются звуки [й х]: авар. – *йас*, чамийск. – *йагь*, ботлийск. – *йеши*, андийск. – *йоши* («дочь»); рутульск. – *йшлаг*, цахск. – *йива* («железо»); крызск. – *хад*, цахск. – *хан*, закатальский диалект аварского языка – *хим* («вода»).

В русском языке различают среднеязычные согласные [й у]. При этом глухой [у] возможен только в повышено-эмоциональной речи, отмечает М.В. Панов: [а д а j] [12, с. 35].

Заднеязычные согласные. В различных дагестанских языках выделяются следующие заднеязычные согласные [к к к¹ к¹ кв кв к¹в к¹в г гь хь хьв]. Примеры: аварск. – *куй*, ботлийск. – *куни*, дарг. – *кигья*, лакск. – *ку* («баран»); гунзск. – *к¹уцу*, арчин. – *к¹онц¹ол*, бежтинск. – *к¹уцо*, хиналск. – *к¹ум¹а* («щенок»); лакск. – *к¹ви* («зима»); ботлийск. – *никку*, аварск. – *накку* («саман»); удинск. – *к¹уччан*, лакск. – *к¹каччил* («щенок»); аварск. – *г¹важи* («сука»); чамальск. – *гьек¹к¹вад*, ботлийск. – *гьинк¹к¹ва* («мышь»); аварск. – *хьвадизе* («ходить»).

В русском языке различаются следующие заднеязычные согласные: [к г х к' г' х']. Правда, позиционно в русском языке могут появиться заднеязычные звонкие фрикативные [Y Y'] [12, с. 35].

Следовательно, заднеязычные в дагестанских языках и в русском различаются как в количественном, так и в функциональном отношении. Кроме того, звук [х] русского языка в русской речи дагестанцы произносят как увулярный.

Что же касается звука [к] русского языка, то дагестанцы его непременно произнесут или придыхательно, или же преруптивно, например: [к^hак^hой], [п^hакк^hинул] и т.д.

Увулярные согласные. При произношении увулярных согласных активным органом речи является увуля, которая взаимодействует с задней частью спинки языка. Поэтому некоторые ученые их называют глубокими заднеязычными [17, с. 40]. К этому ряду согласных в дагестанских языках относятся [х ххв гь хь кь кь гьв кьв]. Правда, не все эти согласные представлены во всех дагестанских языках. Примеры: бежинск. – *хьима*, хварш. – *хьема*, гинухск. – *хьема* («дождь»); табас. – *ригь*, агул. – *рагь*, рут. – *ригь*, крызск. – *варагь* («солнце»); гинухск. – *гьведе* («день»); дарг. – *рамкья*, лакск. – *кьяьркьи*, арчинск. – *мукьур*, лезг. – *кьяр* («грязь»); аварск. – *кьват¹* («улица»).

Фарингальные согласные. Активным органом речи при образовании фарингальных согласных является фаринкс, то есть верхняя часть гортанной полости. Такие звуки А.А. Реформатский называет «надгортанниковыми», в отличие от «гортанных» (в нашей терминологии – «ларингальные») [14, с. 177].

Фарингальных согласных в дагестанских языках два: [x¹] и [ɣ¹]. Эти звуки встречаются не во всех дагестанских языках. Примеры: ахвахск. – *глебеце* («соха»); агульск. – *лиг¹ан* («подкова»); авар. – *г¹еч*; каратинск., ахвахск. – *г¹ече*, дарг. – *г¹инц* («яблоко»); аварск. – *х¹алт¹и*, тиндинск. – *х¹арт¹и*, хваршск. – *х¹алт¹и*, дарг. – *х¹янчи* («работа»); агульск. – *нерх¹*, будухск. – *х¹ларадж* («масло»); дарг. – *х¹ямх¹*, авар. – *х¹лама* («осел»).

Ларингальные согласные. При образовании ларингальных согласных активным органом речи является ларинкс, то есть нижняя часть гортанной полости, кото-

рая путем сжатия в результате напряжения мускульной системы создает препятствие на пути струи выдыхаемого воздуха. Эти согласные встречаются во всех дагестанских языках. Это звуки [гъ] и [ъ], причем звук [гъ] является фрикативным, [ъ] – смычным. Примеры: авар. – *вабаъ*, дарг. – *вабаъ*, арчин. – *вабаъ* («холера»), *Гайнаъ*, *Муъминат* («женское имя собственное»); лезг. – *ваъ* («нет»); табас., лезг. – *гьуъл* («море»); лакск. – *гьичв*, агульск. – *гьеч*; цезск. – *гьенеш* («яблоко»).

Латеральные согласные. Латеральные согласные образуются при активном участии правого бока языка, который взаимодействует с внутренней полостью правой щеки. Эти согласные имеются в аваро-андо-цезских и в арчинском языке. К ним относятся согласные [лъ лъ л1 къ къ]. Так называемый «пятый латерал» [къ] встречается в некоторых андийских языках и в части диалектов аварского языка. Примеры: аварск. – *лъен*, ахвахск. – *лъану*, арчинск. – *лъал* («вилы»); ахвахск. – *къара*, каратинск. – *къара*; андийск. – *къора* («колос»); ахвахск. – *къали*; карат. – *къале*; андийск. – *къоли*; бежтийск. – *либо*; цезск. – *леб*; хваршск. – *либ*; гинухс. – *лебу*; хунзс. – *либу* («лист»); аварск. – *ракъа*; ахвахск. – *ракъи*; карат. – *ракъе*; тинд. – *ракъи*; ботл. – *ракъил*; годоб. – *ракъин* («кость»).

Увулярные, фарингальные, ларингальные и латеральные согласные в русском языке не встречаются.

Библиографический список

1. Алиева, С. Система согласных фонем агульского языка в сопоставлении с русским консонантизмом [Текст] / С. Алиева // Вопросы сопоставительной фонетики русского и кавказского языков. – Махачкала, 1985. – С. 135–140.
2. Бокарев, Е. А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков [Текст] / Е. А. Бокарев. – Махачкала, 1963. – 291 с.
3. Бокарев, Е. А. Цезские (дидойские) языки Дагестана [Текст] / Е. А. Бокарев. – М. : Изд. АН СССР, 1959. – 98 с.
4. Буржунов, Г. Г. Сравнительно-типологическая фонетика русского и дагестанских языков [Текст] / Г. Г. Буржунов. – Махачкала, 1975. – 110 с.
5. Гаприндашвили, Ш. Г. Фонетика даргинского языка (по данным диалектов) [Текст] / Ш. Г. Гаприндашвили. – Тбилиси, 1966. – 147 с.
6. Гигинейшвили Б. К. Сравнительная фонетика дагестанских языков [Текст] / Б. К. Гигинейшвили. – Тбилиси, 1977. – 165 с.
7. Гудава, Т. Е. Консонантизм андийских языков. Историко-сравнительный анализ [Текст] / Т. Е. Гудава. – Тбилиси, 1964. – 221 с.
8. Гукасян, В. Удинско-азербайджанско-русский словарь [Текст] / В. Гукасян. – Баку, 1974. – 297 с.
9. Загиров, З. М. Сопоставительная грамматика русского и дагестанских языков [Текст] / З. М. Загиров. – Махачкала, 2002. – 287 с.
10. Мейланова, У. А. Гюнейский диалект – основа лезгинского литературного языка [Текст] / У. А. Мейланова. – Махачкала, 1970. – 191 с.
11. Мейланова, У. А. Звуковые процессы в консонантной системе юго-западных говоров кубинского наречия лезгинского языка [Текст] / У. А. Мейланова // Фонетическая система дагестанских языков. – Махачкала, 1981. – С. 13–26.
12. Панов, М. В. Русская фонетика [Текст] / М. В. Панов. – М. : Просвещение, 1967. – 438 с.
13. Панов, М. В. Современный русский язык [Текст] / М. В. Панов // Фонетика. – М., 1979. – 255 с.
14. Реформатский, А. А. Введение в языковедение [Текст] / А. А. Реформатский. – М., 1999. – 536 с.
15. Русско-даргинский словарь [Текст]. – Махачкала, 1982. – 447 с.
16. Русское литературное произношение и ударение [Текст] : словарь-справочник. – М., 1959. – 708 с.
17. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков [Текст]. – М., 1971. – 294 с.
18. Услар, У. К. Этнография Кавказа [Текст] / У. К. Услар // Языкознание. VII. Табаранский язык. – Тбилиси, 1979. – С. 10–69.
19. Хайдаков, С. М. Очерки по лексике лакского языка [Текст] / С. М. Хайдаков. – М. : Изд. АН СССР, 1961. – 199 с.
20. Хайдаков, С. М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков [Текст] / С. М. Хайдаков. – М. : Наука, 1973. – 179 с.

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ЖИВОТНЫХ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Ф.П. Эбзеева

Статья посвящена рассмотрению основ номинации животных в карачаево-балкарском языке, которая главным образом связана с такими характеристиками, как пол, возраст, цвет, звук, местообитание, строение и его части, особенности питания, период активной жизнедеятельности, предрассудками и символическими характеристиками.

The article is devoted to the basis of nomination of the animals in the Karachai-Balkar language which is mainly connected with such characteristics as their sex, age, colour, sound, place of habitation, construction and its parts, the peculiarities of its nutrition, the period of an active lifestyle, superstition and also the symbolic characteristics.

Ключевые слова: название, смысл идентификации, описательный символ, семантическое расхождение, ценность оценки.

Key words: nomination, identifying meaning, descriptive symbol, semantic discrepancy, assessed value.

Поскольку «носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» [1, с. 37], окружающий мир может быть не только универсальным, но и национально-специфичным. Это объясняется тем, что в одном языке отсутствует какая-либо лексема для обозначения определенного объекта, в том числе и животных, то в другом наличествует обозначение либо описательное, либо грамматическое. «Несоответствия» бывают двух типов: семантическое и связанное с этнокультурной спецификой того или иного социума.

Наименования животных, как и других естественных классов, характеризуются идентифицирующим значением, отмеченным тремя ступенями формирования, соответствующими трем этапам познания предметов:

✓ их вычленению: это означает, что процесс познания предмета связан, в первую очередь, с его вычленением из окружающего мира и его отделением от пространственного фона;

✓ отождествлению, то есть установлению идентичности предметов самим себе. Данный процесс выявляется в единстве или множественности номинаций, относящихся к разным формам и фазам существования предмета – от зарождения до исчезновения [2, с. 177]. Периодизация жизни живых существ, в том числе и животных, в каждом языке имеет свои названия. Например, в карачаево-балкарском: *бузоу* («теленоч до шести месяцев») – *тана* («теленоч от шести месяцев до года») – *ийнек* («корова»), *гылыу* («осленоч») – *эшек* («осел») и др.;

✓ таксономии – сведению предметов в классы *большого* или *меньшего* объема, которая создается обычно путем включения предмета в пересекающиеся номинативные объедения [2, с. 180].

После завершения процесса номинации проявляются признаковые значения, например, оценочные. Относительно животных это цвет, форма, размер и другие признаки.

Основными факторами, способствующими появлению в языке тех или иных слов, в том числе и зоонимов, являются опыт, лингвистическая техника, человеческая психология, роль отдельной личности и общества, влияние внешних условий, языковая система, взаимодействие языка и мышления с окружающим миром [3, с. 147].

Вышеизложенное позволяет выделить основные способы номинации животных в карачаево-балкарском языке: пол, возраст, цвет, издаваемый звук, величина и размер, место обитания, строение тела и его частей, сходство одного животного с другим, сходство с действиями и характерными чертами человека, сравнение окраски животного с каким-либо предметом, народные поверья и суеверия, особенности пи-

тания, период активной жизнедеятельности, символическая характеристика, двух- или трехпризнаковость и др.

Названия меньшей части животных указывают на пол: *бугъа* («бык») – *ийнек* («корова»), *ажир* («жеребец») – *байтал* («кобыла»), *теке* («козел») – *эчки* («коза»), *къочхар* («баран») – *къой* («овца»), *гугурук* / *адакъа* / *хораз* («петух») – *тауукъ* («курица»), *къабан* («кабан») – *мегежин* («свиноматка»).

В абсолютном большинстве случаев указывают на пол животного универсальные антропонимические атрибутивные слова: *эркек* («самец») – *тиши* («самка, matka»): *эркек бузоу* («теленок мужской особи») – *тиши бузоу* («теленок женской особи»), *эркек киштик* («кот») – *тиши киштик* («кошка»), *эркек айыу/айю* («медведь-самец») – *тиши айыу/айю* («медведица»), *эркек тана* («телок, бычок») – *тиши тана* («телка»), *эркек къаз* («гусак») – *тиши къаз* («гусыня») и др.

Пол некоторых животных обозначается двояко: словом, указывающим на него, и антропонимичным атрибутивным словом *эркек* (или *тиши*): *гырайт* / *гыртман* («осел») – *тишип эшек* («ослица»), *эркек ит* («кобель») – *къанчыкъ* («сука»).

Возраст животных (обычно домашних) в исследуемом языке обозначается:

✓ непроизводными прилагательными *жаши* («молодой») и *къарт* («старый»): *жаши ийнек* («молодая корова») – *къарт ийнек* («старая корова»), *жаши къой* («молодая овца») – *къарт къой* («старая овца»), *жаши тауукъ* («молодая курица») – *къарт тауукъ* («старая курица») и др.;

✓ прилагательными, образованными от количественных числительных *юч* («три») – *жети* («семь») с помощью аффикса *-лы/-ли, -лу/-лю*: *ючлю* («трехгодовалый»), *ючлю ажир* («трехгодовалый жеребец»), *бешили* («пятигодовалый»), *бешили бугъа* («пятилетний бык») и др.;

✓ сложными прилагательными, образованными по модели «количественное числительное + существительное»: *жаши* («возраст») + афф. *-ар*: *экиджашар* («двухлетка» (о крупном рогатом скоте)), *ючджашар* («трехлетка» (о крупном рогатом скоте)).

Как и во многих языках, в данном языке возраст домашнего скота обозначается и специальными словами: *маркъа къозу* («ягненок-сосун») – *къозу* («ягненок» (до 6 месяцев) – *токълу* («барашек, ярка, ягненок» (от 6 месяцев до года)) – *ишек* («годовалый (о козле, овце)») – *зада* («трехлетний (об овце)»), *бузоу* «теленок» – *тана* («теленок (от 6 месяцев до года)») – *бугъагъа турлукъ/туру* («самка крупного рогатого скота двух лет») – *къунажин* («нетель») – *ийнек* («корова») и др.

Звукоподражаниями или производными от них являются, как правило, наименования диких птиц: *кукук* («кукушка»), *уку* («сова»), *къырыу* (диал.) («журавль»), *дуудуу* («майский жук»), *чыпчыкъ* («воробей»), *къаргъа* (от *къар*) («ворона»), *чаука* (от *чау*) («галка»), *къыжна* (от *къыж*) («сойка») и др.

Из других животных звукоподражательные названия имеют только *буу* («олень») и *бугъа* (от *бу*) («бык»).

Значительное количество наименований животных образовано в соответствии с их цветовыми особенностями, то есть по окраске и масти. Цвета *къара* («черный»), *акъ* («белый»), *боз* («серый») фигурируют чаще, чем *къызыл* («красный»), *талгыр* («полосатый; разноцветный»), *сары* («желтый») и др.: *къара чибин* («муха»), *къарабалыкъ* («линь»), *къаракъанат* («сорокопуд»), *акъ амур* («белый амур»), *акъ айыу* («белый медведь»), *акъ къоян* («заяц-беляк»), *боз чычхан* («серый хомяк»), *боз зурнук* («серый журавль»), *боз къоян* («заяц-русак»), *къызылтеш* («зяблик»), *сары барс* («пума»), *кех-туй* (от *кёк* («зеленый»)) – «быстрая ящерица», *талгыр жилиян* («гадюка») и др.

Немало названий животных, в основу которых легли величина или размер. Одни из таких названий возникли в сравнении *животных друг с другом* (т.е. *къуш* («страус») от *тюре* («верблюд») и *къуш* («орел»), *пил таш макъа* («слоновая черепаха») от *пил* («слон») и *таш макъа* («черепаха»)), другие – в сравнении их с предметами: *томуроу джылан* / *жилян* («удава») от *томуроу* («чурка, чурбан»), и *джылан* / *жилян* («змея»), *къая джылан* / *жилян* («питон») от *къая* («скала») и *джылан* / *жилян* («змея»)), третьи образуются с помощью прилагательных *уллу* («большой»), *гитче* («маленький»), *госта* («карлик», «карликовый»), *узун* («длинный»), *мазалы* («ги-

гантский»), *уллу кёк чыпчыкь* («большая синица»), *гитче жубуран* («малый суслик»), *госта тонгуз* («карликовая свинья»), *узун балыкь* («судак»).

Место обитания стало названием значительного количества животных: *жер макъа* («жаба обыкновенная»), *къая гургун* («скальная ящерица»), *нил сарыубек / сарыубек* («нильский крокодил»), *тенгиз аслан* («морской лев»), *тау чаука* («чайка альпийская»), *къамиш чыпчыкь* («камышовка») и др.

В основе определенного количества зоонимов лежит указание на особенности строения тела животных и его частей: *тишли кит* («зубастый кит»), *тишли чабакь* («зубатка»), *мыйыкълы чабакь* («усач»), *мюйюзбурун* («носорог»), *сакъаллы къуш* («бородач»), *тёпели (чокайбаи, чюйбаи) чыпчыкь* («жаворонок») и др.

В основу же названия других животных легло сходство между ними: *эрлен чычхан* («хомяк») от *эрлен* («белка») и *чычхан* («мышь»), *къой-ёгюз* («овцебык») от *къой* («овца») и *ёгюз* («бык, вол»), *джылан / жилин чабакь* («угорь») от *джылан / жилин* («змея») и *чабакь* («рыба»), *буу къамажакь* («жук-олень») от *буу* («олень») и *къамажакь* («жук») и др.

Ряд наименований животных, особенно птиц, образован на основе сходства с действиями и характерными чертами человека: *уучу къуш* («беркут»), *джырлаучу сарыгош* («иволга поющая»), *эгер ит* («охотничья собака»), *жылкычы къуш* («сыч») и др.

Названия некоторых птиц и рыб появились на основе сравнения их окраски с предметами: *алтын тауукь* («павлин»), *алтын чыпчыкь* («иволга»), *саз балыкь* («густера»), *кюмюш чабакь* («карась») и др.

На основе народных поверий и суеверий возникли наименования ряда птиц (*жаннет / джаннет чыпчыкь* («иволга»), *шайтан тауукь* («удод»), *байчы къуш* («сыч»), *байкъуш* («филин»), *байрым эркек / байрымджакь* («удод»)) и рыб (*сюлемен чабакь* («лосось»), *харам чабакь* («ерш», «сом»)).

Слова, показывающие особенности питания птиц и жуков, в сочетании с их основными наименованиями дали новые наименования: *мирзеу кюе* («амбарная моль»), *кёгет къамажакь* («букарка»), *картоф къамажакь* («колорадский жук»), *агъач къурт* («короед»), *мыллыкчы къуш* («гриф; стервятник»), *эмен чыпчыкь* («дубонос»), *ургъуйчу чыпчыкь* («мухоловка»), *жыртхыч къуш* («орел-стервятник») и др.

Период активной жизнедеятельности также стал поводом для появления новых наименований: *кече гебенек / гёбелек* («совка»), *къыш чыпчыкь* («зимородок»), *танг чыпчыгы* («зарянка»), *ингир гебенек / гёбелек* («бражник») и др.

Некоторые наименования указывают на способы и особенности движения, поведения животных: *боюнбур / боюнбургъуч / тайгъар* («вертишейка»), *учхан джылан / жилин* («кобра»), *чайкъар* («крачка речная»), *жоргъа* («рысак»), *себей чабакь* («брызгун») и др.

В основе номинации отдельных животных лежит символическая характеристика: *патчах джылан / джилян* («королевский питон»), *тёрели дудаць / дууадаць* («дрофа обыкновенная»).

В исследуемом языке в последние десятилетия появились двух- и трехпризнаковые наименования рыб и птиц: *кастий сюлемен чабакь* («лосось каспийский»), *тенгиз алабугъа* («морской окунь»), *къонгур мыллыкчы къуш* («бурый стервятник»), *уллу кёк чыпчыкь* («большая синица») и др.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что названия животных занимают значительное место в словарном составе карачаево-балкарского языка.

Библиографический список

1. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Текст] / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–65.
2. Арутюнова, Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. – М., 1980. – С. 156–249.
3. Серебренников, Б. А. Номинация и проблемы выбора [Текст] / Б. А. Серебренников // Языковая номинация: Общие вопросы. – М., 1977. – С. 147–187.

ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

РОМАННОЕ НАЧАЛО В РАССКАЗЕ В. АКСЕНОВА «НА ПОЛПУТИ К ЛУНЕ»

В.В. Аксёнова

Рассматривается ранняя проза В. Аксенова, в творчестве которого преобладающим жанром является рассказ. Мы подтверждаем существование новеллистического начала в рассказе «На полпути к Луне», написанном в 60-х гг. XIX в. Особое внимание уделяется характеристике пространственно-временных отношений, типичных для работ Аксенова, отраженных позже в его фундаментальных романах.

The article observes the early prose of V. Aksenov with short story as the prevailing genre in his works. Here we prove the existence of novelistic beginning in his short story "On the half-way to the Moon", written in the sixties of the 20th century. Special attention is paid to the characteristics of time-place relations, which were typical for Aksenov's works, and were reflected later in his fundamental novels.

Ключевые слова: романские интенции, В. Аксенов, пространственно-временные отношения, жанровая модель, субъектная организация, рекурсивная организация.

Key words: novelistic intentions, V. Aksenov, time-place relations, genre model, subjective organization, recursive organization.

Василий Аксенов относится к числу авторов, которые вели интенсивные жанровые поиски на протяжении всего своего творчества. В одних случаях такая эстетическая установка приводит к жанровому разнообразию в творчестве писателя, в других, как, например, у Аксенова, – к созданию специфической модели традиционного жанра.

В раннем творчестве В. Аксенова преобладает рассказ. Сам писатель убежден, что «рассказ – школа прозы» [2]. Однако в малой прозе раннего В. Аксенова можно увидеть романное начало.

На такой подход указывает В.П. Скобелев в статье «Новеллистика Василия Аксенова»: «Романная по своим исходным данным установка на экстенсификацию сюжета, на воссоздание "всей" действительности, организующейся вокруг "частного" человека и по отношению к нему со всей определенностью заявляет о себе в рассказах Вас. Аксенова» [10, с. 50].

По М.М. Бахтину, «жанр есть типическое *целое* (курсив мой – В. А.) художественного высказывания, притом существенное целое, целое завершенное и разрешенное» [4, с. 248]. Иными словами, как и любое явление действительности, жанр можно рассматривать в качестве системы, «совокупности элементов, объединенных связями и отношениями в рамках некоторого единства» [5, с. 230]. Обязательными признаками системности являются «структурированность системы, взаимосвязанность ее частей, подчиненность организации всей системы определенной цели» [3, с. 8]. Известно, что для исследования системы необходимо построение модели.

На наш взгляд, наиболее точная модель жанра была создана известным современным литературоведом Н.Л. Лейдерманом и описана в его монографии «Движение времени и законы жанра». В качестве системообразующих элементов, «носителей жанра», автор монографии выделяет *субъектную организацию художественного мира, пространственно-временную организацию, ассоциативный фон, интонационно-речевую организацию* [7].

Изменение инварианта одной из составляющей жанровой модели ведет к появлению новых жанровых модификаций.

В рассказе «На полпути к Луне» (1962) романное начало обусловлено особой комбинацией свойств хронотопа. Здесь наблюдается согласованность пространства – времени при нарушении последовательности траектории, приобретающей рекурсив-

ный и циклический характер, а также целостности траектории. В таком сочетании свойства хронотопа задают специфическую картину эстетической реальности и обуславливают формирование новой художественной целостности, в которой очевидны романские интенции.

История отпуска шофера леспромхоза Валерия Кирпиченко, на первый взгляд, достаточно лапидарна, чтобы уложиться в рамках рассказа. Однако автор усложняет рисунок хронотопа так, что возникает эффект центробежности, традиционно присущей роману. Именно так организован первый эпизод, где эффект центробежности порожден рекурсивным хронотопом, когда возникает некий перерыв во времени без существенного изменения начальной сюжетной ситуации, а также отступлениями в рамках рекурсивного хронотопа от основной линии.

Последовательность траектории нарушена. Впервые герой появляется перед читателем в пространстве и времени, в котором оказался после ряда перипетий. О самих перипетиях читатель узнает позже, когда прерывается однонаправленное движение и происходит обратный отсчет времени: «Вчера было сильно выпито. <...> Вчера, позавчера и третьего дня» [1, с. 192]. Свойство хронотопа, задающее возможность множить ситуации за счет «углубления» в прошлое и возвращения по той же траектории, называется рекурсивным.

Вся рекурсивная часть имеет характер движения от настоящего к прошлому и от прошлого к настоящему, где точкой поворота становится упоминание о встрече на аэродроме: «Банина Кирпиченко встретил третьего дня на аэродроме в Южном. <...> На аэродроме в Южном Банин бросился Кирпиченко, как к лучшему другу» [1, с. 192–193]. Примечательно то, что аэродром (аэропорт) становится в рассказе центральным пространственным образом, где с героем происходят важные повороты судьбы; главная его встреча с бортпроводницей Таней случается в самолете.

Рекурсивная организация хронотопа дает возможность расширить событийный ряд рассказа. Помимо основного события этой части повествования – встречи с Баниным и знакомства с его сестрой – здесь заданы начала других сюжетных линий. Это становится возможным благодаря дополнительным отступлениям от рекурсивного хронотопа. От временного параметра «третьего дня» происходит переход к менее ограниченным координатам «все время». Возникает эффект «углубления» в прошлое, который позволяет обратиться к ситуациям, не имеющим непосредственного отношения к главному событию. Здесь присутствуют микроситуации, которые в развернутом варианте присущи, как правило, такой жанровой разновидности, как производственный роман. Одной из тем производственной прозы является тема чувствования героя-передовика: «В леспромхозе все время носились с ним, все время кричали: "Банин-Банин! Равняйтесь на Банина!"» [1, с. 192]. Правда, получает она иное, чем принято, осмысление: «Таким ребятам завидовать нечего, жалеть надо их» [1, с. 192].

Характеристика героя-передовика как «в общем и целом» человека незаметного, «несмотря на весь шум, который вокруг него поднимали по праздникам» [1, с. 192], который, однако, в отпуске, в другом пространстве, проявляет себя иначе («Прямо узнать его было нельзя, такой сатирик...» [1, с. 193]), также намечает некоторую полемичку с содержательными канонами производственной прозы. Герой-передовик оказывается мнимым героем. На первое место выходит другой персонаж, тип которого можно определить как романтический герой с соответствующими для романтической прозы мотивами. Герой в той или иной степени противостоит если не обществу, то идеологическим установкам. Покоритель женских сердец, герой находится в поиске единственной любви, но она оказывается безответной. Герой путешествует, и география его реальных и воображаемых передвижений экзотическая: от далекой Москвы до еще более далекой Луны. Все эти мотивы в разной степени присутствуют в рассказе, который за счет свойств хронотопа приобретает романские черты. Так, циклический хронотоп позволяет к развернутой ситуации встречи Кирпиченко с сестрой Банина добавить микроситуацию, описывающую взаимоотношения Кирпиченко с другой женщиной. «Одна баба, с которой у него позапрошлым летом было дело, говорила, что у него лицо индейского вождя. Баба эта была начальником геологиче-

ской партии, надо же. Хорошая такая Нина Петровна, вроде бы доцент. Письма писала и он ей отвечал: "Здравствуйте, уважаемая Нина Петровна! Пишет вам вами известный Валерий Кирпиченко..." – и прочие печки-лавочки» [1, с. 197]. Координата «позапрошлым летом» задает некую завершенность ситуации не только с временной точки зрения, но и с точки зрения исчерпанности события. Детализация наравне с процитированным приветствием из писем создает эффект наполненности эпизода романным подтекстом.

Следующий круг событий составляет основное ядро рассказа. Это встреча с бортпроводницей Таней. Тематически этот сюжет примыкает к двум описанным выше. Таким образом, возникает цепочка любовных сюжетных линий, оформленных посредством использования такого свойства хронотопа, как цикличность. Цикличность хронотопа объединяет взаимосвязанные эпизоды, которые в совокупности образуют законченное событие в течение какого-либо промежутка времени. Это свойство хронотопа позволяет также значительно расширить «внутренний мир художественного произведения», его пространственно-временные координаты. Все три сюжетных ситуации в рассказе «На полпути к Луне» разворачиваются в разных пространственно-временных координатах: «позапрошлым летом» в леспромхозе, третьего дня в Хабаровске, весь отпуск в перелетах из Москвы в Хабаровск и обратно. К этому необходимо добавить пространственно-временной образ, вынесенный в заглавие рассказа. Герой не сомневается, что и это пространство он преодолеет: «Недалеко, – подумал Кирпиченко. – Плевое дело» [1, с. 210].

Примечательно, что события, представленные в развернутом виде в двух циклических хронотопах, имеют общую схему экстенсификации сюжета. Обе встречи разворачиваются в замкнутом пространстве (домик и самолет). К каждой из этих точек герой движется по суживающейся траектории (город, улица, домик в первом сюжете, аэропорт, турникет, самолет – во втором). Однако конечные пространства, где происходят решающие события, хоть и одинаково замкнутые, но различаются по своим размерам: «Дом <...> чуть высывался из-за сугроба» [1, с. 193], и «огромный сверкающий на солнце самолет» «был устрашающе огромен. Он был огромен и тяжел, как крейсер» [1, с. 198]. Размеры как будто подчеркивают значимость событий в личной судьбе Валерия Кирпиченко. Кроме того, событийное пространство обоих сюжетов расширяется за счет включения «экзотических» координат. В первом событии дважды с почти дословным повтором, как в рефрене, упоминается песня: «три французских парня пели на разные голоса в комнате, пропахшей томатами и чечено-ингушским коньяком, о том, что они прошли весь белый свет и видели такое, что тебе и не увидеть никогда» [1, с. 195]. Второе событие содержит еще больший набор координат-топонимов, маркирующих «экзотическое» пространство: Сан-Франциско, Сингапур, Москва, которая для героя была не менее диковинным местом, Берлин, Чили.

Такое расширение пространства и времени характерно для больших жанровых форм. Представить все это в малом объеме рассказа позволяют особые свойства хронотопа. Здесь можно говорить об экстенсивной организации жанра, вносящей в рассказ романное начало.

Специфические свойства хронотопа, которые актуализирует В. Аксенов в своих рассказах, вступают во взаимодействие с другим системным элементом жанра – ассоциативным фоном. Рекурсивный и циклический характер хронотопа позволяет разместить образы, которые расширяют рамки рассказа за счет ассоциаций, намекающих на другие коллизии и сюжетные ситуации. Например, циклический хронотоп позволяет в каждой из воспроизводимых сюжетных ситуаций, помимо основной любовной коллизии, задать своего рода исторический фон. Таким образом, реализуется один из принципов романного мышления: «взаимодействие индивида и окружающего его мира, личности и общества» [9, с. 59]. В сцене встречи Кирпиченко с сестрой Банина, разворачивающейся в пространстве комнаты домика на «совершенно деревенской улице» [1, с. 193] Хабаровска, присутствуют детали, создающие аналог широкой исторической панорамы, которая в традиционном рассказе, как правило, выносится за рамки жанра. «Над комодом висел портрет Ворошилова, еще довоенный, без погон, с маршалскими

звездами в петлицах, а рядом грамота в рамке: «Отличному стрелку ВОХР за успехи в боевой и политической подготовке. УСВИТЛ» [1, с. 194]. Эти детали вносят существенное дополнение социально-исторического характера в основной приватный конфликт Банина и Кирпиченко в виде мотива противостояния сына-передовика, достойного своего отца-вохровца, и «шкуры лагерной» Кирпиченко. Кроме того, эти детали задают некое пространство и время, где по законам романного жанра развивается еще одна история, еще одна сюжетная линия. Естественно, что в рамках рассказа ее невозможно реализовать в полной мере, но можно создать набор ассоциаций, который активизирует читательский кругозор, позволяющий «дорисовать» неопределенные составляющие сюжета. Читатель может представить себе, чем снискал уважение и почет отец Банина, каков образ жизни Банина-сына. Примечательно, что тот и другой персонажи носят типический характер. Это тоже задает своеобразный умозрительный объем, намекающий на романские интенции рассказа.

В сцене встречи Кирпиченко и бортпроводницы Тани ассоциативный фон также актуализируется введением в «переживаемый» хронотоп рассказа социально-исторических реалий. Этому способствуют свойства хронотопа, которые актуализируются в этой части рассказа. Целостность хронотопа эпизода нарушается. Он становится прерванным. Пространственно-временная лагуна заполнена координатами давно прошедшего. Время и пространство становятся предметом воспоминаний. При этом время измеряется годами: «в 39-м», «в 45-м», «в 50-м», «через год», «три года», «полтора года». Точная датировка задает историческую перспективу, а достаточно большой период, почти одиннадцать лет, в свернутом виде воспроизводит судьбу личности. Все вместе актуализирует в сознании читателя представление о романном содержании и придает рассказу романский «ореол». Сгущает ассоциативный фон знаковый характер обозначенных дат. Это те годы, которые стали определяющими в судьбе не только Валерия Кирпиченко, но и в жизни практически каждого советского человека. Дополняют широту романной перспективы пространственные координаты: «В четвертый раз через всю страну качу и впервые за свой счет. Потеха!» [1, с. 201]. «Вся страна» обозначена географическими точками: Ставрополье, дальневосточное Приморье, Курилы, Прибалтика, Новороссийск, Сахалин. Здесь на основе согласованного пространства и времени в рамках циклического хронотопа возникает нарушение целостности траектории, которое позволяет включить в малый объем рассказа реалии, актуализирующие ассоциативный фон. Так возникает эффект романного начала в рассказе.

Другим элементом жанровой модели является субъектная организация. В ранних рассказах В. Аксенова наблюдается тяготение к многоголосию, которое характерно, прежде всего, для романного сознания.

В рассказе «На полпути к луне» повествование организовано достаточно сложно. Во-первых, здесь в пределах отдельного высказывания наблюдаются два носителя речи: повествователь и герой. Во-вторых, вышеобозначенная организация высказывания сменяется повествованием от первого лица. Рассказчик здесь не является непосредственным участником событий. Можно говорить о том, что в тексте совмещены объективированное повествование и повествование от первого лица. В пределах объективированного повествования есть проявления только субъекта речи. Это диалоги, реплики в которых подаются без ремарок и комментариев. Субъект речи здесь максимально отстранен, он занимает позицию всеведения.

Значительная часть текста оформлена как совмещение субъекта речи и носителя «точки зрения». Здесь способы воспроизведения чужого слова разнообразны. Такое разнообразие создает эффект самостоятельности субъекта сознания, почти полной независимости его от субъекта речи.

Наконец, в тексте есть фрагмент, где присутствует рассказчик, «носитель речи, открыто организующий своею личностью весь текст» [6, с. 34]. Появление в произведении рассказчика никак не мотивировано. Таким образом, намечается новый сюжет со своим самостоятельным типом повествования.

Такая необычная субъектная организация текста задает многоголосие, которое расширяет рамки жанра.

Выявленные в процессе анализа специфические свойства таких элементов жанровой модели, как хронотоп и субъектная организация, свидетельствуют об изменениях модели рассказа, ее модификации и намечающихся романских интенциях. В творчестве В. Аксенова рассказ становится основой, на которой разрабатываются начала авторской формы романа, доминирующей в зрелом творчестве писателя.

Библиографический список

1. Аксенов, В. На полпути к Луне // В. Аксенов. Золотая наша Железка. – М., 2007.
2. Аксенов, В. Школа прозы [Текст] / В. Аксенов // Вопросы литературы. – 1969. – № 7.
3. Антонов, А. В. Системный анализ [Текст] / А. В. Антонов. – М., 2004.
4. Бахтин, М. М. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику [Текст] / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Тетралогия. – М. : Лабиринт, 1998.
5. Канке, В. А. Философия науки: краткий энциклопедический словарь [Текст] / В. А. Канке. – М., 2008. – С. 230.
6. Корман, Б. О. Изучение текста художественного произведения [Текст] / Б. О. Корман. – М., 1972.
7. Лейдерман, Н. Л. Движение времени и законы жанра [Текст] : монография / Н. Л. Лейдерман. – Свердловск, 1982.
8. Лихачев, Д. С. Внутренний мир художественного произведения [Текст] / Д. С. Лихачев // Вопросы литературы. – 1968. – № 8.
9. Рымарь, Н. Т. Введение в теорию романа [Текст] / Н. Т. Рымарь. – Воронеж, 1989.
10. Скобелев, В. П. Новеллистика Василия Аксенова // Василий Аксенов: литературная судьба / [Текст] / В. П. Скобелев. – Самара, 1994.

МИФОЛОГЕМА *РОССИЯ* В ИСТОРИОСОФСКОМ РОМАНЕ НАЧАЛА XX в.

Т.Н. Бресева

В статье рассматриваются особенности структуры и функционирования мифологемы *Россия* в русском историософском романе начала XX в. Амбивалентность структуры данной мифологемы определяет появление разнонаправленных процессов демифологизации / ремифологизации, первый из которых полемически переосмысливает тот вариант концептуализации феминного начала, который был характерен для национальной мифологии XIX в., второй ориентирован на мифологию софийности, характерную для начала XX в.

The article deals with the features of the structure and functioning of the mytheme *Russia* in the Russian historiographical novel of the early twentieth century. The ambivalence of the structure of the myths determines the appearance of countervailing processes of demythologization / remifologization, the first of which polemically reinterprets the variant conceptualization of feminine beginning, which was characteristic of the national mythology of the XIX century, while the second focuses on the mythology of sophianity characteristic of the early XXth century.

Ключевые слова: мифологема, национальный миф, демифологизация, ремифологизация, гендерное позиционирование.

Key words: mytheme, national myth, demythologization, remithologization, gender positioning.

В историософском романе начала XX в. структура мифологемы *Россия* определяется амбивалентностью национального мифа России, предполагающей двуаспектность истолкования феминной природы России. В первом случае доминантой становится демифологизация традиционной ипостаси Матушка-Русь, во втором – ремифологизация, результатом которой оказывается появление мифологемы России – Вечной Женственности. Подобная структура характерна для третьей части трилогии Д.С. Мережковского, поэтического сборника А. Белого «Пепел» и его прозаического творчества. В романистике Д.С. Мережковского взаимодействие софийного лика

России и системы масок, оформляющихся в мифологему Матушки-Руси, приобретает символично-эмблематический характер; парадигма женских образов четко демонстрирует динамику мифологемы *Россия*, репрезентирующую динамику национального мифа. В этом смысле Д.С. Мережковский абсолютизирует тот символический потенциал концепта *русская женщина*, который был намечен в литературе XIX в. В романе Д.С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» мифологема *Матушка-Русь* репрезентируется посредством женской образной парадигмы, соответствующей трем протагонистам: Петр – Катерина, Алексей – Ефросинья, Тихон – Акулина. Способами демифологизации женского образного ряда становятся здесь замещение национального содержания внациональной составляющей, изменение характера гендерного позиционирования протагонистов, разрушающего гармоничное взаимодействие маскулинного и феминного в национальном теле, реализацией которого становится мотив инцеста.

Процесс замещения национального содержания женских образов внациональной составляющей позволяет объединить их мотивом самозванства, который в отношении Катерины манифестируется совершенно открыто («Не подобает ей на царстве быть – ведь она не природная и не русская»), бюргерский компонент, составляющий основное содержание данного образа, входит в противоречие с той символической ролью, которую она должна играть в рамках иерогамной модели: «Вся она, впрочем, похожа была не столько на царицу, сколько на немецкую трактирную служанку». В отношении же Ефросиньи и «Акулины Мокеевны, Матушки, Царицы Небесной» мотив самозванства раскрывается преимущественно через семантику профанности. Соотнесенность образов сектантской Матушки и Ефросиньи обеспечивается воплощением каждым из них демонической семантики в ее европейском и русском изводах: Ефросинья уподобляется образу «Петербургской Венус – Белой Дьяволицы», Акулина Мокеевна функционально сближается с ролью Бабы-Яги, причем внутреннее тождество усиливается ассоциативным включением происходящего в контекст русской сказки о сестрице Аленушке и братце Иванушке (ребенок, приносимый в жертву, и в том, и в другом случае назван «Ваничкой» и «Иванушкой»). Образ Ефросиньи выстраивается по модели, характерной для двух первых романов данной трилогии и предполагающей амбивалентное содержание образа Афродиты, сакральная символика которого сочетается с персонификацией представлений о ней в массовом сознании христианства. В последней части трилогии внутренняя соотнесенность образов Ефросиньи и Афродиты поддерживается омонимическим созвучием имен (Афроська – Афродита), причем с явной семантикой снижения. В романе Афроська неизменно соотносится не столько с богиней любви, сколько с ее статуей, которую привезли в Россию и которая «оживает» в героине¹.

Инфернализация данного образа окончательно обозначается благодаря одному из видений Алексея, в котором «Петербургская Венус – Белая Дьяволица» Афроська полностью отождествляется с Вавилонской блудницей². Самозванная претензия на духовный, сакральный статус сочетается в отношении данных героинь с их неоднозначной национальной идентификацией, реализующей кривозеркальное единство Европы и символической сущности России. В каждом случае акцентируется неоднородность образов, соединяющих азиатское и европейское начало; тела героинь уподобляются скульптурным образцам греческого искусства, лицо же дополнено азиатскими чертами («калмыцкий» разрез глаз Ефросиньи и «темные, словно углем подведенные веки, с густыми, почти сросшимися, черными бровями, с черным пушком над верхней губой – «точно цыганка, аль черкешенка» в портрете Акулины Мокеевны).

¹ Момент отождествления Ефросиньи с культурными репрезентациями античных образов дублируется ее сопоставлением с самкой сатира, изображенной на картине Рубенса: «Высокая, рыжая, белая; нос немного вздернутый; глаза большие, светлые, с косым и длинным калмыцким разрезом, с каким-то диким, козым взором; и вообще в ней что-то козье, как у самки сатира в Вакханалии Рубенса». Универсальность подобных сопоставлений подчеркивает симулятивность образа Ефросиньи, акцентируя все тот же мотив самозванства.

² Архетип Вавилонской блудницы обобщает содержание всей женской образной парадигмы, поразному реализуясь в каждом конкретном образе.

Демифологизация образного ряда претендующей на реализацию мифологемы *Матушка-Россия* сочетается с трансформацией гендерного позиционирования протагонистов, искажающих гармоничную модель национального тела. Властный дискурс, который диктует модель иерогамии, не выдерживается в равной степени ни одним из протагонистов. Образы Петра и Алексея характеризуются замещением маскулинности иной гендерной природой, вследствие чего иерогамные отношения с «Матушкой-Русью» приобретают инцестуальный характер. Образы Петра и Алексея демонстрируют два разных варианта сочетания маскулинных и феминных черт. В отношении Петра гендерная амбивалентность структурируется моделью гермафродита («Во всем существе – сочетание силы и слабости. Это и в лице: страшные глаза, от одного взгляда которых люди падают в обморок, глаза слишком правдивые; и губы тонкие, нежные, с лукавой усмешкой, почти женские. Подбородок мягкий, пухлый, круглый, с ямочкой» [4, с. 417]), в отношении Алексея – андрогинной моделью. Андрогинная символика поддерживается двумя символическими ипостасями героя – Алексея – человека Божия и Христа¹; наиболее открытая декларация андрогинности героя вкладывается в уста фрейлины Арнгейм.

Двойственность гендерного позиционирования героев сочетается с общностью модели «мать – ребенок», которая актуализируется в отношении и той, и другой образной пары. Недостаточная маскулинность Петра, которая усиливается указанием на гомосексуальные пристрастия героя², проявляется в его «детскости», которая манифестируется совершенно открыто³: «Дикарь и дитя. Впрочем, все вообще русские – дети. Царь среди них только притворяется взрослым. Никогда не забуду, как на сельской ярмарке близ Вольфенбюттеля герой Полтавы ездил верхом на деревянных лошадаках дрянной карусели, ловил медные кольца палочной и забавлялся, как маленький мальчик» [4, с. 415]. Даже жестокость героя объясняется его «детскостью»: «...играя с людьми, <...> калечит их и убивает нечаянно». В отношениях с Катериной «детскость» Петра приобретает инцестуальный характер: «Он звал ее своею "маткою". Оставаясь без нее, чувствовал себя беспомощным, жаловался как ребенок: "Матка! Обшить, обмыть некому!"». Эта же роль матери истеричного ребенка подчеркивается во время «припадков безумного царского гнева»: «Она была как мать, которая баюкает больного ребенка».

Инцестуальность отношений Алексея и Ефросиньи раскрывается ролевым замещением в рамках гендерного позиционирования героев. Ефросинья присваивает не только материнские функции, на что указывает форма обращения царевича к ней («мамень-

¹ В трилогии Мережковского образ любого протагониста двусоставен и включает в себя земную и символическую ипостаси. В двух первых книгах такая структура позволила реализовать романтическую оппозицию героя и толпы: земная ипостась выстраивается как антинорма по отношению к эпохе и дает возможность исключить героя из рамок исторического времени (пророческая функция императора Юлиана как провозвестника грядущей Эллады, пророческая миссия творческого одиночества Леонардо да Винчи); ее несоотнесенность с ипостасью символической (для Юлиана – это символическое уподобление Богу-Солнцу-Митре, для Леонардо – это образ Белого Лебедя) помогает избежать прямолинейности в обозначении утопического идеала синтеза Христа и Антихриста; поэтому в романы вводятся мотивы слепоты героя, невозможности прозрения им собственной символической миссии (образ Юлиана Отступника) или отсутствия действительной активности для реализации синтеза (образ Леонардо да Винчи). В третьей части происходит символизация земной ипостаси протагонистов, реализация или разрешение которой ставится в прямую зависимость от осознания героями своей символической ипостаси, выстраивающейся на библейских ассоциациях и позволяющей включить героев в процесс становления мифа Третьего Завета. Структура образов Петра и Алексея контрастна: земная ипостась Петра, выявляющая его историческую миссию (демиург) сочетается с двойственностью символической ипостаси – Авраам / Бог Отец; в противовес этому земная ипостась, психологизирующая образ Алексея, двойственна – Гамлет / Алексей – человек Божий, а символическая едина – Христос.

² «...генерал Ягужинский, угодил, будто бы, царю такими средствами, о которых неудобно говорить», «Меньшиков имеет над ним почти непонятную власть... Я собственными ушами слышала, как царь называл его своим "Алексашию миленьким", "дитятком сердешненьким" (sein Herzenkind), и тот отвечал ему тем же».

³ Здесь, как и в случае с гендерной амбивалентностью, точка зрения фрейлины Арнгейм должна подчеркнуть объективность и беспристрастность восприятия образа Петра.

ка»), но и внешнюю маскулинность (наместник Вейнгарт говорит о том, что «напрасно она не носит мужского платья – оно ей очень к лицу»). «Детскость» Алексея амбивалентна: в рамках его символических проекций, активизирующихся в отношении Софьи Шарлотты, восстанавливается безгрешный вариант «детскости», реконструирующий архетипический мотив эдемского существования Адама. Гамлетовская ипостась Алексея, реконструирующая гетевскую концепцию шекспировского текста (этап его связи с Ефросиньей), определяет появление инфантильного варианта «детскости». Множественность мечтаний Алексея о победе над Петром и всеми врагами Христовыми, о создании царства Софии, Христа Грядущего завершается осознанием невозможности их реализации: «И представилось ему, что рядом с отцом – исполином, кующим из железа новую Россию – сам он со своими грезами – маленький мальчик, пускающий мыльные пузыри. Ну куда ему тягаться с батюшкой?» Невозможность реализовать ролевые модели в схеме иерогамных отношений становится дополнительным способом деконструкции мифологемы *Матушка-Русь*¹.

В противовес этому выстраивается в романе мифологема России – Вечной Женственности, формируя еще одну репрезентативную парадигму образов: царевна Софья – кронпринцесса Софья Шарлотта, жена царевича Алексея скитница Софья, возлюбленная Тихона. Данную парадигму женских образов отличает функциональная подвижность, демонстрирующая движение от жертвенной к провиденциальной роли, поэтому София Шарлотта и Алексей в восприятии фрейлины Арнгейм уподобляются невинным детям, жертвенным агнцам, тогда как отношения Тихона и скитницы Софьи уже не укладываются в рамки зеркального принципа, формирующего систему взаимоотношения – взаимоотталкивания. Образ Софьи представляет собой соединение земного и небесного лика «огнезрочной, огнекрылой Святой Софии Премудрости Божией». Мученическая гибель героини становится знаком уничтожения земного начала, эмблематическим же воплощением небесной сути выступает иконописный образ св. Софии Премудрости Божией, подаренный ею Тихону и определяющий дальнейший путь героя. Реализацией иконического образа становится расцветная символика, в равной мере репрезентирующая «лик Грядущего Господа» и апокалиптический образ «Жены, облаченной в солнце».

В дальнейшем историософский роман отказывается от столь открытого способа символизации феминной природы мифологемы России. Так, например, в прозе А. Белого вычленение софийного лика решается в основном посредством ассоциативного сближения мифологемы России с образом Спящей / Мертвой царевны. Способом репрезентации динамики данной мифологемы выступает уже не женская образная парадигма как таковая, а реминисцентность, позволяющая растворить феминное начало в национальном хронотопе². Идея русского провиденциализма раскрывается в основном через укорененный в литературе рубежа веков миф пути и переводит повествование в символично-эмблематический план. Пространственным эквивалентом этого является совокупность топосов пространства/пространств и топонимических эмблем русского мира – «Нижний, Владимир и Углич». Последний образный ряд носит назывной характер, определяя вектор развития национального мифа, прямо не участвуя в этом процессе. В противовес этому топос пространства/пространств предельно динамичен и напрямую связан со становлением мифологемы Вечной Женственности. Структурирующую роль в этом выполняет миф пути, тем самым, намечая не горизонтальное, а вертикальное развертывание данного топоса. Иными словами, в центре авторского внимания оказывается процесс постепенной национализации хронотопа, который аналогичен процессу постижения символической природы России. Как правило, в этом случае, как и в отношении развертывания мифологемы *Россия*, вычленяется одна и та же схема, основу которой составляет демифологизация хронотопиче-

¹ Инцестуальные мотивы оказываются сильны и в отношении Акулины Мокеевны, в качестве хлыстовской «матушки» героиня соединяет в себе две ипостаси: мать Христа и возлюбленная Христа (промискуитет в половых отношениях), что обуславливает появление инцестуальных аллюзий.

² Хронотопическое выражение феминности мифологемы *Россия* характерно также для блоковской лирики.

ских моделей, сформированных в литературе XIX в. и утверждение нового национального хронотопа. Так, хронотопическая структура романа А. Белого «Серебряный голубь» включает в себя хронотоп усадьбы (Гуголево) – провинциальный хронотоп (Лихов) – идиллический хронотоп (Целебеево) и собственно национальный хронотоп («луг зеленый»).

Иными словами, феминная природа России в литературе первых десятилетий XX в. характеризуется замещением материнского архетипа¹ архетипом Девы. Возможность смены гендерных репрезентаций нации подчеркивается многими исследователями. Так, О.В. Рябов, ссылаясь на Л. Эдмонсона, отмечает динамику гендерных идентификаций Финляндии: «Финляндия... с конца XIX века была представлена в облике светской, земной девушкой ("Suomi-neito"), символизовавшей молодость и силу поднимающейся нации в ее противостоянии с имперской Россией. Этот образ Финляндии, очевидно, вытеснил более ранний, материнский» [5, с. 124]. В отношении русской культуры данная архетипическая трансформация может быть объяснена комплексом причин. Одной из них служит изменение характера русского Эроса, отличительной приметой которого, по мнению Г.Д. Гачева, является то, что «в России нет связи Неба и Земли как любовно-страстной вертикали». «Земля – не языческая богиня плодородия, не супруга в любви, но только мать с чувствами нежности и страдания» [2, с. 247]. «Русский мужчина в отношении к своей родной земле оказывается нерадивым, то есть полуимпотентом, недостаточным, полуженщиной, пассивным, несамостоятельным, а вечно чего-то ожидающим, безответственным иждивенцем, ребенком, пьяньским сосунком водочки на лоне матери-сырой земли: то есть святым и блаженным, которого можно жалеть, но который уж совершенно реализует и развивает лишь материнскую сторону в русской женщине» [3, с. 267]. Доминирование материнского архетипа в системе национальных представлений XIX в. может быть также объяснено его внутренней корреляцией с концептом «соборность», которая была отмечена в работах Г.П. Федотова: «Сращенность с природой делает трудным и странным для русского человека существование личностное. Он погружен в природу, как в материнское лоно, без нее засыхает, не может жить» [5, с. 86–87].

В противоположность этому культурное сознание рубежа веков характеризуется появлением особого «эротического» ракурса в восприятии России. Так, Е.Н. Трубецкой, анализируя специфику воззрений В.С. Соловьева, отмечает появление этого нового аспекта: «В его отношении к России есть резко выраженная романтическая нота: он говорит о ней как влюбленный. Два земных образа чаще всего и больше всего вызывают в нем виденье "Софии" – Премудрости Божией – образ возлюбленной и образ родины...» [6, с. 504–505]. Хрестоматийным выражением «эротического» взгляда на Россию становится блоковский цикл «Родина». Подтверждением этого являются столь же известные высказывания Г.П. Федотова: «Россия-родина есть для Блока одно из воплощений Той, о которой он пел сначала под псевдонимом Прекрасной Дамы» [5, с. 198] и А. Белого: «О Русь Моя! Жена моя!» – это отнюдь не метафора. Блок выражает сущность России образами Софии или «Светлой Жены» [1, с. 414]. Обобщая подобный тип восприятия России, О.В. Рябов отмечает: «Этот мотив отношения к России как к возлюбленной отражается и в привлечении в философские тексты... сюжетов освобождения Прекрасной Дамы рыцарем, пробуждения от сна Спящей Красавицы. Россия А. Белого – это Красавица, спавшая доселе глубоким сном, и одновременно – Мировая Душа. Иванов для характеристики отношения к России современников-славянофилов использует такие слова – "обретение невесты, высвобождение сокровенной реальности из плена окутавших ее чар", которое есть "всегдашний и коренной мотив мужского действия". Бердяев, более того, настаивает, что именно таким и должно быть отношение человека к Родине: "Образ родной земли не есть только образа матери, это также – образ невесты и жены, которую человек оплодотворяет своим логосом, своим мужественным светоносным и оформляющим

¹ По свидетельству О.В. Рябова, «...русской женщине атрибутируются физическая и нравственная сила, забота, жалость, жертвенность, асексуальность. Несложно заметить, что все перечисленные качества относятся к материнскому архетипу» [5, с. 124].

началом..." <...> "Русская земля все оставалась женственной, все невестилась, все ждала жениха со стороны"» [5, с. 198–199].

Господство «эротического» ракурса в историософии рубежа веков сочетается с представлениями о женственной природе грядущей идеальной эпохи. «Идея женского мессианизма преломляется у Мережковского через положение о трех Заветах. Он пророчесствует о том, что вслед за Первым Заветом – Отца и Вторым – Сына будет явлен Третий Завет – Св. Духа, или Завет Матери; именно так он интерпретирует пророчества Апокалипсиса о том, что «семя Жены сотрет главу Змея». Отец не спас, Сын не спас – спасет Мать» [5, с. 184–185]. Та же стадильность характеризует мышления Вяч. Иванова, утверждающего, что грядущая эпоха – время возвышения женщины, возрастания значения женского начала в мире». Соответственно главным становится процесс реализации идеи женского мессианизма, что, в свою очередь, увеличивает ценность и значимость мужской активности. По свидетельству З.Г. Минц, сюжет расколдовывания и освобождения Спящей Царевны становится одним из самых распространенных в символистской мифологии¹, причем решение мифологемы Спящей Царевны является совершенно однотипным и в культурологическом, и в историософском измерении. И в том, и в другом случае акцентируется потенциальность идеального женского начала, которая не может быть реализована вне мужского логоса. Как следствие этого, изменяется структура мифологемы *Россия*. Присвоение феминных черт пространственной составляющей национального хронотопа, с одной стороны, опирается на понимание пространства (материального) как воплощения женского начала в противовес времени (идеальному), приобретающему мужскую символизацию, с другой стороны, феминизация русского пространства связывается с представлением открытости, потенциальности русского космоса². В этом случае не происходит ремифологизации материнского архетипа. Мифологема смерти/рождения, умирания/воскресения, традиционно присутствующая в архетипе *мать – сыра земля*, в структуре историософского романа первых десятилетий XX в., переадресуется репрезентативному герою, связываясь уже не с архаичной символикой, а приобретая христологический смысл. Именно включение данной мифологемы в структуру репрезентативного героя позволяет обозначить вектор движения к постижению «софийного» лика России.

Библиографический список

1. Белый, А. Воспоминания о Блоке [Текст] / А. Белый. – М., 1995.
2. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира: Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский [Текст] / Г. Д. Гачев. – М., 1988.
3. Гачев, Г. Д. Русский Эрос [Текст] / Г. Д. Гачев. – М., 1994.
4. Мережковский, Д. С. Антихрист (Петр и Алексей) [Текст] / Д. С. Мережковский // Мережковский Д. С. Собрание сочинений : в 4 т. – М. : Правда, 1990. – Т. 2.
5. Рябов, О. В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии [Текст] / О. В. Рябов. – М. : Ладомир, 2001.
6. Трубецкой, Е. Н. Мирозерцание В.С. Соловьева [Текст] : в 2 т. / Е. Н. Трубецкой. – М., 1995. – Т. 1.

¹ В «Софиологии творчества» С. Булгаков, обобщая опыт литературы рубежа веков, утверждал: «Всякий подлинный художник есть воистину рыцарь Прекрасной Дамы».

² Потенциальность русского мира является не столько открытием рубежа веков, сколько переосмыслением одной из основополагающих идей историософской мысли XIX века, утверждающей неопределенность, проективный характер исторической судьбы России.

ЯЗЫК АБСУРДА В РУССКОЙ ДРАМЕ КОНЦА XX в.

М.А. Голованёва

В данной статье рассматривается ряд типичных языковых средств, использующихся в драме абсурда конца XX в. Явления фантастики, оксюморона, бурлеска, батоса, алогизма, сарказма, амфитезы наиболее часты в драме абсурда.

In the article some language means are analysed. These language means were used in drama of absurd at the end of the 20th century. They are fantasy, oxymoron, burlesque, batos, inconsequence, sarcasm and amphitese.

Ключевые слова: языковое средство, фантастика, оксюморон, бурлеск, батоса, алогизм, сарказм, амфитеза.

Key words: language means, fantasy, oxymoron, burlesque, batos, inconsequence, sarcasm, amphitese.

Конец XX в. ознаменовался активизацией творчества таких авторов драмы, которым близка эстетика абсурда, что привело к увеличению абсурдистских пьес. В их ряду можно назвать «Вальпургиеву ночь...» Вен. Ерофеева, «Предтечу» Е. Попова, «Игру в жмурки» М. Волохова, «Двойное дежурство в любовном угаре» Е. Сабурова, «Женщину в стиле "Осень"» В. Дьяченко и другие. Они свидетельствуют о всплеске в русской литературе рубежа последних веков абсурда, зародившегося гораздо ранее в произведениях Ф. Кафки, А. Камю, Э. Ионеско, С. Бекетта. «Ориентируясь на традиции европейской драмы, драматурги основным атрибутом действительности делают абсурд, жизнь в их пьесах лишена внутреннего смысла и причинно-следственных связей. В поэтике преобладает «трагическая демонстрация ложности и бессмысленности форм (в том числе языковых), в которых протекает повседневное бытие человека (А.Н. Дорошевич) и за которыми скрывается безысходная трагичность бытия с его иррациональной жестокостью и смертью» [13, с. 60].

Первая часть задуманной, но не реализованной трилогии «Вальпургиева ночь...» В. Ерофеева была опубликована только в 1989 г. и впервые поставлена Московским театром на Малой Бронной, с успехом донесшим до зрителя мысль о том, что действительность двух последних десятилетий в разрушающейся советской стране – это «сумасшедший дом, шабаш, царство мрака и безысходности», где нет места «здравому смыслу, красоте, добру» [12, с. 533]; «Для стиля В. Ерофеева характерны элементы карнавализации, возвышения низкого и уничижительное изображение высокого, пародийности, гротеск, трагический сарказм» [12, с. 533]. Сам писатель назвал язык пьесы «антиязыком»: «Мой антиязык от антижизни» [12, с. 533]. Вполне реалистическая по сюжету пьеса В. Дьяченко «Женщина в стиле «Осень» должна заканчиваться, по замыслу автора, абсурдной сценой разрушения здания театра, гибелью всех зрителей. Размывание границ возможного и невозможного в театре при всем желании сочинителя имеет предел; однако такого предела нет в «драме для читателя» (где на переднем плане – язык, а не действие), в которую превращается, благодаря подобной воле драматурга, данная пьеса.

Феномен абсурда изучался различными науками. В филологии особенно пристальное внимание явлению было уделено в работах А. Агеева [1], Ю.Д. Апресяна [2], Е. Бабаевой, Ф. Успенского [3], А.Н. Баранова [4], В. Вахрушева [7], Б.Г. Ганеева [8], И. Дюшен [10], Ж.-Ф. Жаккара [11], И.С. Куликовой [14], Н.Ф. Овчинниковой [16], Г.С. Померанца [17], А.Г. Трифонова [18], А. Фрей [19].

«Абсурд (лат. *“absurdus”* – «нелепый») как стилистическое средство представляет собой бессмыслицу (выражаясь проще – галиматью, ахинею), вызванную либо крайним неправдоподобием, либо крайним алогизмом речи. Следовательно, понятие абсурда следует признать общим для категорий алогизма и неправдоподобия» [15, с. 303].

Среди умалишенных пациентов психиатрической больницы в пьесе «Вальпургиева ночь...» читатель/зритель находит двух совершенно здоровых героев – Гуревича и Прохорова, чья речь – часто зона абсурда – злой сарказм, выпад в сторону суще-

ствующего строя. Как способ проведения идеи автор актуализирует речь не настоящих больных, изобилующую явными узлами неправдоподобия, а речь главных персонажей. Так, высказывание Гуревича в помещении приемного покоя больницы построено на *искажении фактов*, явной *фантастике*:

«Г у р е в и ч. Куда мы с ним [отцом] переплывали Геллеспонт...

Г у р е в и ч. Когда мы вместе с нею [женой] переплывали Гиндукуш... она разбила свою прекрасную голову... о скалы Британского Самоа.

Г у р е в и ч. И чего стоит выплыть из Гиндукуша, если прежде человеку покорялись Дарданеллы?»

Оксюморонные конструкции, антифразис в речи героя – способ насмешки над антагонистами:

«Г у р е в и ч. ...и вот мы с ним пили, пили, пили... чтобы привести мысли в ясность...»

Сочетание *экспрессивных дериватов (авторских неологизмов)*, акцентирующих выразительность их внутренней формы, и *компаративных конструкций* создает мощный узел с метафорическим, даже диафорическим (диафора – резкая, смелая, абсолютная метафора [15, с. 131]) звучанием, ведь считается, что «образное значение метафоры – это буквальное значение соответствующего сравнения» [15, с. 162]. Сила компаративных конструкций здесь заключается в том, что это не *логические, а об-разные сравнения* (уподобленные понятия, тематически друг от друга отдаленные и логически несоотносимые [15, с. 162]):

«Г у р е в и ч. ...Мне трудно сказать... Такое странное чувство... Ни-во-что-не-погруженность... ничем-не-взволнованность... ни-к-кому-не-расположенность... И как будто ты с кем-то помолвлен... а вот с кем, когда и зачем – уму непостижимо... Как будто ты оккупирован; и оккупирован-то по делу, в соответствии с договором о взаимопомощи и тесной дружбе, но все равно оккупирован... и такая... ничем-вроде бы-не-потревоженность, и ни-на-чем-не-распятость... ни-из-чего-неизблеванность. Короче, ощущаешь себя внутри благодати – и все-таки совсем не там... ну... как во чреве мачехи...»

Периодические переключения главного героя на стихотворную речь обусловлены стремлением низвести посредством абсурда высокое до низкого:

«Г у р е в и ч. Хорошо, я больше не буду... вы говорили о нашей медицине, чту ли я ее? Чту – слово слишком нудное, по правде, и... плоскоступное...

Но я – но я влюблен в нее – и это
Без всякого фиглярства и гримас.
Во все ее подъемы и паденья,
Во все ее потуги врачеванья
И немощей, телесных и душевных,
В ее первенство во Вселенной, в Разум
Немеркнувший, – а стало быть – и в очи,
И в хвост ее, и в гриву, и в уста,
И в...»

Бурлескный стиль, обусловливающий здесь абсурд, реализуется посредством *батоса* (греч. “*batos*” – «глубина, глубокомысленное рассуждение») – неожиданного и резкого снижения стиля, заявленного в начале как патетический [15, с. 356]. Помимо этого, снижение, производящееся в данном примере в последних трех строках, основано еще и на *зевгме*: «...влюблен... в очи, *И в хвост ее, и в гриву*, и в уста, И в...» Выделенные слова-*дисфемизмы*, служащие снижению стиля, есть еще и *маркеры, репрезентанты* текстовой *аллюзии*. В них угадывается фразема «ругать (поносить) в хвост и в гриву». Таким образом, зритель/читатель легко восстанавливает по этим словам предтекст с уничижительным смыслом, сдвигающий все высказывание в сторону абсурда и комизма. Явление бурлеска и батоса в нем встречаем и в прозаической речи героя:

«Доктор. Так когда же вас сюда в последний раз доставляли?»

Гуревич. ... в этот день случилось событие, которое врезалось в память миллионов: та самая, пустая винная посуда, которая до того стоила двенадцать или семнадцать копеек – смотря какая емкость, – так вот, в этот день она вся стала стоять двадцать».

Другой пример выявляет способы создания нереального:

«Гуревич. О, грустно быть татаринком – до гроба!

Пришлось подзарабатывать в глуши:

И конформистом, и нонконформистом,

И узурпатором. Антропофагом,

На должности японского шпиона

При институте Вечной Мерзлоты...»

В тексте пьесы быть татаринком – «быть грузчиком в хозяйственном магазине»: «Гуревич. Так все равно, какая работа, я на все готов – массовый сев гречихи и проса... или наоборот. Сейчас я состою в хозмагазине, в должности татарина». «Подзарабатывать в глуши / И конформистом, и нонконформистом» – *оксюморон*, так как взгляды диссидента в *глуши* не могут вызвать ответной реакции властей; кроме того, «подзарабатывать диссидентом» – абсурд, так как это не профессия. Антропофаг (греч. *“anthropophagos”*, от *“anthropos”* – человек + *“phagein”* – «ест, пожирать») – людоедство [6, с. 62], так же как и узурпатор, – не профессия. Использование иноязычных эквивалентов вместо исконно русских слов, то есть осуществление *метономазии* [15, с. 315], усиливает эффект абсурда.

Высокий интеллект и широчайшая начитанность главного героя позволяют ему создавать ряды перечислений из созвучных имен собственных. Онимы, помимо рифмующихся морфем, объединены тем, что их носители имеют отношение к какой-либо сфере деятельности: науке, искусству, философии и др. Однако в предикативные единицы они не входят. *Перечисление созвучных пар онимов* вносит в речь персонажа элемент бессмысленности:

«Гуревич. ... все отчего-то мешается, путается, поросенки, курганы... Генри Форд и Эрнест Резерфорд... Рембрандт и Вилли Брандт... Эптон Синклер и Синклер Льюис, Синклер Льюис и Льюис Керролл... Вера Марецкая и Майя Плисецкая... Жак Оффенбах и Людвиг Фейербах... Виктор Боков и Владимир Набоков... Энрико Карузо и Робинзон Крузо...»

Подобные фрагменты в корне отличаются от похожих реплик этого же персонажа, где созвучие имен в антитетичных парах имеет смысловой подтекст и где отсутствует абсурд:

Гуревич. ... Только я подумал: как все-таки стремглав мельчает человечество. От блистательной царицы Тамары – до этой вот Тamarочки [грубой медсестры в психиатрической больнице]. От Франсиско Гойи – до его соплеменника и тезки генерала Франко. От Гая Юлия Цезаря – к Цезарю Кюи, а от него уж совсем к Цезарю Солодаря. От гуманиста Короленко – до прокурора Крыленко. Да и что Короленко? – если от Иммануила Канта – до "Степного музыканта". А от Витуса Беринга – к Герману Герингу. А от псалмопевца Давида – к Давиду Тухманову. А от...»

Нарушение причинно-следственных связей наблюдается в *анекдотических* ситуациях, где *эффект обманутого ожидания* порождает как комическое, так и абсурдное:

«Гуревич. Положа руку на сердце, я уже отправил одного человека **туда**... мне мой белообрый приятель Эдик притащил яду, он сказал, что яд безотказен и замедленного воздействия. Я влил все это дядюшке в куриный бульон – и что же вы думаете? – ровно через двадцать шесть лет он издох в страшных мучениях...»

В другом примере неправдоподобие факта передается способом *гипертрофии следствия, опережающего причину*:

«Пророков. ... Но ты же черная мамба, есть такая южноафриканская змея – черная мамба! – от ее укуса человек издыхает за тридцать секунд до ее укуса».

Абсурдным является скопление в речи умалишенного героя тематически отобранных пословиц. В конситуации пьесы это действие персонажа рассматривается

им самим как молитва. В контексте сатиры на отмирающий строй этот фрагмент – зона абсурда ввиду *гротесковой* природы многих из пословиц:

«П р о х о р о в. Молись, Михалыч! В последний раз молись, адмирал!

М и х а л ы ч (уронив голову до пределов, начинает быстро-быстро что-то бормотать, приблизительно такое). За Москву не страшно умирать, Москва – всем столицам голова, в Кремле побывать – ума набрать, от ленинской науки крепнет разум и руки, СССР – всему миру пример, Москва – Родины украшение, врагам – устрашение... Кто в Москве не бывал – красоты не видал, за коммунистами пойдешь – дорогу в жизни найдешь, советскому патриоту любой подвиг в охоту, идейная закалка бойцов рождает в бою молодцов...»

В игровой речи персонажей пьесы часто *хиазм* (повтор двух компонентов с инверсией по схеме «АВ – ВА» [15, с. 432]) часто комбинируется с *антанаклазой* (повтором омонимичных либо многозначных единиц в разных контекстных значениях [15, с. 419]):

«П р о х о р о в. Ясно. Трибунал. Конечно, сейчас он жалок, этот антипартийный руководитель, этот антигосударственный деятель... но все его бормотания и молитвы – это привычное *кривляние наших извечных недругов. Это недружественная извечность наших кривляк...* Товарищ контр-адмирал, как видите, не может стать перед вами во фронт. Наказан за *буйство и растленную агентурность*. Вернее, за *агентурную растленность и буйство*» (курсив мой – М. Г.).

Алогизм действий, поступков, явлений и фактов, описанных главным героем, свидетельствует о стремлении автора пьесы «перевернуть» мир, подчеркнуть бессмысленность существующего мироустройства: Гуревич рассказывает об отсутствии у него пара изо рта на морозе. Друзья сказали: «Тут что-то не то, надо сообщить куда следует».

«Н а т а л и (прыскает). И сообщили?

Г у р е в и ч. Еще как сообщили. Меня тут же вызвали в какой-то здравпункт или диспансер. И задали такой один вопрос: "По какой причине у вас пар?" Я им говорю: "Да ведь как раз пара-то у меня и нет". А они: "Нет-нет. Отвечайте на вопрос: на каком основании у вас пар?.." А я сказал: отвезите меня в 126-ое отделение милиции. У меня есть кое-что сообщить о Корнелии Сулле. И меня повезли.

Н а т а л и. Ты прямо так и брякнул про Суллу? И они чего-нибудь поняли?

Г у р е в и ч. Ничего не поняли, но привезли в 126-ое отделение».

Вымышленные, квази-научные названия растений возникают в речи одного из душевнобольных персонажей, который посредством «безобидных» рассуждений на ботанические темы проявляет свои диссидентские настроения. «В научной речи употребительны в уточняющей функции *логические определения*, которые (в отличие от эпитетов, дающих образную характеристику предмета) используются для членения родового понятия на ряд видовых: береза карельская, карликовая, каменная» [15, с. 265]. Так образуются *составные термины* и *составные номенклатурные наименования*. Думается, что для достижения наибольшей абсурдности при создании некоторых названий автором пьесы произведено наложение данного приема на прием *прозономазии*. Прозономазия – фигура уточняющего прибавления прозвищного определения (субстантивного или адъективного) к имени собственному: Александр Освободитель, Александр Невский [15, с. 267]. Персонаж пьесы становится в оппозицию к существующей власти, сочиняя следующие названия цветов:

«С т а с и к. Приходи в мой сад – и все твое. "Презумпция жеманная", она же Зиночка сдобная пальпированная! – да и как Зиночке не быть пальпированной, если она такая сдобная! М...звончики смекалистые! ОБХ-ЭС ненаглядный! Гольфштрим чечено-ингушский! Пленум придурковатый! – его так называли за его дымчатые вуали, невзначай и совсем не остроумно. Дважды орденоносная Игуменья незамысловатая, лучшие ее разновидности: "Капельмейстер Штуцман", "Ухо-горло-нос", "Неувядаемая Розмари" и "Зацелуй меня до смерти". Генсек бульбоносный! Пурпуровидные его сорта зовутся по-всякому: "Любовь не умеет шутить", "Гром победы раздавайся", "Крейсер Варяг"».

Идеологическая конфронтация с властью прочитывается и в наполненных *сарказмом* неправдоподобных историях, рассказах главного героя:

«Г у р е в и ч. Там, на вонючем западе, там тоже все только и делают, что стоят в очередях за бесплатной похлебкою. Ватикан им выдает эту похлебку или еще кто – не знаю, но они глядят при этом в сторону России и думают... о чем уж они там думают, я тоже не знаю... но как бы то ни было, мы должны быть постоянно начеку и готовить себя к подвигу! А вы – готовите себя к подвигу?»

Главному герою принадлежит также приписывание вымышленных высказываний различным историческим личностям, философам, поэтам. *Искажение фактов* (в данном примере значение активизируется с помощью зевгмы, связанной с глаголом «заносить») способствует нагнетанию абсурда и приданию большей политической окрашенности тексту:

«Г у р е в и ч. О! Вначале – конечно – русская нация будет чувствовать себя счастливо и триумфально. Но потом... их будет заносить – муссонами со стороны Яффы, – их будет заносить все дальше и дальше на север, в сторону безжизненных просторов... все дальше на север, где дни еще облачнее, еще короче и, следовательно, где умирать еще безболезненнее и легче. Франческа Петрарка».

Амфитеза – описание целого путем указания на крайние точки [15, с. 333] – подчинена в пьесе той же цели:

«Г у р е в и ч. Да здравствует Эрец Израиль до самого Евфрата!
П р о х о р о в. Зачем сужать? От Нила до Евфрата!
Г у р е в и ч. Чего мельчить? От Нила до Евфрата –
Все это хорошо, но мелкогато,
От Евфрата – на восток, восток... –
И вплоть до Нила!..

А л е х а. От Синайского полуострова – до Кольского!»

Говоря об инакомыслии драматургов конца XX в., уместно провести параллель между их взглядами на советскую действительность и взглядом Сергея Довлатова, за несколько десятилетий до этого в повести «Наши» написавшего простую и все объясняющую фразу. Болела маленькая дочка, которую увезли на скорой в больницу и не пускали туда никого из родных: «Мать иногда выходила на лестницу плакать. Как-то раз ей повстречался между этажами старый знакомый. Это был артист Меркурьев. Когда-то они вместе работали. Мать рассказала ему о наших делах. Меркурьев порылся в карманах. Обнаружил две копейки. Пошел в автомат.

– Меркурьев говорит, – сказал он, – пустите Норку в больницу...

И мать сразу пустили. А затем и жене разрешили дежурить ночами. *Так что единственное оружие в борьбе против Советского государства – абсурд...*» (курсив мой – М. Г.) [9, с. 238].

Организация пьес также подчинена созданию абсурда. Так, *ремарки* в пьесе В. Ерофеева перестают быть ремарками в чистом, эталонном виде, и превращаются в *беллетризованные фрагменты*:

✓ «...при каждой его [персонажа Бореньки] реплике Сибелиус на время отступает, и вторгается музыка, *которая, если переложить ее на язык обоняния, – отдает протухшей поросятиной, псиной и паленой шерстью*»;

✓ «...постовые, с Ранинсоном во главе, по освещенному коридору приближаются к третьей палате *поступью Фортинбрасов*»;

✓ «*Звук в начале непонятный. Будто кто-то с размаху затворил за собой дверь на щеколду*. Все поворачиваются. А это – Вова. А это – Вовин рот, раскрытый в продолжение всего пятого акта, – захлопывается навсегда»;

✓ «Все та же третья палата, несколько часов спустя: *все выглядит настолько иначе, что глупо и говорить об этом*» (курсив мой – М. Г.).

Пьеса В. Дьяченко содержит прозаическое пространное вступление, не имеющее отношения к действию, в котором автор повествует об обстоятельствах, в которых родился замысел данного произведения. Ориентация пьесы на читателя, а не на

зрителя (что абсурдно изначально, если учитывать корни этого рода литературы) подтверждается заключительной ремаркой, которая диктует трагедию для зрителя:

«...Наконец, уровень вибрации [стен зрительного зала театра] становится критическим, строительные конструкции не выдерживают, с невероятным грохотом стены и потолок обрушиваются к чертовой матери, ни один из зрителей не уходит живым. Пауза. Неподвижная, спокойная, возможно, мертвая, Дама стоит на сцене в полном одиночестве и прозрачности...» (курсив мой – М. Г.).

Языковые средства создания абсурда, используемые в драме абсурда конца XX в., многочисленны и разнообразны, однако все они обладают главным отличием – обеспечивают нарушение причинно-следственных связей, смещение пропорций изображаемого. «Активное (порой чрезмерное) использование приема смещения пропорций позволяет стереть границы между "нормальным" и "ненормальным" миром, а в конечном счете – между миром реальным и миром в субъективном восприятии художника. Отсутствие грани между явью и бредом как бы подчеркивает абсурдность мироздания, в котором "ненормальное" восприятие мира глубже, тоньше, сложнее, одухотвореннее нормального» [5, с. 228].

Таким образом, в статье рассмотрены отдельные наиболее типичные языковые средства, служащие в драматическом тексте задаче создания абсурда.

Библиографический список

1. Агеев, А. Приручение абсурда [Текст] / А. Агеев // Новый мир. – 1991. – № 7. – С. 21–29.
2. Апресян, Ю. Д. Языковая аномалия и логическое противоречие [Текст] / Ю. Д. Апресян // Избранные труды: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995. – Т. 2. – С. 598–621.
3. Бабаева, Е. Грамматика абсурда и абсурд грамматики [Текст] / Е. Бабаева, Ф. Успенский // Русский авангард в кругу европейской культуры. – М., 1993. – С. 145–151.
4. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику [Текст] : учеб. пос. / А. Н. Баранов. – 2-е изд., испр. – М., 2003. – 360 с.
5. Басинский, П. В. Саша Соколов [Текст] / П. В. Басинский, С. Р. Федякин // Современное русское зарубежье : кн. для ученика и учителя. – М. : Олимп : ООО «Фирма "Издательство АСТ"», 1998. – 528 с.
6. Булыко, А. Н. Современный словарь иностранных слов. Более 25 тысяч слов и словосочетаний [Текст] / А. Н. Булыко. – М. : Мартин, 2004. – 848 с.
7. Вахрушев, В. Логика абсурда, или Абсурд логики [Текст] / В. Вахрушев // Новый мир. – 1992. – № 7. – С. 235–237.
8. Ганеев, Б. Г. Парадокс: парадоксальные высказывания [Текст] / Б. Г. Ганеев. – Уфа, 2001. – 120 с.
9. Довлатов, С. Наши [Текст] / С. Довлатов // Современное русское зарубежье : кн. для ученика и учителя. – М. : Олимп : ООО «Фирма "Издательство АСТ"», 1998. – 528 с.
10. Дюшен, И. Театр парадокса [Текст] / И. Дюшен // Театр парадокса. – М., 1991. – С. 5–21.
11. Жаккар, Ж.-Ф. Даниил Хармс: театр абсурда – реальный театр: Прочтение пьесы «Елизавета Бам» [Текст] / Ж.-Ф. Жаккар // Театр. – 1991. – № 11. – С. 16–23.
12. Звягина, М. Ю. Венедикт Ерофеев [Текст] / М. Ю. Звягина // Современная русская литература : хрестоматия для сред. и высш. шк. / сост. В. Н. Гвоздей, М. Ю. Звягина, Г. Г. Исаев [и др.] ; вступ. ст. Г. Г. Исаева. – Астрахань : Изд. АГПИ им. С.М. Кирова, 1995. – 647 с.
13. Исаев, Г. Г. Русская литература конца 1980-х – первой половины 1990-х годов [Текст] / Г. Г. Исаев // Современная русская литература : хрестоматия для сред. и высш. школы / сост. В. Н. Гвоздей, М. Ю. Звягина, Г. Г. Исаев [и др.] ; вступ. ст. Г. Г. Исаева. – Астрахань : Изд. АГПИ им. С.М. Кирова, 1995. – 647 с.
14. Куликова, И. С. Что такое театр абсурда? [Текст] / И. С. Куликова. – М., 1967. – 32 с.
15. Москвин, В. П. Стилистика русского языка. Теоретический курс [Текст] / В. П. Москвин. – 4-е изд., перераб. и доп. – Ростов н/Д. : Феникс, 2006. – 630 с.
16. Овчинникова, Н. Ф. Парадоксы и их роль в истории научной мысли [Текст] / Н. Ф. Овчинникова // Природа. – 1982. – № 32. – С. 11–16.
17. Померанц, Г. С. Язык абсурда [Текст] / Г. С. Померанц // Выход из транса. – М., 1995. – 576 с.
18. Трифонов, А. Г. Абсурд [Текст] / А. Г. Трифонов // Культурология. XX век : словарь. – СПб., 1997. – С. 9–11.
19. Фрей, А. Грамматика ошибок [Текст] / А. Фрей. – М., 2006. – 304 с.

Д.Е. МИН – ПЕРЕВОДЧИК ФРАГМЕНТОВ ПОЭМЫ
ДЖОРДЖА КРАББА «ПРИХОДСКИЕ СПИСКИ»

Д.Н. Жаткин, Е.И. Ильязова

В статье впервые осуществлен анализ восприятия обычаев и традиций английской провинции известным русским переводчиком Д.Е. Мином, осуществившим во второй половине 1850-х гг. интерпретацию отдельных фрагментов поэмы Джорджа Крабба «Приходские списки» (“The Parish Register”, 1807). На материале анализа русского восприятия истории покинутой дочери богатого мельника Люси, потрясающей трагизмом, несправедливостью судьбы, безграничностью жестокости по отношению к самым близким людям, и эпизода о судьбе подкидыша Ричарда Мондея, покладисто-падкого ко всем низменным вещам, авторы приходят к выводу, что Мин практически полностью подчинил свою деятельность задаче максимально скрупулезного и точного воссоздания особенностей английского оригинала, что дало возможность судить как о значительных достоинствах произведения Крабба, так и об его недостатках, прежде всего, излишней склонности английского автора к морализаторству.

The article presents for the first time an analysis of a famous Russian translator D.E. Min’s understanding of customs and traditions of the English province in his interpretation of some fragments of George Crabbe’s poem “The Parish Register” (1807), created by him in the second half of the 1850s. On the basis of the analysis of the Russian understanding of the story about the forsaken miller’s daughter Lucy, shocking with its spirit of tragedy, injustice of the fortune, abysmal cruelty to the dearest people and the episode about the foundling Richard Monday’s fate, susceptible to mean things and compliant person, the authors come to the conclusion that Min almost fully subordinated his activity to the task of maximum scrupulous and precise reproducing of peculiarities of the English original, what gave us an opportunity to judge of significant advantages of Crabbe’s works as well as his disadvantages, first of all, excess inclination of the English author to moralizing.

Ключевые слова: Дж. Крабб, образы английского мира, русско-английские литературные и историко-культурные связи, поэзия, художественный перевод, рецепция, традиция, межкультурная коммуникация, художественная деталь.

Key words: G. Crabbe, images of the English world, Russian-English literary and historical-cultural relations, poetry, literary translation, reception, tradition, intercultural communication, literary detail.

Одним из наиболее известных произведений английского поэта-священника Джорджа Крабба является его поэма «Приходские списки» (“The Parish Register”, 1807), развивающая тему ранней поэмы «Деревня» (“The Village”, 1783), созданной как своеобразный протест против сентиментальной и идиллической картины сельской жизни, представленной в элегической поэме Оливера Голдсмита «Покинутая деревня» (“The Deserted Village”, 1770). Из трех частей поэмы Крабба первая была посвящена рождению и крещению детей, вторая – свадебным торжествам, третья – погребению усопших.

Обратившись в 1856–1860 гг. к переводу первой части поэмы, Д.Е. Мин отделил ее от введения, превратил эпиграф к произведению, взятый Краббом из философской поэмы Лукреция “De Reum Natura” («О природе вещей», V, 223), в эпиграф к первой части поэмы, получившей название «Новорожденные»: “Tum progo puer (ut saevis projectus ab undis, / Navita) nudus humi jacet infans indigus omni / Vitali auxilio, – / Vagituque locum lugubri complet, ut aequum est, / Cui tantum in vita restat transire malorum” [5, p. 12] [«Вот и младенец (подобно моряку, выброшенный / Жестоким бурей на берег) лежит на земле, нагой, / Бессловесный – / Его жалобный плач раздаётся кругом, да и как ему не жаловаться, / Когда ему предстоит испытать при жизни столько злоключений?»]. При этом эпиграф был дан Мином исключительно на латыни, без русского (хотя бы и подстрочного) перевода и без указания на источник заимствования.

О том, что Крабб, несмотря на появление в «Современнике» пространного цикла статей А.В. Дружинина, не принадлежал к числу авторов, хорошо известных русскому читателю, свидетельствовало примечание, предварявшее публикацию «Русского

вестника». В примечании содержались не только общие сведения о жизни и творчестве Крабба (годы жизни, названия основных произведений), но и оценочные суждения, помогавшие понять как специфику восприятия Крабба в России в канун крестьянской реформы, так и причины, побудившие Мина воспринимать Крабба в качестве автора, творчество которого актуально в новых исторических условиях для русского читателя: «<Крабб →> один из отличнейших английских поэтов XIX века. Будучи сельским священником, он с особенною любовью изучал быт самого бедного класса людей и ему то преимущественно посвящал свою лиру, почему и получил в Англии название "поэта бедных". Отличительные черты его поэзии – простота, пафос, сила и верность описываемых характеров» [2, с. 440].

Пространный ряд портретов первой части поэмы открывает история покинутой дочери богатого мельника Люси, потрясающая трагизмом, несправедливостью судьбы, безграничностью жестокости по отношению к самым близким людям. Основную причину происшедшей трагедии Крабб усматривает в гордыне мельника, кичившегося своим богатством, причем не только деньгами, прельстившими моряка, но и красавицей-дочерью. Если в английском оригинале рождение ребенка Люси и моряка воспринимается исключительно как последствие бесчестья и стыда (“A Child of Shame, – stern Justice adds, of Sin” [5, p. 20] [«Ребенок Позора, – строгое Правосудие добавляет, Греха»]), то в интерпретации Мина речь идет о греховной страсти, подразумевающей наличие у Люси искренних чувств: «Плод страсти – "и греха", прибавит строгий суд» [3, с. 134].

Крабб отмечал твердую решимость моряка покорить девушку и его воинственный настрой по отношению к мельнику, символически упоминая о дубе, самом прочном материале, из которого сделан фрегат, на котором приплыл юноша (“Stretch’d all his sail, nor thought of pause or plan: / His trusty staff in his bold hand he took, / Like him and like his frigate, heart of oak” [5, p. 20–21] [«Расправил весь свой парус, не думал ни о паузе ни о плане: / Свою надежную дубинку в свою смелую руку он взял, / Как он и как его фрегат, сердце дуба»]); Мин подспудно подчеркивал некоторую жесткость, грубоватость, неотесанность героя и при этом превращал название материала, из которого был построен фрегат, в название самого корабля: «Он к делу приступил, все поднял паруса / И в руку палку взял, обтесанную грубо, / Но крепкую, как сам фрегат его: *Грудь дуба*» [3, с. 135].

Если Крабб при описании внешности моряка делал акцент на аккуратности, не дававшей малейшего повода сомневаться в чистоте его намерений (“Fresh were his features, his attire was new; / Clean was his linen, and his jacket blue: / Of finest jean his trousers, tight and trim, / Brush’d the large buckle at the silver rim” [5, p. 21] [«Свежи были его черты, его одежда была нова; / Чистым было его белье, и его куртка голубой: / Из самой лучшей джинсовой ткани его брюки, плотно прилегающие и аккуратные, / Начищена большая пряжка в серебряной оправе»]), то Мин представлял щеголя, тем самым словно предупреждая читателя об отсутствии у моряка подлинного чувства: «Пригож лицом, наряд имел он щегольской: / Опрятное белье под курткой голубой, / Штаны из дорогой материи в обтяжку, / Вкруг пояса ремень с серебряною пряжкой» [3, с. 135].

При переводе стихов об обращении мельника со своей дочерью, воспринимаемом со слов последней (“To me a master’s stern regard is shown, / I’m like his steed, prized highly as his own; / Stroked but corrected, threatened when supplied, / His slave and boast, his victim and his pride” [5, p. 21] [«Ко мне строгое отношение хозяина проявляют, / Я похожу на его коня, которого ценят высоко как его собственность; / Гладят, но наказывают, угрожают, когда подводят, / Его раб и предмет для хвастовства, его жертва и его гордость»]), Мин опустил ряд весомых определений – «его собственность» (“his own”), «его раб» (“his slave”), «предмет для хвастовства» (“boast”), показывавших абсолютное господство отца над девушкой и приравнивавших ее к вещи: «Меня готов всегда журить он без вины; / Как лошадью своей, которой нет цены, / Которую он бьет и думает, что учит, / Гордится мною он, зато как жертву мучит» [3,

с. 135]. Тем не менее основополагающее для данного эпизода унижительное сравнение девушки с лошадию в полной мере сохранено переводчиком.

В поэме Крабба моряк излишне усердствует в своем стремлении доказать мельнику, что является достойной партией для его дочери: “The Miller cannot be the Sailor’s foe; / Both live by Heaven’s free gale, that plays aloud / In the stretch’d canvass and the piping shroud; / The rush of winds, the flapping sails above, / And rattling planks within, are sounds we love; / Calms are our dread; when tempests plough the deep, / We take a reef, and to the rocking sleep” [5, p. 21] [«Мельник не может быть врагом моряка; / Оба живут свободным ветром небес, который играет громко / В натянутой парусине и поющем ванте <ванты – канаты, поддерживающие мачты парусного судна со стороны бортов>; / Порыв ветров, колеблющиеся паруса над головой, / И грохочущие доски внутри, являются звуками, которые мы любим; / Штиль – наш страх; когда бури бороздят море, / Мы берем риф, и в качку спим»]. Многословный монолог краббовского героя опирается на тезис о ветре, роднящем моряка и мельника, дающем им (в противоположность штилю) работу и уверенность в завтрашнем дне, однако очень быстро переходит из соотносительной в сугубо морскую плоскость, наполняется терминологией (“canvass” («парусина»), “shroud” («вант»), “sails” («паруса»), “calms” («штиль»), “tocking” («качка»)), превращающей всю речь в бахвальство и самолюбование. В интерпретации Мина монолог матроса выглядит более логичным; в частности, появляется упоминание о мельнице, по крыльям которой бьет ветер, утрачивается большая часть морских терминов, что в итоге избавляет речь от ощущения самодовольного хвастовства героя: «С матросом может ли быть мельник не в ладу? / Ведь оба мы живем свободным ветром, бьющим / По крыльям мельницы и в парусах ревушим! / Вой ветра, хлопанье холстины у кормы / И треск досок – вот звук, который любим мы. / Штиль страшен нам: когда от бури злится море, / Мы смело риф берем и спим, забывши горе» [3, с. 135]. Слова, брошенные моряком в ярости после получения отказа, звучат в русском переводе скорее как оскорбление, нежели как угроза, ср.: ““Revenge! revenge!” the angry lover cried” [5, p. 22] [«“Мсть! мсть!” – рассерженный влюбленный кричал»] – «– “Молчи ж ты старый хрыч!” – вскричал моряк взбешенный» [3, с. 136].

Переводчиком иначе расставлены акценты во фрагменте, описывающем падение девушки. Если у Крабба основной причиной прелюбодеяния становилось всеохватное стремление спастись от «дикой власти» (“savage power”) отца, вселявшей безмерный страх (“Till the fond damsel, pleased with lad so trim, / Awed by her parent, and enticed by him, / Her lovely form from savage power to save, / Gave – not her hand – but ALL she could she gave” [5, p. 22] [«Пока любящая девица, довольная, что парень такой миловидный, / Напуганная своим родителем, и соблазненная им, / Чтобы свою красоту от дикой власти спасти, / Не дала – не свою руку – но ВСЕ, что она могла, она отдала»]), то у русского переводчика девушка оказалась склонена к порочной связи безумным порывом «дикой страсти» к красавцу-моряку: «Тогда-то бедная, в порыве дикой страсти, / Безумно, вопреки отцовской строгой власти, / Не руку – нет, но все, что лишь отдать могла, / Красавцу милому навеки отдала» [3, с. 136].

Приближая трагическую развязку действия, Крабб прибегает к отвлеченному описанию и, концентрируясь на последовательности событий, четко обозначенной наречиями “first” («сначала»), “then” («затем»), “next” («потом»), показывает сменяющие друг друга проявления общественного восприятия происшедшего – «шушукующие сплетни» (“whispering gossips”), «более громкий скандал» (“louder Scandal”), «болтливую глупость» (“babbling Folly”), «деятельную злобу» (“busy Malice”): “First, whispering gossips were in parties seen, / Then louder Scandal walk’d the village – green; / Next babbling Folly told the growing ill, / And busy Malice dropp’d it at the mill” [5, p. 22] [«Сначала шушукующие сплетни были на стороне заметны, / Затем более громкий Скандал прошел по деревне зеленой; / Потом болтливая Глупость сказала свое слово растущему худу, / И деятельная Злоба бросила это на мельнице»]. У Мина четкая последовательность действий нарушена – от всех последующих событий отделено только «шушуканье <...> кумушек» («Сперва шушуканье меж кумушек прошло»

[3, с. 136]), вслед за которым в едином контексте следует ряд действий, перечисленных с использованием анафоры «Там <...> / Там <...> / И там Там <...>» («Там выше голову злоречье подняло, / Там глупость наглая пред всеми проболталась, / А там на мельницу и злость с молвой примчалась» [3, с. 136]). Переводчик отказался от использования значимых для английского оригинала определений, значительно усилив роль олицетворения абстрактных явлений: “whispering gossips” («шушуканье сплетни») – «шушуканье <...> прошло», “louder Scandal walk’d” («более громкий скандал прошел») – «выше голову злоречье подняло», “babbling Folly told” («болтливая глупость сказала») – «глупость наглая <...> проболталась», “busy Malice dropp’d” («деятельная злоба бросила») – «злость с молвой примчалась».

Узнав о грехе дочери, жестокий мельник обрушивает на нее свои проклятия, желает ей «раздора и смятения» (“strife and confusion”), «нужды и плачущего надоедливового ребенка» (“want and a wailing brat”), причем его речь звучит спокойно, лишена пафосности, что дополнительно подчеркивает суровость героя, чуждого сострадания и прощения: “Go! to thy curse and mine”, the Father said, / “Strife and confusion stalk around thy bed; / Want and a wailing brat thy portion be, / Plague to thy fondness, as thy fault to me; – / Where skulks the villain?” – “On the ocean wide / My William seeks a portion for his bride”. – / “Vain be his search; but, till the traitor come, / The higgler’s cottage be thy future home; / There with his ancient shrew and care abide, / And hide thy head, – thy shame thou canst not hide” [5, p. 22–23] [«Иди! к своему проклятию и моему», – отец сказал, – / “Раздор и смятение пусть крадутся у твоей кровати; / Нужда и плачущий надоедливый ребенок твоей долей будь, / Чуму на твою любовь, как твоя вина для меня; – / Где прячется злодей?” – “На широком океане / Мой Уильям ищет денег для своей невесты” – / “Тщетны будь его поиски; но, пока предатель не придет, / Дом торговки будь твоим будущим домом; / Там с его древней ведьмой и заботой пребывай, / И скрой свою голову, – свой позор, который ты не можешь скрыть”]]. Если в оригинале Крабба имеется всего один сдержанный возглас мельника (“Go!” («Иди!»)), то в русском переводе вся речь героя построена на эмоциональных возгласах, призванных акцентировать равнодушие отца к судьбе своей падшей и отверженной дочери: «“Вон!” закричал отец: “Будь мною проклята! / Пусть поразят тебя позор и нищета! / Пусть детский плач и стыд падут тебе на долю / За то, что для любви мою отвергла волю! / Куда бежал злодей?”» – “Мой Уильям по морям / Пустился средств искать для пропитанья нам” / – “Пусть в век их не найдет! но до его возврата / Иди на край села к торговке – в дом разврата! / Там с старой ведьмой ты будешь в горе жить, / Там скроешь голову, стыда ж тебе не скрыть!”» [3, с. 136]. Если английский поэт едва говорит об отверженности Люси, которой отныне предстоит жить в «доме торговки» (“higgler’s cottage”), то Мин усиливает мотив отверженности, вводя ряд дополнительных деталей: «дом торговки» оказывается расположенным «на краю села» и пользующимся репутацией «дома разврата».

Одиночество Люси, изгнанной из общества после рождения ребенка, показано Краббом через насмешливое чириканье воробьев и печальные вопли летучих мышей, причем поэт использовал настоящее время глаголов для того, чтобы добиться реальности изображаемого: “Where noisy sparrows, perch’d on penthouse near, / Chirp tuneless joy, and mock the frequent tear; / Bats on their webby wings in darkness move, / And feebly shriek their melancholy love” [5, p. 23] [«Где шумные воробьи, усевшиеся на крыше рядом, / Чирикают немелодичную радость, и насмеваются над частой слезой; / Летучие мыши на своих паутинных крыльях в темноте двигаются, / И слабо вопят свою печальную любовь»]. Мин, напротив, излагает события в прошедшем времени, воспринимая их как страничку ушедшей жизни и дополняя картину отдельными деталями, отсутствующими в английском первоисточнике (в частности, летучие мыши «с писком» проносятся «меж балок крыши», воробьи не насмеваются (“mock”), а смеются при виде слез девушки): «...на кровле воробьи, / Смеясь слезам ее, чирикали вдаль. / И с писком жалобным, во мгле, меж балок крыши, / Порой летучие переносились мыши» [3, с. 137].

Если Крабб, описывая дальнейшие события, когда девушка, желая получить хоть какую-то помощь, вынуждена вновь обратиться к отцу, показывает, что мельник после падения дочери опускается и сам, лишается своей гордости (благосостояния), мотает деньги с любовницей (“A mean seraglio there her father keeps, / Whose mirth insults her, as she stands and weeps; / And sees the plenty, while compell’d to stay, / Her father’s pride, become his harlot’s prey” [5, p. 23] [«Убогий сераль там ее отец держит, / Чья радость оскорбляет ее, когда она стоит и плачет; / И видит, как достаток, в то время как вынуждена оставаться, / Гордость ее отца, становится добычей его любовницы»]), то Мин воспринимает поведение отца, проматывающего свое имущество, как своеобразную месть дочери, не заслужившей от него наследства: «Там гнусная сераль отцом заведена. / Он издевается над ней, когда она / Стоит и слезы льет и видит, как ей в мщенье / С своей наложницей мотает он именье» [3, с. 137].

Значительный интерес представляет фрагмент краббовской поэмы, в котором прорисован характер подкидыша Ричарда Мондея, грустного (“sad”), тихого (“silent”), податливого (“supple”), сгибающегося в поклоне (“bending to the blow”), раба рабов (“a slave of slaves”), нижайшего из низких (“the lowest of the low”), не знавшего стыда (“knew no shame”), не боящегося позора (“dreaded no disgrace”), покладисто-падкого ко всем низменным вещам. Мин следует английскому автору в доскональности воссоздания колоритного образа подкидыша, однако отказывается от самых низких определений – “a slave of slaves” («раб рабов») и “the lowest of the low” («нижайший из низких»): «Всегда увертливый, пред всеми молчаливый, / К побоям сносливый, к обидам терпеливый, / С податливой душой, готовый завсегда / На все бесчестное без страха и стыда» [4, с. 194]. И хотя стих перевода «В нем вечно сонный дух не мог не пробуждаться» в полной мере не раскрывает бесчувственности «онемелой груди» краббовского героя (“It seem’d, so well his passions he suppress’d, / No feeling stirr’d his ever-torpid breast; / Him might the meanest pauper bruise and cheat, / He was a footstool for the beggar’s feet” [5, p. 33] [«Казалось, так хорошо свои страсти он сдерживал, / Никакое чувство не волновало его всегда онемелую грудь; / Его мог бы самый убогий нищий побить и обмануть, / Он был скамеечкой для ног попрошайки»]), Мин верно подмечает «способность» подкидыша быть душою беднее самого последнего из нищих: «Казалось – так умел он ловко притворяться! / В нем вечно сонный дух не мог не пробуждаться. / Бранить и бить его последний нищий мог, / Он нищему служил скамейкою для ног» [4, с. 194]. Чтобы усилить картину униженности положения Ричарда Мондея Мин использует идиоматические обороты «быть на побегушках», «быть в науке», «принадлежать и душой и телом» («На побегушках век, он был у всех в науке, / На все Ричардовы употреблялись руки. / И телом и душой вора принадлежа, / Он по приказу крал, без выгод дележа» [4, с. 194]), в то время как у Крабба не столь изощренно выражена мысль о непринадлежности услужливого героя самому себе: “His were the legs that ran at all commands; / They used on all occasions Richard’s hands: / His very soul was not his own; he stole / As others order’d, and without a dole” [5, p. 33] [«Его были ноги, которые бежали по любой команде; / Использовались во всех случаях руки Ричарда: / Сама его душа не была его собственной; он крал, / Когда другие приказывали, и без доли»].

Вместо использования характерной авторской анафоры “In all disputes <...> / <...> / In all rebellions <...> / <...> / In all detections” («Во всех спорах <...> / <...> / Во всех восстаниях <...> / <...> / Во всех расследованиях») и повтора оборота “on either part / on either side” («за обе стороны»), подчеркивавших соучастие Ричарда во многих неблагоприятных делах (“In all disputes, on either part he lied, / And freely pledged his oath on either side; / In all rebellions Richard joined the rest, / In all detections Richard first confess’d” [5, p. 33] [«Во всех спорах, за обе стороны он лгал, / И легко давал клятву за обе стороны; / Во всех восстаниях Ричард присоединился к остальным, / Во всех расследованиях Ричард первым признавался»]), Мин акцентировал читательское внимание на лексеме «каждый», призванной убедить в том, что человеческая непорядочность вошла в плоть и кровь подкидыша: «Какой бы спор в селе, бывало, ни случился, / Он врал за каждого, за каждого божился; / Во всякой драке он к сильнейшим

приставал, / При каждом следствии их первый выдавал» [4, с. 194]. И Крабб, и его русский интерпретатор отмечали двойственное отношение окружающих к Ричарду Мондею, – его презирали за низость чувств, но при этом ценили за покладистый характер (умение «подлаживаться к нраву») и услужливость: “Yet, though disgraced, he watched his time so well, / He rose in favour when in fame he fell; / Base was his usage, vile his whole employ, / And all despised and fed the pliant boy” [5, p. 34] [«Все же, хотя униженный, он проводил свое время так хорошо, / Что он поднялся в фаворе, когда в славе он упал; / Низким было его использование, подлым его вся служба, / И все презирали и кормили покладистого мальчика»] – «А между тем, во всем снискав дурную славу, / Он к каждому умел подлаживаться нраву; / У всех в презрении за низость чувств; меж тем, / Для всех услужливый, он полюбился всем» [4, с. 194]. Крабб конкретно указывал, в чем проявлялась любовь поселян к подкидышу – “fed the pliant boy” («кормили покладистого мальчика»), тогда как в переводе Мина эта подробность была опущена.

Если английский автор отмечал приспособленность Ричарда к жизни (“Richard’s talents for the world were fit” [«таланты Ричарда для мира были пригодны»] [5, p. 34]) и выделял наиболее яркие из присущих ему качеств и черт поведения – «небольшую хитрость» (“small cunning”), «небольшое остроумие» (“small wit”), «спокойный взгляд, который, казалось, на все согласен» (“calm look which seem’d to all assent”), «самодовольную речь, которая ничего не значила» (“complacent speech which nothing meant”), – совокупно сводившихся к одной каждодневной заботе: «...как лучше всего Ричарда Мондея обеспечить» (“...how best for Richard Monday to provide” [5, p. 34]), то русский переводчик, сохраняя многие художественные детали оригинала, сводил основную идею к тому, что Ричард шел к своей цели наперекор судьбе: «А он меж тем постиг секрет, как в свете жить; / Он был неглуп; к тому ж имел талант хитрить, / Умел он каждого пленять приветным взором, / И словом ласковым, и льстивым разговором, / Одну лишь мысль тая у сердца, мысль – себе / Устроить будущность наперекор судьбе» [4, с. 194]. Как видим, в переводе Мина использовались сугубо русские сочетания «приветный взор», «ласковое слово» и полностью опускались характерные для английского языка и частотные у Крабба повторы оборотов с лексемой “had” («имел»).

Подкидыш Ричард Мондей умер богатым человеком, оставив солидное наследство родне и ничтожно скудный дар приходу села, где он прошел школу жизни: “But to his native place severely just, / He left a pittance bound in rigid trust; – / Two paltry pounds, on every quarter’s-day, / (At church produced) for forty loaves should pay; / A stinted gift that to the parish shows / He kept in mind their bounty and their blows!” [5, p. 34] [«Но своему родному месту, сурово справедливому, / Он оставил вспомоществование, ограниченное жесткой ответственностью, – / Два пустяковых фунта, в каждом квартале / (В церкви произведенные) за сорок буханок хлеба заплатить; / Скупой дар, который приходу показывает: / Он хранил в памяти их щедрость и их удары!»]. Если в оригинале Крабба «скупой дар» Ричарда Мондея позволяет приходу один раз в квартал покупать сорок буханок хлеба для нищих, то в интерпретации Мина сущность дара несколько изменена, хотя мысль о ничтожности и вместе с тем поучительности такой помощи и оставлена прежней: «А нашему селу, где вырос он, убогий, / Оставил, подчинив ответственности строгой, / В два фунта капитал, чтоб на его доход / Хлеб нищим покупать два раза в год, – / Ничтожный, жалкий дар, дававший знать приходу, / Что помнил он наш хлеб и детских лет невзгоду!» [4, с. 195].

В целом Мин с большим мастерством и профессионализмом перевел сложнейшее произведение Крабба, этого, по словам А.В. Дружинина, «...Миериса и Говарда поэзии, христианина и утешителя меньших своих братьев, человека, сосредоточившего в своих вдохновениях все величие здоровой, хотя и суровой филантропии», «первого труженика на поприще сближения своей родной словесности с изображением действительной жизни» [1, с. 363]. Будучи профессиональным переводчиком, не занимавшимся оригинальным поэтическим творчеством, Мин практически полностью подчинил свою деятельность задаче максимально скрупулезного и точного воссоздания на русском языке особенностей английского оригинала. Перевод Мина с большой долей объ-

ективности позволяет судить как о достоинствах «Приходских списков» Крабба, в числе которых – стремление к объективности изображения жизни, преодоление пасторальных представлений о деревне, опора на личные наблюдения и впечатления, мастерское сочетание осуждения буйства неистовых страстей и сочувствия к грехопадению и страданию, – так и о недостатках краббовского произведения: излишней склонности автора к нравоучениям и морализаторству, неизменному акцентированию внимания на темных, мрачных сторонах жизни, сочетавшемся с отсутствием представления о возможных путях преодоления общественных пороков.

Библиографический список

1. Дружинин, А. В. Собрание сочинений [Текст] : в 8 т. / А. В. Дружинин. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1865. – Т. 4. – 560 с.
2. Мин, Д. Е. Приходские списки (Parish Register): Поэма Георга Крабба [Текст] / Д. Е. Мин // Русский вестник. – 1856. – Т. 6, № 12. – С. 440–446.
3. Мин, Д. Е. Приходские списки: Поэма Георга Крабба [Текст] / Д. Е. Мин // Русский вестник. – 1857. – Т. 8, № 3. – С. 134–142.
4. Мин, Д. Е. Приходские списки: Поэма Георга Крабба [Текст] / Д. Е. Мин // Русский вестник. – 1860. – Т. 30, № 11. – С. 191–196.
5. Crabbe, G. Selected Poems [Text] / G. Crabbe. – London : G. Cumberlege, 1946. – 512 p.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРИРОДЫ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ И. БУНИНА (цикл «Тень птицы»)

Г.Г. Исаев

Природа Ближнего Востока в цикле путевых поэм И. Бунина репрезентирована как комплекс различных проявлений: растительность, животный мир, море и водные источники, рельеф, почва и др. Описания всех природных феноменов «пропущены» через интерпретацию рассказчика, который опирается на языковые элементы и метафоры, наполненные для него личностным смыслом. Дистанция между «я» и природной средой сокращается, возникают эффекты, навеянные техникой импрессионизма.

Near East nature in I. Bunin's cycle of travel poems is represented as a complex of different manifestations: vegetation, animal world, sea and water reservoirs, relief and soil, etc. The descriptions of all nature phenomena are interpreted by the narrator who uses language elements and metaphors filled with personal meaning for him. The distance between "I" and the environment is shortened, and the effects made by the technique of impressionism appear.

Ключевые слова: пейзаж, дескрипция, рассказчик, культурная и дикая природа, импрессионизм, анемометрия, астрометрия, гидрография, дендрометрия, топография, гипотипозис, символ, миньярдизм, энкомий.

Key words: landscape, description, narrator, cultivated and wild nature, impressionism, anemography, astrothesis, hydrography, dendrography, topography, hypotyposis, symbol, minyardism, encomy.

Образ природы в цикле очерков «Тень птицы» (1907–1911) создается в соответствии с избранными И. Буниным реалистическим методом, художественно-документальным жанром и стилем, сложившимся в его творчестве к концу 1910-х гг.

Своеобразие его реализма в 1917 г. довольно точно определил Ю. Айхенвальд, который в «Силуэтах русских писателей» отметил: И. Бунин – «реалист, даже натуралист, ничем не брезгующий, не убегающий от грубости, но способный подняться и на самые романтические высоты, всегда правдивый и честный изобразитель факта, из самых фактов извлекающий глубину, и смысл, и все перспективы бытия», «самая характерная черта в нем – это внутреннее соединение реальности и мифа, осязательной определенности и безграничного» [1, с. 426–427]. Эти положения не утратили

своего значения до настоящего времени, о чем свидетельствуют работы современных литературоведов [3].

Художественно-документальный жанр под пером писателя трансформировался в модификацию, которую он назвал «путевой поэмой». В ней синтезируются признаки документального очерка и лирической поэзии, доминирует особый характер эстетического преобразования действительности: совмещение в нем временного и вечного, близкого и далекого, факта и мифа, категорий прекрасного и возвышенного. Жанр «путевой поэмы» максимально соответствовал творческой интенции писателя – дать лирико-документальное описание стран Ближнего Востока в свете их легендарной истории.

Стиль прозы И. Бунина 1910-х гг., как он проявился в «Тени птицы», характеризуется сочетанием интонации лирически-взволнованной и торжественной, речи украшенной и риторизованной. Писатель широко прибегает к традиции энкомия – старинного речевого жанра, представляющего собой хвалебную речь в честь определенного лица или божества. Объектами похвалы у И. Бунина являются народы, культура, природа стран Ближнего Востока. Активно используются гиперболы, гиперболические метафоры и сравнения, риторические вопросы и риторические восклицания, положительно-оценочные эпитеты, очень редко – ирония.

Природа у И. Бунина – это все существе, весь мир как бесконечное многообразие его конкретных проявлений (море, пустыни, горы, реки, растительный мир, животные, птицы и т.д.), включая и рассказчика, стремящегося представить их максимально полно и художественно убедительно. Воссоздавая природу прежде всего как земную географическую среду, И. Бунин не может не учитывать влияние на нее различных природных и космических стихий (бури, ураганы, град, землетрясения и пр.), поэтому широко используются различные виды дескрипции. В «Храме Солнца», например, встречаем анемографию – «вид дескрипции, состоящей в описании ветра» [4, с. 116]: «Солнце из грозовых туч озаряло сады и руины сильно и резко. Темно-сизый фон неба еще более усиливал яркость зелени и допотопных стволов колоннады. И в пролеты ее ветхозаветно глядел пегий горный талес. Белым огнем горели широкие снежные полосы этого талеса. И загорелись еще более, когда мы приблизились к Баальбеку. Но вдруг померкли, воздух потемнел – и буря, докатившаяся с Ливана, смерчем закрутила пыль над городком, белевшим за руинами, тучей помчала ее над садами и сквозь колонны... Едва успели мы вскочить в холодный и пустой отель на каменистом холме вблизи их, как все смешалось в лютом ливне с градом. Град с треском сек помутившиеся окна, летел и прыгал по земле. Ваал из-за облачной высоты величаво кидал в мрачно откликавшиеся горы гул и грохот, от которых в страхе метались фиолетовые молнии...» [2, с. 401–402]. В динамичной картине грозового пейзажа, как видим, сведены воедино рассказчик, его спутники, Ливан, отель, темнота, небо, ураган, град, горы, сады, развалины, шум бури и дождя, а также мифологический образ Ваала, который символизирует силу природных явлений. В дискурсе рассказчика реализуется эстетическое совершенствование природы: представления о мире организуются не только логикой рассудка, но и чувством красоты, взаимодействием субъекта и объекта (антропоморфизм и элементы мифологии, глаголы, передающие динамику природных процессов, эпитеты для воспроизведения восприятия события – «лютый ливень», «пегий талес», «фиолетовые молнии», олицетворения – молнии «в страхе метались», «горный талес глядел» и т.д.).

В очерке «Тень птицы», по которому назван цикл, природа репрезентирована скупо, но выразительно. Она, как и в других очерках, напрямую соотносится с «я» рассказчика, «с его опытом самосознания» [5, с. 673]. Приподнятое, мажорное настроение рассказчика, обозначенное уже в первой главке, определяет его эмоциональное и эстетическое восприятие природных ландшафтов, ведет к доминированию в дискурсе таких речевых актов, как адмирация – «демонстрация восхищения, удивления, восторга» [4, с. 77]: «Вода стекловидными валами разваливается на стороны и бежит назад широкими снежными грядами; глубоко внизу краснеет подводная часть носа, – и вдруг из-под него стрелой вырывается острорылая туша дельфина, за ней

другая... и долго, долго мелькают в воде их летящие вперегонки спины. Моему телу живо передается это буйное животное веселье, и вся душа моя содрогается от счастья. Через несколько часов я опять увижу святую Софию. Через несколько дней я буду в Греции. Потом на Ниле, близ Сфинкса... И пойду к Баальбеку, к руинам капища, "воздвигнутого самим Каином в гордости и безумии"..." [2, с. 316]. Адаптация предопределяет тональность почти всех пейзажных зарисовок, очень поэтических и тщательно детализированных. Их составными частями являются горы, долины, небо, облака, солнце, дали: «В круглых сиренево-серых облаках все чаще начинает проглядывать живое небо. Иногда появляется и солнце, – тогда кажется, что кто-то радостно и широко раскрывает ласковые глаза. Мгновенно меняются краски далей, мгновенно оживает море в золотистом, теплом свете...» [2, с. 315]. «Антропоморфизация» пейзажа делает его подчеркнуто мажорным и поэтому особенно выразительным. Усиливают впечатление изобразительные эпитеты, развернутое сравнение и сквозной лексический повтор.

Нередко географические и природные координаты обозначены как бы пунктирно: «...уже открываются на горизонте, в золотистом предвечернем свете, дымчатые силуэты Малоазийских и Балканских предгорий» [2, с. 316], «Пароход легко режет заштилевшее море и как бы уменьшается, приближаясь к четким линиям вырастающих впереди каменистых, серо-зеленых холмов Азии и Европы» [2, с. 316], «Первые турецкие сады, первые черепичные крыши, первый минарет и первый кипарис...» [2, с. 316]. Художественный образ природы возникает здесь как синтез радостных переживаний рассказчика и объективированного описания турецкого пейзажа, который изображается с меняющейся в пространстве точки зрения. Исчезает различие «субъект – объект», «я» растворяется в объекте, а объект делается подчеркнуто субъективным. Отсюда – ощущение динамики и движения. Неоднократный лексический повтор, создающий ощутимый ритм, передает взволнованно-приподнятое состояние субъекта повествования, привлекает внимание адресата к «коммуникативно значимым элементам его речи» [4, с. 561].

Природа Турции – это обилие зелени, в том числе созданной руками человека: «...зеленые холмистые побережья в цветущих садах и могильных кипарисовых рощах, в парках», «Свежеет, и горы и холмы, овеваемые морским воздухом, принимают лиловые тоны. Босфор вьется, холмы впереди смыкаются – кажется, что плывешь по зеркально-опаловым озерам. Но вот эти холмы расступились еще раз, – и медленно принимает нас в свою флотилию великий город. Налево, на холмистых побережьях Малоазийских гор, пестрят в сплошных садах несметные кровли и окна Скутари» [2, с. 318]. Подобно импрессионистам И. Бунин по несколько раз воспроизводит одни и те же виды в разное время суток и при разном освещении. Вот, например, общий вид Стамбула и рейда вечером: «Солнце меж тем скрывается за Стамбулом – и багряным глянец загораются стекла в Скутари, мрачно краснеет кипарисовый лес его Великого кладбища, в фиолетовые тоны переходит сизый дымный воздух над рейдом, и возносятся в зеленое небо печальные, медленно возрастающие голоса муэззинов...» [2, с. 318]. Ранее этот пейзаж был описан при другом освещении и с другой точки зрения.

В очерке природа художественно репрезентируется весной – самым прекрасным временем года. Она великолепна, «украшена» цветами, в символическом плане олицетворяющими красоту, божественное благословение, доброту, радость рая, что соответствует семантике заголовка и приподнятому настроению рассказчика: «...в жаркие и нежные дни ранней приморской весны цветут розовыми восковыми свечечками темно-зеленые платаны, из-за древних садовых стен снегом белеют цветущие плодовые деревья, глядит осыпанное кроваво-лиловым цветом голое иудино дерево...» [2, с. 320]. Обилие определений при каждом существительном, ритм, создаваемый синтаксическим параллелизмом, яркость красок способствуют созданию пейзажа, коррелирующего с душевным настроением субъекта речи.

Неизменная составляющая любого пейзажа – сады: «Уже становится жарко <...> яркой бирюзой сквозит вода в щели моста, ярко и нежно зеленеют на горе Стамбула сады...» [2, с. 325]. Органично в них вписываются кипарисы – необходи-

мый элемент традиционного стамбульского сада. Они обязательно присутствуют и на рисунках, изображающих исламский рай, что придает описанию дополнительные коннотации: у мусульман конусообразная форма кипариса послужила основанием считать его символом бессмертия.

Природа Стамбула почти всегда окультуренная человеком. Она – часть истории города: «...зеленая трава пробивается из древней земли, **красный** мак светит среди обломков мрамора и **белым и розовым** цветом цветут чаши деревьев в оврагах возле Старого Музея, облицованного **лазурными** фаянсами, пригретого жарким солнцем под **бальзамически благоухающими** кипарисами» [2, с. 326]. Пейзажи реализуют основной бунинский принцип изображения природы. В дневнике 1922 г. он определил его так: «Я всегда мир воспринимал через запахи, краски, свет...» В приведенном фрагменте обращает на себя внимание яркость создаваемого пейзажа, что достигается использованием чистых цветов, а также изощренным описанием изысканного запаха кипарисов.

Главное в пейзажах Турции – море и горы. Они придают стране неповторимый облик и возникают везде, куда бы ни бросил свой взгляд рассказчик, внимательно фиксирующий отдельные состояния природы: «Но когда мы выходим мимо Ирины в другие ворота Сералия, к обрыву мыса, нас охватывает свежесть моря – и снега: в блеске солнца, в золотисто-голубой дымке тонет зыбкий простор Пропонтиды, миражем означаются силуэты Принцевых островов и заступивших горизонт Малоазийских гор – там смутно рисуется в небе что-то мертвенное, некое подобие неподвижного облака» [2, с. 326]. В этом пейзаже, как и во многих других, сказывается освоение импрессионистического опыта субъективного переживания формы, цвета, света, пространства. Подобно импрессионистам И. Бунин стремится к выявлению связей изображаемых островов, гор с окружающей их свето-воздушной атмосферой, акцентирует внимание на зрительном их полурасстворении в ней. Аналитическое восприятие пространства ослабляется, что приводит к отвлечению изображаемых объектов от их объемно-конструктивных, материальных качеств, слиянию со средой, почти полному превращению их в «видимость». В тексте это передается подбором соответствующих лексических средств, содержащих семы «неопределенность», «промежуточность», «зыбкость»: «золотисто-голубая дымка», «зыбкий простор», «миражем означаются силуэты», «смутно рисуется», «что-то мертвенное, некое подобие неподвижного облака». И. Бунин прослеживает сложные переходы цветовых тонов и вместе с тем отыскивает открытую выразительность цвета несмешанных красок: «...ласковый ветер ударяет мне в лицо, розовая голубка срывается с подоконника в простор весеннего воздуха... И опять разворачивается предо мною зыбкая синева Мраморного моря, блеск солнца, лилово-пепельные силуэты горных вершин и мертвенно-белое облако Малоазийского Олимпа...». Использование «сложных изобразительных эпитетов, представленных полиосновными прилагательными», усиливает «картинность речи» рассказчика [4, с. 898], свидетельствует о его точном и вместе с тем утонченном восприятии цветовых и тональных отношений.

Неповторимое своеобразие природы Турции способствует возникновению измененного состояния сознания и порождает в душе рассказчика трансцендентное устремление в пространственно-временную бесконечность: «Теплый, сильный ветер гудит за мною в вышке, пространство точно плывет подо мною, туманно-голубая даль тянет в бесконечность...» [2, с. 332]. Ветер в данном случае символизирует дух, живое дыхание Вселенной. Вместе с тем он олицетворяет нечто неосознаваемое, бестелесное и неуловимое, указывает на присутствие Бога. Даль, бесконечность означают устремленность к абсолюту, к высшему знанию, к тайнам мировой жизни – материальной и духовной. Эпитет «туманно-голубая» несет символические коннотации умиротворенности и спокойствия духа, проявлением религиозности и фаталистического взгляда на мир.

Художественная репрезентация природы в дискурсе И. Бунина отличается вместе с тем и таким качеством, как миньярдизм, – тщательной отделкой деталей картины, рисунка. Очень часто, например, изображаются горные пейзажи. В очерке «Иу-

дея» рассказчик так передает свое восприятие страны: «Я на темени Иудеи, среди волнистого плоскогорья, лишь кое-где покрытого скудной зеленью. Все мягкого, но очень определенного серо-фиолетового тона. Застывшие перевалы, глубокие долины, куполообразные холмы... За мной, в закате – оливковые рощи и раскиданные по холмам здания: католические приюты, школы, госпитали, виллы. На севере, на горизонте, – четкий известковый конус, гора Самуила. На востоке, за Кедром и горой Елеонской, – Иудейская пустыня, долина Иордана и стеной нежно-фиолетового дыма заступивший полнеба, ровный и высокий хребет от века таинственных Моавитских гор. Прямо же передо мной плоской, голой кровлей желто-розового цвета лежит каменная масса небольшого аравийского города, со всех сторон окруженного глубокими долинами и оврагами» [2, с. 313]. Рассказчик выделил и морфоскульптуры – мелкие формы рельефа земной поверхности, и морфоструктуры – крупные формы рельефа (низменности, равнины, возвышенности, плато и др.), и педимент – предгорные скалистые равнины, и пеплен – невысокие волнистые поверхности с выровненным рельефом. Промежуточные цвета (серо-фиолетовый, нежно-фиолетовый, желто-розовый) способствуют акцентированию рельефных особенностей поверхности.

Тот же принцип выдерживается при описании природы Египта, основными составляющими которой стали «белый блеск» солнца, «пески, пески», «рощи пальм», дурманящая духота: «Обдает пламенем, точно стоишь у костра, удушает желтой пылью...» [2, с. 346]. Климатические условия Египта суровы: плодородная полоса земли вдоль Нила, непрерывно снабжаемая из него необходимой для растительности влагой. Только с помощью орошения удастся сохранить всю растительность. За пределами полосы нет ничего, кроме песков и бесплодной пустыни: «Вокруг меня мертвое, жаркое море дюн и долин, полузасыпанных песками скал и могильников. Все блестит, как атлас, отделяясь от шелковой лазури. Всюду гробовая тишина и бездна пламенного света» [2, с. 356]. При описании природы Египта доминирует желтый цвет – цвет солнца, что подчеркивает приобщение к миру святости, а иногда к миру мертвых. Последнее значение акцентируется употреблением развернутой метафоры «бездна пламенного света», в которой ключевым словом является «бездна». Бездна обычно отождествляется со «страной смерти», преисподней. Составной частью пейзажа является образ змеи Гайи, в описании которой проявляется характерное для И. Бунина стремление соединять воедино факт и символ, факт и миф: «Свившись в палевую спираль, отливавшую голубым пеплом, неподвижно смотрела в пространство круглоглазая, с яйцевидной головкой Гайя, неотразимо-смертоносная покровительница всего древнего Египта – символ величия и власти уреус на царских митрах, жгут, обвивающий крылатую эмблему Гора, «ара», стократ изображенная над входами храмов...» [2, с. 358]. Описывая змею, И. Бунин сосредоточивает внимание на том, что в Египте она воспринималась как защитная эмблема власти фараона, повергающего врагов, и как эмблема солнечного покровительства.

Совсем иное – берега Нила: «...водная сияющая гладь, острова камышей, необозримая зеркальность, на отмелях которой розовыми лилиями блистали тысячи длинноногих фламинго, ибисов и цапель. А за лагунами и поймами начали разворачиваться топи и равнины, возделанные, как огороды, изрезанные каналами и плотинами, и стекловидные дали с чуть видимыми оазами селений...» [2, с. 346]. В дескрипции на первый план выдвигается символический образ воды, которая всегда связана с рождением, возрождением и очищением. Нил – олицетворение космической созидательной силы неба и земли, проявление коммуникации между ними: «Ты – путь, соединяющий небо с землей, – сказали Нилу гимны» [2, с. 440]. Он предстает в антропоморфном виде: «Нил, уведший за собой обитателей Дельты в пустыни, создал светозарный и строгий Египет» [2, с. 442].

Пейзажи Египта, как и других регионов Ближнего Востока, у И. Бунина мифологизированы. Рассказчик периодически переходит на точку зрения носителей мифологической концепции мира и через их одновременно реалистический и иллюзорно-фантастический взгляд на природу воспроизводит тот или иной пейзаж. В «Свете Зодиака», например, подобным образом изображается пыльная буря в Каире: «Небо

было тускло, дул жгучий пыльный ветер. То был вестник самого бога Сета. И дышал он, пламенный, над страной могил от первородных чад ее с таинственного и грозного Юга, – оттуда, "где бог в своем лучезарном течении покрывает кожу людей мрачным блеском сажи и, иссушая, курчавит их волосы"» [2, с. 358]. Буря представлена в аспекте мировидения древних египтян как дыхание посланца Сета – воплощения злого начала и бога пустыни. Стилизация завершается цитатой из «Текстов пирамид», усиливающей «достоверность» описания.

Природа Греции репрезентируется И. Буниным с оттенком полемичности: «...тысячи людей рисуют себе какой-то пошлый элизиум вместо этой каменистой, сухой страны» [2, с. 336]. Такой «каменистой, сухой страной» и изображена Греция. Леса в ней были вырублены еще в древности, уже в V в. до н. э. холмы и вершины выглядели такими же голыми и бесплодными, как и в начале XX в. Почва скудная, неблагоприятная. Склоны каменистые. На этой твердой почве, под этим беспощадным и непостоянным небом лучше всего удавались маслины, виноградники; злаки росли хуже, так как их корневая система не способна извлекать почвенную влагу с большой глубины. Греческая природа – это море, ребристые горы, солнце, «которым живет и дышит все сущее», «жаркое синее небо»: «И все утро выгибалась мимо нас эта каменистая страна, вся в складках, как кожа бегемота. А позднее, когда солнце уже жгло плечи и я с изумлением глядел на это горящее масло, лизавшее пароход и порою плескавшее языками бирюзового пламени, открылись, наконец, "пустынные горы" Гимета» [2, с. 336]. Греция – сильно гористая страна, хотя в ней и нет вершин, достигающих трех тысяч метров. Но горы там повсюду, склоны их сбегают и поднимаются во все стороны, порой очень круто. Древние проложили по ним прямые тропинки, никогда не прибегая к обходным дорогам: они поднимались напрямик, высекая ступени в скале в самых крутых местах. Климат Греции засушливый. После райской и мимолетной весны, когда чудесно и бурно распускаются леса или луга, устанавливается неизменная солнечная погода. Наступившее лето все сжигает. В пыли трещат цикады. Месяцами в небе нет ни облачка. В Афинах с середины мая до конца сентября часто не выпадает и капли дождя. Осенью начинаются дожди, а зимой свирепствуют грозы. Бури приносят снег. Но он не лежит и двух дней. Идут страшные ливни, проносятся смерчи. Во многих местах одна восьмая, а то и четверть годовых осадков выпадает за один день. Пересохшие реки превращаются в грозные потоки, бешеные струи смывают со склонов тонкий слой плодородной земли и уносят в море. Желанная вода становится бедствием и бичом. В долинах без естественного стока дожди вызывают заболачивание почвы.

Всю страну омывает море, глубоко вдаваясь в сушу. Это – самое прекрасное в природе Греции. Оно теплое и ласковое, манит и зовет к себе. Рассказчик находит множество определений, чтобы передать свое восхищение от него. В его дискурсе обращает на себя внимание эвсемия – эстетичность внутренней формы номинативных единиц: «густое **сине-лиловое** масло», «**горящее** масло, лизавшее пароход и порою плескавшее языками **бирюзового** пламени», «все необозримое пространство застывшего моря внезапно покрыла мертвенная, **малахитовая** бледность», «**темно-лиловый** полукруг моря, явственно отделившийся от более легкого неба, как бы задымился **водным светом**», «горбы волн, полные дымившегося фосфора», «**темно-синяя** глубь», «и отовсюду лились в море нити тонкого, **дивного** света». Но цвет моря «был еще прекраснее»: «кипевшая **бледно-синим пламенем** вода», «**глянцеви-тая мраморно-голубая** вода», «**зеленый хрусталь** под бригантиной был так прозрачен, что видно было все до дна». Эмфатические и сложные изобразительные эпитеты, частотность использования которых у И. Бунина весьма высокая, создают эффект украшенного, риторизованного стиля.

В соответствии с культурной традицией акцент сделан на нерасторжимом единстве неба и земли как образе первичной оппозиции, бинарной сущности природной жизни. Поэтому так много позитивных характеристик у воздуха: «**сладкий** ветер», «**легкий, влажный** воздух», «как прозрачен **сухой жаркий** воздух», «едва уловимый **теплый** воздушный ток». Так же экспрессивно описывается небо: «**яркая** лента неба

льется по коридорам улицы», «**жаркое синее** небо», «**сине-лиловый** пламень неба», «**золотисто- бирюзовая** глубина небосклона», «звездный склон неба». Небо у И. Бунина нередко приобретает значение гиперпространства. Под «сине-лиловым пламенем» неба в прозрачном воздухе глаз путешественника различает далекие острова: «Я теряюсь в беспредельном пространстве Эгейского моря и вижу отсюда и маленький порт в Пирее, и Саламин, и Эгину» [2, с. 338].

Важную роль в создании образа греческой природы играет свет, который традиционно приравнивается к духу. Его белизна символизирует единство всего со всем. Свет предстает в «Море богов» также символом творческой силы, космической энергии, сияния, что подчеркнуто употреблением ярких и вместе с тем неоднозначных определений: «И отовсюду лились в море нити **тонкого, дивного** света» [2, с. 340], «...все пространство моря, озаренного и полного **таинственным** светом, быстро бежало навстречу» [2, с. 340].

Восторг по поводу красоты Парфенона рассказчик выражает через вопросно-ответный ход, «фигуру разъяснения, представляющую собой риторический вопрос, ответ на который дает сам автор» [4, с. 183]: «Что иное, кроме неба и солнца, могло создать все это? Какой воздух, кроме воздуха Архипелага, мог сохранить в такой чистоте этот мрамор?» Небо, солнце и воздух Эллады, прекрасные сами по себе, утверждаются вместе с тем как первопричина красоты. В заключительных абзацах «Моря богов» звучит настоящий гимн солнцу, породившему изумительную страну. Используется гипотипозис, представляющий предмет словесного описания как «стоящий непосредственно перед взором» [4, с. 202]: «Вот закатилось солнце, но и во тьме только солнцем живет и дышит все сущее. Это оно вращает винт парохода, оно несет навстречу мне море; оно неиссякаемый родник всех сил, льющихся на землю, правит и непостижимым для моего разума стремлением своего необъятного царства в бесконечность – к Веге, и безумной радостью этого стрелой летящего подо мною дельфина – как сплошной массы дымно-синего фосфора. И только к свету стремится все в мире. Мириады едва зримых семян жизни, лишенных солнца тьмою ночи и глубинами вод, все же светят сами себе – теми атомами его, которыми рождена в них жизнь. И над всем этим морем, видевшим на берегах своих все служения богу, всегда имевшие в основе своей служение только Солнцу, стоит как бы голубой дым: дым каждения ему» [2, с. 340–341]. Солнце в очерке предстает и как астрономическое тело, и как божество, и как символический образ добра, что подчеркнуто таким паралингвистическим средством, как графика: написанием слова «солнце» и с прописной, и со строчной буквы. Свет, исходящий от него, является созидательной силой, воплощает космическую энергию и озарение. Астротезия – описание, солнца, звезд и звездного неба – присутствует во всех очерках: «Черный и в темноте особенно упорный бугшприт неуклонно вел в **звездный склон неба**. На северо-востоке широко раскидывалась **Большая Медведица**, "**любимое созвездие Гомера**". На юго-западе низко, но ярче и великолепнее всех сверкала **розово-серебристая Венера**. Темно-синяя глубь была переполнена повисшими в **Млечном Пути** алмазами. И отовсюду лились в море нити тонкого, дивного света» [2, с. 340].

В пейзажах Греции доминирующими элементами всегда являются космические (море, горы, небо, звезды, солнце), которые соединяют другие элементы в одно целое, под влиянием космической составляющей «затушевывается» все случайное.

«Фундаментальные формы» материального существования, аспекты, связанные с климатом и атмосферой, оказываются в центре внимания рассказчика и в очерках, посвященных Иудее.

И. Бунин очень выразительно воспроизводит поверхность региона, подчеркивая, что большая часть Иудеи занята плоскогорьями, пустынями и полупустынями солончакового и каменистого типов: «...за Вифлеемом – пустыня. Целый день только глинистые ковриги гор, усеянные круглыми гольшами, да кремнистые долины. А ведь эта ржавая земля, перемешанная со щебнем, ведь это и есть Страна Обетованная, страна, что родит теперь больше всего дикого маку. Точно фиолетово-красные озера стоят в долинах среди гор, усыпанных гольшами. Точно сперва кровавый, а потом

каменный ливень прошел по этой стране...» [2, с. 366]. Отсылки к прошлым эпохам, развернутые сравнения, лексические повторы и синтаксический параллелизм делают нарисованную картину особенно впечатляющей.

В пустынях растительность почти отсутствует, редкие растения не образуют сомкнутого покрова: «Пустыня видна с крыш Иерусалима. Пустыней называется только тот скат, та дикая и от века бесплодная вулканическая страна, что за Элеоном, эти растрескавшиеся от жгучего солнца бугры и перевалы, усеянные колочками и гольшами, волны и впадины былых землетрясений». И. Бунин мифологизирует пейзаж введением образа Азазела – демонического существа, беса, живущего в пустыне, которому древние иудеи приносили жертвы. И опять используется вопросно-ответный ход: «Но разве власть Азазела не простирается и на **тропически-знойный** дол Иордана, – эту **глубочайшую** в мире измененность, с ее **смертоносными** лихорадками и **воистину мертвыми** водами, одно дыхание которых **убивает** все живое?» [2, с. 383]. В описание вводятся в основном эпитеты, выражающие экстремальное состояние того или иного природного явления.

Климат в Иудее, по наблюдениям рассказчика, неизменно сухой и жаркий, препятствует развитию растительности: «Небо и солнце затуманены дыханием полдня, сухого, горячего, душного. Жаром веет от старого каменного города <...> Одинокая пальма, возвышающаяся на южной окраине, опустила свое неподвижное опахало <...>. И море пепельно-сиреневых холмов, протирающееся окрест, дремлет, теряется в мглистой суши... Побледнела даже сказочно яркая бирюза у подошвы Моава» [2, с. 383]. Рассказчик постоянно фиксирует страшную жару, от которой стремится укрыться все живое: «Солнце встало над Моавом, затопило его блеском и уже палит долину <...> Скорпион шуршит, бежит укрыться в легкой голубой тени под застывшей песчаной волной» [2, с. 394]; «В легкой и все же душной тени платка дышишь как бы жаром раскаленного костра» [2, с. 395].

Дендрография как вид дескрипции в дискурсе почти незаметна. Рассказчик как бы между прочим сообщает, что растения произрастают в основном по берегам рек и озер: «Уже несколько раз открывалась перед нами и долина Иордана, поражая обманчивой близостью своего пустынного, серо-блестящего от соли пространства, по которому, вдоль узкой реки, вьется темная лента зелени» [2, с. 388], «Впереди, среди пустыни цвета пемзы, – лента прииорданской зелени, чаши ив, тамарисков, камышей...» [2, с. 394]. Преобладают маквис – труднопроходимые заросли из ксерофитных жестколистых вечнозеленых кустарников и невысоких деревьев (мирт, олеандр, земляничное дерево, дикая фисташка и др.), а также фригана – растительное сообщество из колючих кустарников и полукустарников, часто подушечных форм, возникающих на месте маквиса (держи-дерево, молочай, астрагал и др.). В «Шеоле» рассказчик отмечает в ландшафте то, что соответствует значению слова «Шеол» (на древнееврейском языке – «преисподняя»), – «только пески, камни и колючий кустарник» [2, с. 379]. Но в оазисах, «тропически зеленеющих», растительность отличается буйством и многообразием. Описание основывается на сравнении природы в настоящем и прошлом. Еще Ю. Айхенвальд в свое время заметил, что «...сочетается в Бунине прошедшее и настоящее, что даже природа лежит перед ним не только теперешняя, но и старая, сказочная...» [1, с. 426]. В «Пустыне дьявола» называются сикомора, сахарный тростник, различные кустарники, подчеркивается, что в прошлом «пальмы и мимозы, сахарный тростник и рис, индиго и хлопок произрастали в долине Иордана» [2, с. 389]. Но в начале XX в. «вся иорданская измененность, что некогда «орошалась, как сад господень» и на весь мир славилась легендарным плодородием, красотой и греховностью Пятиградия, дворцами и твердынями трижды возрождавшегося из развалин Иерихона, поражает теперь тем запустением, «где лишь жупел и соль, где злак не прозябает, где ни голос человеческий, ни бег животного не нарушает безмолвия» [2, с. 389]. К настоящему времени, констатирует рассказчик, для сельского хозяйства используется лишь незначительная часть территории.

Весьма скупо репрезентирован в очерках животный мир региона. Из животных рассказчик заметил шакала, гиену, верблюдов, ослов, лошадей, коз и овец, которых разводит

местное население. Мало и птиц, это – стрижи, совки, чайки, ястребы. Упомянуты скорпионы, блохи, мухи, москиты, из пресмыкающихся – ящерицы, змеи, жабы.

Гидрографическая дескрипция по своему объему в дискурсе весьма значительна. Описывается единственная крупная река Иудеи – Иордан, – протекающая по тектонической впадине Гхор через озера Хула и Тивериадское. Иордан дает окрестностям влагу и некоторую прохладу. С грустью отмечается, что и Иордан уже не тот, что во времена Иисуса Христа: «Близок Иордан, – уже тянет запахом речной воды, запахом горячего ила... Теперь и от **великой реки** остался только **узкий и мутный поток**, от **первобытно-густых зарослей** на берегах ее – **кайма ив, камышей и кустарников**, опутанных лианами» [2, с. 395]; «Серо-песчаный берег обрывист и крут. Густая желтоватая вода, крутясь, бежит под ветвями ив, под корнями, покрытыми наносной травой, илом» [2, с. 395]. Описание Иордана построено опять-таки на контрасте состояния реки в прошлом и настоящем.

Тивериадское озеро увидено рассказчиком сквозь призму соответствующих эпизодов из жизни Христа: «Да, да, это было здесь! Он дышал этим мягким, сильным, благоуханным ветром!» Вновь используется гипотипозис: «...я взял с каменного стола лежавшее на нем Евангелие, развернутое как раз на тех страницах, что говорят о море Галилейском. Теперь оно было предо мною. Воздушно-зеленое, во всей тропической мягкости своей, оно тонуло, млело в серебристом полуденном свете, теряясь на юге» [2, с. 411]. Здесь совсем иной микроклимат, по берегам обильная растительность (кустарники, олеандры): «Как сладок, как ласков здесь изредка набегающий, теплый от дыхания затуманенных зноем гор, сильный южный ветер! Как широко, все сгущаясь и темнея, бежит перед ним лиловая зыбь по зеркалам у берегов, где светит золото предгорий!» [2, с. 411]. Восклицательная интонация, рождающая соответствующий ритм, подбор определений с позитивными коннотациями для описания ветра и воды, метафора эмоционально окрашивают пейзаж и приближают его к пейзажам рая.

Полная противоположность Тивериадскому озеру – Мертвое море – безжизненное и угрюмое. Оно воспринимается рассказчиком как «море Асфальтическое», как «символ страшной страны сей», как земной ад и описывается с опорой на архетип преисподней и на впечатления пилигримов прошлых эпох: «Мало совершивших путь по всей извилистой стремнине Иордана с его зноем и лихорадками. Но еще меньше тех, что пускались в заповедные асфальтические воды. Легче, говорили они, пройти все океаны земные, чем это крохотное море, черные прибрежные утесы которого неприступно круты, пугают глаз человекоподобными очертаниями и так смолисты, что могут быть зажжены, как факелы, – море, дно которого столько раз трескалось от землетрясений и выкидывало на поверхность те таинственные вещества, что служили египтянам для сохранения мертвых от тлена, море, жгуче-соленые, горькие волны которого тяжки, как чугун, и в бурю, «покрытые кипящим рассолом», потрясают берега своим гулом, между тем как пламенный ветер до самого Иерусалима мчит столбы песка и соли...» [2, с. 394]. Воды моря убивают все живое: «Полдень проводим у самого моря. Жутко звучит на его нагом, ослепительно-белом прибрежье это слово – полдень. Прииорданские камыши и кустарники не смеют дойти сюда вместе с Иорданом: далеко вокруг песчано-каменисто и покрыто солью, селитрой то место, где сливается река с маслянистой, жгуче-горькой и тускло-зеленой водой асфальтической. На коралловые похожи те как бы окаменевшие ветви, что приносит сюда течение реки и что снова, уже мертвыми, выкидывает море» [2, с. 396]. Для усиления экспрессии вводятся сложные эпитеты («песчано-каменисто», «жгуче-горькая и тускло-зеленая вода», «жгуче-соленые, горькие волны»), призванные передать жуткое впечатление рассказчика от этого страшного моря.

На севере Иудея омывается водами Средиземного моря, которое смягчает суровый климат страны. «Очаровательный ветер весеннего дня и приморской степи, солнечное тепло, сладкий аромат цветущих оливок, хлебов и горячей земли» отмечают рассказчиком в районе порта Яффа. В окрестностях городка процветает орошаемое земледелие: «В садах вокруг Яффы – пальмы, магнолии, олеандры, чащи померанцев, усеянных огненной россыпью плодов» [2, с. 360]. Но в целом побережье произ-

водит на рассказчика, в памяти которого всплывают картины процветания края в прошлом, гнетущее впечатление: «Я смотрел и дивился безлюдности этого побережья. Вон где-то там, в устьях мелких рек, бегущих от Кармила, лежала Кесария. Некогда это был славный порт и город Ирода; теперь только пески, камни и колючий кустарник... И так по всему побережью» [2, с. 379].

Природа Ближнего Востока, таким образом, в очерках И. Бунина выступает как самостоятельный объект описания, занимает в художественном мире произведений весьма значительную часть и художественно репрезентирована как комплекс различных проявлений: растительность, животный мир, море и водные источники, рельеф, почва, климат, солнце и другие космические объекты. Природа присутствует у него в двух разновидностях – культурная и дикая. Описания всех природных феноменов «пропущены» через интерпретацию рассказчика, который опирается на языковые элементы и метафоры, наполненные для него личностным смыслом. Дистанция между «я» и природной средой в очерках И. Бунина сокращается, возникают эффекты, навеянные техникой импрессионизма. С целью создания поэтичности и полноты описания природы Ближнего Востока широко используются эвсемия и такие виды дескрипции, как анемография, астротезия, география, гидрография, дендрография, топография, гипотипозис, прихотливо переплетающиеся в дискурсе И. Бунина. На уровне символов и подтекста картины природы соотнесены с религиозно-мифологическими представлениями Греции, Египта, Иудеи, Турции, поэтому пейзажи нередко мифологизируются.

Библиографический список

1. Айхенвальд, Ю. Силуэты русских писателей [Текст] : в 2 т. / Ю. Айхенвальд. – М., 1998. – Т. 2.
2. Бунин, И. А. Собрание сочинений [Текст] : в 9 т. / И. А. Бунин. – М., 1965. – Т. 3.
3. Мальцев, Ю. Иван Бунин (1870–1953) [Текст] / Ю. Мальцев. – М., 1994.
4. Москвин, В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры [Текст] : терминологический словарь / В. П. Москвин. – Ростов н/Д., 2007.
5. Эпштейн, М. Все эссе [Текст] : в 2 т. / М. Эпштейн. – Екатеринбург, 2005. – Т. 2: Из Америки.

ПОЭТИКА РАССКАЗОВ ГАЙТО ГАЗДАНОВА 1940-х гг.

Е.В. Кузнецова

Поэтика рассказов, написанных в 1940-е гг., претерпевает некоторые изменения. Газданов описывает одиночество человека перед лицом тотального абсурда жизни. Писатель выражает свое понимание войны с позиций взрослого человека. Эти рассказы представляют несомненный интерес для исследователей творчества Газданова и могут быть рассмотрены как переходный период к поздней, зрелой прозе.

The poetics of stories, written in 1940s undergoing some changes. Gazdanov describes the loneliness of the man in the face of total absurdity of life. The writer expresses his understanding of the war from an adult standpoint. These stories are of great interest to Gazdanov's researchers and can be considered as a transition period to the late, mature prose.

Ключевые слова: поэтика, композиция, сюжет, фрагментарность, экзистенциальность.
Key words: poetics, composition, plot fragmentation, existentialism.

С 1939 по 1949 г. Газданов написал очень мало рассказов и не опубликовал ни одного. Рассказ «Шрам», написанный в 1943 г. (датировка рукописи самим Газдановым – 29.09.1943), был впервые опубликован лишь в 1949 г. в нью-йоркском «Новом журнале» (№ 21).

Во время Второй мировой войны Газданов принимал активное участие в движении Сопротивления, пережил оккупацию во Франции, работал над двумя романами: «Призрак Александра Вольфа» и «Возвращение Будды». Однако в 1940-е гг. им были

написаны, но по непонятным причинам так и не опубликованы при жизни, три рассказа: «Когда я вспоминаю об Ольге...» (15.01.1942), «Дядя Леша» (Париж, 1942?), «Последний день» (17.10.1943). Следует отметить, что большинство из неопубликованных рассказов представляют несомненный художественный интерес, так как они отличаются жанровым разнообразием: литературный портрет, эссе, фельетон и т.п. Эти рассказы еще не были отдельным объектом исследования. Все рассказы позволяют понять творчество писателя в его цельности.

Поэтика рассказов обозначенного периода отличается от дебютных рассказов и рассказов 1930-х гг., в первую очередь, по композиции и стилю. Нет явной цикличности, менее выражена фрагментарность повествования. Газданов продолжает нарушать линейность письма, но уже не в ущерб сюжету. На сюжетном уровне также заметны изменения. Рассказы написаны на французском и русском материале, в сюжете все еще присутствуют воспоминания о России и гражданской войне, но это дано сквозь призму внутренних переживаний. Газданов описывает экзистенциальное одиночество человека перед лицом тотального абсурда жизни. Прослеживается и военная тематика, писатель выражает свое понимание войны с позиций взрослого человека.

Произведение «Ольга» (или «Когда я вспоминаю об Ольге») можно назвать повестью. Как и «Великий музыкант», это достаточно объемное произведение. Сюжет этого произведения нашел свое продолжение и завершение в романе «Эвелина и ее друзья», в котором эта история и заканчивается. Газданову свойственно развивать замысел, представленный в начале как рассказ, в романной форме (рассказ «Шпион», например, содержит сцены из романа «Призрак Александра Вольфа» и т.д.).

Композиция рассказа довольно сложная, трехчастная, логически выстроенная, с плавными переходами. Рассказ начинается с фразы, которая отсылает нас к прошлому: «Когда я вспоминаю об Ольге, мне всегда кажется, что я знал ее всю мою жизнь, бесконечно давно» [1, с. 510]. Далее рассказчик продолжает вспоминать. Сюжет раскручивается спиралеобразно по направлению к прошлому. Все повествование – это воспоминание о любимой женщине. Все описано в прошедшем времени, но конец, на первый взгляд, счастливый, с позиции настоящего времени написания рассказа, остается неизвестным и незаконченным. Нет ясности, непонятно, в какой момент жизни рассказчика он прерывает историю, есть ли за этим «концом» продолжение. Ритм повествования неторопливый и текучий.

Написанный от первого лица в традициях Газданова с большими кусками, посвященными прошлому, воспоминаниям, сюжет достаточно размытый и как обычно лишенный каких-либо действия и коллизий. Все направлено на исследование отношений между героем-рассказчиком и Ольгой, предметом его любви.

Это история любви рассказчика, написанная проникновенно и чувственно. Любовь обретает свое название только в конце произведения. На протяжении всего повествования рассказчик описывает любовные приключения и неудачи героини, оставаясь лишь фоном и не проявляя явно своей позиции.

Сюжет четко выстроен хронологически, и описанная история происходит в течение многих лет. Время играет очень важную роль в повествовании. Рассказчик акцентирует мысль схожести и полного понимания между ним и Ольгой, они – две половинки одного целого и, конечно, в конце они соединяются.

Герой испытывает состояния, похожие на сон, которые вносят в повествование идею зыбкости и нереальности окружающего. У Газданова не так много рассказов, полностью посвященных любовной теме, а с хорошим финалом только этот. Героиня рассказа легко узнаваема в романе «Эвелина и ее друзья» не только благодаря описанию этого персонажа, но и через описание отношений между рассказчиком и героиней. Становится понятным, что история, представленная в рассказе, благополучно завершается в романе.

Рассказ «Дядя Леша» (1942), написанный от первого лица, поражает зрелостью мастерства писателя. Прототипом героя является реальное лицо, Георгий Сергеевич Калантаров, муж близкой подруги жены писателя. Это глубоко философичный рассказ-размышление, рассказ-эссе. В нем не чувствуется художественного вымысла.

Писатель выражает отношение к войне, используя все тот же прием дискуссии. Газданов затрагивает общечеловеческие проблемы и судьбы.

Композиционно рассказ не разделен на части, но представлен разными временными кусками – фрагментами без связных переходов, сцепленных ассоциативной цепочкой.

Можно выделить длинное вступление. На фоне общечеловеческой трагедии разворачивается судьба отдельного человека. Газданов противопоставляет серой массе отдельную личность. Рассказчик говорит и о своей непохожести на других людей.

В отличие от дебютной прозы, в поэтике рассказа Газданов не противопоставляет Добро и Зло, но представляет их во взаимосвязи, в их неразрывности друг с другом: «Я давно пришел к тому убеждению, что если даже вообще принимать существование добра и зла как каких-то несомненных категорий, то нужно констатировать их временную неразделяемость. Другими словами, эти элементы встречаются в постоянном соединении, иногда больше одного, иногда – другого, но они неразделимы так же, как вот до сиз пор, скажем, неразложим кислород. А если это так, то вы понимаете, насколько призрачна и условна всякая положительная мораль» [1, с. 553].

Газданов обозначает четкие временные указатели. Начинается повествование с 1942 г., затем возвращается в довоенное прошлое 1930 г. Поэтика отличается от предыдущих произведений. Это один из очень немногих рассказов писателя, где только один главный персонаж и все повествование посвящено ему. Благодаря автобиографическим фактам, можно понять, что писатель лично знал героя.

Рассказ написан очень реалистично. В нем нет замкнутости на внутреннем мире героя. Писатель размышляет о славянском типе, о русской душе. Звучит в рассказе и неуверенность в завтрашнем дне, все те же переживания, что и в предыдущих рассказах. Он вспоминает свои переживания в Гражданскую войну и проводит аналогии между Францией и Россией, Гражданской войной и Второй мировой войной: «И я ловлю себя на мысли о том, что славянский разрушительный гений и то, что я не столько готов к смерти, сколько всегда презираю в глубине души жизнь, но могу, при всем усилии, понять ту жалкую ее ценность, которая так сильна, особенно здесь, в этой несчастной стране, – и все то, что с такой ужасной и безвозвратной отчетливостью я пережил больше двадцати лет тому назад, во время войны в России, шестнадцатилетним мальчиком, все, о чем я тщетно пытался забыть за это мирное время, вплоть до сентября 39-го года, – все эти вещи так же сильны во мне, как раньше, в те незабываемые дни двадцатого года, на юге России» [1, с. 544].

Впервые Газданов проявляет, объясняя свое отношение, так явно свою национальную принадлежность, не этническую по рождению, а принадлежность к России: «это характерно вообще для всякого или почти всякого русского, потому что те материальные ценности, которые составляют смысл существования почти всей Европы, для нас почти не существуют» [1, с. 545]. Он исследует причины поражения Франции, размышляя о русском и европейском менталитетах, о ценностях, о бесполезности войн.

В связи с этими размышлениями всплывает воспоминание о дяде Леше: «И всякий раз, когда я думаю о войне и о том, что сейчас происходит, я вспоминаю дядю Лешу, как его все называли, моего старого знакомого, очень удивительного и оригинального человека» [1, с. 546]. Газданов рисует литературный портрет персонажа (позднее он обратится к этому в «Письмах Иванова» (1963)). Он создает психологический характер, полный контрастов между внешним состоянием и внутренним: «Ему было шестьдесят четыре года, когда я с ним познакомился. Он был небольшого роста, узенький, сухой человек со старым лицом. Меня удивили быстрота и точность его движений, его скорая, юношеская походка и полное отсутствие выражения усталости в глазах, характерное для людей его возраста» [1, с. 548].

По мнению некоторых исследователей творчества Газданова, поэтике дебютных рассказов чужд пантеизм, в отличие от прозы Бунина, с которым его не раз сравнивали. Газданов не встал «по ту сторону добра и зла». Красота для него не равноценна во всех своих бесчисленных бликах.

В рассказе «Дядя Леша», наоборот, важное место отводится природе, роли, которую она играет в жизни человечества и отдельного индивида. Дядя Леша воспринимает природу как средоточие мирового разума и растворяется в ней. В этом контексте пантеизм к природе сравним здесь с описаниями природы у Бунина, с его пантеистическим отношением к природе, но Газданов высказывает мнение о том, что такое отношение уже не актуально: «В эти именно последние дни он все больше и больше привязывался к лесу, в котором он жил, все меньше любил общество людей, и когда я представлял себе в воображении его мифологически-законный конец, как это было бы в сказке о нем, если бы такая сказка могла быть написана, – мне казалось, он должен был бы в один прекрасный день уйти в лес и больше не вернуться; и через некоторое время я бы мельком увидел его бесшумно проскользнувшую в листве тень, точно похожую на тень настоящего лешего. Ему было свойственно пантеистическое отношение к природе, и в этом смысле в нем было нечто совершенно несовременное, так что казалось, будто он принадлежал давно прошедшему столетию» [1, с. 552].

Именно пейзаж в рассказе создает психологический настрой для восприятия текста, помогает раскрыть внутреннее состояние героев, подготавливает читателя к изменениям жизни персонажей. Описание природы у Газданова часто составляет психологический, эмоциональный фон развития сюжета. Пейзаж, данный через восприятие героя, – знак его психологического состояния в момент действия. Он говорит о чертах его мировосприятия, о его характере. Душевная красота героя вырастает не из отвлеченного понятия «патриотизм», а из переданного через пейзаж глубокого чувства природы, малой родины, которую он нашел в чужой стране. Природа выступает здесь не только как эстетическая ценность, но и как высшая этическая категория.

Пейзажные образы в контексте рассказа становятся символическими и многозначными. Они символизируют и чувство родины, и полноту бытия, счастье взаимопонимания.

Газданов делает очень важные выводы о причинах любой войны, видя их в невежественности государственных людей, находящихся во главе государства, от которых зависит судьба страны. Эти мысли найдут позже продолжение в неоконченном романе «Переворот».

Маршал Петэн, подписавший капитуляцию Франции, описан как человек, отживший свое и стоящий на пороге смерти, ему все равно, что будет с другими. Очень жестко высказывается рассказчик о маршале Петэне, прибегая к эпитетам: «могильный голос маршал Петэна», «голос, идущий с того света», «предсмертная, восьмидесятилетняя усталость», «полумертвый маршал» [1, с. 554–555]. Все повествование проникнуто переживаниями не об отдельном человеке, а обо всем человечестве.

Рассказ «Последний день» датирован 17.10.1943 г. и не был опубликован Газдановым при жизни. Композиция рассказа имеет спиралеобразную структуру с возвратом на исходную точку повествования, с повторами, изображающими определенный временной этап повествования и описываемого события. Этот рассказ, как и «Ход лучей», написан от первого лица в форме монолога. Газданов избегает диалогов, используя косвенную речь.

Сюжет рассказа имеет некоторое хронологическое следование, но прерывается отступлениями, цепочкой ассоциаций, воспоминаниями и пространными философскими размышлениями.

Можно условно поделить рассказ на несколько частей. В экспозиции рассказчик интригует читателя (это напоминает «Исчезновение Рикарди»), пытаясь очень расплывчато предвосхитить так называемые таинственные события. Учитывая специфику деятельности рассказчика, он не называет город и страну, в которой происходит описываемая история: «О тех событиях, которые с такой беспощадной неожиданностью обрушились на город, где я жил в последнее время, я знал, в противоположность всему его населению, задолго до того, как они произошли» [1, с. 556]. Судьба населения города зависит от одного или нескольких человек. Начало рассказа не вносит никакой ясности в повествование, наоборот, лишь запутывает читателя.

Вступление к основной части затягивается и занимает почти половину рассказа. Рассказчик обозначает временные рамки истории для придания реалистичности событиям: «Это было на пятый год войны, после которой мир так неузнаваемо изменился» [1, с. 556]. Рассказчик в пространных отступлениях размышляет об абсурдности войны и выражает свое мнение на этот счет.

Газданов, участник Сопротивления, в рассказах, написанных в период войны, очень четко выражает свое отношение к войне («Дядя Леша»): «Я всегда испытывал отвращение к тому массовому убийству, какое представляет собою всякая война, и внутренне протестовал против нее всеми своими силами» [1, с. 556]; «никакая война не оправдывает таких утрат и никакие государственные и национальные интересы не стоят таких жертв» [1, с. 560].

В целом рассказ представляет собой воспоминание о прошлом. Рассказчик не только ведет повествование со стороны, он одновременно и участник, и рассказчик, анализирующий свои поступки и чувства. Не лишен рассказ и характерной газдановской иронии. Абсурдность, неясность, роль случая, действия рассказчика и описание реальности «сквозь туман» (примеры этому мы находим во многих рассказах всех периодов творчества писателя), состояние нереальности описываемых событий и т.п. — все это напоминает прозу Кафки.

Примеры тому — неправдоподобные появления Эрмита (имя на французском обозначает *отшельник*): «Когда после одной из неудачных моих экспедиций, я лежал, ежеминутно теряя сознание, и старался не стонать, с двумя пулями в спине, в небольшой и влажной канаве, на краю проселочной дороги, и ждал или смерти, или ареста, — первое лицо, которое я над собой увидел, было лицо Эрмита. Я до сих пор не понимаю, когда и как он успел узнать все подробности моего отъезда и моей неудачи; но, во всяком случае, именно ему я обязан тем, что через час меня отнесли куда-то на носилках, еще через полчаса оперировали и вообще я остался жив» [1, с. 560], и его такая нелепая смерть, как и неправдоподобная смерть солдата, его убившего: «Эрмит спускался на парашюте. Это было уже под утро, почти светло; и вражеский солдат, с ближайшего сторожевого поста выпустил в него целую пулеметную ленту. Этот солдат, между прочим, был убит через два дня выстрелом в затылок» [1, с. 560].

Газданов вновь возвращается к описанию шпионской деятельности («Шпион», «Мэтр Рай»), и дано оно с некоторой долей иронии и абсурдности. Становится непонятным, как такой опытный разведчик мог довериться первой встречной женщине с ребенком и привести к себе домой, оставить на видном месте очень важный документ, от которого зависела судьба всей группы, и как смогла шестилетняя девочка найти именно этот документ и взять его? На эти вопросы нет вразумительного ответа, и все эти детали, как и описание Янсена и его деятельности, а также причина замедления принятия действий подчеркивают абсурдность ситуации: «Причина выяснилась значительно позже: человек, которому была поручена расшифровка бумаги, скоропостижно умер, не начав своей работы, он был отравлен своим поваром, его личным врагом, совершенно посторонним для нас человеком, не подозревавшим о существовании бумаги» [1, с. 568]. Все это тоже очень напоминает абсурд в духе Кафки.

Действие протекает в двух реальностях, которые не пересекаются. Жизнь города (в котором уже нет ничего от прежней жизни) течет своим чередом и зависит от действий нескольких людей. Город не являлся главной целью бомбардировки, но оказался полностью разрушенным. Очень символично в этом ракурсе представлен дом, в котором укрывается герой. Об этом доме он говорит в начале истории и возвращается в него, переживает бомбежку. Все вокруг рушится и гибнет, а дом остается нетронутым: «Через два часа после конца бомбардировки раздался телефонный звонок. Это могло показаться удивительным в городе, где, конечно, не было уже давно ни электричества, ни воды, ни, тем более, телефона» [1, с. 572]. Ужасные сцены описываются героем со стороны (он уже не участник, а только наблюдатель) и напоминают Данте Алигьери как непреодолимое видение ада.

Весь рассказ — протест против войны и насилия. В рассказах «Дядя Леша», «Последний день» намечается смена сюжетной доминанты, нашедшей развитие в прозе

1950–1960-х гг. Яркое тому подтверждение – и политический роман «Переворот». Газданов размышляет о государстве как системе, продолжая и развивая тему, начатую еще в романе «Возвращение Будды».

Представленные рассказы могут быть рассмотрены как переходный период к поздней, зрелой прозе. Намечается новый виток в творческой эволюции писателя.

Библиографический список

1. Газданов, Г. Собрание сочинений [Текст] : в 5 т. / Г. Газданов. – М. : Эллис Лак, 2009. – Т. 4. – 736 с.
2. Газданов, Г. Собрание сочинений [Текст] : в 3 т. / Г. Газданов. – М. : Согласие, 1996. – Т. 3.

ФОРМИРОВАНИЕ ВЕНЕЦИАНСКОГО ТЕКСТА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А.Н. Кунусова

Статья знакомит читателя с анализом венецианского текста в русской литературе в течение веков. Представлены основные вехи образования венецианского текста и самые важные работы русской литературы.

The article introduces an analysis of the Venetian text in the Russian literature in the course of the centuries. The basic milestones of the formation of the Venetian text and the most important works of the Russian literature are presented.

Ключевые слова: русская литература, венецианский текст, «врожденная идея».

Key words: Russian literature, the Venetian text, “innate idea”.

Литературный диалог между Россией и Италией, актуализированный несколько столетий назад, продолжает быть активным, находя новые или развивая уже заявленные формы. Одним из первых свидетельств восприятия Италии как культурного пространства стали литературные памятники, датированные XV в. («Хождение во Флоренцию», «Заметка о Риме», «Сказание о Флорентийском соборе» и др.), написанные в связи с конкретными историческими событиями, в частности, во времена Ферраро-Флорентийского собора 1438 г., имевшего целью создать Союз церквей. Рецепция Италии формировалась сквозь призму различных исторических событий и дипломатических отношений, связывавших две страны на протяжении нескольких веков и, как следствие, реализовывалась в произведениях русской словесности. Так, одним из условий порождения текстов об Италии стало осмысление своего и «чужого» пространства как категории культуры. Культурный обмен такого рода, по словам Ю.М. Лотмана, протекает двойственно: «с одной стороны, возникает в голове "чужой", носитель другого сознания, а, с другой стороны, происходит интериоризация "чужого" внутри своего мира, порождающая свой образ "другого"» [8, с. 117]. По такому же принципу формируется итальянский текст в русской литературе, который, вслед за Н.Е. Меднис, определяется нами как «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [9, с. 21].

Образ Италии в русской литературе создавался как сквозь непосредственное восприятие городов и значимых достопримечательностей Аппенинского полуострова, так и сквозь призму стереотипов культурной памяти народа, обусловленных «врожденной идеей»¹. Итальянский текст русской литературы обращен не только к Италии в целом, но и к отдельным ее городам. На наш взгляд, появление и самостоя-

¹ Истоки теории «врожденной идеи» были обозначены Платоном, развивающим концепцию «знания как припоминания». В настоящее время под «врожденными идеями» подразумеваются представления и знания, которые не могут быть приобретены (например, аксиомы, моральные ценности, образы, сопряженные с ментальностью народа).

тельное художественное развитие таких городских текстов обусловлено исторически сложившейся автономностью итальянских городов, отмечаемой и нашими соотечественниками: «Эта резкость пределов, определенность характеров, самобытная личность всего – гор, долин, страны, города, растительности, населения каждого местечка – одна из главных черт и особенностей Италии... Какая огромная разница в характере Пиэмонты и Генуи, Пиэмонты и Ломбардии; Тоскана нисколько не похожа ни на северную Италию, или на южную, переезд из Ливурны в Чивитавеккию не меньше резок, как переезд из Террачины в Фонды» [7, т. III, с. 113].

В литературно-географической парадигме итальянского текста особое место отводится венецианскому тексту – кругу произведений, в которых представлена система образов, тем, идей, сюжетов и мотивов, так или иначе связанных с Венецией. Художественное пространство венецианского текста не только не ограничивается одноименным топонимом, но и включает в себя все имплицитные сигнатуры водного города: лагуна, Сан-Марко, гондолы, гондольеры, набережная Скъявони, Гинторетто, Казанова, венецианские маски, близлежащие острова Мурано, Бурано, Торчелло, Лидо и мн. др. «Инакость» Венеции, обусловленная необычным географическим положением и, соответственно, своеобразием жизненного уклада города, позволила ей стать ориентиром поэтического вдохновения русских художников слова. Поездки русских писателей и поэтов в Венецию стали неотъемлемым атрибутом их жизни. Итальянские путешествия отразились в произведениях Д.И. Фонвизина, А.И. Герцена, Ф.М. Достоевского, П.П. Муратова, А.А. Блока, Б.Л. Пастернака, В.Я. Брюсова, В.Ф. Ходасевича, И.А. Бродского и др.

Исследование корпуса текстов о Венеции в русской литературе, анализ соответствующих научных трудов позволил нам сделать вывод о том, что о венецианском тексте как о зарождающемся эстетико-культурном явлении можно говорить уже с конца XVII – начала XVIII в. Одно из первых документальных свидетельств тому – путевые заметки видного государственного деятеля того времени П.А. Толстого «Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697–1699 гг.». Кроме того, «Записки» (1743–1810) Е. Дашковой, «Похвала Ижерской земле и царствующему граду Санкт-Петербургу» (1752) В.К. Третьяковского, «Венецианская монахиня» (1758) М.М. Хераскова, «Итальянские письма» (1785) Д.И. Фонвизина, «Повесть о Францезе Венециане» неизвестного автора (конец XVIII в.) также вписаны в предтекст, заложивший фундамент литературной венецианы.

В русской словесности XVIII в. складывается образ Венеции как города-чуда («Венеция – место зело великое и *предивное*...» [12, с. 45]; «Мы теперь в Венеции. Город *пречудный*» [16, т. II, с. 548]). Впервые происходит попытка осмыслить «чужое», венецианское, пространство через «свое», петербургское (например, в оде В.К. Третьяковского Санкт-Петербург сравнивается с Венецией, Римом, Лондоном, Амстердамом и Парижем). Поэзия М.Н. Муравьева имплицитно отсылает нас к Венеции, представляя взору читателя венецианское искусство в образах зеркала, Данте, Рафаэля и Тициана. Однако восторженные отклики в текстах о Венеции того периода сменялись порой негативным импульсом. Например, в драме М.М. Хераскова «Венецианская монахиня» поднимался вопрос о политической нетолерантности города, о его строгих законах; Д.И. Фонвизин отзывался о Венеции как о городе, не приспособленном для жизни: «Первый вид Венеции, подъезжая к ней морем, нас очень удивил; но скоро почувствовали мы, что из доброй воли *жить здесь нельзя*. Вообрази себе людей, которые живут и движутся на одной воде, для которых вся красота природы совершенно *погибла* и которые, чтоб сделать два шага, должны их переплыть. Сверх же того, город сам собою *безмерно печален*. Здания старинные и *черные*; многие тысячи гондол выкрашены *черным*, ибо другая краска запрещена. Разъезжая по Венеции, представляешь *погребение*, тем наипаче, что сии гондолы на *гроб* походят и итальянцы ездят в них лежа. *Жары*, соединяясь с *престрашною вонью* из каналов, так *несносны*, что мы больше двух дней еще здесь не пробудем»¹ [16, т. II, с. 549]. Итак, образ Венеции в

¹ Курсив здесь и далее наш – А. К.

русской литературе XVIII в. неоднозначен и многолик, что, несомненно, послужило стимулом для дальнейших поэтических и прозаических изысканий.

Начало XIX в. для России ознаменовалось войной с Францией, в результате которой туристические поездки в Италию были прекращены на два десятка лет, однако интерес к Италии не угасал, проявляясь в тотальном увлечении итальянской оперой. В этот период одной из модных тенденций стали переводы произведений зарубежных авторов, в том числе и об Италии: «Итальянское путешествие» И.В. Гете, «венцианские» рассказы Ж. Санд, «Коринна, или Италия» Ж. де Сталь, новелла «Дождь и догаресса» Т. Гофмана. Особую роль в таком опосредованном восприятии Италии сыграло «Паломничество Чайльд-Гарольда» Дж.-Г. Байрона, побудившее русских поэтов продолжить венецианскую тему. Кроме того, в начале века весь мир оглушило известие о том, что Венеция уходит под воду. Это предположение было высказано французскими учеными в 1810 г. и не могло не найти отклик в русской литературе. Одними из ранних произведений XIX в., в котором мы находим отсылки к венецианской теме, являются «Сонет» (1822) А.А. Дельвига («Я плыл один с прекрасною в гондоле...») [14], «Бейрон в темнице» (1822) П.А. Габбе («И ты, о славный град тиранской свободы, Супруга Адрии, на океане Рим, Венеция! Тебя, неся на жертву годы, Я посвящаю мечтам моим») [6, с. 739] и др. Одним из значимых стихотворений данного этапа стало произведение И. Козлова «Венецианская ночь» (1825), написанное вне эмпирического соприкосновения с Венецией.

Венецию любил я с детских дней
Она была моей души кумиром,
И в чудный град, рожденный из зыбей,
Воспетый Радклиф, Шиллером, Шекспиром,
Всецело веря их высоким лирам,
Стремился я, хотя не знал его –

отметил Дж.-Г. Байрон в «Паломничестве Чайльд-Гарольда» [2, с. 95]. Замечание П. Перцова о том, что «каждый из нас, не бывая в Венеции, знает Венецию...», было характерно для русской венецианы того периода. Образ Венеции в рецепции поэтов первой половины XIX в., не посетивших ее, стал проявлением уже упомянутой «врожденной идеи», то есть представлений и знаний, не зависящих от опыта и присущих человеческому мышлению априори в результате кумуляции культурной памяти народа. Образ Венеции в связи с этим рассматривался в общеитальянском или шире – общеевропейском – контексте. Кроме И. Козлова, никогда не были в Венеции, но писали о ней А.С. Пушкин («Евгений Онегин»), М.Ю. Лермонтов («Венеция»), А.А. Фет («Венеция ночью»), В.И. Туманский («Гондольер и поэт»), произведения которых составили важный художественный пласт венецианского текста, сформировавший особое, романтически идеализированное представление о Венеции, реализованное в образах золотой Адриатики, венецианской ночи, певцов-гондольеров, возлюбленных венецианок, плывущей гондолы, мотиве сна и т.п.

Интерес к Венеции, ослабленный тяготением русских поэтов и писателей к Риму как колыбели истории, вновь возродился во второй половине XIX в., реализовавшись в произведениях ряда поэтов (Л. Мея, Н. Языкова, К. Павловой, К. Романова, А. Апухтина и многих других). Новый этап в литературном диалоге между Венецией и Россией стал возможен в том числе благодаря строительству моста (1847), соединившего водный город с материком. В этот период Венеция снова стала местом паломничества русских поэтов и писателей. Одной из наиболее значимых фигур в контексте русской венецианы второй половины XIX в. является современник А.С. Пушкина поэт П.А. Вяземский, написавший более 40 стихотворений о чудо-городе. Его «Венеция» [5, с. 368] предвосхитила основные мотивы и образы, которые станут ключевыми в произведениях XX в.:

✓ образ города контрастов:

Рядом – грязные трущобы
И роскошные дворцы
Нищеты, великолепия
Изумительная смесь;

✓ образ умирающего города:

Экипажи – точно гробы,
Кучера – одни гребцы;

✓ образ города-лабиринта:

Пешеходу для прогулки
Сотни мостиков сочтешь;
Переулки, закоулки, –
В их мытарствах пропадешь;

✓ образ города-сказки:

И весь этот край лагунный,
Весь волшебный этот мир
Облечется ночью лунной
В золото, жемчуг и сапфир;

✓ мотив зеркальности:

Здесь – прозрачные дороги,
И в их почве голубой
Отражаются чертоги,
Строя город под водой;

✓ мотив маскарада:

Здесь, как в пестром маскараде,
Разноцветный караван;
Весь восток в своем наряде:
Грек – накинув долиман,
Турок – феску нахлобуча,
И среди лиц из разных стран
Голубей привольных куча,
А тем паче англичан.

Восприятие Венеции П. Вяземским носит характер сравнения с Петербургом или Россией в целом, что является «общим местом» для венецианского текста:

Все призрачно глядит: и зыбь на влажном лоне,
Как марево глазам обманутым пловцов,
И город мраморный вдоль сжатых берегов,
И *Невский сей проспект*, иначе *Канал-гранде*
(«Из фотографии Венеции», 1863 [5, с. 269])

Вот и крещенские морозы!
Точь-в-точь на невском берегу:
Метет метелица на *Пьяце*,
Как на *Царицыном лугу*
(«Ф.И. Тютчеву», 1864 [5, с. 393])

Сан-Марко с площадью под инеем и снегом
Вам древней красотой *напомнил о Москве*.
А *гондолы*, скользя меж льдин поспешным бегом,
Как в *санках* на рысях катались *по Неве*
(«Марии Максимилиановне,
принцессе Баденской», 1864 [5, с. 176]).

П. Вяземский продолжает байроническую традицию, рисуя аллегорический образ златовласой женщины, дополняя его сравнением с Афродитой, рожденной из пен морских («...Златовласую Киприду, Дочь потоков голубых...»). Женская сущность Венеции была предметом лирического описания многих поэтов, называвших ее то «царицей»:

Казалась мне мрачна морей *царица*,
Ряды дворцов глядели как гробница,
Бессмысленно бродил народ пустой;
Я изнемог, – и дрогнули колени,
И я присел на храмовой ступени,
Ко мрамору склонившись головой
(А. Дружинин. «Дант в Венеции», 1853 [14])

то «сказочной феей»:

А издали, луной озарена,
Венеция, средь темных вод белея,
Вся в серебро и мрамор убрана,
Являлась мне как *сказочная фея*
(А. Апухтин. «Венеция», 1874 [14])

то «супругой»:

И ты, о славный град тиранския свободы,
Супруга Адрии, на океане Рим,
Венеция! Тебя, неся на жертву годы,
Я посвящал мечтам моим
(П. Габбе. «Бейрон в темнице», 1822 [6, с. 739])

Творчество П. Вяземского вписывает в венецианский текст имена Тинторетто, Веронезе и Тициана, которые в XX в. вошли в корпус сигнатур Венеции, наряду с площадью Сан-Марко, голубями, гондолой и т.п.

В конце XIX – начале XX в. И. Анненским, Д. Мережковским, В. Розановым, П. Муратовым, А. Блоком и другими русскими поэтами и прозаиками формируется новый, синтезированный богатым литературным наследием образ «русской» Венеции, двуликой, пробудившейся от романтического флера прошлых столетий, стремящейся вырваться из общеитальянского контекста и стать автономной, претендующей на мировое господство. Одним из значимых произведений начала века по праву считаются «Образы Италии» (1912) П. Муратова. На первых страницах автор обращает внимание читателя на амбивалентность города, отмечая, что «есть две Венеции». Первая, согласно концепции П. Муратова, «...до сих пор что-то празднует, до сих пор шумит, улыбается и лениво тратит досуг на площади Марка, на Пьяцетте и на набережной Скъявони. С этой Венецией соединены голуби, приливы иностранцев, столики перед кафе Флориана, лавки с изделиями из блестящего стекла...» [10, с. 1]. Автор «Образов Италии» акцентирует внимание на всех традиционных сигнатурах, на которых зиждился венецианский текст на протяжении более двух столетий: *Togge d'Orologio*, Пьяцца, львы, голуби, дворец дождей, кафе «Флориан» и др. П. Муратов утверждает, что прежняя Венеция – это «только призрак былой жизни, и вечный праздник на Пьяцце – только пир чужих людей на покинутом хозяевами месте» [10, с. 2], и воскрешается Венеция лишь в произведениях живописи: картинах Беллини, Тинторетто, Тициана, Джорджоне, Беллини, репрезентирующих образ второй Венеции.

ции. Заметным вкладом П. Муратова в развитие венецианского мифа XX в. было расширение культурно-географической парадигмы посредством введения в ее корпус других городов региона Венето (Виченцы, Вероны и др.), некогда входивших в Венецианскую республику и, несомненно, находившихся под ее культурным влиянием. Если в предыдущие столетия Венеция воспринималась как город уникальный, но все же входящий в состав Италии, то отныне она претендует на автономность; и эта мысль находит отклик в поэзии и прозе XX в. в целом. Итак, литературная Венеция перестает концентрироваться на площади Сан-Марко и выходит не только за ее рамки, но и за пределы города, открывая новые грани своего «инакого» бытия. Интенции поэтов и прозаиков стали фокусироваться в определении роли Венеции на мировой арене. Тенденция проводить прямые или скрытые параллели инобытийного города с другими локусами наметилась еще в XIX в. и была обозначена в произведениях К. Павловой, А. Григорьева, И. Мятлева и других поэтов. Традиция сравнения Венеции с Петербургом, начатая В.К. Третьяковым, продолженная П. Вяземским, получила дальнейшее развитие в творчестве И. Бродского, который ощущает их духовную схожесть, не эксплицированную, но чувствующуюся в произведениях. Поэту принадлежат одни из самых метких метафор о Венеции: дворцы на Большом канале – «шеренги циклопов, возлежащих в черной воде», «огромные резные сундуки», венецианская площадь – «камбала», улица – «угри», парходики *varogetto* – «помесь консервной банки с бутербродом», купола соборов – «медузы», лагуна – «гигантское жидкое зеркало», многочисленные судна и суденышки, бороздящие лагуну, – «раскиданная старая обувь» [14] и т.д.

Желание отделить Венецию от Италии особенно выпукло в творчестве В. Брюсова и А. Блока: «Вы итальянец? – спросил я простого старика. – Нет, синьор, – гордо возразил он. – Я венецианец» (В. Брюсов. «Венеция», 1902) [15, с. 46]. Похожее мы находим у А. Блока: «...в Венеции, которая еще не Италия, в сущности, а относится к Италии как Петербург к России – то есть, кажется, никак не относится» [3, с. 76].

Инакость Венеции проявляется и в ее синтезе разных культур и цивилизаций. Культурная эклектика Венеции, обусловленная геополитическим положением, многочисленными историческими событиями, нашла отражение и в ее литературных репрезентациях:

Мавританский стиль хорош в Европе,
Где-нибудь в Венеции сырой,
Эти дуги, круглые надбровья,
Розоватый камень кружевной.

Вплоть до кресла гнутого и стула:
В тесной спинке дырочка сквозит,
Словно вдруг из *Африки* подуло,
Намело весь этот реквизит

(А. Кушнер. «Венеция», 1936 [14])

На колокольне
Колотят *мавры*,
Везде привольно
Стоят кентавры,
Где *Византия*
Сроднилась с *Римом*
В одном созданье
Неукротимом

(Е. Рейн. «На карнавале» 1994, [14])

Инобытийная сущность Венеции отмечена и рядом других поэтов и писателей, в числе которых Г. Чулков. В его рассказе «Голос из могилы» (1921) Венеция предстает городом с застывшим временем. Прием синтаксического параллелизма усиливает, на наш взгляд, это ощущение вневременности: «Мы приехали в Венецию поздно вечером. Когда черная гондола беззвучно отчалила от вокзала и гондольер, неспешно

гребя веслом, направил ее вдоль безмолвного канала; когда мы почувствовали странную тишину венецианской ночи и услышали шуршащие шаги запоздавших прохожих, торопливо переходивших по горбатым мостам; когда мы вошли в отель, у порога которого при свете фонаря плескалась зеленая вода, и увидели нашу комнату с огромным распятием и с мебелью, уцелевшей, по-видимому, от времен Гольдони, Тьеполо и Казановы, мы вдруг почувствовали, что вот сейчас безвозвратно канул в прошлое наш далекий пустынный мир, где мы любили друг друга так страстно и так верно» [17, с. 156].

Впервые о Венеции как о смешении культур заговорил в своем путевом очерке В. Розанов в 1902 г.: «Все тут неразумно, не рассчитано. Колонны – как тащили из Константинополя, из Иерусалима, из языческих храмов Италии, – зеленые, красные, серые, желтые, пятнистые, с скульптурами, без скульптур, так и расставляли внизу почти без расстояния между ними, почти рядом: и они подпирают собор как вертикально поставленные и укрепленные бревна, скорее кучами, чем в каком-нибудь порядке...» [13, с. 82]. Такое понимание образа Венеции ведет к определению ее значимой роли в мировом пространстве: объединяющей и тем самым сохраняющей многие культурные пласты разных топосов.

Стремление репрезентации Венеции как инакового и значимого самостоятельного культурно-географического пространства сохраняется и в русской литературе конца XX в., находя имплицитные (роман Ю. Буйды «Ермо») или эксплицитные формы выражения: «Вне пространства: нельзя сказать, что ты был в Италии. Нет же, нет: ты был в Венеции и только. Италия иное. Венеция по-прежнему суверенная республика, охраняемая крылатым львом» [1, с. 5]. Рецепция Венеции в общемировом ракурсе поэтами и писателями конца XX в. трансформирует венецианский текст и выводит его на новый, космополитичный, уровень: «Мы живем на той же широте, / Что Харбин, Венеция, к примеру» (О. Ермолаева. «Бедный серебрящийся висок» [14]). Нахождение Венеции и Китая на одной литературной плоскости демонстрирует также сонет В. Перелешина «Венеция в Пекине» [14].

Таким образом, венецианский текст русской литературы, формируясь в течение нескольких столетий, прошел несколько этапов становления: от рецепции Венеции поэтами XIX в. в рамках общетальянского континуума (И. Козлов, А. Пушкин, В. Бенедиктов, П. Вяземский и др.) к автономному восприятию инакового города (В. Брюсов, А. Блок, Г. Чулков, Д. Бавильский) и включения его в общемировую – Россия, Индия, Америка, Африка – контекст (В. Розанов, П. Перцов, Вл. Ходасевич, М. Кузмин, А. Ахматова, В. Набоков, Б. Пастернак, И. Бродский, Е. Рейн, Б. Ахмадулина, А. Кушнер, Ю. Буйда и др.). Итак, Венеция глазами писателей и поэтов XX в. была представлена как многомерный, полноценный, значимый, единый художественный образ, выкристаллизовавший венецианский текст русской литературы, имеющий продолжение и в наши дни.

Библиографический список

1. Бавильский, Д. Венеция [Текст] / Д. Бавильский // Уральская новь. – 1998. – № 1. – С. 1–10.
2. Байрон, Дж.-Г. Паломничество Чайльд-Гарольда [Текст] / Дж.-Г. Байрон. – М. : Азбука, 2001. – 256 с.
3. Блок, А. А. Собрание сочинений [Текст] : в 6 т. / А. А. Блок. – М. : Художественная литература, 1960. – Т. 5. – 406 с.
4. Буйда, Ю. Ермо [Текст] / Ю. Буйда // Знамя. – 1996. – № 8. – С. 3–96.
5. Вяземский, П. А. Стихотворения [Текст] / П. А. Вяземский ; под ред. Л. Я. Гинзбург. – Л. : Советский писатель, 1958. – 488 с.
6. Габбе, П. А. Байрон в темнице. Элегия [Текст] / П. А. Габбе // Поэты 1790–1810 годов. – Л. : Советский писатель, 1971. – С. 739.
7. Герцен, А. И. Собрание сочинений [Текст] : в 9 т. / А. И. Герцен. – М., 1956. – 586 с.
8. Лотман, Ю. М. Текст в тексте [Текст] / Ю. М. Лотман // Статьи по семиотике искусства. – М., 1992. – С. 30–48.
9. Меднис, Н. Е. Сверхтексты русской литературы [Текст] / Н. Е. Меднис. – Новосибирск, 2003. – 47 с.
10. Муратов, П. П. Образы Италии [Текст] / П. П. Муратов. – М. : Республика, 1992. – 595 с.

11. Перцов, П. П. Венеция [Текст] / П. П. Перцов. – М. : Б-С-Г-Пресс, 2007. – 285 с.
12. Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697–1699 гг. – М. : Наука, 1992. – 86 с.
13. Розанов, В. В. Золотистая Венеция [Текст] / В. В. Розанов // Иная земля, иное небо...: Полное собрание путевых очерков 1899–1913 гг. – М., 1994. – 98 с.
14. Русская поэзия XVII–XX веков [Электронный ресурс]. – Электрон. граф. дан. и электрон. текстовые дан. – М. : ДиректМедиа Пабблишинг, 2004.
15. Советские писатели об Италии [Текст]. – Л. : Художественная литература, 1986. – 137 с.
16. Фонвизин, Д. И. Собрание сочинений [Текст] : в 2 т. / Д. И. Фонвизин. – М. – Л. : Гос. изд. худ. лит-ры, 1959. – Т. 2. – С. 548–549.
17. Чулков, Г. Голос из могилы [Текст] / Г. Чулков // Русская новелла начала XX века. – М. : Советская Россия, 1990. – С. 58–78.

ТВОРЧЕСТВО РЕДЬЯРДА КИПЛИНГА В ОЦЕНКЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЙ ПРЕССЫ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

И.П. Мардынский

В статье затронута проблема оценки творчества Киплинга в зарубежной и русской прессе на рубеже XIX–XX вв. Его путь от репортажей до рассказов также прослеживается в статье.

The problem of the estimation of Kipling's creative work in foreign and Russian press on the border of XIX–XX ages is touched in the article. His way from reporting to short story is viewed there.

Ключевые слова: журналистика, идеология, стиль, баллада, печать.
Key words: journalism, ideology, style, ballad, print.

Рубеж XIX–XX вв. в истории англоязычной журналистики характерен одним немаловажным явлением. В условиях бурного развития капитализма и его перерастания в монополистическую стадию многие известные английские и американские писатели пошли в журналистику. Это позволяло им держать руку на пульсе жизни, глубже понимать происходящие перемены. А перемены были значительные. На авансцену истории выходил рабочий класс; на мировой арене начиналась борьба за передел уже поделенного мира; журналистика и культура в целом из элитарных становились массовыми. В Америке на смену популизму, господствовавшему ранее и учитывавшему нужды фермеров журналистскому течению, пришел прогрессивизм, рассчитанный на широкие слои населения, в том числе на рабочих. Прогрессивисты требовали широких демократических реформ; макрееры бичевали коррупцию и всевластие монополий; весьма ощутимым явлением стали рабочее и социалистическое движения. Известные писатели и журналисты (Джек Лондон, Эптон Синклер, Уилл Ирвинг, Чарльз Эдвард Рассел, Ида Тарбелл, Линкольн Стеффенс, Том Лоусон, Хелен Кемпбелл, Джэкоб Рис, Марк Салливан и многие другие) активно выступали в периодической печати. Они откликались газетными и журнальными статьями на животрепещущие проблемы современности, требовали проведения реформ на благо всего населения страны, а не горстки «толстосумов». «Прогрессивное десятилетие» в журналистике США, которое продлилось до начала Первой мировой войны, достаточно хорошо изучено.

Иное дело – Великобритания, бывшая метрополия США. Здесь, наряду с широким рабочим движением и борьбой за реформы, существовало достаточно влиятельное движение в защиту прежних имперских порядков, против борьбы колоний за независимость. Среди тех, кто отстаивал интересы начавшей рассыпаться империи, было немало одаренных и талантливых людей.

Английские литераторы занимали самые разные позиции в британской журналистике. Так, Бернард Шоу публиковался в социалистическом журнале «Тудей»; одним из руководителей органа Социал-демократической федерации еженедельника

«Джастис» был поэт и художник, пропагандист прикладного искусства Уильям Моррис. Конечно, левой ориентацией не заканчивались позиции британской интеллигенции. Например, Эмиль Джозеф Диллон, корреспондент газеты «Дейли Телеграф», обладал несомненным даром литератора. Он учился в ряде крупнейших университетов, знал европейские и восточные языки, свои статьи он писал на пяти языках. Дружбой с Диллоном гордились многие видные политики. Его называли «журналистом по призванию, ученым и философом по выбору, государственным деятелем по честолюбию». О смелости Диллона ходили легенды. Так, в 1895–1896 гг. он сумел пробраться в Армению и, несмотря на угрозы турецких властей, собрал необходимые сведения, посетил Испанию накануне испано-американской войны, был на Крите во время восстания, присылал из Парижа отчеты о деле Дрейфуса.

Особое и весьма своеобразное место в британской журналистике того периода занимает «романтический певец британского империализма» и проповедник «бремени белого человека» Редьярд Киплинг.

Писатель Редьярд Киплинг (1865–1936) вышел из колониальной журналистики. Семилетняя работа в англо-индийской прессе (1882–1889) дала ему жизненный материал, сформировала «магистральный сюжет» и поэтику его произведений, наконец, определила его писательскую судьбу. Литературный дебют Киплинга состоялся необычайно рано – как продолжение стремительной карьеры журналиста: в семнадцать лет он уже помощник редактора, в девятнадцать начинает публиковать свои рассказы и стихотворения, наряду с репортажами, обозрениями и очерками. По горячим следам из этих газетных публикаций составляются сборники, в форсированном темпе, с последовательным увеличением тиража: в 1886 г. – «Департаментские песенки», в 1888 г. – «Простые рассказы с гор» и еще шесть сборников рассказов. Прорыв в большую литературу завершается уже вне Индии. За три года путешествий (1889–1892) – Гонконг, Сингапур, Япония, США, Южная Корея, Италия, Англия – Киплинг успевает рассчитаться с журналистикой путевыми очерками, издать свой первый роман «Свет погас» и новые сборники: прозаический («Жизнь дает фору») и поэтический («Казарменные баллады и другие стихи»). Уже названия первых сборников Киплинга – полемический жест «газетчика», порвавшего с викторианской «религией красоты», пришедшего с примитивистской программой: принципиальный отказ от тематической и стилистической иерархии, ставка на язык быта и факта. Едва ли случайно и сходство названий «Казарменных баллад» с «Лирическими балладами» У. Вордсворта и С.-Т. Кольриджа: Киплингом как бы вновь подхвачен революционный лозунг рубежа XVIII–XIX вв. (поэзия равна «обыденной речи») – и в расчете на поэтическую сенсацию доведен до предела (поэзия равна сленгу). Тот же расчет и в «Простых рассказах», вызывающе приравнивающих новеллу к репортажу. Сенсация состоялась, отмеченная эпитетами восторга и удивления: «Наконец-то литература!» (Д. Мейсон); «Эврика! Гений!» (Э. Ланг); «Комета, вспыхнувшая в небе» (Э. Госсе). Новаторство Киплинга было признано всеми: защитниками – с оттенком страха перед его журналистским экстремизмом, обвинителями – с оттенком восхищения перед его талантом (Г. Джеймс: «дитя-чудовище»; Р.Л. Стивенсон: «Все в нем – ловкая журналистика»; О. Уайльд: он «репортер, знакомый со всем вульгарным лучше, чем кто угодно другой до него»). Позднее Дж. Джойс назовет «Простые рассказы с гор» наиболее многообещающим произведением современной эпохи, а их автора, к двадцати четырем годам завоевавшего всемирную славу, – одним из самых одаренных от природы писателей.

Изучая газетные статьи, очерки, рассказа Киплинга, напечатанные в «Civil and Military Gazette» за 1882–1886 гг., можно проследить путь от репортажа к новелле. Новеллы вырастали у него из репортерской работы, требовавшей скорейшего отклика на события или явления. Киплинг не отделял журналистскую практику от литературного творчества. Разумеется, у репортажа есть свои специфические слабости – отрывочность, малый охват действительности, неизбежная сжатость, локальность. Однако есть и преимущества. Репортаж – это почти всегда сюжетный рассказ или сценка, это одна из самых разносторонних и свободных литературных форм. Документальное содержа-

ние репортажа никогда не отталкивало Киплинга от этого жанра, а, наоборот, необычайно привлекало его, так как давало ему возможность, с одной стороны, проявить свой энциклопедизм, неистощимое стремление к исследованию фактов и явлений окружающей жизни, с другой, – подтвердить свою всегдашнюю привязанность к документальной пунктуальности описания увиденного в действительности.

В творческом процессе Киплинга от исходного момента есть соединение журналистики с художественной литературой, и в завершенной работе сохраняется то, что появилось в начале: пронизательность, сжатость, сила наблюдения, умение выбрать самое существенное, типичное из гущи события, точный стиль.

Д. Мирский справедливо пишет о Киплинге: «Он – не творец живых, трехмерных типичных человеческих образов: он лирик и очеркист. Мастерство Киплинга сказывается в его удивительном умении создавать видимость сонетного движения, где его в действительности нет. Приемами интонации новеллиста он создает иллюзию новеллы, где есть только анекдот или беллетризированный очерк» [4, с. 14].

Каждый помещенный Киплингом в газете материал, будь то очерк, зарисовка или новелла, – это корреспонденция с места события. Почти каждый рассказ вырос из корреспондентского и документального материала. В основе каждого рассказа Киплинга лежит личное наблюдение действительности, личное впечатление. В самой форме киплинговской новеллы, в характере повествования, в той роли, которую выполняет рассказчик, обнаруживаются связи с журналистскими жанрами, прежде всего, с репортажем. Черты репортажа соотносятся с чертами короткого рассказа, и этот сплав создает своеобразие метода писателя.

Фантазия Киплинга при всей ее необычной живости и своеволии не отрывалась от реального факта и ситуации. Киплинг следует творческому вымыслу, но почти всегда чувствуются пределы, в которых вымысел получает свободу. Вымысел призван создать впечатление живости, неожиданности и вместе с тем трезвой убедительности всего, что изображается в новелле. Цель вымысла у Киплинга состоит в том, чтобы усилить впечатление, которое читатель получил бы от той же картины, увидев ее в действительности. В этом смысле художественное произведение и очерк преследуют близкие друг другу цели.

Свобода репортажной формы повествования позволила писателю проводить эксперименты в области жанра, стиля, техники письма («Ворота ста печалей» и «Город страшной ночи» – эскизы восточного сюжета, «Рикша-призрак» и «Странная поездка Морроби Джукса» – эксперимент в жанре фантастического рассказа).

Газеты помещали репортажи Киплинга с выставки “A Provincial Exhibition” (1884), с национального праздника “The Dazera Festival” (1884). Помещенные рядом с его рассказами, они не могли не заимствовать друг у друга особенности репортажных и художественных средств. Происходило взаимопроникновение репортажного и художественного стилей.

Рассказ «Ворота ста печалей» возник из самого обычного репортажа под названием “In the Council of the Gods” (18 Feb., 1885), помещенного на страницах «Сивил энд Милитари Газет» за семь месяцев до опубликования рассказа. Целью репортажа было рассказать о курильщиках опиума. Место действия точно определено – «в ста ярдах птичьего полета от мечети Вазир-хана». Опиумный дом, но не обычный, а пакка, то есть перворазрядный. Колоритная фигура маленького одноглазого старика. Деталь: «На обеих руках у него не хватало средних пальцев» (позже эта деталь, как, впрочем, и другие, войдет в рассказ «Ворота ста печалей»).

Киплинг описывает процесс курения трубки, сам вместе с десятью посетителями испытав на себе действие «черного дыма». В корреспонденции описана и смерть одного из обитателей опиумного дома прямо на циновке после приема очередной порции опиума (эпизод, вошедший затем в рассказ). Статья об опиумном притоне, написанная Киплингом прямо с природы, стала основой рассказа «Ворота ста печалей», начинающегося со слов: «Я не сочинял этого рассказа». В рассказе цель меняется. Действующими лицами являются тот же маленький одноглазый человек, у которого не хватало средних пальцев на обеих руках, те же десять курильщиков: китаец, базарная женщина,

бездельник англичанин, женщина-метиска, еврей, перс, афганец и др. Но в рассказе, в отличие от корреспонденции, содержится детальное описание того, что ощущает курильщик опиума, психология поведения каждого из курильщиков, содержание их бесед, раскрытие побудительных мотивов, приведших их к «воротам ста печалей». Репортажная стилистика становится органической частью новеллы.

Для рассказов Киплинга характерно указание на событие как на импульс, дающий движение новелле. Новелла, выросшая из корреспонденции и вобравшая в себя ее стилистику, событийность в соединении с возникающим «эффектом присутствия» как следствием достоверности любой детали, любой реплики персонажа – характерное явление для всего новеллистического творчества Киплинга. Живое воображение Киплинга не позволяло ему довольствоваться сухим изложением фактов.

«Город страшной ночи» – это зарисовка, также расцвеченная живой художественной импровизацией писателя. Это рассказ, способный вызвать у читателя «эффект присутствия», настолько достоверна любая деталь. Каждая строка является результатом больших профессиональных усилий, где все предусмотрено, заранее найдено и определено. Создается ощущение, что все действительно «именно так», точно и достоверно. Как и в рассказе «Ворота ста печалей», здесь нет сюжета, но есть событийность. Рассказ тоже возник из корреспонденции с места событий. Сначала появился репортаж “A Real Live City” (2 March, 1885). В нем с потрясающей силой показан типичный ночной быт одного из индийских городов. Женщины, мужчины, дети, полицейский, муэдзины, жизнь, смерть, минутная свежесть воздуха и сплошная проклятая духота, земляные крыши, вереница сонных верблюдов.

Спустя некоторое время после появления киплинговской зарисовки в “Civil and Military” писатель прочел поэму Джеймса Томсона «Город страшной ночи». Поэма эта воскресила в памяти писателя все связанное с репортажем из полночного Лахора. Киплинг воспользовался названием томсоновского произведения для заглавия рассказа «Город страшной ночи». Поэма Д. Томсона «Город страшной ночи» – венец пессимистических настроений поэта – возникла в период одиночества, страданий, печальных лет поэта, когда он, покинутый друзьями, бродил по ночным улицам Лондона.

Большинство ранних рассказов Киплинга по типу построения напоминает газетный очерк, в котором вся структура организуется фигурой рассказчика. В рассказе сюжет имеет свою объективную логику. В очерке рассказчик направляет действие, у него есть специальная функция: задание, которое несет рассказчик, и весь материал, который он вводит в очерк, взаимосвязаны. В рассказах Киплинга сохранение фигуры рассказчика связано со значительной ролью, которую он играет в организации материала.

С каждым рассказом мастерство Киплинга совершенствовалось. Если ранее его новеллы непосредственно взаимодействовали с корреспондентской работой, то теперь рассказ Киплинга, ассимилировав газетную поэтику, получил дальнейшее развитие и все более приобретал самостоятельный характер; росло мастерство писателя, выковывался оригинальный киплинговский стиль. Если ранее, как уже отмечалось, для Киплинга-новеллиста была характерна видимость сюжетного движения, которая нередко заменялась событийностью, то теперь писатель создает историю характера, показанную в конкретной системе событий.

Необходимо, впрочем, заметить, что «самостоятельность» новой поэтики киплинговских рассказов (уже не видно швов, соединяющих корреспонденции с рассказом) не означает обособленности. Киплинг-рассказчик всегда был зависим от журналистики, и в лучших его рассказах эта зависимость просматривается не на поверхности, а в глубинных слоях.

Наиболее четко это просматривается на индийском материале журналистского и художественного творчества Киплинга. Это отметил Мигель де Унамуно (1864–1936) в статье «Искусство и космополитизм», опубликованной в 1912 г. в аргентинской газете «Ла насьон»: «Разбирая творчество Редьярда Киплинга на страницах “Меркюр де Франс” – органа, я думаю, пользующегося почтением у аргентинских приверженцев космополитизма, – Анри Д. Деврей убедительно доказывает, что писателю этому

более всего удаются вещи, действие которых или происходит в Индии, или как-то связано с этой страной, где Киплинг провел годы детства, сохранил об этом времени самые живые воспоминания» [6, с. 233].

В индийской печати Киплинг почти сразу же выступил не только как прозаик, но и как поэт. В августе и сентябре 1885 г. он опубликовал в газете «Пионер» шесть стихотворений под общим заглавием «Баллады из бунгало». Они были так хорошо приняты, что его шеф Уилер дал ему возможность напечатать еще несколько стихотворений в «Гражданской и военной газете», после чего их скоро уже знала вся Индия. Их печатали теперь в «Пионере» и его еженедельных приложениях: «Пайонир мейл» и «Уикли ньюс», в калькуттской газете «Инглишмен» и многих других.

Отобрав лучшие стихи Киплинга, Уилер отпечатал за свой счет триста пятьдесят экземпляров и отослал часть из них в Англию. Книжечка эта имела ироническое название «Департаментские песенки» и внешне имитировала стиль официальных изданий. Фамилия автора была набрана как факсимиле, и разобрать ее было сложно, так как почерк у Киплинга был довольно неразборчивый (однажды после его письменного прошения о выдаче ему заграничного паспорта на въезд в Японию, этот документ был выписан для него на имя Раджерда Кишрига). Когда самый влиятельный тогдашний критик Эндрю Лэнг напечатал на сборник стихов из Индии положительную рецензию в октябрьском номере «Лонгменс мэгэзин», он Киплинга не назвал: должно быть, счел публикацию анонимной. Он же, хотя речь шла о стихах, первым сравнил Киплинга с его любимым Брет Гартом. Это, видимо, и навело Уилера на мысль послать все книжечки «Железнодорожной библиотеки» в английское издательство, где рецензентом состоял тот же Лэнг. Прочитав их, Лэнг воскликнул: «Эврика! На свет родился гений!»

Столь бурная реакция критика была обусловлена тем обстоятельством, что конец 80-х гг. в Англии был довольно беден литературными событиями. Можно сказать, Киплингу повезло: он входил в литературу в период безвременья, на переломе, когда уже начала давать трещину казавшаяся незыблемой твердыня викторианского сознания. Новейшие эстетические веяния, в основном французские, не смогли прижиться на британской почве. Взаимно отрицая друг друга, натурализм и символизм быстро исчерпали себя, потеряли последователей и застыли на месте. Литература явно нуждалась в обновлении, и читающая публика с нетерпением ожидала появления нового дарования, откуда бы оно ни пришло.

В конце 1889 г. в Лондоне вышли «Простые рассказы с гор». Им предшествовали статьи Лэнга «Рассказы мистера Киплинга» и «Рассказчик из Индии» во влиятельных изданиях: «Саттерди ревью» и «Дейли ньюс». О Киплинге заговорили. Все отметили приход писателя не только нового, но и в высшей степени оригинального.

Став английским в полном смысле слова писателем, Киплинг не спешил входить в круг литераторов обретенной страны. Сам он никогда ни прямо, ни косвенно не критиковал произведения своих собратьев по перу и никого никогда не просил давать отзывы о своих вещах. Его знакомства с современниками всегда были очень ограничены. Он вел уединенный образ жизни, и число его друзей в писательской среде было невелико. Сравнительно неподалеку от поместья Киплингов жил Джозеф Конрад, считавший Редьярда большим талантом, но они никогда не встречались. Когда же Киплинг послал Конраду короткое письмо, где похвалил его «Зеркало моря», тот написал Голсуорси, что в мире начали происходить чудеса. Никогда не виделся Киплинг с Уайльдом, а с Бернардом Шоу встретился только в 1928 г., по чистой случайности. На похоронах Томаса Гарди в Вестминстерском аббатстве 14 января писатель и критик Эдмунд Госс имел бестактность познакомить Киплинга и Шоу. Те торопливо пожали друг другу руки, и тут же каждый из них отвернулся, словно от нечистого. Но этим дело не кончилось. Бернард Шоу хотел нести гроб в паре с Голсуорси, но оказался рядом с Киплингом. Огромный Шоу вместе с «очкариком-коротышкой» производили комический эффект, символизирующий их несовместимость.

Впрочем, и к самому Томасу Гарди при жизни, и к его трудам Киплинг особого интереса не проявлял, хотя искренне уважал его. Вспоминая о молодых годах, писал,

что когда был принят в престижный лондонский клуб «Сэвил», то имел честь обедать «с самим» Гарди.

Не производил на него большого впечатления и Джордж Мередит, а тот со своей стороны отзывался о Киплинге с брезгливой прохладцей. А вот к Стивенсону Редьярд относился с огромным уважением, даже мечтал повидать его на Самоа, но не успел – Стивенсон внезапно скончался. Очень интересовался Киплингом Герберт Уэллс, но их знакомство не могло перерасти в приятельские отношения из-за явной непримиримости взглядов на жизнь. Увлеченно следил Киплинг за творчеством своих ближайших друзей-литераторов: Райдера Хаггарда и Конан Дойля. Дружеские отношения, как уже упоминалось, связывали Киплинга и с Генри Джеймсом, который, правда, к этому времени уже изрядно разочаровался в Киплинге и с сарказмом писал о его писательской эволюции: «от англо-индийцев к туземцам, от туземцев к бравым английским солдатам, от бравых Томми – к четвероногим, от четвероногих к рыбам, от рыб к паровым машинам и болтам». Все более простые объекты изображения разбивали давнюю надежду Джеймса на то, что из Киплинга разовьется английский Бальзак. К счастью и для Киплинга, и для изящной словесности, он не покусился на лавры француза, а пошел своим путем в литературе. Увы, именно этого ему Джеймс и не простил.

Над Киплингом в межвоенный период иронизировали многие; одни злобно и жестоко, другие, как Честертон и Конан Дойль, по-дружески. И если Уэллс детскими цветными мелками рисовал карикатуры с подписью «Мистер Редьярд Киплинг напоминает рабочему о его долге перед Империей», то Артур Конан Дойль сделал его прототипом своего последнего романа о Шерлоке Холмсе «Долина страха», написанного в конце 1913 – начале 1914 г. Роман этот может быть оценен как детективная пародия на жизнь Киплинга.

Интересной и важной является позиция дореволюционной русской критики на страницах отечественной печати. В представлении современных ему дореволюционных критиков он, прежде всего, был английским колониальным журналистом, поднявшимся в своем творчестве к вершинам художественного ремесла. Однако характеристики не были совершенно одинаковыми: одни принижали Киплинга, другие возвышали его до Диккенса, называя его «крупнейшим из современных английских стилистов, не имеющих соперников среди современников» [5, с. 9].

«Русские ведомости» за 1894 г. помещают статью Дионео, в которой сравниваются манера письма Киплинга и Диккенса-журналиста: «В Диккенсе нас поражает беспримерная сила описаний, проявляющаяся в тонкости наблюдений, в поэзии и образах. Киплинг же обладает талантом умения поместить своих героев в определенной среде, которую он резко и определенно очерчивает двумя-тремя штрихами. Как и Диккенс, он обладает острым и в то же время гибким умом, настоящим клинком скальпеля, который может проникнуть всюду» [2, с. 2].

То обстоятельство, что дореволюционная критика множество раз объявляла Киплинга новым Диккенсом, связано с похожестью творческого начала. Диккенс и Киплинг шли к литературе от журналистики.

В 1908 г. в библиотеке иностранных писателей под редакцией И.А. Бунина выходят «Избранные рассказы» первого десятилетия творчества Киплинга, десятилетия сотрудничества в колониальной «Сивил энд Милитари Газет». В предисловии к изданию раскрываются характерные черты мастерства Киплинга-новеллиста, не просто пришедшего в литературу из журналистики, но основавшего в ее недрах синтетический стиль газетной новеллы (а еще ранее – газетной баллады), обладающей и вневременной общечеловеческой ценностью: «Описывая природу, он умеет немногими короткими фразами, иногда даже несколькими словами, вызвать в читателе полную картину ее, до ясного представления о том, как она должна действовать на человека, которого он изображает среди нее. Так же краток он при изображении душевных движений человека» [1, с. 15].

Почти все русские критики отмечают как существенную особенность молодого Киплинга-журналиста умение «перевоплощаться» и быть документально правдоподобным. Так, опубликованная в 1915 г. статья И. Ясинского характеризует Киплинга как писателя,

являющегося «этнографом, зоологом, инженером, психологом, пейзажистом, солдатом, художником, поэтом» [3, с. 5].

Но, несмотря на сложные отношения Кипплинга с критикой, популярность его к тому времени обрела всемирный характер. Его переводили на большинство языков Земли, книги Кипплинга выходили огромными тиражами, и любой писатель в те годы мог бы позавидовать его гонорарам. Кипплинга не раз избирали почетным доктором английских и иностранных университетов, поэтому, когда в 1907 г. ему была присуждена (первому из английских писателей) Нобелевская премия «за идейную силу и мастерство стиля», выбор шведских академиков никого не удивил. Кипплинг уже числился живым английским классиком наравне с Диккенсом и Дефо. Нередко слова Кипплинга, высказанные на страницах печати, имели серьезные последствия. Так, в интервью журналистке Кларе Шеридан, двоюродной сестре Уинстона Черчилля, Кипплинг в 1922 г. очень резко отозвался об американской политике: США вступили в войну поздно, по-настоящему почти не воевали, преждевременно начали мирные переговоры с Германией, помешав союзникам одержать над ней полную победу, отказались ратифицировать Версальский договор и войти в Лигу наций, а теперь требуют денег у тех, кто сражался и приносил жертвы. Это заявление Кипплинга вызвало бурную полемику в США и в Европе.

В отличие от Англии, в России книги Редьярда оставались «современными» до 40-х гг. и находились в центре внимания литературных кругов, хотя русская тема была далеко не основной в творчестве Кипплинга. В России он никогда не бывал, не знал ее языка и с русской литературой был знаком очень поверхностно, читал немного в школьные годы Пушкина и Лермонтова на французском, но впоследствии к русским авторам, даже в период всеобщего увлечения Тургеневым, Достоевским, Толстым и Чеховым, никакого интереса не проявлял.

Но, несмотря на такое отношение к русским, в России Кипплинга заметили и высоко оценили довольно рано, с начала 1890-х гг. Уже в 1892 г. его роман «Свет погас» был впервые опубликован на русском языке одновременно в журналах «Вестник иностранной литературы» и «Русское богатство». В 1896 г. русские читатели познакомились с «Наулакой», изданной в Санкт-Петербурге как приложение к журналу «Звезда». В те же годы появились первые переводы его рассказов, которые неоднократно издавались отдельными книгами, а несколько позднее, в 1910-х гг., переводами из Кипплинга занялись русские поэты. Незадолго до Октябрьского переворота в Петрограде в издательстве Сойкина даже начало выходить 20-томное собрание его сочинений. Выпуск томов оборвала революция, которую сам Редьярд называл «международным еврейским заговором».

Большинство русских писателей тех лет признали незаурядное литературное мастерство Кипплинга. Среди них – Л. Андреев, И. Бунин, М. Горький и А. Куприн. Так, Куприн писал, что Кипплинг «оригинален, как никто другой в современной литературе». Бунин добавлял: «Кипплинг возвышался в некоторых своих вещах до подлинной гениальности», он «настолько своеобразен, один в своем роде, что кого же можно с ним сравнить?» На комплименты другим писателям Иван Андреевич был скуповат, и этот отзыв в его устах – более чем весомая похвала. Но, разумеется, те же либерально настроенные Горький и Куприн делали оговорки по поводу «проповеди империализма» и «узости идеалов Кипплинга, стесненных слепым национализмом».

Поэзия Кипплинга, как уже говорилось, была оценена чуть позже. И выдающийся русский поэт Николай Гумилев испытывал в своем творчестве влияние «железного Редьярда», но подлинным взлетом славы Кипплинга-поэта в России стали 20–30-е гг. Начало положил сборник переводов стихотворений Кипплинга (1922), сделанных талантливой ученицей И.С. Гумилева и М.Л. Лозинского Адой Оношкович-Яцына. Тогда под чары поэзии Редьярда Кипплинга попали Н. Тихонов, В. Луговской, Э. Багрицкий, А. Сурков и многие другие «пролетарские поэты». «Учиться стиху у Кипплинга» призывали соратников литераторы СССР.

Трудно сказать, как реагировал сам Кипплинг на свой неожиданный авторитет в Стране Советов, которую он, мягко говоря, не любил. Разве не парадокс, что на произведениях писателя, всю жизнь призывавшего нести закон западной цивилизации на Восток и противостоять «гуннам», теперь воспитывалось молодое поколение солдат огромной державы, готовившейся снести с лица земли одряхлевший «мир капитализма». Как ни странно, именно в Советской России в пору забвения Кипплинга в английской литературной среде ясно понимали, что главное в его творчестве – не идеи (Редьярд не был фило-

софом), а дух жертвенности личным ради общего, дух коллективизма ради высокой цели. Такой тип мышления был в высшей степени созвучен советской литературе. Это подтверждают слова Константина Симонова, также, кстати, увлекавшегося Кипплингом и переводившего его стихи в конце 30-х гг.: «Кипплинг нравился мужественным стилем, своей солдатской строгостью, отточенностью и ясно выраженным мужским началом, мужским и солдатским». В числе поклонников творчества «барда империализма» были Ю. Олеша и И. Бабель, К. Паустовский и С. Маршак, А. Грин и К. Чуковский.

В 1930-е гг. книги Кипплинга не были редкостью на прилавках книжных магазинов, но после войны положение резко изменилось. В начале 50-х гг. идеологический ветер начисто выдул Кипплинга из планов издательств, а с полок публичных библиотек его книги перебрались в спецхраны. Характерно, что как раз в эти годы на Западе отношение к наследию Кипплинга стало меняться в лучшую сторону, и в своем «Введении» к сборнику избранных рассказов Р. Кипплинга (1953) Соммерсет Моэм писал: «Редьярд Кипплинг – единственный автор в нашей стране, которого можно поставить рядом с Мопассаном и Чеховым. Он – наш величайший мастер рассказа. Что кто-нибудь сумеет с ним сравниться – в это не верится. Что он никогда не будет превзойден – в этом я уверен». В сознании массового советского читателя Кипплинг оставался исключительно автором «Маугли» и «Просто сказок».

Новое «признание» Кипплинга в СССР приходится на 1980-е гг., и в 90-е в российской литературной критике стало принято говорить о нем более или менее объективно, без идеологических штампов. И так, Редьярд Кипплинг по-настоящему, как великий писатель, а не как воспитатель «красногвардейских сердец», вновь возвращается в Россию.

Как отметил известный английский писатель Фрэнк Свиннертон, Кипплинг был «первым после Дефо журналистом, который перенес журналистский стиль в художественную литературу» [8, с. 11]. В итоге так образовался, как отметил Р.М. Самарин, «самостоятельный кипплинговский жанр простого рассказа, преемственно связанный с газетой» [7, с. 6].

Библиографический список

1. Библиотека иностранных писателей [Текст]. – М., 1908.
2. Дионео. Кипплинг [Текст] / Дионео // Русские ведомости. – 1894. – № 230. – С. 2–3.
3. Кипплинг, Р. Книга джунглей [Текст] / Р. Кипплинг. – М., 1915. – 250 с.
4. Кипплинг, Р. Рассказы. Ким [Текст] / Р. Кипплинг. – М., 1936. – 325 с.
5. Корифеи английской литературы [Текст]. – М., 1911. – 125 с.
6. Называть вещи своими именами: Программы выступления мастеров западноевропейской литературы XX в. [Текст]. – М., 1986. – 335 с.
7. Kipling, R. The Light that Failed [Text] / R. Kipling. – М., 1976. – 345 p.
8. Swinnerton, F. Introduction. – Hilton, R. Kipling, A New Appreciation [Text] / F. Swinnerton. – L., 1968. – 250 p.

ЛИРИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ ПОЭМЫ А. АХМАТОВОЙ «У САМОГО МОРЯ»

Л.В. Спесивцева

В статье анализируется поэма А. Ахматовой с точки зрения жанрового своеобразия. Рассматриваются лирическое и эпическое начала произведения, и доказывается мысль о том, что произведение А. Ахматовой представляет собой лирическую поэму.

A. Akhmatova's poem is analysed in the article from the viewpoint of genre peculiarity. Lyrical and epic are viewed and the idea about A. Akhmatova's work of art being a lyrical poem is proved.

Ключевые слова: поэма, жанр, лирический герой, мотив, образ.

Key words: poem, genre, lyrical character, motive, image.

Период конца XIX – начала XX в. в России ознаменован небывалым расцветом практически всех сфер культуры и искусства – литературы, музыки, живописи. Многогосложность и противоречивость исторического процесса обусловили возникновение различных направлений, течений, школ, хаотичность переплетения индивидуальных,

принципиально нетрадиционных стилей. Символизм и акмеизм, футуризм и имажинизм, творческие поиски Скрябина и Белого, Матюшина и Хлебникова, Мейерхольда и Маяковского выявили новые возможности создания особой картины мира. Поэты разных литературных школ в парадоксальном сочетании старого и нового были объединены страстным поиском некоего «общего знаменателя», желанием обрести вселенскую гармонию, которой так жаждало человечество.

Рубеж веков – важный этап в развитии русской литературы, характеризующийся поиском обновления жанровой структуры произведений большой формы. Художественные открытия новых принципов организации хронотопа, приема «зазеркальности», мотивов двойничества и «внутриположности» (О. Седакова) характерны для творчества одного из самых знаковых поэтов «границ веков» Анны Ахматовой, первая поэма которой – яркое свидетельство поисков путей обновления поэтики.

Поэма «У самого моря» создавалась во время второго этапа (1914–1915 гг.) творчества А. Ахматовой, который характеризовался как период «отхода от интимного дольника» и экспериментов с размерами, «вызывающими ассоциации фольклорные и патетические» (М. Гаспаров).

Написанная в 1914 г. и опубликованная в журнале «Аполлон» в 1915 г., поэма «У самого моря» была воспринята современниками как преддверие «перехода к более крупной форме» [10, с. 439]. В письме от 14 марта 1916 г. А. Блок признавался А. Ахматовой: «Прочтя Вашу поэму, я опять почувствовал, что стихи я все равно люблю, что они – не пустяк, и много такого – отрадного, *свежеего*, как сама поэма. Все это – несмотря на то, что я никогда не перейду через Ваше "вовсе не знала", "У самого моря", "*самый* нежный, *самый* кроткий" (в "Четках"), постоянные "совсем" (это вообще не Ваше, общеженское, всем женщинам этого не прощу). Тоже и "сюжет": не надо мертвого жениха, не надо кукол, не надо "экзотики": ...надо еще жестче, наглядней больнее. – Но все это – пустяки, поэма настоящая, и Вы – настоящая...» [2]. Важно отметить, что А. Блок оценивал первую поэму А. Ахматовой как явление сложное – «уравнение с десятью неизвестными».

Известный русский поэт, философ, критик, теоретик символизма Г.И. Чулков, рассматривая поэму в контексте искусства Серебряного века, называл произведение «новым поэтическим опытом А. Ахматовой». Он отмечал, что «...поэма "У самого моря" заслуживает чрезвычайного внимания уже потому, что современность вовсе не богата эпическими произведениями в стихах... Очарование этой поэмы в том, что она исполнена превосходного реализма, то есть каждый образ, чудотворно претворенный поэтом в символ, не теряет своего земного веса» [9].

В 1914 г., еще до публикации поэмы «У самого моря», была написана статья тонкого ценителя русской поэзии, критика Н.В. Недоброво, в которой автор, анализируя содержание и формы лирики А. Ахматовой, стремился постичь неповторимое своеобразие творчества и личности поэта. Он пришел к выводу о том, что суть «не только в занимательности выражаемой личности, но и в искусстве выражать ее; в новом умении видеть и любить человека» [7, с. 50]. Статья вышла только в 1915 г., и критик добавил в качестве примечания, что появившаяся поэма «У самого моря» полностью подтверждает наблюдения, сделанные при анализе лирики А. Ахматовой.

В 1923 г. вышла первая монография Б.М. Эйхенбаума о творчестве А. Ахматовой. Исследователь отмечал: «Несмотря на свое тяготение к сюжету, Ахматова пока не вышла за пределы малых форм. Ее поэма «У самого моря» – скорее свод ранней лирики, чем самостоятельный эпос» [10, с. 146].

Важно отметить, что некоторое текстуальное совпадение высказываний Н. Недоброво и Б. Эйхенбаума еще больше подчеркивает диаметрально противоположные взгляды на поэму. Первый критик определял суть ахматовской поэзии и утверждал, что новая поэма соответствует характеристике лирики А. Ахматовой, которая была дана как бы «на вырост». Второй практически не уделил внимания содержанию, сосредоточившись на анализе формы.

Л.К. Долгополов отмечал, что сюжет поэмы А. Ахматовой «У самого моря» «не выдержан, ибо лишен внутреннего единства» [40, с. 127].

Некоторые из исследователей творчества А. Ахматовой относили поэму «У самого моря» к жанру лирической повести в стихах (например, И.Н. Невинская), другие считают ее лиро-эпической поэмой (С.В. Бурдина). Но ни один из исследователей не доказывает свою точку зрения, ограничиваясь лишь отнесением к тому или иному жанру.

Обращаясь к истории создания поэмы, следует отметить, что основу ее составляет автобиографический материал. А. Ахматова вспоминала о том, что ее семья благодаря отцу – морскому офицеру несколько раз проводила лето в Севастополе, и одним из самых ярких впечатлений детства называла Стрелецкую бухту и древний Херсонес. Действие поэмы разворачивается на берегу моря в Херсонесе, о чем свидетельствуют и начало поэмы, и упоминаемое несколько раз название города:

Бухты изрезали низкий берег,
Все паруса убежали в море,
А я сушила соленую косу
За версту от земли на плоском камне [1, с. 7].

Воспоминания современников А. Ахматовой свидетельствуют о том, что двенадцатилетняя Аня любила плавать, шокировала провинциальных севастопольских барышень своим внешним видом («бродила по побережью босоногая, в платье, накинутом на голое тело»), отличалась взрывностью характера. Подтверждение этих характеристик находим в поэме:

А я была дерзкой, злой и веселой
И вовсе не знала, что это – счастье... [1, с. 7].

Лирическую героиню поэмы, от лица которой ведется повествование, отличают свободные манеры («В песок зарывала желтое платье...»), ее душа сродни рыбам, птицам, подземным водам («Знали соседи: я чую воду, / И если рыли новый колодец / Звали меня...»), к ней относятся как к диковинке («Все говорят – ты приносишь счастье»).

Поэма построена как монолог-исповедь лирической героини, вспоминающей об одном из самых прекрасных моментов юности – ожидании встречи и любви царевича. Этот эпизод проецируется на начинавшийся когда-то роман третьеклассницы Ани Горенко и ученика пятого класса Царскосельской гимназии Коли Гумилева, личность которого противостоит царевичу и соотносима с «сероглазым мальчиком»:

Сероглаз был высокий мальчик,
На полгода меня моложе [1, с. 8].

Отличительной особенностью поэмы «У самого моря» является ярко выраженный синтез автобиографического и монументального (становление А. Ахматовой как поэта), когда за лирической героиней стоит автор, представляющий собой фокус, к которому стягиваются все текстовые и внетекстовые парадигмы [8].

Известно, что доминантной особенностью акмеизма была «тоска по мировой культуре» (О. Мандельштам), явившаяся важнейшим свойством восприятия и чувствования жизни А. Ахматовой. Именно отсюда – «включенность» поэта в культуру прошлых веков, сознательное или подсознательное взаимопроникновение высоких образцов в художественную ткань творений поэта, своеобразное преломление культурных мировых традиций.

В поэме «У самого моря» представлена уже сложившаяся целостная система «вечных образов» культуры: мифологические, библейские, исторические. Традиционная тема поэта и поэзии реализуется в поэме образами Музы и дудочки, творимый поэтом миф о себе – образом-лейтмотивом «разминовения-невстречи» (лирическая героиня – Царевич), ставший архетипическим в творчестве поэта образ Пушкина – различными аллюзиями и реминисценциями, начиная с названия поэмы, сказочного сюжета и заканчивая особым ритмическим рисунком (классическим белым стихом) и особой строфикой. Возведены в ранг «вечных» образы Блока и Гумилева (С.В. Бур-

дина), отсылки к которым становятся важными метами реальности происходящего события.

Ведущую роль в поэме играет лирический сюжет – последовательное развитие страстного любовного чувства лирической героини подчиняет себе развитие действия. Через повествовательный сюжет передается психологическое состояние лирической героини, ожидающей встречи с царевичем:

Как же царевич меня узнает?
Разве он помнит мои приметы?
Кто ему дом наш старый укажет?
Дом наш совсем вдали от дороги [1, с. 11].

Лирическое начало поэмы связано с эволюцией душевных переживаний лирической героини. Отражение ее внутреннего мира передается с помощью пейзажа, который воспринимается не только как фон повествования, место действия. Смена картин природы передает изменение настроения лирической героини. Предчувствуя необычную судьбу, свою избранность, слитность с природой, сердце героини наполняется радостью, которой соответствует и картина внешнего мира:

Ко мне приплывала зеленая рыба,
Ко мне прилетала белая чайка...

И уплывала далеко в море,
На темных, теплых волнах лежала... [1, с. 7]

Признания в любви сероглазого мальчика с «мускатными белыми розами» пробуждают в лирической героине чувство тоски и предчувствие чего-то неотвратимого, неизбежного, катастрофического:

А тайная боль разлуки
Застонала белою чайкой
Над серой полевой степью,
Над пустынной, мертвой Корсунью [1, с. 9].

По мере движения времени нарастает и тревога-тоска-печаль лирической героини. Встреча с цыганкой сначала предвещает радость, но

...от тревоги я разлюбила
Все мои бухты и пещеры;
Я в камыше гадюк не пугала,
Крабов на ужин не приносила,
А уходила по южной балке
За виноградники в каменоломню... [1, с. 10]

Смена настроений лирической героини передается сменой картин времен года:

Осень сменилась зимой дождливой,
В комнате белой от окон дуло;
И плющ мотался по стенке сада.
Приходили на двор чужие собаки,
Под окошком моим до рассвета выли.
Трудное время для сердца было [1, с. 11].

Мотив тревоги-печали сменяется вновь надеждой встречи с любимым – природа также преображается:

Вдруг подобрело темное море,
Ласточки в гнезда свои вернулись,
И сделалась красной земля от маков,
И весело стало опять на взморье [1, с. 12].

Заключительная четвертая часть поэмы начинается описанием дня, когда должен приплыть царевич:

Солнце лежало на дне колодца,
Грелись на камнях сколопендры,
И убегало перекасти-поле,
Словно паяц горбатый кривляясь,
А высоко взлетевшее небо,
Как Богородицын плащ, синело, –
Прежде оно таким не бывало [1, с. 14].

Ожидание встречи с мечтой оборачивается для лирической героини трагедией смерти и развенчанием сказочного мира. Гибель смуглого и ласкового возлюбленного разрушает мечту о любви («Вот он, милый, / Первую весть о себе он подал»), низвергает детский, сказочный и надежный мир. До встречи с царевичем героиня жила в гармонии с природой, с мечтой о счастливом будущем, своем и людей:

«Боже, мы мудро царствовать будем,
Строить над морем большие церкви
И маяки высокие строить.
Будем беречь мы воду и землю,
Мы никого обижать не станем» [1, с. 12].

Появление царевича завершает сказку, и наступает момент пробуждения, которое для лирической героини страшнее сна («Долго я верить себе не смела, / Пальцы кусала, чтобы очнуться...»).

Столкновение с жестокой реальностью предстает как глубоко личное переживание. Особенно если учесть, что внешним толчком к написанию поэмы послужили события 1914 г., всколыхнувшие в памяти А. Ахматовой все еще не забытые потрясения ранней юности (1905 г. – развод родителей, 1906 г. – смерть старшей сестры Инны, безответная любовь к студенту Петербургского университета Владимиру Голенищеву-Кутузову, попытки самоубийства Николая Гумилева). «В августе 1914 года Ахматова и Гумилев обедали на Царскосельском вокзале. И вдруг так же неожиданно, как и месяц назад на платформе Подсолнечная, над их столиком навис Блок... Снарядив мужа в поход, пока еще не на передовую, а в Новгород, где стояли уланы, Анна Андреевна вернулась в деревню и почти набело, на одном дыхании, написала первые сто пятьдесят строк "У самого моря"...» [6, с. 193]. Именно эта случайная встреча А. Ахматовой с А. Блоком предшествовала написанию поэмы. Отсюда, вероятно, и явная ориентация на творчество «знаменитого современника». Исследователи отмечают глубокую близость поэмы «У самого моря» музыкально-ритмическому строю лирики А. Блока, его мироощущению [6, с. 213]. Чувство тревоги, доминирующее в поэме, вводит в блоковский космос. Об этом свидетельствует и надпись, которую сделала А. Ахматова в посланном А. Блоку весной 1914 г. сборнике стихов «Четки»: «От тебя приходила ко мне тревога и умение писать стихи» [5]. С чувством тревоги в поэме связан и мотив ожидания (встречи, преображения) и романтический образ будущего – мечты: «Боже, мы мудро царствовать будем, / Строить над морем большие церкви...» (сравним с блоковскими строками: «Будет день – и свершится великое, / Чую в будущем подвиг души...» [3, с. 24]).

На доминирование лирического начала в поэме указывают и введенные в повествование ее персонажи. Мотив двойничества реализуется не столько наличием двух миров – реального, бытийного (бухта, берег, соседи, дом) и ирреального, сказочного (ожидание чуда, корабль, царевич), – сколько своеобразными двойниками лирической героини. Одним из двойников является сестра Лена, воплощающая иную сторону «приморской девчонки», другую ипостась характера героини: дерзость, злость и веселость, с одной стороны, и неподвижность и скука, – с другой.

Образом сероглазого высокого мальчика вводится мотив трагической неразделенной любви, причем любви земной, которая не может увлечь жаждущую чуда ду-

шу лирической героини. Цыганка предсказывает скорую встречу со «знатным гостем». Слова хозяйки хутора «Все говорят – ты приносишь счастье» выделяют героиню среди толпы людей и ставят ее над «простыми смертными». «Смуглый и ласковый царевич» – «объект чувства», о котором мечтает лирическая героиня. В процессе ожидания чуда-мечты внезапно проявляется ее «таинственный песенный дар» – так вводится мотив встречи лирической героини с Музой, который «перерастет» в ключевую для всего творчества А. Ахматовой тему Поэта (от «Эпических мотивов» до «Реквиема», «Путем вся земли», «Поэмы без героя»).

Все составляющие повествовательные элементы поэмы – персонажи, пейзаж, бытовые детали, вкрапления диалога и прямой речи, передающие разговорные интонации, – создают иллюзию окружающего реального мира, от которого так далека лирическая героиня, и способствуют более глубокому раскрытию ее психологических переживаний, эволюции ее внутренней жизни.

Библиографический список

1. Ахматова, А. Собрание сочинений [Текст] : в 6 т. / А. Ахматова. – М. : Эллис Лак, 1998. – Т. 3.
2. Блок, А. Собрание сочинений [Текст] : в 8 т. / А. Блок. – М. – Л., 1960–1963. – Т. 8. – С. 458–459.
3. Блок, А. А. Собрание сочинений [Текст] : в 6 т. / А. А. Блок. – М., 1971. – Т. 3.
4. Долгополов, Л. К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX веков [Текст] / Л. К. Долгополов. – Л. : Наука, 1964.
5. Жирмунский, В. М. Творчество Анны Ахматовой [Текст] / В. М. Жирмунский. – Л. : Наука, 1973. – С. 128.
6. Марченко, А. «С ней уходил я в море...» [Текст] / А. Марченко // Новый мир. – 1998. – № 9.
7. Недоброво, Н. В. Анна Ахматова [Текст] / Н. В. Недоброво // Русская мысль. – 1915. – Кн. VII. – Отд. 2.
8. Осипова, Н. О. Поэмы М. Цветаевой 1920-х годов: проблема художественного мифологизма [Текст] / Н. О. Осипова. – Киров : Вятский гос. ун-т, 1997.
9. Чулков, Г. Валтасарово царство [Текст] / Г. Чулков. – М., 1998. – С. 441.
10. Эйхенбаум, Б. Анна Ахматова. Опыт анализа [Текст] / Б. Эйхенбаум // Эйхенбаум Б. О прозе. О поэзии : сб. ст. – Л., 1986.

ИРАНСКАЯ МИФОЛОГИЯ В ПОЭЗИИ И.А. БУНИНА

И.А. Таирова

Статья посвящена иранской мифологии в поэзии И.А. Бунина. Анализируются стихотворения «Эльбурс» (1905) и «Ормузд» (1903–1905). Особое внимание при литературоведческом анализе уделяется зороастрийской религиозно-мифологической символической терминологии.

The article is devoted to Iranian mythology in the poetry of I.A. Bunin. The poem “Alborz” (1905) and “Ormuzd” (1903–1905) are analyzed. A particular attention is paid to literary analysis of Zoroastrian religious and mythological symbolism and terminology.

Ключевые слова: иранская мифология, иранский миф в поэзии И.А. Бунина, И.А. Бунин, Иран, зороастризм, огнепоклонники, космология древнего Ирана, духовная гармония, мифические реки, мировое дерево хаома, в «Авесте», символ трех сословий, Эльбурс, древнее святое место, мир божеств, пророк Заратуштра, иазаты, Митра, колесница Митры, Ормузд, Датар, огонь, неугасимый пламень, всевидящий Датар.

Key words: Iranian mythology, an Iranian myth in poetry of I.A. Bunin, I.A. Bunin, Iran, zoroastrianism, fire fans, cosmology of ancient Iran, spiritual harmony, the mythical river, the world tree haoma, in “Avesta”, the symbol of three estates, Alborz, an ancient sacred place, the world of gods, prophet Zoroaster, iazats, Mitra, the chariot of Mitra, Ormuzd, Datar, fire, unquenchable flame, all-seeing Datar.

По И.А. Бунину, причина кризиса кроется в безверии, в потери памяти того времени, когда люди не разделяли светское и духовное, когда существовала четкая ие-

рархия миров: строго очерченных границ богов и людей, делившихся на касты. Информация об этом еще жива в мифах, легендах, сказках и поверьях разных народов. В своем художественном творчестве поэт черпает вдохновение из разных источников, хранящих память о моделях человеческой цивилизации в наивысшем смысле этого понятия.

По мысли И.А. Бунина, обращение к древнему миру, поиск мудрости в нем может современному человеку вернуть утраченную духовную гармонию, осознать «божественное величие вселенной» [1, с. 26]. Одним из таких миров виделся поэту древний Иран, когда зороастризм господствовал на большей части Ближнего и Среднего Востока и в IV–III вв. до н. э. стал религией многих народов, проживающих на территории древнего государства.

На темы иранской мифологии у И.А. Бунина написано два стихотворения: «Эльбурс» (1905) и «Ормузд» (1903–1905). Проанализируем их на предмет воплощения в них данной тематики.

Стихотворение «Эльбурс» своим названием и надписью под ним («Иранский миф») побуждает обратиться к географии, посмотреть место расположения Ирана. На севере страны тянется 900-километровый хребет Эльбурс. В честь этих исторических и существующих поныне гор названо стихотворение И.А. Бунина «Эльбурс». На северных склонах гор располагаются широколиственные леса, на южных – ксерофитные кустарники, растения, приспособленные к жизни в засушливых местообитаниях. Такая противоречивая природа этих гор не могла не послужить местом создания своеобразной религиозно-мифологической системы.

Горная природа Эльбурса сурова, и поэт подчеркивает это, начиная стихотворение со слов:

На льдах Эльбурса солнце всходит.
На льдах Эльбурса жизни нет.

И далее раскрывается в общих чертах та система мироздания, которая возникла в представлении древних иранцев. От загадочного Эльбурса взгляд поэта уходит далеко в космос:

Вокруг него на небосводе
Течет алмазный круг планет.

Мир, включая космос, иранцам виделся состоящим из семи частей, поясов (каршваров), то есть сторон горизонта, связанных с направлениями «семи ветров», «семи климатов», а также означающих времена суток и годовые сезоны. Самым большим из семи поясов света иранские народы называли хребет Харайти (Хара Березайти), который якобы окружал всю землю и располагался, по версии одних древних текстов, в ее центре (Хванитаре), по версии других, – на севере. Хребет Харайти был населен людьми. Его вершина – мировая гора Хаара, или Хукарья, с нее стекали две мифические реки, окружавшие сушу и впадавшие в огромное озеро Воурукаша у подножия горы. Иранцами считается, что именно там произрастает всеисцеляющее мировое дерево хаома, содержащее семена всех растений. На нем обитает «царь птиц» Сэнмурва. Он ломает ветви, распыляя семена, другая птица относит их к источнику, из которого потом пьет дожденосная звезда Сириус, которая, в свою очередь, с дождем возвращает семена на землю. На вершине же горы располагается обитель богов – Гаронмана, рай. Этой вершиной, видимо, являлся вулкан Демавенд, так как он есть наивысшая точка Эльбурса, расположенная на уровне 5604 м.

По «Авесте», главной книге зороастризма, считается, что ближе всего к земле размещается орбита звезд, чей слабый свет уподоблялся благим мыслям. Далее на равном удалении от земли вращается луна (ее свет приравнивался благим словам), затем солнце (его свет символизирует благие дела). И, наконец, четвертая, высшая сфера принадлежит бесконечному свету – Ахурамазде – и его пантеону.

Таким образом, вершина гор уходит далеко в небо, в недосягаемый мир божеств. Но поэт подчеркивает, что между земным и божественными мирами есть связь. Это

язаты (*иазаты* – у И.А. Бунина) – добрые духи, как представлялось древним иранцам, помощники единого бога Ахурамазды. Об этом в стихотворении сказано:

Туман, всползающий на скаты,
Вершин не в силах достигнуть:
Одним небесным иазатам
К венцу земли доступен путь.

Здесь важно отметить, что учение пророка Заратустры отрицает существование множества богов, но признает сверхъестественную силу злого духа, антагонистичную единому Богу (но, тем не менее, созданную им). В зороастризме, как и во многих других древних религиях, существует резкий дуализм добра и зла. Первое представлено духами добра ахурами и язатами во главе с верховным богом Ахурамаздой, второе – дэвами, монстрами во главе с создавшим их мировым злом Ангро-Майнью.

Одним из божеств света, чистоты и правды является *Митра* (по Авесте, «договор», «согласие»). Всего двумя строчками И.А. Бунин подчеркивает авторитетность этого божества, указывая на его всемирную распространенность:

И Митра, чье святое имя
Благословляет вся земля

Любопытно, что это некогда верховное языческое божество первоначально было отвергнуто пророком зороастризма, но затем с легкостью переключалось в новую религию. Митре стали повсеместно поклоняться в Иране. Со временем он прославился не только как бог, карающий клятвопреступников, но и стал идентифицироваться с огнем, то есть выполнять некоторые функции солнечного бога. Его главная обязанность – охранять закон и порядок, установленный Ахурамаздой.

В поднебесной вышине у Митры свои владения – огромные пастбища, где отсутствуют тьма, холод, зной, болезни и т.п., куда он (в том числе по стихотворению И.А. Бунина) «восходит первый <...> / Зарей на льдистые поля» (заключительные строки третьего катрена). Как только восходит солнце, Митра поднимается на своей колеснице в небо. Достигнув Солнца, колесница разворачивается, и Митра со своей свитой продолжает шествовать по небосводу.

Согласно античным источникам (например, по свидетельству Диогена Лаэртского, III в.), колесница Митры запряжена четверкой белых коней. По космологии древнего Ирана, четверо скакунов Митры воплощают огонь, воду, землю и атмосферу. И что интересно, их передние копыта позолочены, а задние покрыты серебром. Вероятно, отсюда у И.А. Бунина сравнение колесницы Митры, расписанной звездами, с ризой: «И светит ризой златотканой».

И, наконец, в последних строчках выражена суть мифа о Митре. В стихотворении И.А. Бунина Митра

<...> озирает с высоты
Истоки рек, пески Ирана
И гор волнистые хребты.

Так, пока солнце шествует по небу, колесница Митры проносится над всеми окраинными каршварами, пересекает небо над Хванитарой с востока на запад и с севера на юг. Боги во главе с Митрой зорко смотрят вниз. Они следят, соблюдаются ли законы, и нет ли нарушивших договор о миропорядке, установленный Ахурамаздой.

Получается, что Эльбурс – не что иное, как древнее святое место, где творятся чудеса. Также название это может означать наш мир, мир людей, оберегаемый зороастрийскими богами.

Одним из чудес в древнем Иране считался огонь. По древним поверьям иранцев, в конце мира кони Митры так или иначе выйдут из повиновения колесничему и будут драться до тех пор, пока один из них – огонь – не поглотит остальных.

В древнем Иране верили, что огонь – часть всех элементов мироздания, в том числе человеческой души, потому в иранских храмах огонь никогда не прекращал свое горение (представители других культур называли иранцев огнепоклонниками).

В стихотворении «Ормузд» (1903–1905) слово «огонь» пишется с заглавной буквы. Это имя божества Датара.

Священный огонь был символом трех сословий иранского общества. Так, Атар-Фарнбаг – это огонь жречества, Атар-Гушнасп – огонь царя и воинов, Атар-Бурзин-Михр – огонь общинников. Тяжелейшим грехом считалось осквернение огня. Даже хоронили, не сжигая, не закапывая (из-за боязни осквернить землю). Покойника относили в специальное место («Башни молчания»), там тело склевывали птицы.

В начале стихотворения поэт говорит о том, что без огня невозможен мир, что без света нет жизни: «Ни алтарей, ни истуканов, / Ни темных капищ» в культуре зороастризма.

Мир одет
В покровы мрака и туманов.

Соответственно, возникает необходимость искать дорогу к свету, что в стихотворении выражено предельно лаконично, будто сам Заратустра наставляет свою паству: «Боготворите только Свет». Эти слова говорят о главной обязанности огнепоклонников, о благодеянии зороастрийца – молиться Ормузду, «Владыке Света», бороться со злом, с тьмой, подобно ему самому:

Владыка Света весь в едином –
В борьбе со тьмой и потому
Огни зажгите по вершинам:
Возненавидьте только тьму.

Таким образом, помимо огня, И.А. Бунин акцентирует внимание читателя еще на одном символе зороастризма – Ормузде. Это греческая форма имени верховного божества зороастрийцев Ахурамазды.

Чтобы ярче показать противопоставление двух сил, Света и Тьмы, И.А. Бунин избрал интересный прием. Он заканчивает каждый катрен таким образом, что последняя строка первого катрена противопоставляется по смыслу словам из последней строки второго катрена, Свет противопоставляется Тьме. «Боготворите только Свет» – заканчивается первый катрен, «Возненавидьте только Тьму» – так заканчивается второй катрен. То же наблюдаем в отношении первого и последнего слова в пределах одного катрена:

Ни алтарей, ни истуканов <...> – Свет
Владыка Света <...> – Тьму
Ночь <...> – Огню

Но еще более удивительно, как мастерски И.А. Бунин вставил в текст стихотворения информацию о функциях Владыки Света, Ормузда. Если соединить первые строки двух первых катренов и последние строки двух других катренов, получается следующее:

Ни алтарей, ни истуканов <...>.
Владыка Света весь в едином <...>.
Он поклоняется Огню <...>.
Тебе, всевидящий Датар!

Таким образом, выявилась квинтэссенция всего стихотворения, Ормузд раскрылся своими главными характеристиками – божеством, борющимся за свет, за мир, за жизнь.

А все остальные слова относятся к людям, это указания: «Боготворите только Свет», «Возненавидьте только Тьму», «Огни зажгите по вершинам». А «вершины»,

речь о которых идет во втором катрене, – это самые великие храмы огня: Атар-Фарнбаг (в г. Парсе), Атар Гушнасп (в г. Шизе) и Атар-Бурзин-Михр (храм в г. Хорасане).

Человек, избравший для себя благодеяние, борьбу со злом, по древним иранским поверьям, мудрый, он сделал верный выбор: верит в солнце, свет, добро, или в День. Об этом – следующие строки в стихотворении:

Ночь третью мира властно правит.
Но мудрый жаждет верить Дню:
Он в мире радость солнца славит,
Он поклоняется огню.

Ради счастья людей древнеиранское божество Ормузд приносит себя в жертву другому божеству – огню, всевидящему Датару:

И, возложив костер на камень,
Всю жизнь свою приносит в дар
Тебе, неугасимый пламень,
Тебе, всевидящий Датар!

Здесь можно наблюдать синтез многих религиозных культур. Например, две веры в огонь: зороастризм и индуизм. В последней распространен культ погребения на костре – так называемое жертвоприношение. Например, когда умирал мужчина, вместе с ним сжигали его живую жену. Такое значение вполне мог придавать автор словам «Всю жизнь свою приносит в дар», отчего данные строки становятся не столько веселее, сколько еще более понятными.

От прочтения последнего катрена возникают ассоциации с Иисусом Христом, отдавшим свою жизнь во искупление человеческих грехов.

Кроме того, дуализм, вера в Свет и Тьму, Добро и Зло характеризовал почти все древнейшие религии. Такое смешивание религиозных культур свойственно И.А. Бунину. Он не случайно выбрал для стихотворения общие для многих духовных традиций понятия.

Поэт показал мировой смысл человеческих поверий, который позволяет возвыситься над всякого рода разделением и, таким образом, проложить путь к взаимопониманию всех людей, стран, наций, мысленно возвращаясь к единой духовной первооснове человечества.

Библиографический список

1. Бунин И. А. Собрание сочинений [Текст] : в 6 т. / И. А. Бунин / сост., подгот. текста и коммент. А. К. Бабореко, О. Н. Михайлова, В. Титовой [и др.]. – М. : Художественная литература, 1987. – Т. 4.

ЭТНИЧЕСКАЯ МУЗЫКА В РИТМИЧЕСКОЙ ГИМНАСТИКЕ

Г.Г. Ибрагимов

Статья посвящена музыкально-ритмической гимнастике школьников и взрослых. Дана историческая справка начала этой деятельности (Э. Демоор, А. Дункан, Э.Ж. Далькроз). Особый раздел посвящен описанию занятий по некоторым советам Далькроза и специфике этой деятельности в школе.

The article is dedicated to musical and rhythmical aerobics for children and adults. A historical inquiry on the beginning of this activity is given (E. Demour, A. Duncan, E.J. Dalcros). A special chapter is devoted to some advice by Dalcros and peculiar features of this activity at school.

Ключевые слова: музыка, упражнение, фольклор, движение, ритм, система, гимнастика, расслабление, тело, хор, поезд.

Key words: music, exercise, folklore, motion, rhythm, system, gymnastics, relaxation, body, choir, train.

Начало XX в. отмечено деятельностью Эжена Демоора, Айседоры Дункан, Эмиля Жака Далькроза, разработавших специальные программы на движение под музыку.

Система эвритмии внедряется в гимнастику впервые Э. Демоором для дефективных детей с нарушением двигательных функций. Э. Демоор разработал новые ритмические движения, непривычные для нормально развитых детей, используя музыку просто для сопровождения, чтобы облегчить выполнение специальных движений физиономическим детям, для смены гимнастических движений. Обычно ведется счет «раз, два, три, четыре», а музыка – время смены после музыкального предложения, периода, фразы – дает метр, метрические пульсации.

Эвритмия – очень прогрессивная художественная гимнастика, устоявшаяся в результате подбора к ней духовной музыки. Существуют концертные коллективы, пропагандирующие эвритмию с внедрением храмовой православной и католической музыки. Зрелище очень сценичное, впечатляющее, очаровывающее, вводящее зрителя в атмосферу формирования души человека, обращения его взора во Вселенную, ищущего свободы и блаженства в мирах космоса, как производное его. Духовная музыка, ее ритмы, облаченные в фантастические темы и аранжировки, захватывает зрителей своей необычностью, неземным происхождением.

Другие задачи преследовала Айседора Дункан, возрождая античную пляску под ритмы музыки, как эмоционально возбуждающего фактора в процессе самого движения. Целью ее системы было развитие творческой личности среди неполноценно развитых умственно и физически детей и взрослых. Художественно-ритмический аспект у нее был эмоционально подготовлен и реализован на повседневных занятиях [11].

Эмиль Жак Далькроз – педагог и композитор из Швейцарии – буквально перевернул многие постулаты, каноны музыкального воспитания, выдвинув вперед ритмическое воспитание. Руководствовался он в своем открытии для новых поколений тезисом Ганса Бюлова «В начале был ритм» [13, с. 68]. Далькроз разработал систему ритмических занятий для того, чтобы сделать человеческое тело податливым любым движениям, гибким, упругим, стойким, могущим в нужное время расслабиться, а в определенной обстановке – сработать как пружина. Все мышцы человека у Далькроза должны были выполнять свои функции с пластикой напряжения и в особенности-расслабления (расслабление мышц). Музыкальные ритмы регулировали движение. «Жизнь есть музыка с ее живым и жизнотворящим ритмом», – писал Ж. Далькроз [9, с. 248]. Человек должен быть ритмически организован, должен «ритмическим образом сконструировать жизнь» [9, с. 6]. 1906 г. в Советском Союзе был периодом вне-

дрения художественной ритмической гимнастики (ритмики) в воспитательную и образовательную системы (ясли, сад, школы, вузы).

Первая работа Ж. Далькроза «Листки курсов ритмической гимнастики» была нарасхват. Далькроз давал публичные лекции, демонстрировал со своими учениками методику своей ритмики. 1919 г. – период всеобщей «ритмической инфекции» в России (институты ритмики в Москве, Петрограде, Саратове, Киеве, Ростове-на-Дону). Высшая цель Далькроза – «улучшение человека» [6] – была на слуху как у обывателя, так и в обсуждениях в широких кругах общественности, интеллигенции. В 1930-х гг. выдвигается тезис о необходимости адаптировать метод Ж. Далькроза к конкретным профессиональным и образовательным сферам, но в дальнейшем такая пропаганда и популяризация (без должного контроля) проявляют свои отрицательные качества – неприличные, извращенные телодвижения, невзирая на аудиторию (детсад, школа, телевидение). Неудивительно, что это повлекло падение эстетической культуры, нравственности, духовности в целом в обществе как в Европе так и в России с конца 1980-х г.

Появляется много работ по движению и музыке. Стоят упоминания «Советы» Ж. Далькроза, которые необходимы для организации занятий как по ритмической гимнастике, так и общих музыкальных. Мы выборочно выделяем следующие.

Совет 8. *Никогда не выдавай своего раздражения по поводу неудачно исполненного упражнения. Твое раздражение влечет за собой раздражение учеников. Лучше прибегнуть в этом случае к шутке, превратить серьезное в игру, внутреннее твоё раздражение разойдется.*

Совет 10. *Никогда не забывай, что преподаватель (заметьте, что Далькроз не называет «педагог», что бытует в наших профессиональных детских школах) обязан пробуждать в ученике его личный ритм, а не навязывать ему свой собственный – это не педагогично». Этот совет Далькроза тенденциозен по своему содержанию, ибо есть место раздумий для учителя музыки – не обязательно придерживаться его буквально. Учитель воспитывает ученика, постепенно развивая его «задатки и способности» (по Теплову) все более эффективными, сложными заданиями по ритмическому развитию и оформлению его народными ритмами, интонациями, вариациями.*

Совет 11. *Только тот хороший учитель, кто может перед учениками и ошибаться. Твоя ошибка сближает тебя с учеником, в чем вся твоя мудрость.*

Музыкально-двигательное воспитание – ритмика – исходит от законов движения, моторики, биоритма человеческого тела в пространстве и времени. Наша задача – сблизить, слить воедино музыкальное пространство с движениями тела. Цель – добиться синхронности в звучании фольклорной (этнической) музыки, ритмов, народной песни, танца, хореографии. Первоначально это достигается регулярными занятиями на уроках музыки. Продолжение видится во внеклассном времени – факультативы, студии, кружки хореографии и т.д. Ритмическое воспитание в школе дает ученикам возможность двигаться, развиваться, координировать свои движения поодиночно, а в массе, группе – одновременно красиво, точно, ловко выполнять заданную двигательную-физкультурную, гимнастическую, акробатическую, эксцентрическую программу. Постепенно ритмические занятия в классе музыкального фольклора дети ритмически отображают, живут в ситуациях повседневной жизни [8; 9].

С 80-х гг. ритмика (аэробика) давала сбои в морально-нравственной плоскости – в увлеченности обучающейся молодежи и взрослых аэробикой до фанатизма (несценичные, вульгарные телодвижения) вследствие бесконтрольности, неуправляемости, падения нравственности в обществе.

С 1996 г. в российском образовании вновь вернулись к воспитанию детей на основе регулярных занятий по ритмике. Повсеместно признано, что в школьном возрасте двигательная активность ребенка приобретает важное значение для его развития. В этап его возрастного периода взрослые должны помочь детям рационально использовать энергию, растить мышцы, выработать в них пластичность, эластичность, развивать гибкость в теле.

Художественную ритмическую гимнастику учителю музыки мы рекомендуем проводить на каждом уроке музыки и обязательно под звучание музыкального фольклора народов России, этнической музыки.

Во-первых, народные ритмы дают ощутимый положительный эффект на занятиях: дети развиваются под хорошую, родную, знакомую понятную и доступную для восприятия образы музыки.

Во-вторых, движение под фольклорную музыку в классе способствует реализации цели в гармоничном, физическом развитии школьников.

В-третьих, научившись слышать ритмы и выполнять определенные движения, ученики невольно остаются под впечатлением услышанного и синхронных моторных движений мускулов, мышц ног, рук, пальцев, корпуса, шеи, головы.

В-четвертых, воспитываются воля, целеустремленность, сила, различные навыки для выполнения физического труда, преодоления препятствий, умение в игровой форме выполнить упражнение для группы.

В-пятых, воспитательная задача фольклорной музыки – народной песни, частушки – в союзе с движением включает те привычки, которые приучают школьников к взаимовыручке, организованности через игры народного содержания, чувство коллективизма товарищества, ответственности за команду, помощь, уважение мальчиков к девочкам и девочек к мальчикам – все это доносит до нас народная культура через народную музыку, ритмы, интонации, через этнические(народные) образы малой драматургии. Учитель музыки распределяет деятельность слуховых, зрительных, моторных центров с участием моторных раздражителей [5, с. 59]. Рациональное распределение времени, пространства, сил и умения ученика у учителя музыки, у которого минимум времени (один урок в неделю), – под особым вниманием. Следует учить детей очень медленному движению рук, ног, тела, шеи, корпуса, локтей, медленному шагу с опорой для развития мышц для быстрого выполнения движения.

На наш взгляд, не будет лишним подсказать учителю музыки форму и содержание определенных видов движения и этнической музыки, наиболее ярко выделяющихся своей простотой, доходчивостью, разнообразием народной музыки, ритмов разных народов нашей России и в определенном аспекте – фольклором народов мира.

Игры развивают школьников физически, эмоционально, ритмически [3].

Коллективные (синхронные двигательные упражнения отдельных групп детей, отобранных для соревнования): каждая группа 5 минут определяет, какие движения будет выполнять (договариваются тайно). Представление групп после готовности каждой наблюдают остальные в роли зрителей. Оценка дает только учитель, оценка класса не нужна.

Сольная программа какого-либо ученика: что он умеет, как координирует свои движения, показывает образец осанки, воли, силы, работу вестибулярного аппарата, танцует брейк-данс и т.п., показывает умение выполнять команды учителя музыки.

Это основные виды художественной ритмической гимнастики в игровой форме под народную музыку. В арсенале учителя музыки, как правило, множество видов развития приемов ритмической гимнастики, воспитания через игры. Однако важно все проводить под звучание фольклорной музыки, преимущественно народов России. Наши соотечественники большое количество во всех государствах мира, поэтому важно «не перегибать палку» – не усердствовать с зарубежными ритмами, чем злоупотребляют в школах, даже в детских садах, несмотря на падение патриотического воспитания в постперестроечный период в России.

Период интенсивных занятий художественной ритмической гимнастикой под звучание фольклорной (этнической) музыки на уроках музыки в школе охватывает возраст 13–14 лет. Такие занятия могут быть продолжены в хореографическом жанре в старших классах с привлечением младших школьников.

Библиографический список

1. Баренбойм, Л. Система детского музыкального воспитания К. Орфа [Текст] / Л. Баренбойм. – Л., 1970. – 330 с.

2. Бекина, О. И. Музыка и движение [Текст] / О. И. Бекина, Т. П. Ломова, Е. И. Соковнина. – М. : Просвещение, 1983. – 140 с.
3. Богуславская, З. М. Развивающие игры [Текст] / З. М. Богуславская. – М. : Просвещение, 1991. – 56 с.
4. Вансович, В. Эвритмия [Текст] / В. Вансович // Музыкальная академия. – 1995. – № 1. – С. 116–120.
5. Волкова, Г. А. Логопедическая ритмика [Текст] / Г. А. Волкова. – М., 1992. – 160 с.
6. Далькроз, Э. Ж. Ритм. Его воспитание. Значение для жизни и для искусства [Текст] / Э. Ж. Далькроз. – Театр и искусство. – М., 1922. – 120 с.
7. Дункан, А. Танец будущего [Текст] / А. Дункан. – М., 1907. – С. 5.
8. Ибрагимов, Г. Г. Музыкальный фольклор как средство активизации развития чувства музыкального ритма у младших школьников [Текст] : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Г. Г. Ибрагимов. – М. : МГОПУ, 1998. – 17 с.
9. Ибрагимов, Г. Г. Развитие чувства музыкального ритма школьников на фольклоре [Текст] : монография / Г. Г. Ибрагимов. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2007. – 284 с.
10. Ибрагимов, Г. Г. Старинушка. Народные песни России [Текст] / Г. Г. Ибрагимов. – Астрахань, 2005. – 160 с.
11. Науменко, Г. Д. Дождик, дождик, перестань. Русское народное детское музыкальное творчество [Текст] / Г. Д. Науменко. – М. : Советский композитор, 1988. – 190 с.
12. Сайдашева, З. Татарско-мишарские песни № 18 [Текст] / З. Сайдашева, Х. Ярми. – М., 1979.
13. Шторк, К. Система Ж. Далькроза [Текст] / К. Шторк. – Л., 1924.

ВЕЛИКИЕ УРОКИ НЮРНБЕРГА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

А.А. Дегтерёв

Международные военные преступления – самые серьезные преступления, направленные против человечества, мира и безопасности. Статья посвящена результатам высокого класса в ходе Нюрнбергского процесса против лиц, виновных в военных преступлениях во время Второй мировой войны. Автор, в частности, рассматривает законные акты, принятые на основе результатов Нюрнбергского процесса и примененные в международном гуманитарном праве. Более того, автор уделяет внимание проблемам применения международного права в конфликте в Южной Осетии.

International War Crimes are the most serious crimes against humanity, peace and safety. The article is devoted to the results of the high-profile the Nurnberg trial against persons guilty of war crimes during World War II. In particular the author considers those legal acts that were adopted on the basis of the results of the Nurnberg trial and have been implemented within International Humanitarian Law. Moreover the author pays attention to the problems of application of International Law in South Ossetia's conflict.

Ключевые слова: военное преступление, Нюрнбергский процесс, Вторая мировая война, международное гуманитарное право.

Key words: war crime, the Nurnberg trial, World War II, International Humanitarian Law.

Почти шестьдесят пять лет прошло после окончания Второй мировой войны, но до сих пор память мирового сообщества не могут покинуть чудовищные преступления фашистских захватчиков и их сообщников. Война унесла свыше 50 миллионов жизней. Основную тяжесть этой кровопролитной войны вынес на себе Советский народ, сыгравший решающую роль в достижении Великой Победы над Фашистской Германией. Его потери составили почти 27 миллионов человек, из них около 4 миллионов – ни в чем не повинные мирные жители. После нападения Германии на СССР советское правительство неоднократно заявляло о необходимости строгого наказания гитлеровских захватчиков за злодеяния, совершаемые ими не только в странах Европы, но и по всему миру. Эта идея впервые официально была озвучена в Декларации правительств СССР и Польши от 4 декабря 1941 г., после этого широкую огласку имела в Московской декларации правительств СССР, США и Великобритании и 30 октября 1943 г., постановлениях Крымской (Ялтинской – февраль 1945 г.), Потсдамской (июль – август 1945 г.) конференций руководителей трех союзных держав, а также нашла юридическое закрепление в Соглашении между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси от 8 августа 1945 г.

В Декларации 1943 г., подписанной Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем, говорилось, что виновные будут судимы в том месте и теми народами, над которыми они совершали насилие: «Пусть те, кто еще не обагрил своих рук невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзных державы наверняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей с тем, чтобы смогло свершиться правосудие» [4, с. 51–52]. В Декларации отмечалось, что она не затрагивает вопрос о главных преступниках, деяния которых не связаны с определенным географическим местом и которые будут наказаны совместным решением правительств союзников. Юридическим подтверждением этого стал судебный процесс в Нюрнберге.

Сегодня это уже история, и печально, что многие страны не сделали должных выводов. 1 октября 2009 г. исполнилось 63 года со дня окончания Нюрнбергского процесса. Соглашением от 8 августа 1945 г. был учрежден Международный военный

трибунал для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси и принял его Устав. Союзные государства, действуя в интересах всех Объединенных Наций, обязались предпринять необходимые меры, чтобы предоставить для расследования обвинений и суда главных военных преступников, содержащихся у них под стражей и подлежащих суду Международного военного трибунала, а также тех из них, которые не находятся на территории какой-либо союзной державы.

Юрисдикции Международного военного трибунала подлежали следующие международные преступления:

✓ преступления против мира: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий;

✓ военные преступления: нарушения законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;

✓ преступления против человечности: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет (ст. 6 Устава).

В Уставе Международного военного трибунала также были сформулированы общие принципы его деятельности.

1. Принцип индивидуальной ответственности лиц за преступления, подпадающие под юрисдикцию Трибунала.

2. Принцип неотвратимости наказания виновных лиц за международные преступления вне зависимости от их роли в процессе совершения преступных деяний. Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана.

3. Должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государства или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не является основанием для освобождения от ответственности или смягчения наказания.

4. Действие подсудимого по распоряжению правительства или приказу начальника не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как повод для смягчения наказания.

5. Право Трибунала на признание преступной группы или организации, членом которой являлся подсудимый. В соответствии с этим принципом закреплялось положение о том, что компетентные национальные власти государств - участников Устава вправе привлекать к судебной ответственности лиц за принадлежность к такой группе или организации.

6. Осуждение виновного лица Трибуналом не освобождает его от ответственности и наказания за совершение других преступлений, подпадающих под юрисдикцию национальных, военных или оккупационных судов.

7. Рассмотрение Трибуналом дел в отсутствие обвиняемых лиц (или обвиняемый не разыскан, или заочно) в преступлениях, предусмотренных ст. 6 Устава.

В состав судей и обвинителей Международного военного трибунала вошли представители четырех великих держав: СССР, США, Великобритании и Франции. Членом трибунала от Советского Союза был И.Т. Никитченко, главный обвинителем – Р.А. Руденко.

Международный военный трибунал приговорил Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Кальтенбруннера, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Заукеля, Йодля, Зейсс-Инкварт и Бормана (заочно) к смертной казни через повешение. В ночь на 16 октября 1946 г. все фашистские главари, за исключением Геринга, которого кто-то избавил от позорной казни, подсунув ему яд, были повешены во дворе нюрнбергской тюрьмы. Заместитель Гитлера по партии Гесс, бывший главнокомандующий ВМС Редер, имперский министр экономики Функ были приговорены к пожизненному заключению; четверо других военных преступников – к 20, 15 и 10 годам тюремного заключения.

Трибунал объявил преступными организациями руководящий состав национал-социалистской партии, гестапо (государственную тайную полицию), СС (охранные отряды), СД (службу безопасности).

Приговор Нюрнбергского трибунала получил международное одобрение -а резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 95 (I) от 11 декабря 1946 г. «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала». В ней отмечалось, что Генеральная Ассамблея принимает к сведению Соглашение об учреждении Международного военного трибунала для привлечения к ответственности и наказания главных военных преступников стран оси в Европе, подписанное в Лондоне 8 августа 1945 г., и приложенный к нему Статут, а равно и то обстоятельство, что аналогичные принципы были приняты в Статуте Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками на Дальнем Востоке, провозглашенном в Токио 19 января 1946 г., подтверждает принципы международного права, признанные Статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении Трибунала [2, с. 550].

Кроме того, в рамках ООН 26 ноября 1968 г. была принята Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества. В ней закреплено положение о том, что никакие сроки давности не применяются к следующим преступлениям, независимо от времени их совершения:

- ✓ военным преступлениям, как они определяются в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа 1945 г.;
- ✓ преступлениям против человечества, независимо от того, были ли они совершены во время войны или в мирное время.

Государства – участники Конвенции обязались тогда принять все необходимые внутренние меры законодательного или иного характера, направленные на то, чтобы создать условия для выдачи лиц, совершивших перечисленные преступления, а также для обеспечения того, чтобы срок давности, установленный законом или иным путем, не применялся к судебному преследованию и наказанию за военные преступления и преступления против человечества.

Таким образом. Нюрнбергский трибунал впервые публично покарал главных военных преступников за агрессию и другие совершенные ими и по их приказу международные преступления.

В послевоенный период Нюрнбергские принципы нашли дальнейшее развитие в принципах и нормах международного гуманитарного права.

Правовой основой индивидуальной уголовной ответственности за совершение международных преступлений являются Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.. Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительные протоколы I, II к ним 1977 г.. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. и Второй протокол к ней 1999 г.. Римский статут Международного уголовного суда 1998 г.

В ст. III Гагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны закреплено положение о том, что воюющая сторона «будет ответственна за все действия, совершенные лицами, входящими в состав ее военных сил».

В I–IV Женевских конвенциях о защите жертв войны (ст. 49, 50, 129, 146 соответственно) говорится об обязанности государств выявлять и подвергать уголовным или дисциплинарным санкциям лиц, нарушивших или приказавших нарушить эти Конвенции. Аналогичные нормы содержатся в ст. 28 Конвенции о защите культур-

ных ценностей в случае вооруженного конфликта, а также в ст. 15, 16 Второго протокола к ней.

В Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям закреплена норма о том, что воюющие стороны несут ответственность за все действия, совершаемые лицами, входящими в состав их Вооруженных сил (ст. 91), а поэтому должны требовать от каждого командира принятия необходимых мер для предупреждения нарушений Конвенций и Протокола I и, в случае необходимости, возбуждения дисциплинарного или уголовного преследования против тех, кто допустил указанные нарушения (п. 3 ст. 87).

В названных источниках международного гуманитарного права приводится внушительный перечень серьезных нарушений (около 50), которые являются юридическим основанием для привлечения к уголовной ответственности физических лиц. К ним относятся: преднамеренное убийство, пытки и бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты, преднамеренное причинение тяжелых страданий или серьезного увечья, нанесение ущерба здоровью, незаконное, произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызываемые военной необходимостью, принуждение военнопленного служить в вооруженных силах неприятельской державы или лишение его прав на беспристрастное и нормальное судопроизводство и др. Статьей 85 Дополнительного протокола I они рассматриваются как военные преступления.

Что касается вооруженных конфликтов немеждународного характера, то в п. 1 ст. 6 Дополнительного протокола II, озаглавленной «Уголовное преследование», отмечается: «Настоящая статья применяется к судебному преследованию и наказанию за уголовные правонарушения, связанные с вооруженным конфликтом». Перечень таких уголовных правонарушений Протокол II не содержит, однако логично предположить, что речь идет о всех запрещенных действиях, перечисленных в ст. 4, 5, 9–11, 13–17 этого документа, а также в общей для всех Женевских конвенций статье 3.

Россия как правопреемник Советского Союза, являясь участником международных договоров, взяла обязательства по введению в действие законодательства, «необходимого для обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные серьезные нарушения» (ст. 49, 50, 129, 146 соответственно I–IV Женевских конвенций). Имплементация норм международного гуманитарного права в национальное законодательство способствует:

- ✓ решению внешних и внутривосточных задач по укреплению международного правопорядка и доверия между государствами;
- ✓ обеспечению в определенной ситуации правового статуса жертв войны, других покровительствуемых лиц;
- ✓ укреплению законности и правопорядка в стране, обеспечению профилактики правонарушений в мирное время и в период вооруженных конфликтов;
- ✓ повышению эффективности деятельности органов исполнительной власти, судов и органов прокуратуры.

Вместе с тем российское уголовное законодательство до настоящего времени не приведено в соответствие с договорами, заключенными Россией в начале и середине прошлого века. Законодатель ограничился включением в раздел XII (главу 34) Уголовного кодекса РФ, озаглавленный «Преступления против мира и безопасности человечества», следующие преступления:

- ✓ планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353 УК РФ);
- ✓ публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ);
- ✓ производство или распространение оружия массового поражения (ст. 355 УК РФ);
- ✓ применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК РФ);
- ✓ геноцид (ст. 357 УК РФ);
- ✓ экоцид (ст. 358 УК РФ);
- ✓ наемничество (ст. 359 УК РФ);
- ✓ нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ).

Как видно из перечисленных статей, законодатель предпринял попытку лишь в одной из норм уголовного права (в ст. 356 УК РФ) закрепить серьезные нарушения Женевских конвенций и Дополнительного протокола, не называя их тем не менее военными преступлениями. Даже в УК РСФСР Женевские конвенции были более полно отражены в четырех статьях, а именно:

- ✓ мародерство (ст. 266 УК РСФСР);
- ✓ насилие над населением в районе военных действий (ст. 267 УК РСФСР);
- ✓ дурное обращение с военнопленными (ст. 268 УК РСФСР);
- ✓ незаконное ношение знаков Красного Креста и Красного Полумесяца и злоупотребление ими (ст. 269 УК РСФСР).

При этом очевидно, что одна статья не может охватить несколько десятков противоправных деяний, различающихся по составам.

Такие преступления, как терроризм (ст. 205), захват заложника (ст. 206), предусмотренные уголовным законом, не относятся к международным военным преступлениям, совершаемым в период вооруженных конфликтов, о которых говорится в Женевских конвенциях и Дополнительном протоколе I. Разделы УК РФ, содержащие преступления против личности и общественной безопасности, не указаны в Приложении 5 «Ответственность за преступления, связанные с нарушением норм международного гуманитарного права, предусмотренная Уголовным кодексом Российской Федерации» к Наставлению по международному гуманитарному праву для Вооруженных сил Российской Федерации (утв. министром обороны РФ 8 августа 2001 г.). И хотя в названном документе утверждается, что «законодательство Российской Федерации учитывает положения международного гуманитарного права в части установления ответственности за его серьезные нарушения», сказанное позволяет сделать вывод, что Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним имплементированы в российское законодательство весьма символически. Это препятствует эффективной реализации норм об индивидуальной ответственности лиц, совершивших военные преступления.

Положения об индивидуальной уголовной ответственности содержатся в Римском статуте Международного уголовного суда 1998 г. После подписания Статута Россией и вступления его в силу встал вопрос о приведении национального законодательства в соответствие с этим документом. Россия подписала Римский статут Международного уголовного суда в 2000 г. (распоряжение Президента РФ от 8 сентября 2000 г. № 394-рп), но сам статут вступил в силу только в 2002 г. Проблем в этом отношении было бы гораздо меньше, если бы Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним были своевременно внедрены в российское законодательство.

В ст. 5 Римского статута речь идет о юрисдикции Международного уголовного суда, хотя международные судебные органы применяют уставы о создании Международного трибунала по Югославии в 1993 г. и Международного трибунала по Руанде – в 1994 г., легитимность которых вызывает огромное сомнение в отношении следующих преступлений:

- ✓ преступление геноцида, то есть любое из деяний, совершаемых с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую (ст. 6);
- ✓ преступления против человечности, то есть деяния, которые совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, если такое нападение совершено сознательно (ст. 7);
- ✓ военные преступления – серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г., другие серьезные нарушения законов и обычаев войны, совершаемые в период международных и внутренних вооруженных конфликтов (ст. 8). Квалифицирующим признаком военных преступлений является совершение их в рамках плана или политики или при крупномасштабном совершении таких преступлений;
- ✓ преступление агрессии: суд осуществляет юрисдикцию в отношении преступления агрессии, как только будет принято положение, содержащее определение агрессии, в соответствии со ст. 121 и 123 Римского статута.

Из названных преступлений, подпадающих под юрисдикцию Международного уголовного суда, в УК РФ нашли закрепление два: геноцид и преступление агрессии.

В ст. 357 УК РФ полностью воспроизводится формулировка геноцида, приведенная в ст. 6 Римского статута 1998 г. и в ст. II Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., и в связи с этим не вызывает каких-либо сомнений.

Что касается преступления агрессии, то в Римском статуте оно лишь названо, а определение еще не сформулировано, как того требует документ. Ст. 353 УК РФ «Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны» частично воспроизводит положение п. «а» ст. 6 Устава Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси 1945 г. Однако формулировка этого преступления не соответствует более современным международно-правовым документам в этой области, например, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии», принятой на 29-й сессии в 1974 г. В то же время, например, в Федеральном конституционном законе от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (с оговоркой «для целей настоящего Федерального конституционного закона») используется названное определение агрессии.

В Римском статуте 1998 г. закреплены также положения об уголовной ответственности физического лица за международные преступления (ст. 25).

Статут применяется в равной мере ко всем лицам вне зависимости от занимаемой ими должности: главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства (ст. 27).

Ст. 28 закрепляет норму о том, что военный командир или лицо, эффективно действующее в качестве военного командира, подлежит уголовной ответственности за преступления, совершенные силами, находящимися под его эффективным командованием и контролем либо, в зависимости от обстоятельств, под его эффективной властью и контролем, в результате неосуществления им контроля надлежащим образом над такими силами, когда такой военный командир или начальник:

- ✓ знал или должен был знать, что эти силы совершали или намеревались совершить преступления;

- ✓ не принял необходимых и разумных мер в рамках своих полномочий для предотвращения или пресечения их совершения либо для передачи данного вопроса в компетентные органы для расследования и привлечения виновных к уголовной ответственности.

В случаях, не оговоренных выше, командир (начальник) несет уголовную ответственность за действия своих подчиненных, когда:

- ✓ начальник либо знал, либо сознательно проигнорировал информацию, которая явно указывала на то, что подчиненные совершали или намеревались совершить преступления;

- ✓ преступления затрагивали деятельность, подпадающую под эффективную ответственность и контроль начальника;

- ✓ начальник не принял всех необходимых мер для предотвращения или пресечения совершения преступлений либо для передачи материалов дела в компетентные органы для расследования и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

В Статуте закрепляется также положение о неприменимости срока давности в отношении преступлений, подпадающих под юрисдикцию суда.

Подписав Римский статут Международного уголовного суда, Россия политически подтвердила свою приверженность тому, что самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества, не должны оставаться безнаказанными, и их расследование должно обеспечиваться мерами, принимаемыми на национальном уровне и в рамках международного сотрудничества. Необходимо осуществить комплекс мер по приведению уголовного законодательства Российской Федерации в соответствие с Женевскими конвенциями о защите жертв войны и Дополнительными протоколами к ним. Римским статутом Международного уголовного суда.

Таким образом, в принятых в послевоенный период международно-правовых актах нюрнбергские принципы получили подтверждение и дальнейшее развитие, в связи с чем можно говорить об огромном историческом, политическом и международно-правовом значении Нюрнбергского процесса в целом. Прежде всего, это первый в истории международных отношений судебный процесс, на котором агрессия была признана международным преступлением.

Нюрнбергский трибунал с использованием огромной доказательственной базы разоблачил перед всем миром чудовищные преступления фашизма и милитаризма, причинившие неизмеримые страдания и бедствия человечеству. По этому процессу было исследовано более 3 тысяч подлинных документов, допрошено около 200 свидетелей. Кроме этого, несколько сотен свидетелей допрошены особыми комиссиями по поручению Трибунала, принято 300 тысяч письменных показаний [3, с. 946].

Суд в Нюрнберге продемонстрировал стремление прогрессивных государств и народов к послевоенному международному сотрудничеству в борьбе с агрессией и фашизмом в интересах укрепления мира и безопасности. Была создана Организация Объединенных Наций. Устав ООН вступил в силу 24 октября 1945 г.

На Нюрнбергском процессе получил дальнейшее развитие принцип неотвратимости наказания за международные преступления физических лиц. Он стал первым прецедентом справедливого индивидуального наказания главных военных преступников, совершивших преступления против мира и человечности.

В Уставе Трибунала впервые сформулированы общие принципы деятельности международного судебного органа и дана классификация международных преступлений. Он является красноречивым свидетельством дальнейшего прогрессивного развития норм международного гуманитарного права, нашедших юридическое закрепление в Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г., других документах, принятых на Первой (1899 г.) и Второй (1907 г.) конференциях мира.

В наше время уроки Нюрнбергского процесса не стали настольной книгой для тех, кто развязал геноцид в Южной Осетии. Практически завершено расследование уголовного дела о геноциде мирных жителей Южной Осетии в следственном комитете прокуратуры РФ, но, на взгляд автора, оно не имеет перспектив в России, а тем более в Цхинвали, так как заочно подозреваемыми по нему проходят руководители подразделений Минобороны и МВД Грузии, находящиеся в Тбилиси. Материалами дела следствие рассматривает в том числе доказать обоснованность исков, поданных сотнями осетин в Европейский суд по правам человека. Представители Грузии, также обратившиеся в Страсбург, считают, что жертвами геноцида стали грузины в Южной Осетии.

Уголовное дело по ст. 105 УК РФ (убийство мирных жителей и миротворцев) и 357 УК РФ (геноцид граждан РФ – осетин по национальности) следственный комитет при прокуратуре РФ возбудил в самый разгар боевых действий в Южной Осетии. Первые следователи прибыли в Цхинвали 8 августа 2008 г. В то же время свое уголовное дело завела Генпрокуратура Южной Осетии.

Из материалов дела следует, что организаторами геноцида в отношении осетин выступали четыре командира бригад Минобороны и МВД Грузии, атаковавших Цхинвали 7 августа 2008 г. Имена их следствие не называет, да и юридический статус генералов не определен. Во всяком случае, постановление о привлечении их в качестве заочно обвиняемых до сих пор не вынесено. Президент Грузии Михаил Саакашвили, являющийся главнокомандующим силовыми структурами Республики, привлекаться по уголовному делу, по всей видимости, не будет. Президент Грузии, в соответствии с нормами международного права, не попадает под уголовное преследование со стороны России. Это еще один существенный пробел с нашими бывшими союзниками и братскими республиками Советского Союза.

Обратиться же с требованием о привлечении господина Саакашвили к ответственности за геноцид осетинского народа, например, в Международный уголовный суд в Гааге (не путать с Международным судом ООН) Россия не может, поскольку не является его членом.

Факты геноцида в отношении жителей Южной Осетии уже доказаны следствием. Жертвами геноцида стали 162 мирных жителя Республики, еще 255 человек получили ранения. Всего же пострадавшими от геноцида признаны 5600 человек. При этом дальнейшая судьба уголовного дела пока не ясна. В следственном комитете при прокуратуре РФ часть материалов дела уже направлена в Европейский суд по правам человека. Ранее в Страсбургский суд обратилось более 300 осетин, являющихся гражданами РФ и Южной Осетии, которые пострадали в ходе боевых действий. Материалы дела доказывают, что в отношении их Грузией была нарушена Европейская конвенция о правах человека. Главным образом речь идет о фундаментальном праве на жизнь (ст. 2 конвенции). Дело может послужить основанием для подачи иска в тот же Европейский суд и со стороны Правительства России к Грузии.

После завершения расследования дела в рамках договора о правовой помощи часть его материалов передадут в Южную Осетию, где также ведется расследование. Поступит ли «российское» дело в суд и какой именно, пока никому не известно. Многое в этом деле будет зависеть от действий МИДа и Минюста России, так как фигуранты дела находятся на территории другого государства. Дело в том, что предложение российских властей о создании некоего международного трибунала по расследованию событий в Южной Осетии так и не было реализовано.

Нюрнбергский процесс - это урок тем, кто в наше время разжигает войны и вооруженные конфликты, продолжает распространять оружие под предлогом защиты своих интересов далеко от собственной территории, нарушая суверенные права других государств. Это грозное напоминание и тем, кто стремится к возрождению фашизма в различных его проявлениях [1].

Нюрнбергский процесс подтвердил, что при наличии политической воли всех цивилизованных государств нужно создать единый, эффективный международный судебный орган в целях укрепления безопасности мирового сообщества и борьбы с преступлениями против мира и безопасности человечества.

Библиографический список

1. Вестник Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации. [Текст]. – М., 2009.
2. Нюрнбергский процесс [Текст]. – М., 1961. – Т. 7.
3. Нюрнбергский процесс [Текст] : сб. мат-лов. – 3-е изд., испр. – М., 1955. – Т. 11.
4. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами [Текст]. – М., 1955. – Вып. 11.

ДОСТАТОЧНЫЕ ДАННЫЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

А.В. Петров

Стадия возбуждения уголовного дела – независимый шаг криминальных процедур, означающий начало преемственных процедур, начиная с момента сообщения о преступлении, имеющий все признаки любого другого этапа уголовных процедур. Действия на этом этапе носят характер легальных процедур, но их цели неидеальны, а средства достижения целей ограничены.

The stage of suing a criminal case is an independent stage of criminal proceedings which marks the beginning of pre-judicial procedure starting from the moment of crime report and has all the indications of any other stage of criminal proceedings. The activity at this stage has a character of legal proceedings but with imperfect aims and restricted means.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, сообщение о преступлении, основание возбуждения уголовного дела, сроки проверки, самостоятельность, судопроизводство, уполномоченное лицо.

Key words: the stage of suing a criminal case, crime report, cause for suing a criminal case, check terms, independence, legal procedure, authorized person (representative).

УПК РФ в ч. 2 ст. 140 определяет основанием для возбуждения уголовного дела наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Анализ надзорной работы показывает, что на практике следователи и дознаватели различных органов при разрешении сообщений о преступлениях не всегда верно понимают понятие «достаточные данные», что зачастую приводит к принятию ими незаконных решений.

Понятие «достаточный» словарь русского языка определяет как удовлетворяющий потребностям, необходимым условиям [7, с. 162]; «основание» – как причину, достаточный повод, оправдывающий что-нибудь [7, с. 422]; «доказательство» – как довод или факт, подтверждающий, доказывающий что-нибудь [7, с. 158] «данные» – как сведения, необходимые для какого-нибудь вывода, решения [7, с. 139].

«Достаточные данные» наполняют содержание оснований для возбуждения уголовного дела. Для возбуждения уголовного дела достаточны сведения о преступном факте, причем необязательно, чтобы они раскрывали его во всех существенных чертах. Если, допустим, фактические данные свидетельствуют о краже, нанесении телесных повреждений, но не говорят об обстоятельствах совершения преступления, о связанных с этим подробностях, то такая неполнота не исключает основания к возбуждению уголовного дела. Если имеющиеся сведения, позволяющие сделать вывод о готовящемся или совершенном преступлении, не исключают полностью других версий, то это тоже не является препятствием для возбуждения уголовного дела.

В то же время нельзя отказать в возбуждении уголовного дела в связи с «недостаточностью улик», если имеются сведения о преступном факте. Уголовно-процессуальное законодательство России обязывает возбудить уголовное дело по каждому преступлению, независимо от того, имеются какие-либо сведения о лице, его совершившем, или нет. Это и понятно, ибо решение вопроса о виновных в преступном деянии и о доказательствах, необходимых для изобличения их, – это уже задача не стадии возбуждения уголовного дела, а последующих стадий уголовного процесса.

В широком смысле, исходя из анализа норм УПК РФ, «достаточные данные» выступают в качестве критерия принятия многих процессуальных решений. Термин «достаточность» используется законодателем и в других контекстах. Так, основанием производства обыска является наличие достаточных данных полагать (ч. 1 ст. 182 УПК РФ), а для вынесения решения о привлечении лица в качестве обвиняемого – достаточных доказательств (ч. 1 ст. 171 УПК РФ). Такая терминология законодателя обусловлена степенью достоверности информации, необходимой для принятия решения.

Наиболее высокая степень достоверности обозначается термином «достаточные доказательства». Привлечение лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого допустимо только при наличии достоверных, всесторонне и объективно проверенных, достаточных доказательств как о преступном деянии, так и о лице, его совершившем.

«Достаточные основания» могут обладать не такой высокой степенью достоверности, как «достаточные доказательства», поскольку все-таки являются основаниями, а не доказательствами.

Совокупность фактических данных, свидетельствующих о признаках преступления, позволяет судить о достаточности основания для возбуждения уголовного дела. В каждом конкретном случае вопрос о достаточности данных для возбуждения уголовного дела разрешается компетентным должностным лицом по своему внутреннему убеждению с учетом совокупности первичных материалов (ч. 1 ст. 17 УПК РФ).

Требование УПК РФ принимать решение о возбуждении уголовного дела на основе фактических данных означает, что выводы следователя, дознавателя, органа дознания не могут опираться на слухи или иные сомнительные источники. Каждое поступившее сообщение о преступлении должно быть тщательно рассмотрено, собранные материалы внимательно изучены, проанализированы и оценены.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что в некоторых случаях интуиция и предположения, слухи и тем более информационные сведения негласного порядка могут иметь значение при решении вопроса о возбуждении уголов-

ного дела. Безусловно, указанная информация не может служить основанием для принятия решения по сообщению о преступлении, но она должна быть учтена и проверена; следует не игнорировать, а уметь использовать полученные данные. Такого рода информация не должна компенсировать недостаток в объективных фактических данных. Смещение этих двух видов данных, подмена одного другим и неумение отличать объективное от субъективного в ряде случаев являются одной из ошибок при проверке основания для возбуждения уголовного дела.

Для того чтобы признать имеющиеся данные достаточными, необходима их предварительная проверка. Она дает возможность получить дополнительные сведения и материалы, требующиеся для правильного разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Пределы проверки должны быть строго ограничены задачами стадии возбуждения уголовного дела. Нельзя проверять те данные, которые следует устанавливать в ходе дознания и предварительного следствия. Прежде всего, в ходе проверки устанавливается, действительно ли имело место событие, о котором указывается в заявлении или сообщении, содержит ли оно признаки преступления [10, с. 185–204].

Одних признаков преступления для решения вопроса о возбуждении уголовного дела может быть недостаточно. Практика прокурорского надзора показывает, что достаточно часто заявители говорят о наличии признаков преступления и даже ссылаются на конкретную статью УК РФ, однако при проверке их заявлений оказывается, что преступление не имело место, так как заявление явилось результатом либо ненадлежащего знания фактов, либо неправильной оценки степени их общественной опасности. Отсюда следует вывод: нельзя ставить основание для возбуждения уголовного дела в зависимость только от того, содержится ли в сообщении о преступлении указание на признаки преступления, или нет. Основание для возбуждения уголовного дела зависит от того, имеются конкретные данные о том, что сообщаемый факт имел место в действительности, или нет.

Для принятия решения о возбуждении уголовного дела вполне достаточно, если имеющиеся объективные данные свидетельствуют о факте преступления. Так следует по смыслу УПК РФ. Нельзя признать правомерным встречающееся среди некоторых практических работников требование, чтобы имелись также сведения о лицах, виновных в совершении данного деяния или, по крайней мере, о реальной возможности изобличения их в ходе предварительного расследования, то есть о судебной перспективе. По нашему мнению, это противоречит требованию УПК РФ (ч. 2 ст. 140).

Следует согласиться на этот счет с мнением Н.Н. Ковтуна, что «ни в законе, ни в его толковании не содержится требования о необходимости установления на этом этапе (возбуждения уголовного дела – А. П.) всех элементов состава преступления в их совокупности» [4, с. 43].

С этим мнением согласуется и утверждение С.В. Бородина о чрезмерности требования установления всех элементов состава преступления на этапе возбуждения уголовного дела, о противозаконности этого требования [1, с. 37].

Согласно мнению В.П. Малкова, «при оценке достаточности данных, указывающих на совершение преступления, в стадии возбуждения уголовного дела особое внимание обращается на наличие признаков объекта и объективной стороны того или иного состава преступления, так как во многих случаях в этой стадии процесса еще нет данных о личности субъекта преступления, сложнее определить признаки субъективной стороны содеянного и т.п.» [5, с. 312].

Для принятия решения о возбуждении уголовного дела достаточно минимум-а признаков деяния, позволяющих юридически оценить его (квалифицировать) как подпадающее под признаки того или иного деяния, содержащегося в УК РФ.

Важное значение имеет вопрос о минимуме тех фактических данных, которые в каждом конкретном случае должны лежать в основе вывода о наличии преступного деяния. В любой стадии уголовного процесса все фактические данные оцениваются по внутреннему убеждению соответствующих должностных лиц, поэтому достаточность тех или иных сведений для того, чтобы сделать вывод о наличии готовящегося

или совершенного преступления, в каждом отдельном случае решается тем лицом, которое рассматривает вопрос о возбуждении уголовного дела. Наиболее распространена и обоснована в юридической литературе позиция, согласно которой вывод органов судопроизводства о совершении преступления на момент возбуждения уголовного дела носит, как правило, предположительный, вероятный характер. Необоснованное расширение пределов проверки сообщения о преступлении затягивает решение вопроса о возбуждении уголовного дела, создавая условия для уничтожения следов преступления [5, с. 313].

Следует отметить и некоторые общие положения, которые должны учитываться при решении вопроса о возбуждении уголовного дела.

Так, в некоторых случаях в интересах правоприменительной практики ведомственными актами устанавливается дополнительная информационная характеристика (набор обязательных элементов) оснований, необходимых для принятия решения по сообщению о преступлении. К примеру, письмом Генеральной прокуратуры и МВД РФ № 15-16-92 от 22.12.1992 г. «О соблюдении законности при разрешении заявлений и сообщений о безвестном исчезновении граждан» устанавливалось, что «достаточным основанием для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по материалам проверки о безвестном исчезновении могут быть следующие признаки, которые прямо или косвенно указывают на то, что без вести пропавший стал жертвой преступления, если:

- ✓ отсутствуют данные о намерении лица уехать, нет причины для сокрытия от близких причин своего отъезда, либо ухода из дома на длительное время, наличие личных документов и вещей, без которых человек не может обойтись в случае длительного отсутствия;
- ✓ малолетний возраст пропавшего, отсутствие заболеваний, которое может обусловить скоропостижную смерть, потерю памяти, ориентировку во времени или пространстве;
- ✓ исчезновение с автотранспортом или крупной суммой наличных денег, ценностей;
- ✓ постоянные конфликты в семье, угрозы в адрес исчезнувшего лица, преступные связи;
- ✓ противоречивые объяснения и нелогичное поведение тех, кто контактировал с пропавшим перед исчезновением [8].

Фактические данные, достаточные для предположения о совершении деяния, подпадающего под признаки того или иного преступления, могут содержаться в письменном заявлении или сообщении, приложенных к ним различного рода документах, протоколе устного заявления о преступлении, протоколе явки с повинной, опубликованной корреспонденции, в материалах проверки, проведенной в порядке ст. 144, 145 УПК РФ.

Достаточность данных означает такую их совокупность и качество, которые позволяют сделать обоснованное предположение о совершении или подготовке преступления.

Таким образом, основанием для возбуждения уголовного дела следует считать фактические данные, достаточные для предположения о совершении деяния, подпадающего под признаки того или иного преступления. Вместе с тем, следует понимать, что в действительности рассматриваемые элементы основания для возбуждения уголовного дела неразделимы между собой и представляют единый процесс как мыслительной, так и предметной деятельности.

Библиографический список

1. Бородин, С. В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела [Текст] / С. В. Бородин. – М., 1970. – С. 37.
2. Гриненко, А. В. Уголовный процесс [Текст] : учеб. / А. В. Гриненко. – М. : Норма, 2008. – С. 185–204.
3. Карякин, В. В. Возбуждение уголовных дел о налоговых преступлениях [Текст] / В. В. Карякин, В. Н. Махов. – М. : Юрлитинформ, 2005. – С. 7–16.
4. Ковтун, Н. Н. Неотвратимость уголовной ответственности в стадии возбуждения уголовного дела [Текст] / Н. Н. Ковтун. – Н. Новгород, 1997. – С. 43.

5. Комментарий к УПК РФ [Текст] / под общ. ред. В. В. Мозякова. – М., 2002. – С. 312, 313.
6. Конституция Российской Федерации (1993): офиц. текст [Текст]. – М. : Маркетинг, 2001. – 39 с.
7. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – С. 162.
8. Письмо Генеральной прокуратуры и МВД РФ № 15-16-92 от 22.12.1992 г. «О соблюдении законности при разрешении заявлений и сообщений о безвестном исчезновении граждан» [Текст]. – М., 1992.
9. Сидоров, В. Е. Начальный этап расследования: организация, взаимодействие, тактика [Текст] / В. Е. Сидоров. – М., 1992. – С. 99, 100.
10. Уголовный процесс [Текст] : учеб. для вузов. – М., 2000. – С. 236.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 20.04.2008 г). [Текст]. – Новосибирск : Сиб. унив. изд., 2008. – 239 с.

ГЛУХИЕ КАЛМЫКИ ВЫСЕЛЕННЫ В СИБИРЬ!¹

В.М. Гусев

По указу СССР от 27 декабря 1943 г. все калмыки как изменники и предатели выселяются в Сибирь, а Калмыцкая Автономная Республика ликвидируется. Шла массовая насильственная пересылка калмыцкого народа. Глухие калмыки не стали исключением. Отображается история их трагедии. Восстановлена историческая справедливость.

According to the order of 27.12.1943, all the Kalmyks being betrayers and traitors are moved out to Siberia and the Kalmyk Independent Republic is liquidated. Massive forcible transmission of the Kalmyk peoples was done. Even deaf Kalmyks did not become an exception. The history of their tragedy is traced. Historical justice is restored.

Ключевые слова: депортация, глухие калмыки, Л. Берия, «преступные нации», спецпоселения, возвращение, реабилитация.

Key words: deportation, deaf Kalmyks, L. Beriya, “criminal nations”, special settlements, return, rehabilitation.

28 декабря 1943 г., задолго до рассвета во всех хотонах, селах, поселках и городах, в дома глухих калмыков, как и во все жилища, где жили в большинстве своем калмыцкие женщины, старики и дети (почти все взрослые мужчины призывались в Красную Армию), ворвались по двое-трое военных из войск народного Комиссариата внутренних дел (НКВД) и объявили, что по Указу Президиума Верховного совета СССР от 27 декабря 1943 г. все калмыки как изменники и предатели выселяются в Сибирь, а Калмыцкая Автономная Республика отныне ликвидируется. Указ, который в то время не подлежал опубликованию, гласил: «Учитывая, что в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Калмыцкой АССР многие калмыки изменили Родине, вступали в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной Армии, предавали немцам честных советских граждан, захватывали и передавали немцам эвакуированный из Ростовской области и Украины колхозный скот, а после изгнания Красной Армией оккупантов организовали банды и активно противодействуют органам Советской власти по восстановлению разрушенного немцами хозяйства, совершают бандитские налеты на колхозы и терроризируют окружающее население, – Президиум Верховного совета СССР постановляет:

1. Всех калмыков АССР переселить в другие районы СССР, а Калмыцкую АССР ликвидировать. <...>

2. Образовать в составе РСФСР Астраханскую область с центром в городе Астрахани. Включить в состав Астраханской области районы бывшей Калмыцкой АССР [всего 8 районов] и город Элисту <...> Астраханский округ Сталинградской области ликвидировать...».

Исходя из смысла Указа, получается, что большинство глухих (по моей версии, 100 глухих на 28 декабря 1943 г.), как и «многие калмыки», изменили Родине, предавали немцам честных советских граждан, вступали в банды, передавали немцам колхозный скот, терроризировали население и т.п.

Естественно, глухие калмыки в большинстве своем бывали неграмотными, да и что могли уразуметь глухие дети, старики, оставшиеся тогда в большинстве калмыцких семей. Даже освобожденные от воинской обязанности глухие мужчины мало что поняли из прочитанного наспех Указа, подписанного самим М.И. Калининым, которого знал далеко не каждый из тысяч глухих калмыков. Впрочем, Указ хранился за

¹ В понятие «глухой» включаются люди, имеющие все виды дефектов слуха и речи: слабослышащие, оглохшие, глухонемые, пожилые с пониженным старческим слухом, немые и т.п.

семью замками в «Особой папке Сталина» и стал известен лишь в начале ельцинской эпохи.

Что касается ключевой темы в скотоводческой Калмыкии, то у глухих не было иных источников существования, кроме скота. 29 июля 1941 г. Совнарком Калмыкии принял первое из последующей серии решений об эвакуации всего скота – 1,45 млн голов – за Волгу. Фактически переправили лишь 557 тыс. голов, еще 90 тыс. было забито или передано военным, 62 тыс. голов пали по дороге, 670 тыс. голов осталось на оккупированной территории.

Между тем на сторону немецко-фашистских захватчиков переходили председатели колхозов, директора школ и секретари парторганизаций. Они считали, что при приходе немцев смогут жить спокойно. При этом каково было глухим колхозникам-калмыкам? Например, в Кетченеровском районе отказались эвакуироваться 11 из 14 председателей колхозов и 7 из 10 секретарей первичек ВКП(б). Политика немецкого шпионажа способствовала тому, чтобы 5 председателей колхозов, 4 председателя сельсоветов и 10 секретарей парторганизаций присоединились к бандам. Что осталось от этого глухим калмыкам?

11 августа 1942 г. немецкий шпион Отто Рудольфович Верба, взявший псевдоним Отто Долл, поселился в окрестностях Элисты в качестве зоотехника и объездил почти всю оккупированную территорию Калмыкии. Он с помощью бургомистра Элисты Бембя Цуглинова за неделю сформировал из 200 добровольцев два эскадрона («Абвергруппа – 103»), командиром которого стал чилгирец Басанг Огдонов. Бембя Цуглинов начал прицеливаться к статусу «президента калмыцкого народа». Все это, естественно, отражалось на положении глухих калмыков в период оккупации Калмыкии, где под давлением того же Отто Долл «богатые калмыки кормили бедных калмыков», в том числе и глухих. Выпущено 50 номеров газеты «Свободная земля», издавалась также газета «Степной орел». Разбрасывались с самолетов семь номеров «Вестей с Родины» (с 24 октября по 29 декабря 1942 г.). Этой печати, естественно, не сторонились и грамотные глухие, и в Обществе глухонемых обменялись новостями, обсуждая их.

Летом 1942 г. действовали антиправительственные группы, куда входило до 1500–2000 человек, а общее число групп достигало 100. В сентябре 1942 г. появился первый калмыцкий эскадрон вермахта, к ноябрю их насчитывалось 4, а в январе 1943 г. – 10.

К осени 1943 г. после отступления фашистской армии советские войска подавляли восстание на Северном Кавказе, загнав мятежников в труднодоступные горные районы. Когда Калмыкия была освобождена от германской оккупации, вместе с немцами ушли 21 председатель колхоза, 9 председателей сельсоветов, 1 секретарь партячейки благодаря продуманной политике Абвера. Тогда было решено провести депортацию. В число тех народов, которые Сталин решил сурово наказать за связь с оккупантами и шпионами, попали и калмыки.

Идея депортации калмыцкого народа созрела у Л. Берия и его сподручных задолго до этого Указа. Берия неоднократно докладывал Сталину о неблагонадежности калмыков и ставил вопрос о необходимости их насильственного выселения из Калмыкии в Сибирь.

5 октября 1943 г. расформирован Сталинградский военный округ. Территория Астраханского округа и войска переданы Северо-Кавказскому военному округу.

К середине октября Сталин утвердил решение Государственного Комитета обороны СССР о ликвидации Калмыцкой АССР и выселении всех калмыков в Красноярский и Алтайский края, Омскую и Новосибирскую области. Опыт депортации целых народов у Сталина и Берия к тому времени уже существовал. Так, в начале войны 28 августа 1941 г. были выселены в Сибирь и Казахстан все немцы, проживающие в СССР, а Республика немцев Поволжья была ликвидирована. В отношении глухих немцев к зиме 1942 г. органами НКВД было выселено, по моей версии, 1120 человек, среди которых якобы имелись тысячи диверсантов и шпионов, как гласил тогдашний Указ.

14 октября 1943 г. появилось постановление Советского Правительства за подписью Молотова, которое предписывало незамедлительно заняться вопросами подго-

товки приема и расселения по восточным районам СССР прибывающих спецпереселенцев – калмыков. Постановление не подлежало опубликованию из-за грифа «Совершенно секретно». При этом Берия и его заместитель В. Чернышов непосредственно занимались вопросами депортации «наказанных» народов. Операции по выселению калмыков в НКВД СССР дали общее название «Улусы».

Следующими за глухими немцами 6 ноября 1943 г. было выселено в Среднюю Азию 65 глухих карачаевцев. Карачаевская АО была ликвидирована. В Карачае до этого действовали 6 «банд» (387 человек). На территориях, занятых вермахтом, карачаевцы и балкарцы вступали в кавказский легион. Депортацию карачаевцев осуществляли 53327 солдат и офицеров. Важная роль в выполнении этой операции отводилась 3-му Ордера Красного Знамени отдельному мотострелковому полку из войск НКВД СССР. Теперь этому полку предстояла «война» с «пособниками немцев – калмыками».

Можно представить себе обстановку в Элисте и калмыцких степях. Начало оккупации калмыцких земель влекло за собой возникновение сильного страха у глухих жителей Калмыкии. Никто из глухих в точности не знал, какие неожиданности могла принести ему оккупация. Сама жизнь глухого человека находилась под угрозой. Он мог оказаться убитым в бою или серьезно раненым в ходе воздушного налета, мог потерять родственников и друзей. Привычная повседневная жизнь внезапно и резко нарушилась. Глухой калмык, как и любой человек, стоял перед угрозой неотвратимой и непостижимой катастрофы. Какое оружие применит противник? Какое – шпион? Переводчики глухонемых, работники школы глухонемых и Общества глухонемых призывались на фронт. У глухих жителей Калмыкии возникло и нарастало чувство ненависти к агрессору. С какой охотой они схватили бы его, смяли, раздавили, уничтожили! Наряду со страхом и ненавистью, появлялось чувство беспомощности. Гигантская военная машина, наряду со шпионажем, подчиняла себе деятельность глухих людей Калмыкии. Продолжать заниматься тем, чем глухой и его родители, его учителя, его переводчики, его социальные работники занимались еще до оккупации, казалось бессмысленным ввиду повсеместной неопределенности. Под влиянием сильного чувства страха, раздражения, в обстановке беспомощности и неуверенности нарастало внутреннее напряжение, которое можно было разрядить: заклеить оккупантов жестовым словом «враг», при необходимости бить врага в своих собственных рядах. «Назвать по имени» в своей собственной среде – это естественный процесс. Глухие желали сами, чтобы их убедили в наличии сообщников врага внутри оккупированной территории. Разве не будет для них естественным предположить, что эти сообщники занимаются шпионажем и диверсиями, стреляют по советским войскам, где они проживают? Разве не случайно советским Правительством и ЦК ВКП(б) было принято в октябре 1943 г. решение о мерах оказания помощи Калмыцкой АССР, пострадавшей в период фашистской оккупации? Первый секретарь обкома ВКП(б) П.В. Лаврентьев и председатель Совнаркома Республики Калмыкии Н.Л. Гаряев при подготовке этого важного для калмыцкого народа решения были приняты соратниками Сталина – Молотовым, Маленковым, Андреевым и другими членами Политбюро ЦК ВКП(б). Это было существеннейшее подспорье для бедных глухонемых. Но... В течение октября – декабря 1943 г., в период подготовительной работы, в Калмыкии строго соблюдалась тщательная конспирация, чтобы не вызывать каких-либо подозрений о готовящейся операции. Разработка плана депортации калмыков была проделана в масштабе всей Калмыкии, а также каждого улуса, сельсовета, поселка, села и хотона. Учет калмыцких семей (среди них насчитывалось примерно 30 семей глухих) проводился накануне вместе с русскими, татарами и казаками под видом выявления скрывающихся в хотонах парашютистов, диверсантов и бандитов. Были арестованы глухонемые калмыки в качестве подозреваемых, вызывающих недоверие лиц, и только после проведенных арестов направлялись оперативные группы в дома глухих, чтобы произвести тщательный обыск огнестрельного и холодного оружия, антисоветской литературы и иностранной валюты.

Подготовительные мероприятия по проведению операции «Улусы» осуществлялись руководством НКВД – НКГБ СССР в глубокой тайне. Все прибывшие в Калмы-

кию подразделения НКВД и его оперативный состав были предупреждены о соблюдении секретности проводимой акции. О намечавшейся депортации калмыцкого народа были осведомлены руководители НКВД Астраханского округа и Сталинградской области. Все же эту тайну с выселением абсолютно сохранить не смогли, хотя в целом удалось удержать в секрете подготовку и начало операции, посему глухонемые никак не догадались о предстоящей страшной трагедии.

Главным обвинением против калмыцкого народа явилось «массовое сотрудничество с немцами», хотя в начале войны подавляющую часть мужского населения призвали на фронт, а на территории Калмыкии осталось более 50 % населения: женщины, старики, дети, инвалиды, глухонемые. Однако известный историк Арсен Беникович Мартиросян утверждал, что «массовое дезертирство представителей калмыцкого народа из Красной Армии, их массовая служба в рядах вооруженных сил врага, осуществление ими многочисленных актов вооруженного насилия (включая и диверсионные действия) в тылу собственной страны, в том числе против тыловой Красной Армии, раненых советских воинов послужило основой для столь сурового решения о выселении калмыцкого народа». «И повинны в этом были, причем в массовом порядке, калмыки», – подчеркивал автор, убеждая читателей, что советские власти вынуждены были обратить пристальное внимание на преступное поведение калмыков в годы войны. Отношение калмыков к советской власти наглядно выразилось, по его мнению, в дезертирстве и уклонении от призыва в ряды Красной Армии. А.Б. Мартиросян указывал, что в то время как немногочисленные сыны калмыцкого народа (при этом замечу, что население Калмыкии – 220 тыс. человек, из них 107,3 тыс. калмыков; Калмыкия к началу марта 1942 г. направила на фронт более 20 тыс. человек, в число которых входили и славяне; в Красной Армии служило, по оценке О. Шеина, примерно 15–16 тыс. этнических калмыков, что в 4 раза превышало число калмыков в калмыцком кавалерийском корпусе вермахта) мужественно сражались с ненавистным врагом, едва ли не абсолютная часть этого народа, «к глубокому сожалению, пошла по пути оголтелого и массового предательства», что «предательство испокон веку жестоко карается во всех государствах мира вне зависимости от существующих в них режимов. И всегда эта жестокая кара является высшей мерой справедливости».

А.Б. Мартиросян располагает фактами массового предательства калмыков: «Ничуть не лучше были калмыки, откровенно сотрудничавшие с германскими оккупантами и оказывавшие им массовое содействие. Мог ли Сталин терпеть в тылу Красной Армии такое предательство и такой бандитизм, когда многие советские люди погибали на фронте, а другие, надрываясь в глубоком тылу, изо всех сил ковали оружие Победы!? Естественно, что не мог. Непозволительная это роскошь»; «Конечно, были и исключения, но всего лишь те, которые подтверждали основное правило... Ни одно государство мира не терпит предательство, тем более в столь массовых формах. Суровая кара всенепременно настигнет изменников и предателей». Он еще раз замечал: «Много предателей на службе оккупантов было и из числа граждан РСФСР – Российская освободительная армия (РОА), казаки 15-го казачьего корпуса СС, казахи, калмыцкие и мусульманские легионы. На оккупированной территории стали формироваться разведывательные и карательные органы противника. Из этой среды гитлеровцами рекрутировались кадры для проведения шпионско-диверсионной террористической и иной подрывной деятельности против СССР». Более того, в селе Икрыное Астраханского округа возникла заговорщическая группа, в которую вошло два члена ВКП(б) и которая, в ожидании появления фашистских войск, уже успела поделить между собой колхозный скот и составить расстрельные списки. В результате группа была расстреляна сама. Но эти люди не характеризовали наш народ: ни русский, ни калмыцкий. Сами же глухие в силу собственной ущербности не могли участвовать ни в военных действиях, ни в шпионской деятельности. Их беда состояла в том, что они «оказались на оккупированной территории Калмыкии или прифронтовой полосе», за что подверглись принудительному переселению в Сибирь и Среднюю Азию.

Вместе с тем А.Б. Мартиросян не учел особого подвига 1500 советских солдат и офицеров калмыцкой национальности, которые, оказавшись в немецком плену, отказались перейти на сторону Гитлера, если учесть смертность советских пленных в фашистских лагерях. Историк О. Шеин отмечал: мнение о том, что большинство калмыков перешло на сторону врага, противоречит историческим фактам. О. Шеин заключал, что только меньшая часть жителей Калмыкии, «причем по объясняемым (но не оправдываемым) причинам, перешла на сторону вермахта. Последовавшая депортация народа в Сибирь была неоправданна, несправедлива и не честна».

Предстоящей операцией выселения калмыков руководили командир полка полковник Хорьков, его заместители – подполковник Котляр, майор Бубенцов, начштаба полка майор Кринкин. Командный состав полка составлял 497 человек из общей численности в 1226 единиц, а рядовой состав – 729 бойцов. В распоряжении Хорькова имелись 4 пушечные орудия, 18 минометов, 116 ручных и станковых пулеметов. Преследовались практически все глухие, проживающие на оккупированной немцами территории, как и все слышащие калмыки.

Список военных организаций, командировавших своих сотрудников для выполнения специального задания, насчитывал 38, подведомственных НКВД – НКГБ, из различных регионов страны, в основном из Ярославской, Ивановской, Рязанской и Тульской областей (всего 225 оперативных работников), из Архангельска, Кирова и Вологды, Крымской АССР, Поволжья, Северного Кавказа и Закавказья, а также Ставропольского края (направившего 150 оперработников) и Ростовской области. Московская областная милиция прислала в Калмыкию 225 своих оперсотрудников со 100 американскими автомашинами через станцию Ремонтное. К проведению операции «Улусы» не были привлечены оперработники органов Сталинградского и Астраханского УНКВД – УНКГБ по неизвестной мне причине. По приказу НКВД на калмыцкие железнодорожные станции Дивное и Котельниково прибывал оперативный состав с необходимым для перевозки спецконтингента автотранспортом, который состоял из 170 больших американских машин «студебеккеров», поставляемых по ленд-лизу из США через Иран. НКВД направил в Калмыкию через станцию Котельниково 110 своих работников и 100 автомашин для подвозки спецконтингента к железной дороге. Общая численность воинского контингента составила первоначально 4421 человек, из них оперсостав насчитывал 2995 человек и воинский штат в 1226 человек. Был мобилизован автотранспортный парк (1355 автомашин).

Итак, в середине ноября 1943 г. работа по размещению спецпереселенцев-калмыков «закипела» в органах НКВД по-настоящему, за полтора месяца до выселения, хотя официально предварительное расселение было дано в постановлении Правительства СССР от 28 декабря 1943 г.

23 декабря, за 5 дней до выселения калмыков, начальник УНКВД области комиссар госбезопасности Петровский (посылал почти ежедневные рапорты в НКВД о ходе подготовки к приему и расселению спецконтингента с учетом численности свыше 5 тыс. глухих и немых) направлял по «ВЧ» на имя заместителя наркома В.В. Чернышова итоговую докладную о выполнении его указания.

27 декабря 1943 г. перед началом операции выселения были оцеплены все населенные пункты, организованы войсковые засады в балках и на тропах, ведущих в соседние районы по заранее разработанному плану. Каждый сельсовет составлял оперучасток, по которому подполковник госбезопасности Погожев утвердил состав наряда чекистов: контрольно-проверочный пункт – 4 человека, засада – 3, патруль – 2, дозор – 2.

В ночь на 28 декабря, накануне операции, проводились аресты по специальному списку, в который попали лица, вызывающие сомнения в их правильном поведении, зарекомендовавшие себя в жестовом или мимическом сочувствии к троцкистам, бухаринцам, в симпатии к немецким оккупантам, а также предатели, изменники, отщепенцы и т.д. Весь партийно-советский актив, находящийся в Элисте, входящей теперь уже в состав Астраханской области, был приравнен к подозрительным элементам и заранее подвергнут выселению. Всего в начале операции было арестовано

750 калмыков, состоящих в бандах, бандпособников, активных пособников немецких оккупантов и другого элемента. Сложно сказать, были ли среди арестованных глухие члены их семей, но известно, что в 46 эшелонов было погружено 26359 семей, или 93139 переселенцев, среди которых числилось, как выше сказано, около 100 глухих калмыков.

28 декабря для осуществления карательной акции 3-й мотострелковый полк был сосредоточен в основном в Элисте, где проживало немало глухих. В этот же день подразделениям полка было приказано заниматься не только выселением калмыков в Элисте, но и установить контрольно-проверочные посты на дорогах Элиста – Астрахань, Элиста – Сталинград, Элиста – Ставрополь, Элиста – Ростов-на-Дону. Согласно приказу наркома внутренних дел СССР, операция по всей Калмыкии проводилась одновременно и началась повсеместно с рассветом, чтобы вывезти до наступления темноты основной состав спецконтингента на железнодорожные станции. Контрольно-проверочные пункты и дозоры выставлялись с началом операции, им приказывалось нести службу без смены до окончания операции. Побег глухих калмыков через эти барьеры был практически невозможен. Большинство глухих было в недоумении: за что? почему? Когда глухие калмыки просыпались и видели кольцо пулеметов и автоматов вокруг каждого селения, им объявлялось решение Сталина в форме боевой операции современной мотопехоты: каждой оперативной группой, состоящей из одного оперработника НКВД и двух бойцов войск НКВД, одновременно производилась операция по выселению 3-х семейств; на сборы вещей отводилось 1–2 часа. Опергруппа НКВД давала чаще всего не более часа, иногда и 20–30 минут. Все зависело от доброй или злой воли военных. Что мог собрать вконец растерявшийся глухой человек, едва не успев разобраться, в чем дело? Да и как можно за 20–30 минут что-то собрать? Как определить и выбрать самое нужное? Многие глухие вышли из дома с детьми, в чем были обуты и одеты: без теплых вещей, без пищи, не взяв ничего с собой. Для таких это была в пути верная гибель. Правда, во многих глухих семьях рядовые солдаты, несмотря на строгие инструкции, помогали собирать вещи и упаковывать багаж. В иных случаях солдаты помогали сами заталкивать обратно в мешки теплые вещи, шубы, посоветовали упаковать швейную машину, которая потом станет для глухой семьи в сибирской глубинке настоящей кормилицей. Таких примеров добросердечного отношения, когда многие военные с пониманием отнеслись к участи бедных глухих выселяемых, случилось немало. Глухим разрешалось взять с собой принадлежащее им имущество (одежду, мелкий сельхоз- и бытовой инвентарь, зерно, продовольствие весом всего до 500 кг на семью). Весь молочный и мясной скот, лошади, птица, продовольственное и фуражное зерно, дома и сельхозпостройки, принадлежащие глухим единоличникам-переселенцам подлежали сдаче при выселении. Оставшееся имущество глухих калмыков должно было приниматься местной комиссией по акту и подлежало возмещению. Однако в большинстве случаев никакого акта не составляли, да никто из глухих и не ведал, что имущество и скот нужно сдавать по акту. Деньги и бытовые драгоценности изъятию не подлежали, хотя сплошь и рядом многие пришедшие военные, пользуясь растерянностью глухих выселяемых, прикарманивали себе золотые вещи. После доставки на сборный пункт первых трех семейств опергруппа ехала за остальными.

Имелось множество фактов, когда пришедшие сотрудники НКВД, не дав возможности собрать хотя бы кое-какой багаж, сгоняли глухих людей без самых необходимых вещей на сборные пункты, занимались мародерством. Иногда при посадке на машины сопровождавшие солдаты-конвоиры выбрасывали чемоданы и мешки с вещами, чтобы разместить побольше людей. Некоторые глухие семьи были вынуждены выехать без денег, одежды и пищи, находясь вне дома, в гостях или по производственным делам. Многих глухих каспийских калмыков-мужчин подвергли выселению непосредственно с рыбных промыслов: без денег, теплых вещей. Потом в Сибири они мыкались, месяцами разыскивая свои семьи и не имея возможности с ними соединиться. А за это время престарелые их родители, дети, жены без мужской опеки в холодных вагонах в морозной Сибири пропали без вести.

Глухие женщины-калмычки, состоящие в замужестве с лицами другой национальности, операции не подвергались. Однако глухие женщины русской националь-

ности, состоящие в браке с калмыками, надлежали операции на общем основании. Отсутствующие в момент операции отдельные члены семей глухих (отпуск, отлучка по личным делам и т.д.) брались на учет и подлежали операции дополнительно.

Жестовые вести об аресте глухих калмыков и их выселении облетели всех глухих жителей калмыцких степей и городов Элисты, Лагани, Городовиковска (доля городского населения – примерно 40 %): русских (33 %), даргинцев (2,5 %), чеченцев (2 %) (при общем населении калмыков 53 %). В Элисте глухие русские, извещенные о событии, тянулись в район кинотеатра «Родина», ставший сборным пунктом. Этот район был огорожен канатом и охранялся со всех сторон солдатами. На небольшой площадке у кинотеатра и в самом здании продержали до вечера скопление глухих калмыков, наряду с огромными массами слышащих, без пищи, без отдыха. Глухие русские проявляли к своим братьям по несчастью доброту и великодушие, хорошо понимали черное злодеяние, обрушившееся на головы невинных глухих калмыков. Вопреки запретам караульных служб они выражали своим соседям-калмыкам, сотрудникам, просто друзьям и знакомым жесты сожаления о случившемся, успокаивали, несли им из дома свой последний хлеб, чай, мясо, совали в руки деньги, теплую одежду (на улице зима – канун Нового года) и простаивали с ними вместе до конца, убаюкивая, утешая жестовыми словами. Здесь калмыков продержали два дня. Их кормили один раз, за пределы кинотеатра никуда не выпускали. К ним приставили солдат охраны. На третий день, когда собрали всех проживающих в Элисте калмыков, подогнали к кинотеатру крытые брезентом большие грузовые машины. Перед посадкой в машины, в которых их повезли к железной дороге, поставили оцепление из военных. Приказывали садиться в машины, но никто не мог подняться и забраться за высокие борты. Тогда солдаты хватали людей за руки и ноги и бросали в кузов. Кровь стыла в жилах, волосы встали дыбом. Глухие видели войну, когда 12 августа 1942 г. решающие бои за Элисту развернулись утром. Восточный отряд (200 человек пехоты, 7 танков, 10 пушек) совместно с элистинским истребительным отрядом (60 человек) и сотрудниками НКВД Калмыкии одну за другой отбивали атаки полка вражеской пехоты, поддерживаемой танками, силы были не равными, в 14 часов советские воины оставили город. Но то, что теперь свалилось неожиданно, было, видимо, еще страшнее, потому что умом этого глухим было не понять.

Жестами глухие калмыки отыскивали в толпе провожающих своих близких, а многие из тех рвались через конвой, старались дотянуться, чтобы пожать на прощание руки. Теперь калмыки расставались и не понимали, почему. Их погрузили на американские машины, повезли под охраной вооруженных солдат к железнодорожной станции Дивное.

Каждый железнодорожный эшелон должен был загружаться количеством спецконтингента не менее 2 тыс. человек, из расчета 40 человек на каждый двухосный вагон. Было предусмотрено не менее 6 основных вагонов для погрузки имущества выселяемых. В каждом эшелоне находился один вагон для караульного конвоя не менее 40 человек. Поскольку на фронте не хватало медработников, то эшелоны со спецконтингентом не были укомплектованы медперсоналом.

Сюда подавали поезда, составленные из двухосных вагонов-«теплушек», в которые загружали по 40–50 человек в каждый, разместив «арестантов» в два яруса.

Говорят, собака – друг человека. Однако жизнь преподнесла новый урок: еще более приверженным и неизменным оказывается скот, заводящийся у многих глухих сельчан. Понуро и уныло, горько и жалобно мычали коровы, блеяли овцы, ржали лошади, плакали верблюды! Такая жуткая картина наблюдалась повсеместно: во всех калмыцких аулах, селах и поселках.

Многие железнодорожные составы простаивали на путях по несколько дней, до тех пор, пока найдут не только глухонемых калмыков из отдаленных аулов и затерявшихся в степи чабанских стоянок. За это время в холодных товарняках, продуваемых сквозняками, люди мерзли без пищи и тепла, многие глухие старики, грудные младенцы, просто больные умирали здесь же, еще не тронувшись с места. Вши не давали покоя ни днем, ни ночью. Закрадывался тиф. Медицинской помощи не было.

Каждому глухому калмыку довелось пережить столько печали и несчастья, что хватило бы в наши дни на тысячу человеческих судеб.

Любопытно, что глухие поволжские немцы за несколько дней до операции извещались об их выселении, им разъяснялся порядок переселения. Так, глухим немцам разрешалось оставшееся лично им принадлежащее имущество реализовать через доверенных лиц, которые в течение 10-дневного срока продавали его и вырученные деньги направляли владельцу по новому месту его жительства. Оставшееся недвижимое имущество переселяемых глухих немцев подлежало переписи представителями советских организаций с тем, чтобы на новых местах поселения им могли его возвратить: сельхозорудия, зерно-фураж, скот и т.д. Выселяемые глухие калмыки были лишены подобных поблажек. Они отправились к местам расселения в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области.

Начавшееся 28 декабря выселение калмыков продлилось до 31 декабря и коснулось в основном калмыцкого населения, проживающего на территории Калмыкии. Под Новый 1944 г. выдворяли глухих калмыков, включая семьи «со смешанной кровью» (по переписи 1897 г. насчитывалось свыше 2 тыс. totally глухонемых и totally немых калмыков). С территории Астраханского округа было выслано 3–5 глухих калмыков, Ставропольского края – примерно 1–2. Во время проведения операций «происшествий и эксцессов не было», как рапортовал Л. Берия И. Сталину 2 января 1944 г. Следовательно, глухие высленцы вели себя покорно, вопреки обстоятельствам, или оказались сильнее обстоятельств.

В январе 1944 г. из Астраханской области вслед за основной группой калмыцкого населения было выселено 64 калмыцких семей, в которых состояло несколько человек с различными степенями нарушений слуха и речи.

8 января начальник VIII Управления Генерального Штаба Красной Армии генерал Смородинов приказал демобилизовать всех солдат и офицеров калмыцкой национальности, находящихся на фронтах (более 15 тыс. калмыков-мужчин), и направить их в Астрахань, а там передавать во владение НКВД СССР. Офицерский состав стали собирать в Новосибирске и Бийске, а рядовой состав фронтовиков-калмыков везли на станцию Половинка Молотовской (ныне Пермской) области и в мае 1944 г. согнали в Широковский исправительно-трудовой лагерь на строительство новой ГРЭС. За что должны были пострадать глухие члены их семей? Правда, как только последовал приказ о снятии с фронтов военнослужащих калмыцкой национальности, то находились командиры, которые быстро меняли национальность своим солдатам и офицерам и таким образом оставляли их в своей части. Это сказало на личной дружбе людей, на нежелании расстаться с хорошими солдатами их командиров. Так, многие воины-калмыки были поименованы своими командирами «казах» или «татарин» с целью воспрепятствовать их депортации в Сибирь.

Пока высокое начальство, перебраниваясь между собой в телеграммах-молниях, решало судьбу той или иной группы калмыков: куда, скажем, следовать эшелону – в Барнаул или в Красноярск, многострадальные высленцы терпеливо ждали участи, изнывая от долгой, изнурительной дороги, замерзая в холодных, переполненных товарных вагонах.

Первые поезда со спецпереселенцами-калмыками начали прибывать на станции назначения 10–11 января 1944 г. Так, железнодорожный эшелон № 416 прибыл 10 января первым из всех поездов в Алтайский край, и первые 595 калмыцких семей (около 4500 человек) были размещены в Славгородском, Знаменском, Кулундинском и Благовещенском районах. Последние эшелоны подошли в Алтайский край 16 января 1944 г. Таким образом, Алтайский край принял всего за 5–6 дней 12 железнодорожных эшелонов, расселив по 23 районам края 6167 семей, имевших 22219 человек, в основном женщин, детей, глухих (около 20 тысяч человек), а мужчины, включая стариков – 4269 человек (они были в основном престарелого возраста, в том числе глухонемые). Умерло сразу по прибытии в места расселения 164 человека, а в пути погибло 314 человек (всего – 478 человек). Основными причинами смерти послужили воспаление легких и дистрофия (289 человек).

В Красноярский край отправились 7525 калмыцких семей (24995 человек), в Новосибирскую область – 5467 семей (16379 человек). Из них мужчин – 2775, женщин – 4438, детей от 14 до 16 лет – 2207 человек, до 14 лет – 5007, стариков – 1952 человека. В эти числа вошли и глухие. При этом умерло 193 человека в дороге, сразу в местах расселения по прибытию – 49 человек, 224 человека госпитализированы в больницы. В Омскую область прибыло 8353 семей (6112 мужчин, 1147 женщин, 9810 детей до 16 лет), в Казахскую ССР – 648 семей (500 мужчин, 780 женщин, 979 детей до 16 лет). В эшелоне № 402, прибывшем 16 января 1944 г. в Омск, было снято в 45-м последнем вагоне 76 трупов, уже при долгой стоянке на станции Омск умерло еще 17 человек, в основном престарелого и детского возрастов. Эшелон № 393 привез в одном из больших вагонов 55 трупов, к ним добавилось 14 человек, умерших от холода и голода. Среди окоченевших и обмороженных не исключались и глухие жертвы. Продолжать перечень подобных трагичных страниц можно бесконечно. Принятые некоторые меры по оказанию материальной помощи спецпереселенцам-калмыкам не смогли остановить высокую смертность среди калмыцкого населения в Сибири.

В конце января – начале февраля 1944 г. были отозваны с фронтов все военно-служащие-калмыки рядового и сержантского составов. Среди них было немало награжденных боевыми орденами и медалями (20 Героев Советского Союза, свыше 70 кавалеров ордена Боевого Красного Знамени, 20 кавалеров ордена Александра Невского, 280 полных кавалеров ордена Отечественной войны), которые стали гордостью многих глухих их родственников, однако не возымели значения в том, чтобы спастись от статуса спецпереселенцев. Погрузив отозванных фронтовиков-калмыков в товарные вагоны, их отправили специальными эшелонами в распоряжение Уральского военного округа, затем из Уральского городка Кунгур переправили на станцию Половинка на строительство Широковской ГЭС на реке Косьва. Рядом с Широkläгом содержались власовцы и немецкие пленные.

Что до глухих калмыков, то можно представить себе их положение – жалкое, тяжелое и безрадостное. Они оказались вдали от родных мест в суровых сибирских районах, без крыши над головой, без средств к существованию. К тому же над бедным глухим выселенцем висел страшный по тем временам ярлык предателя, изменника, изгоя общества, находящегося под неусыпным оком органов НКВД.

Несмотря на это, глухие калмыки стремились как можно скорее освоиться на новом месте, начать трудиться и внести посильный вклад в дело разгрома фашистов. Подобное высокое сознание необходимости помощи фронту достойно удивления. Немало глухих не покладая рук работали в колхозах, совхозах и на предприятиях областей и краев Сибири и Средней Азии. Калмыки, занятые на работах Самаровского и Сургутского консервного заводов, Нижневартовского рыбзавода, норму выработки выполняли в большинстве на 100–150 %. Хорошо трудились и рыбаки-калмыки Ханты-Мансийского округа. Наряду с другими рыбаками, калмыки намного перевыполняли установленные плановые задания. В стройтресте № 2 г. Омска бригада маляров-калмыков выполняла сменное задание на 150–160 %. Среди животноводов и хлеборобов Хакасии отмечалась высокая трудовая активность калмыков.

Каких только слухов не распустили, будто глухие – дикари, предатели, умалишенные или дебилы. Сибиряки боялись пускать их домой, оберегали своих детей. Шло время. Люди смотрели на работоспособных глухих трудящихся и возмущались открыто: «Да какие же они изменники?» Глухие стали жить с местными жителями «не разлей вода», подружились с теми, кто делил с ними «и судьбу и хлеб». Только таким образом глухие, ошельмованные и изгнанные, смогли выстоять в борьбе со своим жестоким роком, сроднились с сибиряками, стали их частицей, сами того не замечая, несмотря на то что с первых дней их пребывания в краях и областях Сибири был введен жесткий режим «спецпоселения». Этот режим становился все более строгим, ужесточенным.

В начале февраля по Омской и Новосибирской областям, Красноярскому и Алтайскому краям, по Казахской ССР было расселено 40 глухих детей, 35 глухих жен-

щин и около 20 глухих мужчин. Немало глухих калмыков бежали в южные районы страны, и многим это удалось. Только с середины января по 1 ноября 1944 г. калмыки, проживающие в Омской области, совершали 140 побегов. В Новосибирской области за 8 месяцев после вселения бежало 139 калмыков. 6 февраля семья Надбитова совершила побег из Красноярского края сразу после переселения, пробравшись в Астрахань.

Руководство НКВД придерживалось усиления репрессий и ужесточения контроля за жизнью подопечных выселенцев. Карательные меры применялись за малейшую провинность и ко всем глухим калмыкам. Но глухие впоследствии выдержали и выжили благодаря поддержке простых глухих сибиряков, деливших последним.

23 февраля 1944 г. в Казахстан и Среднюю Азию было выселено около 320 глухих чеченцев и свыше 10 глухих ингушей (Чечено-Ингушская Республика была ликвидирована; депортацию этой «преступной нации» осуществляли без малого 12000 вооруженных бойцов; в операции было задействовано около 7 тыс. дагестанцев, 3 тыс. осетин и сельский актив из русских); 8 марта 1944 г. – около 35 глухих балкарцев, 2–3 глухих кабардинцев (Кабардино-Балкарская АССР была преобразована в Кабардинскую Автономную Республику); 24 марта 1944 г. – более 3–5 глухих калмыков из Ростовской области; 18 мая 1944 г. – свыше 160 глухих крымских татар, около 15 глухих греков, около 15 глухих болгар. Из Западной Украины выселилось около 180 глухих человек. В целом в 1943–1944 гг. с Северного Кавказа было насильственно выселено около 500 глухих. Насильственному переселению в восточные районы СССР подвергались также в 1944–1945 гг. глухие курды-хемшилы, крымские греки, турки, поляки, эстонцы, литовцы, латыши, западные белорусы, западные молдаване. Общее количество глухих выселенцев составило, по моей версии, свыше 3 тыс. человек всего 14 национальностей, из них в зимнее время около 900 погибло в вагонах для перевозки скота по пути к спецпоселениям Сибири, Казахстана, Средней Азии. Немало глухих погибло в период депортации от холода, голода, болезней, насилия, от того, что не смогли приспособиться к суровым природным условиям: калмыков – 14,8 %, карачаевцев – 30 %, чеченцев – 22 %, ингушей – 9 %, балкарцев – 26,5 %, крымских татар – 46 %. В эти проценты вошли глухонемые и слышащие.

В марте 1994 г. боевыми орденами и медалями за блестящее проведение операции «Улусы» на территории Калмыкии были награждены 714 оперсотрудников НКВД – НКГБ. Берия, его заместитель Серов (впоследствии председатель КГБ СССР) были удостоены нескольких орденов за успешное проведение выселения немцев, карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей и других народов. Генерал-полковник В.В. Чернышов тоже заработал награды.

2 июня – 4 июля 1944 г. по плану начальника УНКВД по Сталинградской области комиссара Прошина была осуществлена операция по выселению калмыков из Сталинградской области. Депортация 1–3 глухих калмыков прошла оперативно, без происшествий.

Мероприятия по выселению народов из западных районов страны являлись «чрезвычайной мерой и обуславливались сложившейся внешней и внутривластной обстановкой, деятельностью агентуры вражеских разведок и значительным количеством лиц, выступавших против Советской власти, вплоть до совершения террористических актов в отношении партийного и советского актива, а в послевоенный период и вооруженными выступлениями националистических бандформирований».

Только благодаря переселению глухих калмыков удалось избежать широкомасштабных негативных последствий. Более того, именно благодаря переселению глухие калмыки, наряду со здоровыми, остались живы. В противном случае они были бы уничтожены как предатели, изменники родины. Несмотря на все сложности военного времени, выселения калмыков из территории Калмыкии, Сталинградской, Астраханской и Ростовской областей, Ставропольского края не сопровождалось какими-либо притеснениями в области культурной автономии калмыков!

В 1950 г. на спецучете (вместе с детьми) находилось, по моим приближенным подсчетам, 80 глухих калмыков. В первые послевоенные годы многие народы дали

резкий прирост населения, а глухие калмыки дали уменьшение на 50 человек (за 7 лет после выселения).

17 сентября 1955 г. был принят Указ об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами. Он избавил глухих калмыков от статуса спецпереселенцев.

17 марта 1956 г. был принят Указ Президиума Верховного совета СССР (без опубликования в печати!) «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся по спецпоселению». Однако глухие калмыки, наряду со слышащими, не имели право на возвращение имущества, конфискованного при выселении, без права возвращения в места, откуда они выселены. Тем не менее, глухие калмыки, не дожидаясь решения сверху, возвращались в родные места. Им разъяснилось, что в местах возвращения готовых домов, квартир нет, что им придется жить во временках и частных квартирах до тех пор, пока они сами не построят себе жилье.

9 января 1957 г. была восстановлена автономия калмыков, до 29 июня 1958 г. Калмыцкая автономная область.

В марте 1957 г. был утвержден план переселения калмыков-специалистов и членов их семей, их приема и трудоустройства по районам Калмыцкой области. В целом государство израсходовало на индивидуальное жилищное строительство 107,5 млн руб., на приобретение скота – 18,5 млн руб., на переселение и оказание единовременной помощи – 6,6 млн руб. В течение 1957–1959 гг. в родные степи возвращалось 18158 семей (72665 человек). К ноябрю 1957 г. на территорию Калмыцкой автономной области Ставропольского края возвратилось 9318 семей с населением 35297 человек. Все прибывшие семьи были обеспечены постоянным жильем, в том числе проживали в коммунальных и ведомственных домах 705 семей, и на частных квартирах – 630 семей, во вновь построенных индивидуальных жилых домах – 1736 семей, в купленных домах – 705 семей.

За счет государства переезжали семьи, где не было трудоспособных лиц, инвалиды войны и труда, проживающие за счет пенсии. На эти цели выделено 3 млн руб. на 1958 г.

Каждая калмыцкая семья, переезжающая в плановом порядке, имела право на бесплатный проезд, провоз скота и прочего имущества в пределах 2 т.

На 15 января 1959 г. по Всесоюзной переписи населения в СССР насчитывалось 106 тыс. калмыков, в том числе свыше 100 глухих. Если по данным Всероссийской переписи 1897 г. имелось 2 тыс. глухонемых и немых плюс 8 тыс. человек с различными степенями слуховых и речевых нарушений, то за прошедший век глухие калмыки не достигли своего дореволюционного уровня. В 1959 г. евреи, белорусы и калмыки не добрались до довоенного уровня. С белорусами и евреями вполне понятно – всему виной страшная война, а с калмыками – депортация, с последствиями которой прямым образом связано катастрофическое уменьшение численности как глухих, так и слышащих калмыков.

В августе 1959 г. в ознаменование 350-летия добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России Калмыкия была награждена орденом Ленина.

В 1979 г. число глухих калмыков в СССР дошло до 150 человек, в 1989 г. – до 180.

В октябре 1990 г. Верховный совет Республики принял Декларацию о государственном суверенитете Калмыкии.

В феврале 1992 г. принято название Республика Калмыкия Хальмг Тангч.

В 2000 г. в Республике насчитывалось свыше 146 тыс. калмыков при общем населении 292,4 тыс. на 2002 г., а в Российской Федерации – 166 тыс. калмыков на 1995 г. (0,1 %).

В 2002 г. Калмыцкое правление ВОГ объединяло 281 члена ВОГ из 327 учтенных в данном регионе глухих и слабослышащих. На территории Калмыкии проживало около 150 тотально глухих этнических калмыков. Напомню, что членами ВОГ могли быть слышащие (переводчики жестового языка, учителя школы глухих детей, слышащие родители глухих детей). Клубных учреждений и предприятий ВОГ не имелось. Работа велась на базе регионального правления в г. Элисте. В Астраханской области число калмыков не дошло до 1 %. Сравните: в Астраханской области насчи-

тивалось примерно 60 тыс. человек, имеющих дефекты слуха и речи, из них на учете ВОГ состояло около 1200 (на 1 января 2002 г. по России учтено 238618 глухих и слабослышащих – членов ВОГ).

На 2009 г. инвалидами являются, по данным Минздравсоцразвития, более 13 млн человек (в мире насчитывалось свыше 350 млн глухих и слабослышащих, из них 15 млн исповедуют буддизм).

С восстановлением Республики Калмыкии восстановлена историческая справедливость по отношению к калмыцкому народу. Но в принятых государственных актах ничего не говорилось о полной политической реабилитации, снятии всех обвинений, предъявленных глухим калмыкам, как и всему калмыцкому народу. Изучить ужасное прошлое глухих народов и воссоздать историческую картину на сцене их депортации – мой общественный и гражданский долг перед памятью тысяч безвинных жертв выселения глухих людей.

Статья составлена по материалам Астраханской области областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской.

Библиографический список

1. Иллюстрированный атлас России [Текст]. – М. : ЗАО «Издательский Дом Ридерз Дайджест», 2005.
2. Мартиросян, А. Б. К решающим битвам [Текст] / А. Б. Мартиросян. – М. : Вече, 2008. – (200 мифов о Великой Отечественной).
3. Россия. Полный энциклопедический иллюстрированный справочник в схемах, картах, таблицах [Текст] / авт.-сост. П. Г. Дейниченко ; под. ред. А. А. Красновского. – М. : ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2005.
4. Убушаев, В. Б. Калмыки: выселение и возвращение. 1943–1957 гг. [Текст] / В. Б. Убушаев. – Элиста : Санан, 1991.
5. Шейн, О. В. Неизвестный фронт Великой Отечественной. Кровавая баня в Калмыцких степях [Текст] / О. В. Шейн. – М. : Яуза : Эксмо, 2009.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ИНГУШЕЙ

М.М. Султыгова

Занятие сельским хозяйством, как и для всех северокавказских народов, в том числе для ингушей, является традиционным. Ингуши наработали многовековой опыт скотоводства и земледелия. Скотоводство – один из древнейших и важнейших видов хозяйственной деятельности человека, преобразивший социально-экономическую жизнь общества. Сведения древних историков, данные языка и фольклора, богатейшие археологические материалы свидетельствуют о том, что в хозяйстве ингушей животноводству издревле принадлежит ведущая роль.

Like all nations of the North Caucasus, Ingush people are very fond of agriculture. They have a great experience in cattle breeding and agriculture. Cattle breeding is one of the oldest and most important types of human economic activity. This type transformed social and economic life of human society. There are a lot of data and facts in history, language and folklore which show us that cattle breeding plays main role in life of the Ingushs.

Ключевые слова: сельское хозяйство, археологические и этнографические материалы, натуральное хозяйство, скотоводство и земледелие, комплексы хозяйственных построек.

Key words: agriculture, archeological and ethnographic materials, natural economy, cattle breeding and agriculture, household facilities.

Занятие сельским хозяйством, как и для всех северокавказских народов, является традиционным для ингушей, наработавших многовековой опыт скотоводства и земледелия.

Скотоводство – один из древнейших и важнейших видов хозяйственной деятельности человека, преобразивший социально-экономическую жизнь общества.

Сведения древних историков, данные языка и фольклора, богатейшие археологические материалы свидетельствуют о том, что в хозяйстве ингушей животноводству издревле принадлежит ведущая роль. На преимущественное развитие животноводства в быту у ингушей указывают комплексы хозяйственных построек, которые строились в соответствии с интересами скотоводства.

Горные районы Северного Кавказа являются одним из древнейших районов скотоводства. Его географическое расположение и природные ресурсы создают все условия для развития этой отрасли хозяйства. Археологические данные дают возможность проследить основные звенья в непрерывной цепи развития скотоводства на Кавказе, начиная с III тысячелетия до н. э.: «На протяжении столетий рогатый скот, особенно мелкий, давал горцам все необходимое для удовлетворения их насущных потребностей: мясо, молоко для сыра, шерсть и кожу для одежды и обуви. Немудрено, что в натуральном хозяйстве древнего северокавказского общества животноводство и было ведущим видом хозяйства» [2, с. 301].

На развитие скотоводства у горцев-ингушей указывают и некоторые косвенные данные. Так, по слагавшимся веками и в основном законсервировавшимся адатам горцев, любые виды преступлений влекли за собой штраф скотом (чаще крупным рогатым) в пользу потерпевшей стороны. Эти примирительные взыскания достигали ста и более единиц скота, что характеризует животноводческое направление хозяйственной деятельности ингушей. Также прошлое народа-скотовода хорошо отражает вайнахский эпос. Немаловажным доказательством развития скотоводства у ингушей является наличие в местном пантеоне языческих божеств Галь-Ерды – патрона животноводства и общего благополучия. Дважды в год, зимой и летом, Галь-Ерды приносили в жертву животных (коз и коров). Ведущая роль скотоводства у ингушей нашла отражение и в фольклоре. В местном эпосе одно из первых мест занимают добрые герои – могучие пастухи Калой Кант, Охкыр Кант и др. Кроме того, некоторые населенные пункты Ингушетии получили свои древние названия от реалий, связанных с животноводством или земледелием: с. *Духьаргаит* (восходит к слову *духьарг* – «нетель» во мн. ч., где конечный *-т* в топонимах – усеченная форма от послелого *-тIe* – «на чем-то»), с. *Ляжги* (*ляжг* – «бурдюк, кожаный мешок») и др.

В ингушском обществе придерживались традиции строгой регламентации численности скота в частном хозяйстве. Этим объясняется возникновение и существование у ингушей традиции «байтталваккхар» – конфискация скота у семьи, состояние которой было выше других. Вот как об этом пишет Л.Ю. Маргошвили: «Согласно традиции байтталваккхар – пастбища принадлежали всем членам определенного племени поровну. Если же какой-нибудь владелец имел такое количество крупного и мелкого рогатого скота, которое мешало другим односельчанам, по правилам байтталваккхар, старейшины села выносили постановление о конфискации лишнего скота и разделе его другим неимущим членам общества» [4, с. 21–22]. Данная традиция утратила свое значение и применение в современном ингушском обществе. О существовании этой традиции мы находим свидетельства в ингушском проклятии: «Байттал ваккха хь» – «Пусть тебя (твое имущество) подвергнут конфискации».

Лексема «байтталваккхар» состоит из различных по происхождению компонентов: *бейт-ул-мал* (из араб. яз., означает «конфискацию имущества») и *ваккхар* («изгнание, предание чему-нибудь, отлучение»).

Примечательно, что аналогичная традиция существовала и в Грузии под названием «бейталмноба».

Вторым по значимости видом хозяйственной деятельности человека является земледелие, являющееся хорошим подспорьем к животноводству.

Земледелием нахские народы занимаются издревле. Об этом свидетельствуют многие факты. Во-первых, совпадение названий основных земледельческих культур и некоторых примитивных земледельческих орудий труда в бацбийском, чеченском и ингушском языках. Во-вторых, об этом свидетельствует и устное народное творчество. В сказках, пословицах и поговорках встречаются многочисленные примеры, которые демонстрируют, что нахские народы были хорошими скотоводами, умелыми и трудолюбивыми земледельцами и уделяли земледелию большое значение: *Аьхки хьоа кхийккачун, Iай яьй*

кхийхаб – «У кого летом кипел мозг (от солнца) у того зимой котел варился»; *Аренаи оахаи кулгаи лестадац* – «Во время пахоты руками не машут»; *Кломала овла тла кла даьннадац* – «На корне конопли пшеница не растет»; *Кулгаи кхолла даьхкачунна, мотт даьттала боал* – «У кого руки в навозе, у того язык в масле»; *Боахам дика ба, шера мангал а бале, йлаьха гота а яле* – «Хозяйство добротное, если есть широкий (большой) покос и длинная (долгая) пахота»; *Бетта йетт болчун шун тлара хьонанал ийшаяц* – «У имеющего коровы и стол был сытный»; *Говр йоаца баьри – тхов боаца цла* – «Молодец без коня, что дом без крыши»; *Дас дайийнача гавнех вола сомаи хиннаб* – «Плоды от дерева, посаженного отцом, достались сыну»; *Мангал – кьонахчун мар* – «Коса – жена косаря»; *Оахаи аьннар оардаи корадаьд* – «Сказанное на пахоте нашлось на жатве»; *Овла боацаи буц тлаялац, хало йоацаи оатто хилац* – «Без корней трава не растет, без труда не бывает достатка»; *Тлаха ды лелабе, готанна дабожа уст лелабе* – «Держи коня для верховой езды, а быка – для пахоты»; *Фийг дла ца биьча, гладам тла даьннадац* – «Не посеешь зернышко, не вырастет стебель»; *Хох – ийс дохьаж, савмарсаькх – ийс дарба* – «Лук – девять отрав, чеснок – девять лекарств»; *Хьачах хьадже яьккха, кхор кхозза кхалла, Iаж кхачанна эца* – «Сливу понюхай, грушу откуси три раза, а яблоко возьми в дорогу»; *Шерчаиша даьр говраиша дуь, аькхи даьр Iано дIадуь* – «Что сделано быками (волами), съедает лошади, что наработано летом, съедает зима»; *Iаса Iаттах дакх, саг лаьттах вакх* – «Теленок кормится коровой, а человек – землей» и др.

О значимости для древних предков ингушей земледелия свидетельствует и наличие языческих богов-покровителей, например, весеннее божество, богиня плодородия Тушоли. Как отмечает Г.Ф. Чурсин, представления о божестве как о женском существе, очевидно, возникло еще в те времена, когда земледелие составляло занятие женщин, почему и божество, покровительствующее земледелию, получило облик женщины [7, с. 98].

Существовал также культ земледельческого труда: перед выходом в поле, а также уборкой урожая устраивались обрядовые праздники в честь богини Тушоли, обеспечивавшей высокую урожайность посевов.

Один из праздников в честь богини Тушоли отмечался в марте – апреле (месяц Тушоли-бут), когда прилетает птица удод («тушоли-котам»). Как правило, этот праздник совпадал с периодом первого выгона стадов на летние пастбища. Описывая праздник в честь богини Тушоли, З. Мадаева пишет, что ингуши перед выходом на пахоту обращались к святилищу Тушоли – богине плодородия и весны: «Пусть будет плуг счастливым, год урожайным, лето ясным, а осень полной, чтобы не родившийся родился, а родившийся остался жить» [3, с. 94].

Также в пантеоне у ингушей имелись особые божества – Мать ветров «Мих-Нана» и Мать воды «Хи-Нана». Этим богиням посвящали дни во время покоса и жатвы, чтобы они уберегли хлеб от погибельных ветров и засухи.

У горцев был разработан земледельческий календарь, строго регламентировавший сроки проведения сельскохозяйственных работ, а также сопровождавшие их народные праздники и обряды, восходящие к периоду язычества. До настоящего времени у ингушей сохранился обряд по вызыванию дождя («Муста гударг»): «*Муста гударг, Муста гударг! ДогI дайта Даьла. Кла, борц хьувкьийта, кура хьажклаи йебита*». От того, кто является участником обряда, зависит и его название: если в обряде участвуют только мальчики, то он именуется «*Муста гударг*», если девочки – «*Зизили*».

Земледелие, хотя и было менее развито, играло в жизни ингушского народа далеко не последнюю роль. Разнообразные дикорастущие и культурные растения использовались в пище, хозяйстве, народной медицине. Вместе с тем, определенные сведения о сложностях, испытываемых горцами в ведении земледелия в условиях гор, обусловленных малоземельем, предоставляют исследователи Ингушетии, в частности, Е.И. Крупнов, отметивший, что «...ни в предреволюционный период, ни в более отдаленное время земледелие в высокогорных условиях не имело, да и не могло иметь (при той плотности горского населения) ведущего, определяющего значения в хозяйстве ингуша-горца. И тем не менее нагорное земледелие ингушей играло значительную роль в натуральном ингушском хозяйстве и, судя по всем данным, стояло в горах на втором месте после скотоводства. Ингуши – в большей степени скотоводы, чем земледельцы» [2, с. 149].

Начало этнографического изучения земледелия ингушей можно определить с 60-х гг. XIX столетия. Это связано в основном с исследованиями Н.Ф. Грабовского «Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа» (ССКГ. 1870. № 3), «Ингуши, их жизнь и обычаи» (ССКГ. 1878. Вып. 9). Серьезным вкладом в исследование хозяйственной жизни ингушей является работа Б.К. Далгата «Жертвоприношения на Столовой горе» (ТВ. 1893. № 750). В этой работе описаны многие факты древнего хозяйственного календаря ингушей, а также культовые обряды, связанные с полеводством.

В послеоктябрьский период была активизирована работа по изучению языков, культур и традиций многих малочисленных народов Северного Кавказа, а также флоры и фауны территории проживания горцев. К этому периоду относятся работы В.П. Христиановича «Горная Ингушия» (Ростов-на-Дону, 1928) Г.К. Мартирозиана «Нагорная Ингушия» (социально-экономический очерк, изданный в г. Владикавказе в 1928 г.), В. Берга «Ботанико-географический анализ полевых культур Горной Ингуши (Ростов-на-Дону, 1930).

В связи с отсутствием древних письменных источников, описывающих экономическую жизнь нахских народов, указанные исследования являются исключительно значимыми для ученых, которым приходится опираться в исследованиях исключительно на фольклорный и языковой материал, а также чрезвычайно ограниченный материал, предоставленный некоторыми исследователями и путешественниками, побывавшими в разное время на Северном Кавказе.

Территория древнего проживания ингушей во все времена характеризовалась малоземельем, так как преимущественно состояла из ущелий и склонов. Обработка каждого клочка земли требовала особого внимания и ухода. Землю необходимо было очистить от камней, кустарников, огораживая их плетнем или каменной оградой. Л.Ю. Маргошвили отмечает: «Кисты, подобно чеченцам и ингушам, никогда не удобряли поля, зато на приусадебные участки с этой целью завозили навоз» [4, с. 89].

Несмотря на то что крестьянин вкладывал огромный труд в обустройство пахотного клочка земли, урожаи были невысокими, и хлеба, выращенного на этих участках, хватало всего на несколько месяцев. В. Кобычев отмечает, что до Октябрьской революции этнографическое положение коренного населения Кавказа, обитавшего в горных районах, характеризовалась крайним малоземельем. К числу наиболее безземельных народов края принадлежали горцы Северного Кавказа – осетины, чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы и большинство народов Дагестана [1, с. 9].

Судьба ингушского крестьянина напрямую зависела от размера земельного надела. Неравномерное распределение земли как между нагорной и равнинной зонами, так и между общинами привело к имущественному расслоению общества. В результате в ингушском обществе с XIX в. стал обычным явлением самовольный захват земли в собственность, обусловленный желанием иметь гарантированную возможность прокормить семью. К сожалению, данное явление, несмотря на изменения в социально-экономической жизни общества, до настоящего времени имеет место в современном ингушском обществе. О том, что это устоявшееся явление имеет длительную историю, свидетельствует его отражение в ингушском языке в виде устойчивого выражения (своего рода объяснение): *Дукха хана денза оаха леладу лаьтта* – букв. «Земля, обрабатываемая нами давно (с определенного времени)». Таким образом определяется преимущественное право владения землей или передачи его в собственность тому, кто ее обрабатывает и доказывает необходимость конкретной семьи во владении этой землей.

Принятие в какой-то степени ингушским обществом такой постановки вопроса привело к стремлению вспахать и засеять как можно большую площадь земли без учета соответствующих условий и возможностей для уборки урожая и его хранения. Такое решение вопроса было приемлемо только для сильного и состоятельного рода.

Все это привело к изменению веками сложившегося уклада жизни ингушского народа: натуральное крестьянское хозяйство постепенно разлагается и заменяется мелкотоварным производством.

В конце XIX – начале XX в. в земледельческой практике ингушей происходят прогрессивные изменения в виде увеличения посевных площадей, использования передовых приемов обработки земли, появления новых орудий труда и новых культур.

Ограниченность пахотных земель и примитивная техника земледелия тормозили широкое развитие хозяйства чеченцев и ингушей. О дефиците земель в условиях гор свидетельствуют статистические данные, приведенные Г. Вертеповым и Е. Максимовым в исследовании «Туземцы Северного Кавказа», по состоянию на конец XIX в. с определением удобных и неудобных земель на одну мужскую душу (ингуша-горца): джейраховцы: удобной – 1,5 дес., неудобной – 1,1 дес., всего – 2,6 дес.; джераховцы: 0,9 и 0,7, всего 1,6 дес.; цоринцы: всего 1,6 дес.; хамхинцы: 0,8 и 0,8; всего 1,6 десятины [5, с. 33]. В этой связи Е.И. Крупнов пишет: «Совершенно очевидно, что безземелье, выраженное в горах в таких острых формах, очень ограничивало развитие хозяйства ингушей, и прежде всего, развитие горного или террасного земледелия» [2, с. 142]. Однако «... даже простая обработка земли в части ущелья, где были плодородные почвы, давала хороший урожай» [4, с. 80].

Ингуши также издавна занимались пашенным земледелием. В силу малоземелья участки представляли собой маленькие наделы, расположенные преимущественно на склонах. Часть из них была террасирована. Основными зерновыми культурами были ячмень, рожь, пшеница и позднее, с начала 80-х гг. XIX в. – кукуруза и картофель, характеризующиеся как культуры высокой урожайности.

А. Хасбулатов отмечает: «В увеличивающихся масштабах в пореформенный период стали производить и вывозить из Чечни и Ингушетии рыночные зерновые культуры, особенно кукурузу, которую стали все больше вывозить за пределы Терской области, преимущественно в южные города России... Скот из Чечни и Ингушетии в конце XIX – начале XX в. попадал на скоторынки: Ростова, Тихорецка и других городов. Вывозили также шерсть, овчину, шкуры крупнорогатого скота и др.» [6, с. 12].

С переселением на плоскость ингуши осваивают садоводство и овощеводство. Однако эти отрасли сельского хозяйства не являлись для ингушей развитыми вплоть до середины прошлого века. Это объясняется в определенной степени урбанизацией и стремлением сельского населения к городскому укладу жизни.

Библиографический список

1. Кобычев, В. П. Изменение материальной культуры народов Кавказа за годы советской власти [Текст] / В. П. Кобычев // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX–XX вв. – М., 1971. – Вып. 1. – С. 5–32.
2. Крупнов, Е. И. Средневековая Ингушетия [Текст] / Е. И. Крупнов. – 2-е изд. – Магас, 2008. – 516 с.
3. Мадаева, З. А. Календарные празднества и обряды весеннего периода у чеченцев и ингушей [Текст] / З. А. Мадаева // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. – Грозный, 1981. – С. 19–28.
4. Маргошвили, Л. Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в XIX и нач. XX в. (Кисты Панкиси) [Текст] / Л. Ю. Маргошвили. – Тбилиси, 1990. – 255 с.
5. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки: Осетины. Ингуши. Кабардинцы [Текст] / Е. Д. Максимов, Г. А. Вертепов. – Владикавказ : Тип. Обл. правления Терской обл., 1892. – Вып. 1. – 187 с.
6. Хасбулатов, А. И. Аграрные преобразования в Чечне и Ингушетии и их последствия (XIX – нач. XX века) [Текст] / А. И. Хасбулатов. – М., 2006.
7. Чурсин, Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии [Текст] / Г. Ф. Чурсин. – Сухуми : Абхазское гос. изд., 1956. – 264 с.

КЛАСТЕРЫ: ЭВОЛЮЦИЯ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ, ФАКТОРЫ УСПЕХА, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА

Н.А. Корчагина, И.Н. Ахунжанова

В наши дни кластерную политику считают ключевым инструментом для увеличения конкурентоспособности промышленных секторов и регионов, а также для развития инновационного потенциала и экономики страны. Полное понимание этого направления возможно лишь при историческом обзоре образования кластерной политики и анализе критических комментариев в отношении их содержания и практического применения.

Nowadays cluster policy is considered to be the key tool for increasing competitiveness of industry sectors and regions and developing innovation potential and economy of the country. The full understanding of this trend is possible only when considering historical review of the formation of cluster policy and analysis of critical comments in respect of its content and practical implementation.

Ключевые слова: кластер, модель ромба, конкурентное преимущество, кластерная политика.

Key words: cluster, diamond model, competitive advantage, cluster policy.

В настоящее время признанной и подтвержденной мировым опытом стратегией повышения эффективности управления территорией является применение кластерных организационных технологий. Несмотря на значительный экономический рост России на предшествующем этапе развития, объясняемый в большей степени повышением цен на сырьевые ресурсы и не имеющий в своей основе улучшений микроэкономической бизнес-среды, в современный мировой кризис Россия вошла в состоянии недиверсифицированности и неконкурентоспособности [1]. По оценкам экспертов, до 50 % российского бизнеса работает в неконкурентной среде. Изменить ситуацию могло бы формирование кластеров, основным механизмом развития которых является сочетание конкуренции, кооперации и взаимодействия всех основных участников.

Кластерная политика часто воспринимается в России как абсолютно западная технология, применимая только за рубежом и не имеющая оснований для успешной реализации в практике российских регионов. В виду этого осмысление эволюции развития кластерной идеологии и условий успешной реализации кластерных инициатив представляется актуальным и значимым.

Рассмотрение эволюционного развития кластерной концепции демонстрирует значительное количество фундаментальных и прикладных исследований. Большинство объяснений такого явления, как кластеры, основано на работах А. Маршалла, раскрывшего предпосылки более высокой производительности фирм определенной отрасли, расположенных на одной территории по сравнению с фирмами, удаленными друг от друга. Причины роста производительности обобщены в теории Маршаллианского триединства, включившей такие факторы, как рынок для квалифицированного труда, специализацию поставщиков и обмен идеями, или перелив знаний.

Впоследствии идеи А. Маршалла были продолжены в направлениях экономической мысли, в числе которых ряд течений региональной науки середины XX в. Регионалисты развили мысль А. Маршалла о том, что фирмы получают преимущества от близкого расположения друг к другу. Они обозначили экономию от локализации – выгоды, возникающие вследствие близкого расположения к однородным фирмам, особенно фирмам из той же отрасли, и экономию от урбанизации – выгоды, возникающие вследствие близкого расположения разнородных фирм, особенно фирм из других отраслей как два типа экономических экстерналий, обусловленных внешними факторами. Регионалистами была начата дискуссия об относительной важности этих двух типов экономических экстерналий.

Исследователь-урбанист Дж. Джекобс в последующем дополнила исследования регионалистов, доказывая, что инновации, сгенерированные в городах, ведут к развитию экономики [11]. Она также расширила понятие экономики от урбанизации, включив в него, помимо отраслевого многообразия, другие типы. В настоящее время экономика от урбанизации иначе называется «экстерналиями Джекобс» [6, с. 17].

В начале 1990-х гг. исследователи, занимающиеся экономикой городов и регионов, используя современные статистические методы, изучили влияние отраслевой географической концентрации, отраслевого многообразия и размера метрополии на региональный рост. Наиболее существенный вклад в такого рода исследования был внесен Глайзером и его коллегами [10]. Единого мнения относительно того, что оказывает большее влияние на экономический рост – отраслевая специализация или отраслевого многообразие, – найдено не было.

Другим направлением изучения внешних экономических эффектов стало рассмотрение размещения бизнеса с социальной и институциональной перспективой. Исследователи данного направления акцентировали внимание на влиянии общественных факторов и взаимоотношений. Они полагали, что нерыночные общественные взаимоотношения значительно воздействуют на формирование условий рынка.

Так, одна из школ социального и институционального течения экономической мысли выделяла взаимосвязь между организацией производства внутри фирм, между ними и развитием кластерных образований. В соответствии с этим исследованием, метод организации производства, то есть типы технологий, используемые фирмами, структура организации взаимоотношений в компании и между компаниями, взаимоотношения между работодателями и работниками, определяют многие другие характеристики экономики, в том числе местоположение фирм [6, с. 18].

В первой половине XX в. фундаментом организации производства служил принцип «массового производства», или «фордистская» производственная система, в соответствии с которой полагалось, что по мере роста масштабов экономической деятельности до континентального и глобального уровней крупные фирмы будут превалировать в экономике.

В дальнейшем два американских социолога – М. Пиоре и Ч. Сейбл – объявили о «втором индустриальном переходе», заявив, что насыщение массовых рынков относительно стандартизированными товарами привело к необходимости удовлетворения потребителей большим разнообразием и качеством [13]. В процессе исследований итальянских промышленных районов, сформировавших так называемую концепцию «третьей Италии», М. Пиоре и Ч. Сейбл пришли к выводу, что успех групп небольших компаний достигается благодаря гибкой специализации – способности быстро реагировать на изменения рыночного спроса и занимать рыночные ниши высококачественными и ограниченными по количеству товарами, ориентированными на конкретного потребителя. Группы фирм в промышленных районах поддерживались целым рядом институтов, а также особой культурой сотрудничества, которые позволяли им компенсировать преимущества экономики от масштаба, присущие крупным компаниям. Такие группы фирм, по мнению М. Пиоре и Ч. Сейбла, представляют реальную альтернативу капитализму крупных компаний или капитализму массового производства. Такие группы фирм призваны заменить мощные интегрированные компании, которые стремятся производить все самостоятельно.

Географы, а также специалисты, занимающиеся городским и региональным планированием, проявили значительный интерес к идее образования промышленных районов и кластеров. Как М. Пиоре и Ч. Сейбл, некоторые из них особенно выделяли в качестве источника кластеризации природу взаимоотношений между фирмами в регионе.

Значительный вклад в анализ процессов формирования кластеров внесло детальное изучение таких примеров, как Силиконовая Долина. Сравнительное исследование двух высокотехнологичных конкурирующих кластеров – «коридора высоких технологий», расположенного недалеко от Бостона вдоль дороги 128, и Силиконовой Долины, – проведенное А. Саксениан (1994), позволило объяснить успех последней

существенными особенностями в организации производства. Силиконовой Долине присущи командноориентированная структура рынка труда и особая предпринимательская культура, которые стимулируют развитие инноваций и стирают границы фирм [14]. М. Сторпер утверждал, что близко расположенные фирмы имеют совместный доступ к «неторговым взаимосвязям» – привязанным к данной местности ресурсам [16].

Существенный вклад в разработку кластерной теории и в ее практическую реализацию был внесен М. Портером и его последователями. Теория Портера обобщает такие экономические направления, как неоклассическое, социальное, институциональное, а также направление, изучающее бизнес-стратегии. В книге «Международная конкуренция» Портер рассматривает кластеры как результат взаимодействия четырех групп факторов, которые он объединяет в «ромб конкурентного преимущества». Элементами ромба являются факторные условия, условия спроса, родственные и поддерживающие отрасли, условия конкуренции и стратегии фирм. Четыре перечисленных элемента ромба играют значимую роль в объяснении большей конкурентоспособности кластеров, чем отдельных компаний и фирм. Портер замечает, что «кластер – это проявление работы всех четырех факторов ромба. Близость, возникающая вследствие соразмещения компаний, потребителей, поставщиков и других институтов, постоянно стимулирует инновации» [3].

Опыт практической реализации кластерной политики позволил возникнуть целому ряду публикаций, затрагивающих различные аспекты кластеризации, хотя, по мнению Дж. Кортрайта, вряд ли их можно объединить в единую научную школу или направление [6, с. 14].

Интерес к проблематике кластерного развития в последние десятилетия сопровождается острыми дискуссиями относительно содержания и научной обоснованности этой концепции. Среди критических замечаний, наиболее часто предьявляемых противниками кластерной теории, можно выделить такие, как:

- ✓ большое количество разнообразных подходов к восприятию и трактовке понятия «кластер»;
- ✓ существенные расхождения в данных, которые служат доказательством существования кластеров и измерения их влияния на развитие экономики;
- ✓ универсальность кластерной концепции, способствующая возникновению некорректных способов и, как следствие, подверженность злоупотреблениям со стороны практиков, а также ряд других.

Действительно, в теоретических и теоретико-прикладных исследованиях, посвященных раскрытию кластерной концепции и особенностям реального опыта кластерной политики, встречается множество вариативных подходов к определению и содержанию понятия «кластер». Рассмотрение различных подходов к определению кластера показало, что основное содержание сути этого явления остается по большей части неизменным, несмотря на первоначальное отличие в формулировке понятия. Следуя Э. Фезеру и его коллегам, «сложность кластерной концепции, как и существенное разнообразие мер экономической политики, основанных на данной концепции, не позволяют говорить о единственно возможном определении для всех аналитических и практических нужд» [9, с. 9].

В рамках статьи под кластерами мы будем понимать группы географически локализованных взаимосвязанных компаний – производителей конечного продукта, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных услуг, инфраструктуры, научно-исследовательских институтов, вузов и других организаций, конкурирующих, взаимодополняющих и, что самое главное, усиливающих преимущества друг друга [2, с. 40].

Отметим, что продолжающиеся теоретические дискуссии о содержании кластерной концепции не сдерживают активный рост практической реализации кластерных проектов по всему миру. В виду устойчивого интереса к развитию кластеров как со стороны исследователей, занимающихся вопросами регионального развития, так и представителей компаний, находящихся в самих кластерах, несомненно, представля-

ется интересным определить, какие факторы способствуют возникновению кластеров и могут гарантировать их дальнейшее успешное развитие.

Анализ имеющихся источников по данной проблематике показал, что существует, по меньшей мере, девять различных факторов, стимулирующих возникновение кластеров:

- ✓ рынок для квалифицированного труда;
- ✓ специализация поставщиков;
- ✓ обмен идеями или перелив знаний;
- ✓ природно-географические особенности;
- ✓ уровень развития предпринимательства;
- ✓ зависимость от предыдущего развития, ведущая к закреплению кластера на определенной территории;
- ✓ особенности культуры;
- ✓ местный спрос;
- ✓ целенаправленные действия органов власти [2, с. 24].

История становления и развития различных кластеров демонстрирует разнообразные сочетания перечисленных факторов. Важность каждого фактора может варьироваться в зависимости от жизненного цикла кластера, имеющего такие фазы, как зарождение, развитие, зрелость, упадок или возрождение. Некоторые факторы имеют большее значение на этапе формирования кластера, в то время как другие играют более существенную роль на этапе его развития.

Для более четкого понимания значимости каждого фактора кратко обозначим их особенности. Первые три фактора – рынок для квалифицированного труда, специализация поставщиков и перелив знаний – это не что иное, как триединство Маршалла, объясняющее кластеризацию и достаточно подробно описанное в трудах этого автора.

Следующий фактор является достаточно традиционным. Тот факт, что природно-географические особенности предопределяют расположение некоторых отраслей и их последующую концентрацию на определенной территории, является практически бесспорным. Нефтегазовый кластер в Хьюстоне – наглядный пример длительного развития кластера, возникновение которого было предопределено имеющимися природными ресурсами. Возможности кластера преобразовались от продажи природных ресурсов до предоставления знаний и навыков, а в дальнейшем до проведения исследовательских работ и применения новейших технологий для разработки новых товаров и услуг. Данное развитие стало возможным благодаря особым условиям бизнес-среды, которые позволили территории развивать природные ресурсы и создавать на их основе новое богатство [12]. Израильский ирригационный кластер появился из-за существующих неблагоприятных факторов: пустынные неплодородные земли необходимо было искусственно орошать, что привело к превращению земель в сельскохозяйственные угодья. Голландский транспортный кластер возник вследствие наличия водных путей от Роттердама, благоприятного расположения в Центральной Европе и значительному опыту мореплавания у местных жителей.

Уровень развития предпринимательства как фактор, стимулирующий возникновение кластеров, нашел отражение в трудах многих исследователей. Так, в частности, Дж. Шумпетер выделял существенную роль предпринимательства в активизации экономического развития посредством создания новых товаров. В соответствии с его трактовкой, некоторые территории характеризуются наличием большего числа предпринимателей или более благоприятной для развития предпринимательства бизнес-средой, и это способствует их развитию [15].

По мнению М. Фельдмана и его коллег, факторы, определяющие месторасположение предпринимателей или фирм, компаний могут оказывать существенное воздействие на кластерные образования. Предпринимательство по своей природе считается явлением локальным. Индивидуумы создают компании, основываясь на предварительном опыте и интересах, существующих местных контактах и бизнес-знаниях. Предприниматели часто привязаны к определенной территории семейными связями

и стараются избегать затрат, связанных с изменением места жительства, во время формирования бизнеса [8].

Практическим подтверждением данных идей является кластер информационных технологий в Саппоро – крупнейшем городе острова Хоккайдо (Япония). В 1976 г. доцент Университета Хоккайдо Йосинао Аоки организовал «Группу микрокомпьютерных исследований Хоккайдо». Впоследствии многие студенты Университета Хоккайдо, входившие в Группу Йосинао Аоки, создали собственные коммерческие компании, что привело к возникновению регионального кластера, именуемого сейчас Долина Саппоро. Возникшие компании B.U.G., Hudson и dB Soft стали прородителями и своего рода «бизнес-инкубаторами» для создания новых компаний [4].

Следующий фактор выделяется исследователями как фактор возникновения кластеров – это зависимость от предыдущего развития, ведущая к закреплению кластера на определенной территории. Базовая модель оценки кластеризации статична. Экономическая деятельность на ее основе рассматривается в определенный момент времени. Хотя, очевидно, что экономическое развитие и его динамика зависят от предшествующего состояния. Существующие виды экономической деятельности, которыми обладает определенная территория, будут изначально предопределять совокупность возможностей для последующего развития.

Зависимость от предыдущего развития имеет неоднозначное значение при анализе кластеров. Прежде всего, она подразумевает, что незначительные случайные события могут оказывать важное влияние на возникновение отраслей и их кластеризацию. Так, например, П. Кругман рассматривает ковровое производство, расположенное в Далтоне (штат Джорджия), возникшее на основе местной ремесленной промышленности текстильных изделий. Также кластеры имеют тенденцию к закреплению на определенной территории. Если на ранних этапах развития кластера существует реальная возможность оказать влияние на его размещение, то изменить месторасположение сформированного кластера практически невозможно. Более того, зависимость от предыдущего развития подразумевает, что многие из потенциальных возможностей развития территории будут основаны на существующих видах деятельности.

Зависимость от предыдущего развития особенно четко наблюдается при формировании и развитии технологических кластеров. При проведении сравнительного анализа Силиконовой Долины и конкурирующих с ней регионов, Bresnahan, Gabardella, and Saxenian отмечают, что активный рост кластеров происходит на территориях, являющихся пионерами, благодаря существованию положительной обратной связи. По мнению этих исследователей, серьезные технологические сдвиги способствуют образованию «стартовых точек» или возможностей для возникновения новых кластеров также ввиду положительной обратной связи. Технологический переход от мини-компьютеров к персональным стал такой «стартовой точкой» для Силиконовой Долины [5].

Рассмотренные выше факторы возникновения кластеров по большей мере независимы от природы социальных взаимоотношений между владельцами, менеджерами и работниками компаний.

Однако исследователи, занимающиеся вопросами развития кластеров, отмечают, что социальные взаимоотношения между экономическими субъектами могут предопределять кластерное развитие. Экономические системы разных типов формируют и стимулируют развитие отличающихся социальных образований, которые, в свою очередь, поддерживают различные экономики.

Достаточно сложно количественно оценить роль уровня и характера социальных взаимоотношений в кластерах, анализ такого рода чаще всего выполняется на основе качественных исследований, которые показали что, общественные связи между экономическими субъектами и характер культурного развития, сложившиеся на конкретных территориях определяют экономическое поведение рыночных субъектов при принятии рисков, сотрудничестве и обмене информацией.

Разнообразие вкусов и предпочтений в различных регионах также может стать источником случайных событий, способствующих возникновению кластеров. Появ-

ление кластера спортивной одежды и спортивных товаров в Орегоне, в состав которого входят такие фирмы как “Nike”, “Adidas America” и “Columbia Sportswear”, объясняется популярностью в этом штате в 60-е гг. бега трусцой. По данным статистики, жители штата Орегон более активно занимаются всеми видами активного отдыха и туризма, чем в среднем любой американец [7].

Рассматривая такой фактор, как целенаправленные действия органов власти, отметим, что большое число кластеров возникло и начало развиваться без участия со стороны государства или общественных организаций. При этом правительственная политика, инвестиции в университеты или инфраструктуру сыграли определенную роль в их возникновении, хотя и не были ориентированы на образование конкретного кластера. Так, кластер электронной торговли в Сингапуре возник благодаря стимулированию правительством создания новых малых и средних предприятий вокруг компании «Хьюлетт Паккард». Ирландское правительство создало совместное предприятие с медиа-лабораторией Массачусетского технологического института, что привело к возникновению кластера цифровой электроники Ирландии. Представленные примеры демонстрируют истории кластеров, возникших вследствие привлечения прямых иностранных инвестиций при поддержке правительственных органов.

Завершая обзор факторов, способствующих возникновению кластеров, отметим, что каждый из них не может рассматриваться отдельно. Для объяснения и понимания причин возникновения кластеров исследование факторов должно осуществляться во взаимодействии и взаимодополнении. Степень значимости каждого фактора может варьироваться в зависимости от специфики конкретного кластера: некоторые могут значительно зависеть от наличия рынка труда, в то время как другие в большей мере развиваться благодаря переливу знаний или правительственной поддержке.

Представляется, что наиболее оптимальной моделью для анализа наличия условий возникновения кластеров, объединяющей все представленные факторы и позволяющей проводить сравнительный анализ, выступает модель «ромба» М. Портера. Как отмечалось ранее, данная модель включает четыре группы факторов, обладающих достаточно общим характером и отражающих конкурентную среду. «Ромб» представляет собой систему взаимодействия, то есть систему, компоненты которой взаимно дополняются и взаимно усиливаются. Каждый компонент, или детерминант, «ромба» влияет на все остальные.

Конкурентное преимущество на основе только одного-двух детерминантов возможно в ресурсоемких отраслях, зависимых от природных ресурсов. Удержание конкурентной позиции в наукоемких отраслях, составляющих фундамент экономики развитых стран, возможно при наличии преимущества в каждой составной части «ромба».

Формирование комплексного представления о факторах, способствующих возникновению кластеров, имеет особое значение для исследователей и практиков, так как наличие полного перечня факторов позволяет принимать наиболее конкретные решения в рамках кластерного развития территории.

Эффективность использования кластерного подхода в стратегиях развития территорий может быть подтверждена экономическими выгодами, возникающими вследствие функционирования кластеров. Анализ ряда исследований [6; 12; 14; 17] позволяет выделить такие основные экономические преимущества, как:

- ✓ высокий уровень производительности, который значительно коррелирует с высоким уровнем заработной платы;
- ✓ наличие свободного информационного канала, который активизирует возникновение новых идей и внедрение технических нововведений при низких издержках экспериментирования за счет кластерного окружения;
- ✓ создание значительного числа новых предприятий и развитие предпринимательства в кластерах.

Сочетание этих экономических преимуществ оказывает положительное влияние на готовность фирм, компаний, организаций к сотрудничеству. Укрепление связей между участниками кластера делает данные объединения успешной открытой инновационной системой [19].

Перечисленные выше потенциальные экономические выгоды, возникающие благодаря функционированию кластеров, являются стимулом осуществления целенаправленной политики органов власти различных регионов и стран, а также представителей бизнеса по использованию кластерных технологий в стратегиях управления территориями. Дальнейшее выявление условий успешного развития кластеров, анализ программ по реализации целенаправленной кластерной политики в различных странах мира могут стать основой для инициирования кластерных проектов на территории Российской Федерации.

Библиографический список

1. Княгинин, В. Н. Глобальный экономический кризис: причины, прогноз развития для России, выбор путей преодоления [Электронный ресурс] / В. Н. Княгинин // Презентация директора Фонда «Центр стратегических разработок Северо-Запад» на III межрегиональной конференции «Инвестиционные проекты Большого Урала: глобальная экономическая нестабильность и новые источники промышленного развития», ноябрь 2008. – Режим доступа: <http://www.csr-nw.ru/content/library/default.asp?shmode=8&ids=45&ida=2155>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Корчагина, Н. А. Кластерная политика – технология повышения эффективности управления компаниями [Текст] : монография / Н. А. Корчагина. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2009. – 117 с.
3. Портер, М. Международная конкуренция [Текст] / М. Портер ; пер. с англ. ; под ред. и с предисловием В. Д. Щетинина. – М. : Международные отношения, 1993. – 896 с.
4. Региональные кластеры Японии: Долина Саппоро [Электронный ресурс] / Сайт JETRO (Japan External Trade Organization), 5 августа 2004 г. – Режим доступа: <http://www.jetro.go.jp/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Bresnahan, T. Old Economy Inputs for New Economy Outcomes: Cluster Formation in the New Silicon Valleys [Text] / T. Bresnahan, A. Gambardella, A. Saxenian // *Industrial and Corporate Change* 2001. – Vol. 10, № 4. – P. 835–860.
6. Cortright, J. Making sense of clusters: regional competitiveness and economic development [Electronic resource] / J. Cortright // The Brookings Institution Metropolitan Policy Program. Impresa, March 2006. – 66 p. System requirements: Adobe Acrobat Reader. – Access mode: http://www.brookings.edu/metro/pubs/20060313_Clusters.pdf, free access. – Title from the screen. – English Language.
7. Cortright, J. The Economic Importance of Being Different: Regional Variations in Tastes, Increasing Returns and the Dynamics of Development [Text] / J. Cortright // *Economic Development Quarterly*. – 2002. – Vol. 16, № 1. – P. 3–16.
8. Feldman, M. P. Creating a Cluster While Building a Firm: Entrepreneurs and the Formation of Industrial Clusters [Text] / M. P. Feldman, J. Francis, J. Bercovitz // *Regional Studies*. – 2005. – Vol. 39, № 1. – P. 129–141.
9. Feser, E. J. Incorporating Spatial Analysis in Applied Industry Cluster Studies [Text] : Working paper / E. J. Feser. – Chapel Hill : University of North Carolina, 2001. – 55 p.
10. Glaeser, E. L. Growth in Cities [Text] / E. L. Glaeser // *Journal of Political Economy*. – 1992. – Vol. 100. – P. 1126–1152.
11. Jacobs, J. The Economy of Cities [Text] / J. Jacobs. – London : Penguin Books, 1969.
12. Ketels, C. From clusters to cluster-based economic development [Electronic resource] / C. Ketels, O. Memedovic ; *Int. J. Technological Learning // Innovation and Development*. – 2008. – Vol. 1, № 3. – P. 375–392.
13. Piore, M. The Second Industrial Divide [Text] / M. Piore, C. Sabel. – Basic Books. 1984.
14. Porter, M. The Competitive Advantage of Nations [Text] / M. Porter. – New York : The Free Press, 1990. – 855 p.
15. Saxenian A. Regional Advantage: Culture and Competition in Silicon Valley and Route 128 [Text] / A. Saxenian. – Harvard University Press, 1994.
16. Schumpeter J. A. The Theory of Economic Development [Text] / J. A. Schumpeter. – Oxford : Oxford University Press, 1934.
17. Solvell, O. Clusters: Balancing Evolutionary and Constructive Forces [Text] / O. Solvell. – Stockholm : Ivory Tower, October 2008.
18. Storper, M. The Regional World: Territorial Development in a Global Economy [Text] / M. Storper. – Guilford Press, 1997.
19. Teece, D. J. Dynamic capabilities and strategic management [Text] / D. J. Teece, G. Pisano, A. Shuen // *Strategic Management Journal*. – 1997. – Vol. 18, № 7. – P. 509–533.

РЕЦЕНЗИИ

«ПОД МРАМОРНЫМИ СВОДАМИ МЕТАФИЗИКИ...»

Проникнуть в неопишное,
изобразить неизрекаемое...

Р.С.-И. Семькина

СЕМЬКИНА Р.С.-И. О «соприкосновении мирам иным»: Ф.М. Достоевский и Ю. Мамлеев [Текст] : монография / Р.С.-И. Семькина. – Барнаул – Екатеринбург : БГПУ, 2007. – 241 с. – ISBN 978-5-88210-401-5.

Рецензируется первая монография, посвященная творчеству Ю. Мамлеева в его взаимосвязи с художественным методом Ф.М. Достоевского.

The first monograph devoted to the works of J. Mamleyev in their interrelation with artistic manner of F.M. Dostoevsky is reviewed.

Ключевые слова: реализм, метафизический реализм, Ф. Достоевский, Ю. Мамлеев.
Key words: realism, metaphysical realism, F. Dostoyevsky, J. Mamleyev.

Исследование Р.С.-И. Семькиной открывает новую страницу в книге современной русской литературы. Это первая монография, посвященная творчеству Ю. Мамлеева, писателя, философа, «современного Достоевского», как именуют его критики и последователи.

Осмысление феномена соприкосновения двух художественных миров – Ф.М. Достоевского и Ю. Мамлеева – задано логикой преемственности современной литературы и золотого фонда русской классики.

Во введении к книге автор справедливо отмечает, что «...определение "современный Достоевский" – пока не более, чем метафора» (с. 10), поскольку фундаментальных исследований творчества Ю. Мамлеева в настоящее время нет. Монография – первый шаг к заполнению существующей в литературоведении лакуны.

В первой главе Р.С.-И. Семькина обращается к сопоставлению философско-литературных концепций двух писателей – «фантастического реалиста» Ф.М. Достоевского и «метафизического реалиста» Ю. Мамлеева.

Прежде всего автором книги обозначается поле пересечения смыслов метафизики и литературы. Исследователь делает важные замечания о соотношении мира философии и мира литературного творчества при их соприкосновении: «...и метафизика, и литература... возникают в чистом мире духа и не подчиняются терминам объективной реальности. И речь идет не просто о пересечении или слиянии... литературы и метафизики, а о выявлении у них единичностного свойства, "родового" качества» (с. 26). Действительно, русская литература философична по своей сути, и, как верно замечено, ее общее с метафизикой проблемное поле – «вечные (проклятые) вопросы, на которые опытное научное (рациональное) знание ответить бессильно» (с. 29).

Интересно толкование смысла «фантастического» применительно к творчеству Ф.М. Достоевского, его рассмотрение в свете мировоззренческой полемики между «утилитарным реализмом» натуралистов и «реализмом в высшем смысле», полемики, которую провоцирует проза писателя-классика (с. 40–43). «Реалистическая оптика» Ф.М. Достоевского специфична и уникальна в способности «раздвигать границы реалистического искусства, деконструировать видимую реальность и "реконструировать" невидимую...» (с. 55).

Тем же уникальна проза Ю. Мамлеева, движимая стремлением «проникнуть в неопишное, изобразить неизрекаемое» (с. 56). В завершение первой главы автор монографии анализирует философский трактат Ю. Мамлеева «Судьба бытия» как

метафилософский пролог к его художественному творчеству. Рассматривая прозу писателя в контексте развития парадигмы реалистического, Р.С.-И. Семькина косвенно сопоставляет метафизический реализм с магическим реализмом латиноамериканской литературы XX в. (с. 70–71). Это сравнение можно было бы расширить. Продуктивным представляется и введение творчества писателя-современника в контекст сюрреалистического литературного творчества. С одной стороны, отказ от рассмотрения линии «Ю. Мамлеев – сюрреализм» вполне понятен; сам писатель неоднократно отрицал связь своего метода с сюрреалистическим. Это определяется мировоззренческими разногласиями на почве увлечения сюрреалистов учением З. Фрейда и иронической рефлексией по его поводу в прозе Ю. Мамлеева. В то же время сравнение Ю. Мамлеева с европейским сюрреализмом – одна из напрашивающихся аналогий. Легко найти и моменты отталкивания, и точки соприкосновения метафизического реализма и сюрреализма, особенно живописного (С. Дали, Р. Магритт).

Совершенно справедливо мнение автора монографии о несводимости философии Ю. Мамлеева к постмодернистскому хаотическому манипулированию симулякрами. Постмодернистский характер мамлеевской прозы – фикция. Р.С.-И. Семькина указывает на это: «... писатель не разделяет главного творческого принципа постмодернизма – отказ от моноидеи, утверждение множественности истин» (с. 85).

Сравнению фабульных вариантов и инвариантов мотивов в текстах Ф.М. Достоевского и Ю. Мамлеева посвящена вторая глава монографии. Автором книги избран для анализа один цикл рассказов – «Конец века».

Специфика мотивного анализа – в его неисчерпаемости. Р.С.-И. Семькина выделяет мотивы, создающие диалогическую перекличку двух миров, – Ф.М. Достоевского и Ю. Мамлеева. Это мотивы фантастических превращений, жизни после смерти, метафизических путешествий, метафизической встречи, испытания веры, духовного экспериментаторства, детства; inferнальной женщины. То есть перекличка создается на уровне диалогической взаимосвязи персонажей, коллизий, сюжетов. Автор демонстрирует тонкость анализа и глубину филологического проникновения в материал.

Особенно отметим параграфы «Кладбищенские фантазии», в котором анализируется кладбищенский топос, прикосновенный к смерти в разнообразии ее личин – смерти духовной и смерти физической, и «Метафизические путешествия».

Глубина рецензируемой работы видится в постоянной перекличке философского и художественного дискурсов. Это позволяет автору монографии подняться до глубинных философских обобщений в постижении творчества Ю. Мамлеева. Особенно интересным в этой связи нам представляется завершающий работу параграф «Испытание веры». Р.С.-И. Семькина исследует провокативно-экспериментальный сюжет, подвергающей человека испытаниям разного рода. Этот сюжет представляет собой развернутый мотив превращения, потенциально таящий в себе неведомые по глубине метафизические прозрения о бытии, о смерти и посмертии. Автор монографии выходит на уровень глубинного постижения метафизики Ю. Мамлеева, вписанной в широчайший философский контекст: «...метафизическое учение Ю. Мамлеева представляет собой сложный синтез восточной метафизики, Адвайте-Веданты, догматического христианского учения об обожении человека... ницшеанского самообожания, элементов философии Хайдеггера об обретении человеком самого себя» (с. 197).

В приложении к книге помещены интервью автора с Ю. Мамлеевым и фрагменты личной переписки с писателем, несомненно добавляющие особый оттенок в размышления исследователя и сообщающие им весомое аргументативное подкрепление.

В заключение скажем несколько слов о художественном решении книги. Тонкость исследованию сообщают удачно подобранные эпиграфы. Несомненной удачей следует считать подход к дизайнерскому оформлению обложки – репродукции картины художника-сюрреалиста Р. Магритта.

О.В. Якунина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБРАМОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА – аспирантка кафедры журналистики и связей с общественностью Белгородского государственного университета, заведующая сектором НТБ Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова.
E-mail: torch-e@mail.ru

АКСЁНОВА ВИОЛЕТТА ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка кафедры русской литературы XX века Астраханского государственного университета.
E-mail: aksenova-violetta@yandex.ru

АРТАЕВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры калмыцкого языка и монголистики Калмыцкого государственного университета.
E-mail: ArtaevSN@yandex.ru

АХУНЖАНОВА ИННА НИКОЛАЕВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и финансов Астраханского государственного университета.
E-mail: inna_akhunzanova@mail.ru

БАРАХОЕВА НИНА МУСТАФАЕВНА – доцент кафедры ингушской филологии Ингушского государственного университета.
E-mail: b1arahoi@rambler.ru

БЕЛОЛИПСКАЯ ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой теории и истории журналистики, заведующая отделением журналистики Астраханского государственного университета.
E-mail: gbelolipskaya@yandex.ru; gbelolipskaya@rambler.ru

БИЧАРОВА МАРИЯ МИХАЙЛОВНА – аспирантка кафедры английской филологии и СТО, заместитель начальника научного отдела Астраханского государственного университета.
E-mail: logos@aspu.ru

БРЕЕВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Казань).
E-mail: tbreeva@mail.ru

ГОЛОВАНЁВА МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры современного русского языка Астраханского государственного университета.
E-mail: yarrow@inbox.ru

ГОРЛОВА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА – аспирантка кафедры общего языкознания, ведущий специалист Центра русской словесности Астраханского государственного университета.
E-mail: alexgalin@mail.ru

ГУСЕВ ВЛАДИМИР МАТВЕЕВИЧ – член Союза журналистов России, член Российского общества историков-архивистов, отличник здравоохранения РФ, отличник Всероссийского общества глухих.
E-mail: vmgusev@mail.ru

ДЕГТЕРЁВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Астраханского государственного университета.
E-mail: gis_00@mail.ru

ДУБРОВСКАЯ ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА – кандидат филологических наук, соискатель кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, доцент кафедры филологии Пензенского филиала Академии Международного независимого эколого-политологического университета.
E-mail: dubrovskaya@sura.ru; gynergy74@gmail.ru

ЖАТКИН ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии, академик Международной академии наук педагогического образования, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России.
E-mail: ivb40@yandex.ru

ЖОЛДАСОВА НАДИЯ ИБРАГИМОВНА – магистр филологического образования, аспирантка кафедры общего языкознания, редактор Инновационного центра информационных технологий в образовании Астраханского государственного университета.
E-mail: nadiyaikhsanova@yandex.ru

ИБРАГИМОВ ГАСАН ГАСАНОВИЧ – кандидат педагогических наук, профессор, докторант Астраханского государственного университета, композитор-этнограф Российской академии образования.
E-mail: gis_00@mail.ru

ИЛЬЯЗОВА ЕЛЕНА ИГОРЕВНА – преподаватель кафедры перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии.
E-mail: sva00@yandex.ru

ИСАЕВ ГЕННАДИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы Астраханского государственного университета.
E-mail: kafruslit@mail.ru

КИЧИКОВА НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА – ассистент кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета (г. Элиста).
E-mail: esperes@list.ru

КОРЛЯКОВА АЛЛА ФИРСОВНА – соискатель кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.
E-mail: southstar@inbox.ru

КОРЧАГИНА НАТАЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат экономических наук, заведующая кафедрой мировой экономики Астраханского государственного университета.
E-mail: lumlight@gmail.com; lumlight@mail.ru

КОЧЕНКОВА ЮЛИЯ ЕВГЕНЬЕВНА – преподаватель кафедры русского языка и теории словесности Московского государственного лингвистического университета.
E-mail: rindra@yandex.ru

КУЗНЕЦОВА ЕЛЕНА ВЕНИАМИНОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романской филологии Астраханского государственного университета.
E-mail: lena_kouznetsova@mail.ru

КУНУСОВА АЛИНА НАГИЕВНА – аспирантка кафедры русской литературы Астраханского государственного университета.
E-mail: alinakunusova@yandex.ru

МАДЖАЕВА САНЬЯ ИБРАГИМОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Астраханской государственной медицинской академии.
E-mail: sanya-madzhaeva@yandex.ru

МАРДЫНСКИЙ ИВАН ПАВЛОВИЧ – аспирант кафедры истории журналистики и коммуникативистики Кубанского государственного университета, и. о. заведующего отделением журналистики филологического факультета Астраханского государственного университета.
E-mail: mardinskiy@yandex.ru; mardinskiy@mail.ru

МЕЛЬНИКОВА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирантка кафедры общего языкознания Астраханского государственного университета.
E-mail: di_mel@mail.ru

НОЗИМОВ АБДУЛХАМИД АБДУАЛИМОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент, начальник Управления высшего профессионального и послевузовского образования Министерства образования Республики Таджикистан, ведущий научный сотрудник Института языка и литературы им. А. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан.
E-mail: a_nozimov@mail.ru

ОСИПОВ ДАНИИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ – аспирант кафедры английской филологии и СТО, ассистент кафедры английского языка для экономических специальностей Астраханского государственного университета.
E-mail: daniio@yandex.ru

ПЕТРОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ – старший преподаватель кафедры юриспруденции Астраханского государственного университета, соискатель кафедры уголовного права и процесса Российского университета дружбы народов, прокурор Ленинского района г. Астрахани, младший советник юстиции.
E-mail: znamsud@znam.astranet.ru

ПИТЕЛИНА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА – ассистент кафедры английского языка и технического перевода Естественного института и Физико-математического института Астраханского государственного университета.
E-mail: petelka-m@mail.ru

ПОЛОНСКИЙ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и связей с общественностью Белгородского государственного университета.
E-mail: andrey.polonskiy@gmail.com

ПРИОРОВА ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Астраханского государственного университета.
E-mail: irinapriorova@yandex.ru

РИСИНЗОН СВЕТЛАНА АЛЬФРЕДОВНА – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры культурологии Саратовского государственного технического университета.

E-mail: rissin@yandex.ru

СПЕСИВЦЕВА ЛЮБОВЬ ВАЛЕНТИНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века Астраханского государственного университета.

E-mail: krilovalubov@bk.ru

СУЛТЫГОВА МАРИФА МАГОМЕТОВНА – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева.

E-mail: gis_00@mail.ru

ТАИРОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирантка отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы им. А.М. Горького (г. Москва).

E-mail: tetavr-in@mail.ru

ТИБИЛОВА МАРИНА ИРАКЛИЕВНА – аспирантка кафедры русского языка Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова.

E-mail: tibilova_marina@mail.ru

ХАБИБУЛЛИНА ЛИЛИЯ ФУАТОВНА – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской, зарубежной литературы и методики преподавания Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Казань).

E-mail: fuatovna@list.ru

ХРАМОВА ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – ассистент кафедры английского языка для экономических специальностей Астраханского государственного университета.

E-mail: jberkutova@yandex.ru

ЧЕЕРЧИЕВ МУГУМА ЧЕЕРЧИЕВИЧ – кандидат филологических наук, профессор кафедры общего языкознания филологического факультета Дагестанского государственного педагогического университета, заместитель декана по учебной работе.

E-mail: gis_00@mail.ru

ЭБЗЕЕВА ФАТИМАТ ПАХАРАТОВНА – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Карачаево-Черкесского ордена «Знака Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР.

E-mail: k_muka@mail.ru

ЯКУНИНА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка кафедры русской литературы Астраханского государственного университета, и. о. главного редактора Издательского дома «Астраханский университет».

E-mail: kentavr.76@mail.ru

Правила для авторов

Журнал включен в перечень изданий, утвержденных ВАК для публикации основных результатов диссертационных исследований по филологическим специальностям.

Редколлегия журнала фундаментальных и прикладных исследований «Гуманитарные исследования» принимает к рассмотрению статьи по широкому спектру проблем гуманитарного знания. Ведущие направления публикаций отражены в следующих рубриках: «Человек. Общество. Государство», «Проблемы художественного слова», «Язык. Коммуникации», «Взгляд в прошлое», «Мировая и региональная экономика», «Грани духовного мира», «Астраханский край: прошлое, настоящее, будущее», «Воспитание. Образование. Школа», «Юридическая практика. Теория права», «Научная жизнь АГУ» и т.д. На страницах журнала представлены разработки филологов, юристов, экономистов, психологов, педагогов и всех, чьи исследования имеют гуманитарное направление.

Требования к публикуемым материалам: актуальность, высокий научный уровень, хороший стиль изложения. Статьи должны быть интересны достаточно широкому кругу читателей. Возможна публикация на английском языке. В журнале печатаются ранее не публиковавшиеся материалы.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Объем публикаций – не более 0,5 п.л.

Оформление статьи. Заглавие статьи необходимо предоставить на русском и английском языках. К статье необходимо приложить аннотацию на русском и английском языках, ключевые слова на русском и английском языках, сведения об авторе с указанием фамилии, имени и отчества (полностью), научных званий, должностей, места работы (обязательно указывается кафедра), электронного адреса.

Справочный аппарат. В статьях используется система текстовых сносок в квадратных скобках с указанием номера источника в библиографическом списке и через запятую – страницы, например: [1, с. 10]. Страницы указываются обязательно. Библиографический список располагается в алфавитном порядке. Образец оформления: Иванов, И. И. Проблемы художественного слова / И. И. Иванов. – М. : Парус, 1990. – 456 с.; Петрова, Г. В. Романтическая модель мира / Г. В. Петрова // Вопросы литературы. – 1997. – № 5. – С. 16–25.

На электронный адрес редакции просим направлять:

- электронный вариант статьи;
- внешнюю рецензию на статью (отсканированную);
- заглавие статьи на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках;
- ключевые слова на русском и английском языках.

Научный редактор журнала – доктор филологических наук, профессор *Геннадий Григорьевич Исаев*.

Ответственный секретарь – и.о. начальника редакционного отдела Издательского дома «Астраханский университет» *Юлия Александровна Повх*.

На основании приказа ректора АГУ № 08-01-02/2004 от 11.09.2007 г., за размещение статей в журнале «Гуманитарные исследования» установлена цена в размере **300 рублей за 1 страницу. Плата за публикацию статей аспирантов не взимается.** Редакционная коллегия журнала рекомендует авторам оформить годовую подписку на настоящий журнал. Подписной индекс журнала – **11109**. Копию квитанции об оплате и о подписке отправлять электронной почтой по адресу: **gis_00@mail.ru** для Повх Юлии Александровны.

Для авторов, являющихся сотрудниками и аспирантами Астраханского государственного университета, публикация бесплатна.

Реквизиты для оплаты публикаций:

Юридический адрес: г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а

Фактический адрес: г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а

Расчетный счет № 40503810900001000158

Наименование банка: ГРКЦ ГУ Банк России по Астраханской области, г. Астрахань

БИК 041203001

ИНН/КПП 3016009269/301601001

Л/с 06073497480

ОКПО 02079218

ОКАТО 12401372000

ОКОНХ 92110

Телефон/факс: 8 (8512) 48-53-46 (директор).

Телефон: 8 (8512) 48-53-44 (гл. редактор).

Телефон: 8 (8512) 48-53-47 (отдел маркетинга).

Телефон: 8 (8512) 48-53-45 (магазин).

**По всем возникающим вопросам авторы могут связаться
с ответственным секретарем журнала Повх Юлией Александровной
по тел.: (8512) 48-53-44 и e-mail: gis_00@mail.ru**

Порядок рецензирования рукописей

Автор представляет в редакцию рукопись, оформленную в соответствии с «Правилами для авторов».

Представленная автором рукопись направляется по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемых в рукописи вопросов на рецензию членам редколлегии соответствующей области научного издания, курирующим данную тематику, или экспертам – ученым и специалистам в данной области (докторам, кандидатам наук).

Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии рукописей для своих нужд.

Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензия носит закрытый характер и предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи.

Рецензия может быть предоставлена по соответственному запросу экспертных советов в ВАК РФ.

В случае положительной рецензии и рекомендации рецензентом материала к публикации рукопись и текст рецензии рассматриваются на заседании редколлегии. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Решение о целесообразности публикации принимается редколлегией и фиксируется в протоколе заседания.

Если рецензент указывает на необходимость доработки материала, рукопись возвращается автору. В таком случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Разъяснение нуждающихся в улучшении аспектов производится редакторами журнала на основании полученной рецензии.

Редколлегия информирует автора о принятом решении. Автору не принятой к публикации рукописи редколлегия направляет мотивированный отказ.

Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии в течение трех лет.

Не рецензируются:

- ✓ рецензии на научную литературу, опубликованные в разделе «Рецензии»;
- ✓ тексты выступлений на круглых столах;
- ✓ материалы, публикующиеся в разделе «Хроника».

**Подписка на наши издания осуществляется
по Объединенному каталогу «Пресса России»**

Журнал фундаментальных и прикладных исследований
«Естественные науки»
Подписной индекс – 11172

Журнал публикует теоретические, обзорные (проблемного характера), а также экспериментально-исследовательские статьи по всему спектру естественнонаучных проблем химии, физики, математики, биологии, науки о Земле, истории естествознания, краткие сообщения и информацию о новых методах экспериментальных исследований, а также работы, освещающие современные технологии преподавания естественных наук.

Журнал публикует информацию о научных публикациях издательства университета по естественнонаучным проблемам, о предстоящих и о прошедших научных конференциях, симпозиумах, съездах.

Периодичность издания – 4 раза в год.
Ориентировочная стоимость одного номера – 100 р.
Телефон: (8512) 48-53-47. E-mail: asupress@yandex.ru

Журнал фундаментальных и прикладных исследований
«Гуманитарные исследования»
Подписной индекс – 11171

В журнале публикуются статьи по широкому спектру проблем гуманитарного знания. Ведущие направления публикаций отражены в следующих рубриках: «Человек. Общество. Государство», «Проблемы художественного слова», «Язык. Коммуникации», «Взгляд в прошлое», «Мировая и региональная экономика», «Грани духовного мира», «Астраханский край: прошлое, настоящее, будущее», «Воспитание. Образование. Школа», «Из юридической практики», «Научная жизнь АГУ» и т.д. На страницах журнала представлены разработки филологов, юристов, экономистов, психологов, педагогов и всех, чьи исследования имеют гуманитарное направление.

Периодичность издания – 4 раза в год.
Ориентировочная стоимость одного номера – 100 р.
Телефон: (8512) 48-53-47. E-mail: asupress@yandex.ru

Научно-технический журнал **«Геология, география и глобальная энергия»**
Подписной индекс – 11173

Редколлегия журнала принимает к рассмотрению статьи по проблемам геологии, нефтегазности различных регионов, охватывающие важнейшие и крайне полезные для науки и производства, а также для обучения студентов естественного направления.

Периодичность издания – 4 раза в год.
Ориентировочная стоимость одного номера – 100 р.
Телефон: (8512) 48-53-47. E-mail: asupress@yandex.ru

Научный журнал **«Каспийский регион: политика, экономика, культура»**
Подписной индекс – 11170

Профиль журнала – анализ проблем настоящего, прошлого и будущего Каспийского региона в их взаимосвязи с современным развитием мира.

Издание имеет многоплановый, междисциплинарный характер, знакомит читателя с исследованиями и дискуссиями во всех областях социальных и гуманитарных знаний по проблемам Каспийского региона. С этой целью используются различные формы публикаций: статьи, научные доклады, «круглые столы», интервью, отклики и комментарии, обзоры, рефераты, рецензии, сообщения.

Периодичность издания – 4 раза в год.
Ориентировочная стоимость одного номера – 100 р.
Телефон: (8512) 48-53-47. E-mail: asupress@yandex.ru

Предлагаем всем желающим разместить в наших изданиях рекламу.

Адрес Издательского дома «Астраханский университет»:
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20; тел. (8512) 48-53-47 (отдел маркетинга),
48-53-45 (магазин), 48-53-44; тел./факс (8512) 48-53-46,
e-mail: asupress@yandex.ru

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2010
№ 1 (33)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № 77-14910 от 20.03.2003 г.

Редактор *Ю.А. Повх*
Компьютерная правка, верстка *Н.П. Туркиной*

Уч.-изд. л. 15,7. Усл. печ. л. 22,0.
Заказ № 2157. Тираж 300 экз. (первый завод – 75 экз.)

Издательский дом «Астраханский университет»
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20
Тел. (8512) 48-53-47 (отдел маркетинга), 48-53-45 (магазин),
48-53-44, тел./факс (8512) 48-53-46
E-mail: asupress@yandex.ru